К. АРЕНСКИЙ

ПИСЬМА В ХОЛЛИВУД

1968

К. АРЕНСКИЙ

ПИСЬМА В ХОЛЛИВУД

По материалам архива С. Л. Бертенсона

1968

Publisher: K. Arensburger, Monterey, Calif.
Printed in Germany by Fremdsprachendruckerei
Dr. Peter Belej, München 13

Сергею Львовичу
Бертенсону
Сколько пудов соли съедено вместе!
Вот столько же дружеских чувств
накопилось, — не уместишь их в слова!
Вл. Немир.-Данч.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателя книга составлена на основании материалов обширного архива С. Л. Бертенсона.

Сергей Львович Бертенсон робился в 1885 году. Его мать, известная в свое время оперная артистка, О. А. Скальковская, после замужества, прервала блестящую сценическую карьеру и в своем доме создала своего рода салон, в котором встречались лучшие представители русского и иностранного искусства. Таким образом уже с ранних лет С. Л. впитывал в себя любовь к музыке, литературе и театру. Большое влияние на развитие художественного вкуса Бертенсона, оказал его дядя К. А. Скальковский, большой знаток искусства и крупнейший балетный критик.

По окончании историко-филологического факультета Санкт-Петербургского Университета, Сергей Львович поступил на службу в Министерство Императорского Двора, в Кабинет Его Величества, в отдел, ведающий материальным и хозяйственным наблюдением за Императорскими театрами, дворцами и музеями. При Временном правительстве он заведывал постановочной частью Государственных Петроградских театров, а затем, в 1918 году, по приглашению К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, перешел в Художественный Театр, где заведывал труппой и репертуаром, а так же был заместителем директора Музыкальной студии этого театра.

В начале 1928 года, возвратясь в Москву, после долгого пребывания за границей, куда он выехал в 1925 году с Музыкальной студией, а по окончании гастролей остался с В. И. Немировичем-Данченко в Холливуде, С. Л. Бертенсон увидел, как сильно изменился Художественный театр, как разрушались старые традиции и служение чистому искусству превращалось в служение коммунистической партии. Прямой по натуре, С. Л. не скрывал своих мыслей, не подыгрывался к партийным вершителям судеб Театра, и это, конечно, не способствовало тому, чтобы с новыми хозяевами у него наладились добрые отношения. Ему не давали возможности проявлять деятельность в Театре в той мере, как это было прежде. Рамки его работы все суживались. Меры «перевоспитания» были доведены до того, что в течение полугода он не мог получить ордер на комнату и принужден был ютиться за ширмой в столовой у О. Л. Книппер-Чеховой.

Жить в обстановке «ущемленного самолюбия, тоски, безнадежности и даже самого настоящего страха», как отмечает в своем дневнике Сергей Львович, видеть постепенное увядание Театра, постоянное вмешательство тупого партийного начальства в дела искусства—все это было невыносимо тяжело. При содействии В. И. Немировича-Данченко Бертенсон получил разрешение выехать за границу в отпуск. Этот длительный «отпуск» в дальнейшем перешел в «невозвращенство».

Отправляя Бертенсона в США, Немирович-Данченко, помимо дружеской услуги, имел и свои личные цели: видя царящую вокруг разруху и прекрасно понимая, что в дальнейшем положение еще более ухудшится, он хотел иметь за границей «своего человека», который выяснил бы возможности переселения в США и его самого. К мысли покинуть Сов. Союз Владимир Иванович возвращался все чаще и чаще, но, естественно, он хотел быть уверен в том, что за границей сможет развернуть свою деятельность в области театра и кино и будет иметь какую то материальную обеспеченность. К сожалению, несмотря на все старания, такой возможности не оказалось, возвращаться же в Холливуд на полное бездействие, Владимир Иванович, при его кипучей энергии, не хотел, памятуя горький опыт своего недавнего там пребывания.[1])

Волновало Владимира Ивановича предположение того, что К. С. Станиславский решит однажды не возвращаться в Москву из своего обычного заграничного отпуска. Да и состояние здоровья Станиславского не позволяло ему вполне отдаться делам Театра и таким образом, если бы Художественный театр лишился обоих авторитетных руководителей, конец его был бы неизбежен.

Со своей стороны, советское правительство прекрасно понимало значение театра, его пропагандные возможности и потому всячески заигрывало со Станиславским и Немировичем-Данченко, стараясь расположить их в свою пользу.

Все эти обстоятельства привели Владимира Ивановича к решению посвятить свои последние силы героическим усилиям спасти Художественный театр от полного разрушения и подготовить новых, молодых, искренне преданных искусству людей, которые продолжали бы его дело.

Возвратясь в Холливуд, С. Л. Бертенсон начал работать в кинофирмах и не терял связи с Художественным театром, вернее со старыми своими театральными друзьями, с которыми вел оживленную переписку.

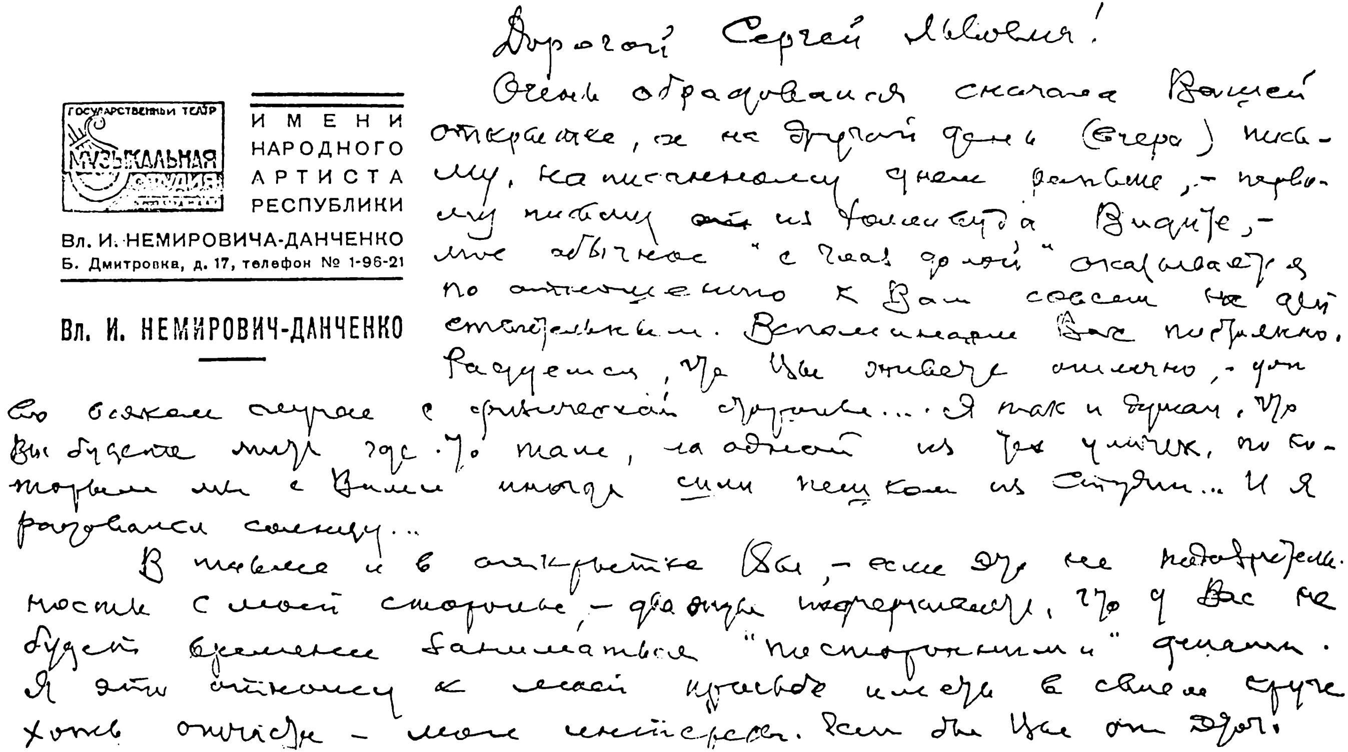
[1]) Этот интересный период жизни В. И. Немировича-Данченко в США описан в книге С. Бертенсона: «В Холливуде с В. И. Немировичем-Данченко.»

Эта переписка представляет большой интерес как для общей картины театральной жизни того времени, так и для биографического материала выдающихся деятелей искусства. Освещает она и некоторые бытовые стороны советской жизни. И, наконец, что очень важно, думается в значительной степени исправить официальную биографию В. И. Немировича-Данченко, пропагандируемую советскими биографами.

Материалы эти публикуются впервые, и лишь отдельные выдержки из них С. Л. Бертенсон использовал в своих многочисленных журнальных и газетных статьях. Включены в книгу так же некоторые записи из дневника С. Л. Бертенсона, имеющие общий интерес, оттеняющие диаметрально противоположные стороны жизни в Советском Союзе и вне его пределов и помогающие расшифровывать «эзопов язык» и некоторую «страховку» на случай перлюстрации соответствующими органами.

Книга доведена до дня смерти В. И. Немировича-Данченко, когда порвалась основная нить связи С. Л. Бертенсона с Художественным театром.

К. Аренский

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕАТР МУЗЫКАЛЬНАЯ СТУДИЯ

ИМЕНИ НАРОДНОГО АРТИСТА РЕСПУБЛИКИ

Вл. И. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Б. Дмитровка, д. 17, телефон № 1-96-21

Вл. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Дорогой Сергей Львович!

Очень обрадовался сначала Вашей открытке, а на другой день (вчера) письму, написанному днем раньше, — первому письму из Голливуда. Видите, — мое обычное «с глаз долой» оказывается по отношению к Вам совсем не действительным. Вспоминаю Вас постоянно.

Радуюсь, что Вы живете отлично, — хоть во всяком случае с финансовой стороны... Я так и думал, что Вы будете жить где-то там, на одной из тех улочек, по которым мы с Вами иногда ходили пешком из Студии... И я радовался солнцу...

В письме и в открытке Вы, — если это не недоверчивость с моей стороны, — даете понять, что у Вас не будет времени заниматься «посторонними» делами. Я это отношу к моей просьбе иметь в своем круге хоть отчасти — мои интересы. Если бы Вас это...

Начало оргинала письма Вл. И. Немировича-Данченко к С. Л. Бертенсону

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

30 июня 1928 г. К половине первого приехал на пристань на Васильевский остров против Морского корпуса. Примерно в половине второго настала моя очередь идти проверять документы и багаж. Прошел еще примерно час, пока нас пустили на пароход, и ровно в половине четвертого мы отошли от ленинградской гавани. Отошли при сверкающем солнце, но, как только вошли в морской канал, все посерело, и к Кронштадту мы идем по серому морю, при сером, хмуром небе, так что очертания берегов сливаются с водою. Стали попадаться военные корабли, среди них знаменитая «Аврора», около которой мы прошли совсем близко. Выйдя из Кронштадта около стоящего судна «Выпускной», мы замедлили ход, спустили лоцмана и вышли из советских вод.

По мере отдаления от России, пассажиры стали ближе подходить друг к другу, знакомиться и разговаривать...

Ночь провел довольно плохо, должно быть, под впечатлением всего того нервного напряжения, в котором жил последнее время. Вспоминались мучительные часы ущемления самолюбия, тоски, безнадежности и даже самого настоящего страха в Москве. Неужели все это кончилось, и я могу опять зажить жизнью нормального человека?

3 июля 1928. В 6 часов утра нас спустили на берег в Штеттине. Я сел в поезд и без двадцати десять был уже в Берлине.

11 июля 1928. Берлин. Половина вчерашнего дня ушла на встречи Владимира Ивановича[1]). Так как не было точно известно, с каким поездом он приедет из Штеттина, то пришлось несколько раз ездить на вокзал. И кончилось тем, что он приехал именно тогда, когда меня на вокзале не было. Об его приезде я узнал уже вечером по телефону от него самого.

Был у Туржанских[2]). Он здесь уже несколько месяцев и сейчас снимает картину «Стенька Разин».

12 июля 1928. Вчера был в «Дейтшес Театер» на последней новинке Рейнгардта «Артисты», которая идет второй месяц ежедневно при переполненных сборах. Пьеса эта американская и в оригинале называется «Бурлеск». Для немецкой сцены Рейнгардт переработал оригинал, с помощью Осипа Дымова, в пьесу более литературную по форме, нежели она написана авторами. Переделка значительно украсила оригинал, но все же осталась дешевой, лишенной глубины, оригинальности и какой бы то ни было идеологии. И тем не менее спектакль является громадным достижением. Он весь насыщен самой тонкой культурой режиссера, который доводит благороднейшую простоту до самого высокого мастерства. Каждый из актеров — тип. Как будто человека выпустили на сцену без грима и сказали: «твори». И он

---

[1]) В. И. Немирович-Данченко.

[2]) Известный русский кинорежиссер.

не играет, а живет. При этом учтена каждая мелочь для усиления впечатления. Но сделано это не при помощи внешних эффектов и «штучек», вроде нашего излюбленного обыгрывания предметов, а через глубину переживаний. Все номера дивертисмента, вкрапленные в пьесу, сделаны так, что они логично входят в действие и нужны ему. При этом номера сами по себе великолепны и интересны.

13 июля 1928. Владимир Иванович привез разные вести о Большом театре и соблазнял меня работой там с ним. Но я ясно вижу, что у него самого там все неопределенно, туманно, все больше в области разговоров, и интересоваться этим серьезно нельзя. Я уже устал от всяких разговоров, обещаний и ожиданий и кляну себя за то, что сделал непростительную глупость и не остался в Холливуде по предложению Скэнка[1]).

14-15 июля 1928. Владимир Иванович признался мне, что если его Студии не дадут обещанных денег, то он немедленно будет телеграфировать Толбергу[2]) о своем желании вернуться в Холливуд. Хотя Холливуд и страшит его скукой, но и МХАТ не привлекает. Работать по-настоящему ему хочется только в Студии, а если там не будет денег, то, все равно, ничего сделать будет нельзя.

Два вечера подряд мы провели вместе. Один в грандиозном ресторане Кролля в саду новой оперы возле Тиргартена, второй в прекрасном ресторане Луна-Парка. Уютная, спокойная обстановка, прекрасное обслуживание, старомодная музыка — все это создавало впечатление того, что живешь лет тридцать назад, вдали от всяких социальных и политических бурь. Владимир Иванович правильно заметил, что большевики заставили нас возненавидеть все «сверхчеловеческое» и «гениальное» и затосковать по «мелкобуржузному мещанству». Мы так истосковались по покою и жизненным удобствам, что хочется все послать к чорту и только мечтать о физических удобствах жизни.

Был в Ваннзее в очень элегантном ресторане, где познакомился с Ермольевым, известным русским кинематографистом. Я никогда с ним раньше не встречался, и он произвел на меня самое прекрасное впечатление своей культурностью, скромностью и простотой. В настоящее время он работает в «Уфе» и, кажется, удачно.

16 июля 1928. Вчера уехали в Карлсбад Немировичи.

21 июля 1928. Позавчера получил письмо от Скэнка из Парижа, в котором он меня уведомляет, что приедет в Берлин через две недели и будет рад со мной встретиться. Сегодня я впервые попал на киносъемку в Германии, да и вообще в Европе. Возил меня Туржанский в ателье в Штакене, возле Шпандау. Это грандиозное сооружение бывших ангаров цеппелинов, которое

---

[1]) Джозеф Скэнк — глава кинофирмы «Юнайтед Артистс».
[2]) Ирвинг Толберг — продюсер фирмы «Метро Голдвин Мейер».

сдается в аренду разным фирмам, не имеющим собственных помещений. Там в данное время работают четыре организации, в том числе и Фебус-Остермайер, которая ставит картину «Волга-Волга», иначе говоря — Стенька Разин. И сценарий, и постановка Туржанского. Декорации, костюмы и бутафория сделаны талантливым русским художником Андреевым, работавшим в свое время в МХТ. Все выдержано в русском стиле, но без противного штампа слащавости. Туржанский ведет съемку хорошо, спокойно, уверенно, без излишней потери времени, и пользуется авторитетом у актеров. Главный герой, играющий Разина, известный немецкий актер Шлэтов, говорил мне, что все они очень довольны Туржанским. Сам Шлэтов производит очень приятное впечатление, обладает обаянием, простотой, но по своей индивидуальности ни с какой стороны не подходит к образу Разина, т. к. чересчур мягок и, я бы сказал, интеллигентен. Администрацией ведает Ермольев. У него во всем виден большой порядок, нет лишних людей, нет суеты и того «базара», который так характерен для Холливуда.

23 июля 1928. Приехала из Лондона Оля Чехова, привезла мне привет от Геста и очень приятные новости, касающиеся моей работы в Холливуде.

31 июля 1928. Сегодня утром приехал Скэнк. Я встретил его на вокзале и думал этим пока ограничиться. Но он повез меня к себе в отель и тут же предложил мне ехать с ним в Холливуд в качестве его секретаря. Конечно, я предложение принял. Скэнк сказал, что 10-го он едет в Зальцбург к Рейнгардту, кстати передал мне приглашение Рейнгардта посетить его замок, из Зальцбурга мы едем в Париж и между 15 и 24 августа выезжаем в Нью-Йорк. Вместе со Скэнком приехали вице-президент «Юнайтед Артистс», мистер Келли, и Смит, главный представитель, проживающий в Париже. Они все трое едут в Москву, по приглашению Госкино. За ними на границу будет выслан отдельный, специальный вагон. Цель поездки — посмотреть, какова обстановка в России для кинематографического производства и сбыта.

3 августа 1928. Сегодня весь день провел у Скэнка уже в качестве его секретаря. Кругом настоящий сумасшедший дом: беспрерывные телефонные звонки, посетители, телеграммы, деловые совещания. Денег тут выбрасывается столько, что мутится в глазах. При мне принесли из банка целые кипы английских фунтов. Они рассовывались по карманам в таком количестве, что не помещались. Скэнк уехал сегодня в Москву в роскошнейшем салон-вагоне.

Толчея сегодняшнего дня меня достаточно утомила, и я с удовольствием провел вечер с Туржанскими.

7 августа 1928. Последние дни почти целиком ушли на добывание виз — австрийской, французской, проездной германской, без которой нельзя проехать из Зальцбурга в Париж. С аме-

риканской визой оказалось не так просто. Оказывается, для русских существует особое правило: надо запрашивать американского консула в Риге, у которого ведутся проскрипционные списки тех, кто в Америку не допускается, и, пока из Риги не придет соответствующее разрешение, виза не выдается. Тем не менее, все это удалось преодолеть, и я визу получил.

8 августа 1928. Сегодня приехал из Карлсбада Владимир Иванович[1]). Я встретил его на вокзале и провел с ним и Екатериной Николаевной[2]) почти три часа. Это было наше последнее свидание перед отъездом: завтра я уезжаю в Зальцбург, а он в Женеву. Меня щемило чувство грусти. Он просил меня следить за его делами в Америке. Передал ему вчера написанное письмо, которое он покажет, кому следует, в Москве.

С. Л. БЕРТЕНСОН — В. И. НЕМИРОВИЧУ-ДАНЧЕНКО

Берлин, 7 августа 1928. Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович!

Пробыв в МХАТ около девяти лет и с первых дней моего туда поступления неизменно занимая только ответственные и большие должности, которые требовали от меня, как в Москве, так и за границей, трудной, энергичной и продуктивной работы, я, силою обстоятельств, оказался как и Вы, оторванным от Театра, который привык считать своим вторым домом.

Затем, когда Вы решили вернуться в МХАТ, я, хотя и имел очень выгодное для себя предложение в Америке, нисколько не задумываясь, отказался от него и последовал за Вами в Москву. У меня не было в виду никакого места при МХАТ-е, но все же я надеялся, что прежняя моя работа, стаж, знания, опыт и безграничная преданность делу дадут мне возможность найти в МХАТ-е работу, в которой я мог бы быть максимально использован на пользу Театру, и которая в то же время хоть сколько-нибудь обеспечила бы меня материально.

Между тем, несмотря на все мои усилия и старания, ни того ни другого не случилось. Высшая администрация Театра встретила меня враждебно, как лицо МХАТ-у чуждое и ненужное, и никакой другой работы, кроме обязанностей личного Вашего секретаря — дело, с которым отлично могут справиться люди, не обладающие ни моим двадцатилетним театральным стажем, ни знаниями — для меня не нашлось. Материально же я оказался в совершенно катастрофическом положении.

Не имея в виду никакого улучшения моей судьбы в МХАТ-е и ощущая полную свою в нем ненужность, я, к величайшему моему огорчению, вынужден просить Вас освободить меня от обязанностей Вашего секретаря по МХАТ-у и ходатайствовать о разрешении уехать в Америку, в Холливуд, для работы в кино.

---

[1]) В. И. Немирович-Данченко.

[2]) Екатерина Николаевна Немирович-Данченко, жена Владимира Ивановича.

Мой заграничный паспорт, визированный СССР для Европы и САСШ, пока действителен по 19 апреля 1929 г., и потому пребывание мое за границей будет совершенно законным.

Принося Вам мою глубочайшую признательность за неизменное Ваше доверие ко мне в работе и за теплую дружбу в личных отношениях, я прошу Вас верить, что память о годах, проведенных мною в МХАТ-е под Вашим мудрым и талантливым руководительством, будет всегда самой радостной и счастливой в моей жизни.

Ваш С. Бертенсон.

Очень прошу Вас поставить в известность об этом письме Константина Сергеевича[1]) и новое управление МХАТ-а.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

9 августа 1928. Утром встречал на вокзале Скэнка, вернувшегося из Москвы. Он приехал веселый. Рассказывал, что Москва поразила его своей бедностью и печалью: «Люди там не улыбаются». Еще бы!

В 9.30 вечера мы выехали в Зальцбург, и я распростился с Берлином, так ласково приютившим меня на пять недель в милом доме Оли Чеховой.

Париж, 12 августа 1928. Около 2-х часов дня приехали в Париж. Я все еще под впечатлением прекрасно проведенного времени у Рейнгардта. Самый замок, исключительно интересный и расположенный в прекрасной местности, радушие и любезность хозяина, интересные беседы с Лилиан Гиш, с которой я встретился там, и, наконец, Зальцбург, куда я все же успел съездить — все это произвело самое хорошее впечатление, и оставалось лишь пожалеть, что пребывание в этом уголке искусства, овеянном памятью Моцарта, было таким коротким.

Холливуд, 1 сентября 1928. 15 августа выехали из Парижа на Шербург. Погрузились на пароход «Мажестик» и 21-го утром высадились в Нью-Йорке. Виделся с Сейлером и, конечно, с Зилоти, с которым провел много времени. Думал своим появлением сделать сюрприз, но оказалось, что он уже знал о моем приезде в Америку и поджидал меня. Смотрел, имеющий здесь громадный успех, фильм «Патриот». Развесистая клюква в полном цвету. Грустно за Любича, ставившего этот фильм, и Эмиля Яннингса, играющего Павла Первого.

28-го выехали в Калифорнию, и 1-го сентября я был «дома» в Холливуде, где меня уже ожидали письма Владимира Ивановича.

---

[1]) К. С. Станиславский.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Берлин, 27 августа 1928. Дорогой Сергей Львович!

А я ждал от Вас писем и от Рейнгардта, с рассказом о Лилиан Гиш, и из Парижа перед отъездом... На Вашу открытку Екатерине Николаевне[1]), она Вам ответила.

Я возвращаюсь в Москву завтра. Долги Студии платятся кусками, но Вы не беспокойтесь, Ваше не пропадет. Студия уже именуется «Госуд. Музыкальный театр имени нар. арт.» и т. д.

Думаю, что мне без Вас будет трудненько. Особенно с Большим театром. Кого я найду там? ...

Я Вас забросал письмами (кажется, и телеграммами)! Очень прошу Вас купить за мой счет портфель для моих дел. Теперь я Вам посылаю копии всех четырех рассказов. А пятый рассказ Гесту[2]) в двух экземплярах — один для Вас. Прошу Вас эти копии сохранить, пригодятся. Вообще не забывайте, что Вы — мой главный глаз там в моих делах. **Можете за меня решать, как хотите и что хотите** (разумеется не судьбу мою). Имейте меня с моими рассказами всегда «около». Не стесняйтесь, ради Создателя, сто раз переспрашивать Геста. Все деньги я просил его переводить мне в Берлин, **копии с расписок отдавать Вам на хранение.**

Пишите мне в Москву вообще сравнительно без эзоповских подходов. Просто пишите. Что касается моих дел, я не думаю, чтоб надо было скрываться. Даже включительно до возможности новой поездки в Холливуд.

Из всех посылаемых рассказов, на первом месте, по-моему «Мириам» — вышла великолепная, роскошная и драматическая «стори» для трагической артистки-еврейки. Потом отличнейшая комедия «Царь-девица» с прекрасными ролями комедийными ей и ему. Колоритная и сильная «Иван Чакован» — для цыганки и большого добродушного русопета... Хоришковскую историю Вы знаете. Нужно очень энергичную, но очень наивную актрису. Как бывают девочки настойчивые и наивномудрые. Все это не выбрасывайте из головы.

Последняя «стори» — Потапенковская — подделка под американский стиль. Я послал ее скрепя сердце. А вдруг, того гляди, она-то и понравится больше всех! Желаю Вам разнообразной работы и однообразно крупного заработка. Обнимаю Вас. Ек. Ник. шлет Вам крепкие приветы.

Ваш В. Немирович-Данченко.

---

[1]) Екатерина Николаевна — жена В .И. Немировича-Данченко.

[2]) Семеон Гест, агент Владимира Ивановича, по делам его сценариев.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

7 сентября 1928. Здесь много говорят о «Витафоне» — системе звукового кино с записью на грамофонную пластинку. Некоторые фирмы уже начали пользоваться витафонами при съемках новых фильмов.

Интересно мнение Чарли Чаплина, напечатанное в журнале, по поводу говорящих фильмов:

«В успешность звуков в картинах я верю. Но в разговоры — нет. Искусство пантомимы совершенно. Оно не нуждается в словах. Фильму так же не нужны слова, как симфонии Бетховена. Лучшее искусство — простое. Совершенство лежит на пути простоты. Если мы введем слова в картины, то этим мы усложним то, на упрощение чего нам потребовались годы. Я никогда не стану пользоваться разговорами. Мне кажется, я всегда смогу высказать то, что хочу, при помощи жеста. И во всяком случае я могу больше высказать жестом, нежели словом, потому что зрители сами договорят за меня то, чего я не сказал. Там, где я могу только выглядеть печальным, они договорят всеми теми словами, которые когда бы то ни было были ими сказаны для выражения печали, те слова, которые когда-то делали их печальными, и все печальное, о чем они когда-то читали...»

В «Таймсе» есть статья по поводу столетия со дня рождения Толстого. В ней между прочим говорится, что Толстой — немецкого происхождения, и что фамилия его происходит от «Дикман», что в переводе означает «толстый». Там же говорится, что его перу принадлежат драмы: «Моя вера» и «Что делать?»

13 сентября 1928. Идет страшная лихорадка в смысле повышения интереса к музыкальным и разговорным картинам. Студия «Уорнер», которая первая посвятила себя культивированию «витафона», еще недавно была накануне банкротства, а теперь ее акции поднимаются на бирже все выше и выше.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

14 сентября 1928. Ан вот и не угадали! Что не буду писать писем... Думали ли Вы, дорогой Сергей Львович, что на одной из первых бесед новой постановки, когда вскрываются образы пьесы, в МХАТ-е будут много говорить о Вас? Это было на беседе о «Беге»[1]). Характеристика молодого героя, из петербургских приват-доцентов. Идеалист. Способный к величайшей преданности и рыцарству. Я привел Вас. Чрезвычайно поддержала мой «ассистент» Нина Николаевна[2]). И долго-долго перебирали все черты такого типа...

Вот! Играет Прудкин. Дублер Яншин.

---

[1]) «Бег» пьеса М. А. Булгакова.
[2]) Нина Николаевна Литовцева.

Я получил Ваши письма: от 18 сент., а на другой день от 12 сент.[1])

Журнальчики будут Вам высылаться. Несколько штук я вот только что свернул в трубку, охватил резинкой — завтра отдам Михальскому... А потом поручу Бокшанской. Она очень старается заменить Вас... И устроилась на Ваше место в аванложе, но проводит туда и телефон от меня. Книппер тоже чрезвычайно энергичен, даже пожалуй, сверх, это возбуждает опасения, что он быстро перегорит. Он увлечен атмосферой музыкально-сценической работы, мечтает писать и ставить в этом театре. Студия, т. е. «Музыкальный Театр» моего имени, начнет сезон 18-го (Карменситой). «Девушка»[2]) уже на афише на 9-е ноября. Театр получил еще 40 тысяч, полностью просимое: 20 на зарплаты, 10 на постановку и 10 на срочные долги. Страшно задержан и ремонт.

Как и весной, я провожу в Студии очень много времени, несмотря на то, что там жизнь идет в обстановке досок, ведер, стуков, штукатурки, мусора, открытых окон, холода.

Конст. Серг.[3]) еще в Берлине. Завтра-послезавтра вернется. Театр готовится к юбилею[4]).

Мои отношения к Большому театру пока совсем замерли — о чем я, конечно, не тужу. Конечно, у меня не хватило бы времени...

Какая досада, если «Мариам»[5]) застрянет. На редкость драматический, богатый сюжет. Если и в «Метро»[6]) конец покажется, как и Вам, вялым, то я подумаю еще, займусь. Пока, когда думаю, не могу согласиться. Нет! Я думаю, что Вы не прониклись концом, как следует. Он и глубок, и картинен. Я бы Вас просил при случае дать эти мои строки кому следует. Разве можно, чтоб такая «стори» пропала даром?!

Еще словечко о «Царь-девице». Кажется в конце есть пропуск. Ведь Разумовский все-таки остается тайным мужем, и Елизавета слывет девицей. Оттого и «Царь-девица».

Если рассказ будет принят, я дошлю листик.

Очень Вам благодарен, что Вы не относите ко мне Вашу чрезмерную занятость. А я ведь так принял!

«Вайтефоном», по-моему, надо пользоваться очень осторожно. Он может помочь кино, но может и очень повредить, лишив его того великолепного темпа, который в природе кино.

А что же «Иллюзия мира»? Неужели застряла? Хорошо бы мне приехать для руководства двух картин!

Дорогой Сергей Львович! Вот что возьмите на себя. Подарочки к Рождеству. 1. Вам самому. Что Вы купили бы себе,

---

[1]) Владимир Иванович ошибся — письма были от 13-го и 12-го августа.

[2]) «Девушка из предместья» — опера М. де Файя.

[3]) К. С. Станиславский.

[4]) 30-летний юбилей Художественного Театра.

[5]) Сценарий, написанный В. И. Немировичем-Данченко.

[6]) Фирма «Метро-Голдвин-Мейер».

как маленькую роскошь, но воздерживаетесь из экономии. Долларов на 20. 2. Тамарочке тоже, по тому же принципу. 3. Цветы Норме Ширер с запиской «По поручению из Москвы от Данченко». 4. Миссис МакКай календарь (долларов 4—5), мягкий замшевый портсигар (5 долл.), мундштучок... Я Вам писал, просил свидеться с ней. Может быть, это в том письме, которое я послал в Париж, и которое Вы не получили? 5. Миссис Вебб[1]). 6. Гесту?.. Воображаю, с каким чувством Вы это читаете! Как если бы москвича просили из Кинешмы навестить таких-то и таких-то родственников и купить им икры, поросенка, гарусной шерсти и фотографии Шаляпина и Собинова.

Но ведь Вы как-нибудь соберетесь покупать к Рождеству, вот это и кстати. Фербенксу, Мэри[2]) кланяйтесь. Гиш особенно. Очень мисс Ноленде[3]). Попутно Скэнку. Леонидов[4]) уговаривает Константина Сергеевича (в Берлине) на весеннюю поездку по Скандинавии и в Лондон.

Очень рад за Вас, что Вам живется хорошо, очень!

Целую Вас. Привет другим.
В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

15 сентября 1928. Сегодня Консидайн[5]) просил меня просмотреть с ним русскую картину «Царь и поэт» и перевести ему надписи. Я был поражен, до чего хорошо и художественно многое сделано в этой картине. Если не считать тенденциозностей и искажения истории, то это было бы настоящим мастерством. Замечательны снимки на природе, куски Петербурга, Петергофа. Консидайн был в восторге от режиссуры и от многих тонкостей камеры.

16 сентября 1928. Познакомился с Любичем, который только что вернулся из Канады. Он заговорил со мной о своем «Патриоте». Я сказал, что с внешней стороны в картине нет ничего русского, прежде всего, потому, что там нет Петербурга, где происходит действие. Он отвечал, что иностранцам надо показывать Россию только в «стиль рюсс», иначе все для них неубедительно и не типично. Если публике показать обстановку настоящего Петербурга, то она не поверит и скажет, что это не Россия, а Франция. По его мнению, неважно и то, чтобы сценарий был правдив. «Мы не историки и не биографы, а призваны действовать на воображение и чувства публики». Оригинальная точка зрения.

---

[1]) Сотрудницы фирмы «Юнайтед Артистс».
[2]) Пикфорд.
[3]) Сотрудницы фирмы «Юнайтед Артистс».
[4]) Леонид Давыдович Леонидов, импрессарио.
[5]) Заместитель Д. Скэнка.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Воскресенье, 16 сентября 1928. Дорогой Сергей Львович! Сегодня начал свои «Американские воскресенья». Хочу начать их письмом к Вам.

Я получил письма Ваши и с парохода, и из Нью-Йорка, по одному.

Дела Студии очень плохи. Зарплата получена полностью по 1 сент. с 200% Ленинграда, но на дело нет ни копейки. А оперная Станиславского нажимает, как может, на вытеснение Студии из б. Дмитровского помещения. Я же борюсь мало: меня огорчило, что, получив зарплату больше, чем рассчитывали, люди не послушались меня и не отложили на постановку «Девушки». Больше ломать копья я не могу. Из-за кого, в конце концов?!.

Новицкий назначен начальником театрального отдела, но, по-моему, трусит перед напором друзей Станиславского. Директором Студии или, как она теперь называется, «Музыкального театра имени нар. ар.» и т. д., назначен Беляев, быв. у Мейерхольда «без 5 минут мой ученик по Филармонии» — довольно славный.

Удастся им получить денег — дело пойдет. А не удастся — кончится, или перейдет в «будущее».

Мы здоровы и благополучны. На Вашем месте около меня по музык. части Лев Конст. Книппер. Ваше отсутствие я много раз громко чувствовал. Официальный отпуск я Вам пришлю.

Станиславского я еще почти не видел. Он был здесь инкогнито, проездом из Кисловодска за границу. Он попрежнему непримиримо настроен к перевороту в Худ. т. и ездит на верхи жаловаться. Я думаю, что его камарилья ждет момента, чтоб подставить ножку.

Из предполагаемых работ я уже сдал с очень большим успехом «Квадратуру» — яркий и веселый спектакль. Спасибо, что Вы рассказываете подробно о новостях. Ваши журналы я беру себе. «Photoplay» и «Motion Picture» я непременно хочу получать и впредь.

Я Вам послал несколько пакетов в Холливуд — надеюсь, Вы все получили. Там были: копии всех рассказов (пять), кажется, два письма и телеграмма.

Курьез. Я рассматривал «Motion Picture» и наткнулся на Где поселились? И вообще все, что знаете. Понимаю, что писать Вам много трудно, но лучше пишите мне, чем в журнал. Обнимаю Вас. От Ек. Ник. нежный привет.

Ваш В. Немирович-Данченко.

Курьез. Я рассматривал Motion Picture и наткнулся на продолжение статьи о Баклановой[1]), начал перелистывать пачку и увидел, что страницы со статьей о ней (и очевидно с порт-

---

[1]) Ольга Владимировна Бакланова, бывшая актриса МХТ и Музыкальной Студии.

ретом) изъяты. Кем? Любителями, очевидно, а в «Фотоплэй» все страницы о ней налицо...

ВНД

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

19 сентября 1928. Встретил Барримора, который спросил меня, как поживает «мистер Данченко». Когда я ответил, что очень хорошо, он сказал: «Я думаю, что он счастлив очутиться наконец вне Холливуда». Не могу отделаться от неприятного чувства при встрече с Барримором. В его словах, когда он спрашивал о Владимире Ивановиче, чувствовался сарказм и какое-то злобное удовольствие, что Владимир Иванович уехал, потерпев, как он думает, неудачу.

Консидайн говорил мне, что у него есть «прекрасный» план разработать в сценарий «Выстрел». После постановки «Дубровского», он считает себя знатоком Пушкина. Посмотрим...

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

27 сентября 1928. Дорогой Сергей Львович! Очень обрадовался сначала Вашей открытке, а на другой день (вчера) письму, написанному днем раньше, первому письму из Холливуда. Видите, — мое обычное «с глаз долой» оказывается по отношению к Вам совсем недействительным. Вспоминаем Вас постоянно. Радуемся, что Вы живете отлично, уж во всяком случае с физической стороны. Я так и думал, что Вы будете жить где-то там, на одной из тех уличек, по которым мы с Вами иногда шли пешком из студии. И я радовался солнцу. В письме и в открытке Вы — если это не подозрительность с моей стороны — дважды подчеркиваете, что у Вас не будет времени заниматься «посторонними» делами. Я это отношу к моей просьбе иметь в своем круге хоть отчасти мои интересы. Если бы Вы от этого уклонились, я пришел бы в большое уныние.

Пишу Вам, как видите, в студии. Случилось так, что я один и делать нечего. Положение студии продолжает быть неясным. Денег на постановку, на начало сезона так нет и нет. Декорации не кончаются, костюмы не начинались. Ремонт только что начали.

В Большом театре новый директор представил контр-проект против «комиссии» под моим председательством. Контр-проект понравился Свидерскому[1]), так что я там работать не буду. Огорчен я или нет, это Вы легко поймете. Но хорошо, что мы с Вами не дети и не увлеклись новыми надеждами — остаться Вам при Большом театре. Впрочем, не думаю, что этот контр-проект надолго. Поговорят и убедятся, что воз и ныне там. Свидерскому, который сидел у меня в театре часа полтора, я это высказал осторожно, чтоб не обескураживался раньше вре-

[1]) А. И. Свидерский — член коллегии Наркомпроса и начальник Главискусства.

мени и не начал снова меня звать (хотя он говорил еще о какой-то моей комиссии над той новой). В Худ. театре пока я только руковожу. «Квадратура» имеет очень большой успех: аншлаги и всегда овационные вызовы. Неожиданность! Правда играют восхитительно по молодости, искренности... Преса тоже отличная.

Будьте здоровы, счастливы.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

30 сентября 1928. За эти дни написал большую статью «История МХАТ» на английском языке, может быть, удастся, в связи с предстоящим 30-летним юбилеем театра, поместить ее в один из хороших журналов.

2 октября 1928. Успех Баклановой в Холливуде растет с каждым днем. Недавно она подписала 5-летний контракт с «Парамаунт». Ее называют уже просто «Бакланов», без «Ольга», что здесь признак знаменитости.

18 октября 1928. Вот уже несколько дней, как у нас в студии «редактируется» советская картина «Царь и поэт», т. е. перерабатывается для американской публики. Нужно признать, что в таком виде, как картина сделана, показывать ее здесь нельзя: основное действие личной трагедии Пушкина слишком заслонено эпизодическими подробностями, совершенно непонятными американцам. Но у нас раз уж взялись за переработку, так взялись во всю. Кромсают с плеча, сколько я ни сопротивляюсь. Маленький пример: эпизод — Пушкин у гранитной набережной залива в парке Петергофского дворца, ненужный по ходу действия, вырезали, но, так как это красивый снимок, его вклеивают в село Михайловское, а мне говорят: «Никто ведь здесь не знает, где это место, так почему бы ему и не быть в имении Пушкина. Он сел в автомобиль(!) и поехал прокатиться по этому красивому месту».

22 октября 1928. Секретарша Фербенкса сказала мне, что Дуглас наконец продиктовал ей приветственную телеграмму МХАТ-у от себя и Мери Пикфорд. Сколько раз я напоминал ему об этом! С поздравлением к юбилею МХАТ-а дело обстояло так: я подробно разъяснил Скэнку значение юбилея и предложил ему послать приветственную телеграмму от имени крупнейших деятелей «Юнайтед Артистс». Скэнк просил меня самого составить текст приветствия, что я и сделал. Под этим текстом Скэнк вписал следующие имена: себя, Пикфорд, Фербенкса, Чаплина, Нормы Толмэдж, Гриффита, Барримора, Долорес дель Рио, Сама Голдвина и Глории Свансон. Я также устроил посылку телеграммы от Барримора отдельно.

С помощью Семена Геста я добился того, что будут посланы приветствия от «Метро-Гольдвин-Мейер» и «Парамаунт». Будут подписи всех лучших артистов этих организаций, в том числе

Яннингса. Я очень рад, что удалось так хорошо все это организовать и инсценировать энтузиазм фильмового мира по отношению к МХТ-у. Если бы широкая публика знала о том, что большинство знаменитых «звезд», имена которых значились под приветствиями, понятия не имеют, чей это юбилей, и что такое в сущности МХАТ!

Но я делал это ради старых друзей по Худ. театру, зная, что это им будет приятно, а главное очень полезно. По сравнению с теми трюками, на которые пускается американская реклама, моя «инсценировка» право же совсем невинна и простительна, тем более, что делалось это не с коммерческими целями.

27 октября 1928. С тоской встречаю сегодняшний день, тоска оторванности от МХТ-а, где будет сегодня такое торжество. Почти десять лет, лучших лет моей жизни, волнений, радостей и горя ушло на него. И что же в результате?.. Холливуд!!

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

30 октября 1928. Дорогой Сергей Львович! Пишу Вам в девятом часу вечера, перед тем, как лечь спать — отдохнуть от первых юбилейных дней. Хочу Вам и порассказать и ответить на Ваши вопросы. Вряд ли сегодня успею, но начну.

Юбилей вышел блестящий. 27-го в субботу было торжественное заседание, но не днем, как предполагалось раньше, а вечером. Так просили сверху, занятые утром. Но т. к. в этот же вечер должен был состояться банкет, то назначили в 6 час. Конечно, Анатолий Васильевич[1]) опоздал почти на час. Утром мы прочли в «Известиях» о том, что мне и К. С.[2]) назначена почетная пенсия в размере по 800 р. в месяц каждому. Кроме того, я получил квартиру свою в пожизненное пользование. Затем Ольга Леонар.[3]) и Леонидов получили звание «народных», а Коренева, Подгорный(?), Соколовская, Халютина, Александров(?) и Шевченко «заслуженных». Как видите, очень щедро.

Я был в отличном настроении (здоров, не устал, доволен), если бы не мысль, что придется говорить.

Утром я думал о том, что буду говорить, оставаясь в пижаме и в пижаме же принял 2-й МХАТ в полном составе с оркестром, в доме на лестнице. Музыка, ура, объятья, речь Берсенева... Квартира — как оранжерея, от цветов и цветов...

К 5 часам за мной (и Ек. Ник.) заехали Еланская, Андровская и Пруդкин. Встреча во дворе театра... Уже темно... Яркий фонарь, гирлянды лампочек, прожектора, съемки, оркестр, ура. На подъездах Театра флаги и огромный отличный

---

[1]) А. В. Луначарский.
[2]) К. С. Станиславский.
[3]) О. Л. Книппер-Чехова.

стяг, необыкновенно пышный и громадный... К. С. и другие юбиляры уже были в уборных. В дамском фойе чай. Всех юбиляров, кажется, 42. Юбилярами считаются не менее 25 лет службы. Одних актеров столько, сколько вмещается в «Трех сестрах». Только Халютина не попадает в «Трех сестер» и как раз больна. (Хотя и бросила больницу, где лежит уже две недели, только на этот вечер, чтобы оттуда опять в больницу, в постель). Ждали Луначарского, волновались, целовались. Я два раза «бриолинил» усы и бороду. Слизывали. Наконец позвали к заседанию. Сцена была сделана прекрасно, в берлинско-американском вкусе. Открытая до самой стены, вся задрапированная. Прямо перед зрителями из самой глубины и с большой высоты идет широкая лестница, покрытая золотым, парчевым ковром. В начале ее, наверху, колонны. По бокам вазы с красивыми цветами. Скамьи белые амфитеатром для труппы и всех служащих театра, а внизу с одной стороны (от зрителей справа) скамьи для Обществ. комитета и делегаций, а с другой (слева) для юбиляров. Перед юбилярами небольшая скамья-диван для меня и К. С... Над всей сценой огромная, изящная чайка.

4 ноября. Так и не удалось написать!

Вся неделя юбилейная. А малейшее свободное время или на «Девушку» (Помните? Файя — бывший «Миг жизни», теперь «Девушка из предместья»), репетиции которой подходят к концу. Или с Рабиновичем споры о макетах «Блокады». Раз так утомился, что пролежал потом до вечера. А Конст. Серг. сразу сорвался. В понедельник после спектакля что-то вроде припадочка, и хотя ничего особенного, повидимому, не было, но доктора сказали «отдохнуть», и вот он на месяц в санаторий. А он еще не приступил к работе. После Ленинграда летом он пробыл в Москве, жаловался везде (на верхах), что театр его игнорирует. Что театр губит шестерка, управляемая Вл. Ив-чем. Потом уехал в Кисловодск, а из Кисловодска, заехав в Москву дня на три, — в Берлин. Там его очень чествовали. Старался Леонид Давыдович[1]). Рейнхардт подарил Станиславскому автомобиль. Ему (и мне) Рейнхардт прислал великолепные адреса с великолепными бриллиантовыми знаками «Почетного члена» театров Рейнхардта.

Вернулся К. С. за несколько дней до юбилея. Сыграл только этот юбилейный спектакль. И вот опять выбывает.

Я сейчас подберу заметки. Они Вам лучше расскажут и о юбилее и о спектакле. Спектакль был бесконечный по аплодисментам. Из актеров наибольший успех выпал на Леонидова в «Мокром», Москвин (Мочалка) и Качалов (Гамлет). Тоже вызвали «бури» 1-й акт «Трех сестер» — овации каждому выходящему на сцену юбиляру, а по окончании Владимиру Ивановичу. Хорошо было и в Академии. Был дипломатический чай — встреча с иностранцами приехавшими. Был большой концерт в консерватории: «Артисты и писатели МХ театру».

[1]) Л. Д. Леонидов, импрессарио.

Завтра, кажется, конец: в Малом театре ВСЕ московские театры будут играть свои куски... А потом банкет. Банкет в театре был шумный и тесный — более 500 челов. Читайте газеты, а я буду писать Вам о другом. Отвечать на Ваши письма. Я их получаю аккуратно.

Во-первых, большое, большущее спасибо за охранение моих интересов. Что бы это было без Вас? !

Теперь жду двух моментов: решение о посланных рассказах и о возобновлении договора на будущий год[1]). В первом вопросе меня очень интересует «Мариам». Если не пройдет, я буду пристраивать у немцев, в Берлине.

Когда Вы мне пишете про погоду, солнце, птиц, — у меня сжимается сердце. Катер. Никол. всегда шлет Вам самые нежные приветы. Я всегда мысленно обнимаю вас обоих. Миша[2]) улыбается хорошо, когда о Вас вспоминает.

Как это Вы не приучитесь к перу!

Против моей комиссии был Александровский, новый директор. Старичок юрист. Говорят, был прекрасный юрист. А в театре, и в частности в опере, до смешного ничего не понимает. Не дальше какой-нибудь пожилой дамы, бывающей иногда в театрах. Но все это бабушка мне ворожит. Разумеется, я не выдержал бы такой нагрузки.

На премьеру «Карменситы» я пригласил многих власть имеющих. Спектакль был замечательный. Удивлялись.

«Девушка из предместья» накануне премьеры. Очаровательная, волнительная музыка. Великолепная Тулубьева. Очень удающаяся обстановка. Все отлично, только очень коротко. Пролог в залах (помните?), кажется, выйдет. Еще не пробовал, как следует. Телеграммы Ваши, т. е. Юнайтед, произвели очень большой эффект. Я-то знаю, кто их делал! И Театр знал отлично, что это дело Ваших хлопот...

Ну, довольно! Видите, все-таки пишу... Крепко Вас обнимаю. Всегда радуюсь Вашим письмам.

Получил юбилейное извещение о Вавиче.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

30 октября 1928. Сегодня Консидайн спросил меня, не будет ли мне удобнее иметь свой отдельный «офис» наверху. С чего такая исключительная любезность?

5 ноября 1928. В газете «Экзаминер» есть телеграмма, что у Станиславского нечто вроде удара после всех юбилейных торжеств, и что вряд ли он поправится. Неужели это правда?

---

[1]) Имеется ввиду договор подписанный В. И. Немировичем-Данченко с директором кинофирмы «Метро-Голдвин-Мейер» Толбергом о присылке Владимиром Ивановичем рассказов («стори», как называет В. И.), которые могли бы быть переделаны в сценарии фильмов. Договор был заключен на один год.

[2]) Приемный сын Немировичей-Данченко.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

10 ноября 1928. Милый Сергей Львович! Ек. Ник. уже писала Вам о фурорном успехе «Девушки из предместья». Сыграли три (даже 4, один бесплатный) раза для публики, далекой от театральных кругов, чтобы обыграться (так же поступили и с «Квадратурой круга»), а только вчера премьера. Второй акт производит ошеломляющее впечатление. Весь спектакль — великолепный музыкально-трагический захват. И очень новый. И самый синтетический, какие только давались. Великолепна Тулубьева. Чудесно танцуют 5 пар. Перед оперой сделали пролог из песенок. Очень удачно. Сделали в несколько дней. Книппер сделал оркестровую композицию. Он ее написал в три дня (идет 20 минут). В остальные дни надо было расписать голоса, оркестру, прорепетировать оркестру, прорепетировать с певцами, смизансценировать. Еще в день спектакля делали единственную репетицию на сцене, и не все в костюмах. А работали вот как. Книппер пришел в театр в 8 час. утра, а ушел в одиннадцать с половиной **на другой день,** без одного часа отдыха! Т. е. $27^1/_2$ часов. Одна переписчица начала в 8 утра, кончила в час дня на другой день, отдохнула до 5 и от 5 до 8 утра другого дня!

«Девушка», вероятно, будет делать сборы. Спектакль начинается в 8 ч. 5. м. и оканчивается в 10 часов. Короткий, но насыщенный.

В самый юбилейный спектакль МХТ-а Станиславский заболел. По окончании спектакля — сердечный припадок. Это бы ничего, но припадок через несколько дней, при нормальных условиях, повторился. Запахло грудной жабой. Я не знаю точно, но думаю, что это так, и что К. С. выбудет из строя на всю зиму. Вероятно, его отправят на юг Франции. Впрочем, я вспомнил, что писал Вам об этом. Но не писал, что к сердечной болезни присоединилось катарральное воспаление легкого. Однако, температура уже почти нормальная, и К. С. чувствует себя хорошо. Но юбилейный спектакль так и не повторялся.

Я теперь ухожу в «Блокаду». Потом в возобновление «Братьев Карамазовых» (хотя Леонидов тоже заболел).

Большущее Вам спасибо за все Ваши заботы. Отплачу.

Я очень часто «прогуливаюсь» по Холливуду и хотя всегда все-таки скоро начинаю там, в Холливуде, скучать, однако мысль о поездке на картину-другую, или вообще, меня не покидает. Имейте это всячески в виду. И м. б. не только с Толбергом?.. Спасибо Вам, что Вы так подробно рассказываете всякие новости.

Крепко Вас обнимаю.

Ваш В. Немирович-Данченко.

Я говорил Литвинову о том, что сознательно отправил Вас в Холливуд. Надо только оформить. ВНД.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

12 ноября 1928. Заведующий всем прокатом картин пишет Скэнку, что никогда еще не было такого плохого сезона, и просит прекратить производство костюмных картин из неамериканской жизни.

28 ноября 1928. В Пасадине, в чудесном «Комюнити Плейхауз», состоялась премьера «Живого трупа» в исполнении местной труппы. Вряд ли я сумею найти достаточно яркие слова и выражения для описания этого спектакля. Взял программу. На обложке хорошее воспроизведение с американского барельефа Толстого, исполненного скульптором Фланаганом. Далее собраны наиболее интересные критические отзывы о «Живом трупе». Весь этот материал подобран как будто для того, чтобы помочь зрителю разобраться в пьесе. Дальше уже начались сюрпризы. «Живой труп» анонсирован так: «Пьеса с музыкой, танцами, оркестром и великолепными декорациями». Как только погасили свет, навели прожектора на оркестр, и там появилось семь музыкантов, одетых в яркие цветные русские рубахи. Заиграли увертюру, или, вернее, попурри из русских и цыганских песен. «Не шей ты мне, матушка» смешивалась с «Очи черные», и «Светит месяц» с «Распошел».

Таким образом «русская атмосфера» была создана, и наконец, пошел занавес. Дивное зрелище предстало перед глазами зрителей: на сцене возвышалась площадка с несколькими ступеньками. На заднем плане в громадном венецианском окне виднелись купола церквей. По бокам висели синие сукна. На средине площадки стоял стол, покрытый русской кустарной скатертью, самовар, несколько стаканов, и вокруг стола три высоких золотых стула, украшенных царскими орлами. За столом сидела женщина в каком-то непонятном наряде вроде шугая и в кокошнике на голове. Неподалеку другая женщина в сарафане. Оказалось, что это были Анна Павловна и нянька Трифоновна. Вскоре впорхнула девушка в сарафане, оказавшаяся Сашей. Но все это померкло в сравнении с Карениным. Это оказался типичный американский юноша лет 22-х, одетый в синюю парусиновую куртку, двухбортную, вроде морской тужурки, обшитую золотым кантом, и такие же брюки, тоже обшитые золотыми лампасами. В руках он держал голубую фуражку в белом чехле, обшитую золотом, как бывали у швейцаров. Нельзя ничего сказать, как эти люди играли, потому что в сущности даже и не играли, а просто беспомощно либо двигались, как манекены, либо стояли на месте и говорили слова текста, но так тихо, что публика с трудом их слышала. Когда картина стала близиться к концу, задний план площадки стал задергиваться синими портьерами, а актеры перешли на авансцену.

Тем временем сзади подготовляли вторую картину, послышалась веселая ресторанно-цыганская музыка, портьера раздвинулась, и мы увидели звездное небо с темными кипарисами

на заднем плане, костры цыганского табора, а на полу на подушках, в оперно-балетных разноцветных костюмах, множество цыган. Слева на диване лежал Митя в красной шелковой рубахе и голубых длинных штанах. Маша, женщина громадного роста, двигалась по сцене, как пантера, каждую минуту готовая броситься на свою жертву. Затем начался длинный дивертисмент. Надо отдать справедливость: и танцоры, и певцы делали свое дело хорошо и создали прекрасные номера хорошего варьетэ. В таком же духе пошли следующие картины, все обязательно на фоне церковных куполов. Публика восторженно аплодировала.

Газеты полны самых невероятных похвал: «Работа режиссера такова, что его постановка может конкурировать даже с постановкой МХТ». «Любители Толстовских глубин не должны пропустить эту постановку». «Театр можно поздравить с этой постановкой и с ее тонкостью».

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

2 декабря 1928. Милый Сергей Львович!

Кажется, не писал Вам недели две. Считал, что пишет Екат. Ник. и обо всем подробно. Грустно это со сценариями! Неужели Гест не устроит их? Мне они казались прекрасными. Спишусь с Леонидовым, предложу немецким фабрикам. «Тараканова» («Спутница царицы») должна выйти великолепной. Но я хочу отделать ее до пределов. Сжато и сильно. И даже с новым приемчиком. А придется ее посылать? Ведь уже в половине ноября надо было решать вопрос о продлении контракта. Или Гест забыл об этом? Впрочем, я, все равно, пошлю. Слишком хорош будет сценарий.

О «Девушке» Ек. Ник. Вам писала. Ряд спектаклей был с овациями. Правда, очень подогретых моей популярностью, которая выросла невероятно, благодаря юбилею Театра, благодаря радио и моим многочисленным выступлениям. Последний спектакль был утренний — общественный просмотр. Актерский мир был очень захвачен. Из Худ. театра (80 посланных билетов) все были взволнованы и засыпали восторгами. И все-таки я думаю, что спектакль не для большой массы, и сборы будут средние. Весь расчет мой поднять Муз. театр, это «Джонни», к которому уже приступили, причем Книппер, как говорится, землю роет! «Девушка» однако, подняла-таки престиж Муз. театра.

Хороший вышел пролог перед «Девушкой» — из песенок. Нечто вроде иконостаса, который образуется из постепенно подходящих нищих. Назван пролог «Под уличным фонарем». Хорошо поют и олицетворяют образы. Пролог имеет определенный успех. Я сейчас в «Блокаде», а в Музык. театре только по вечерам. Параллельно работается «Бег». А там на второй сцене «Дядюшкин сон».

Конст. Серг. решительно выбывает на весь год.

Вы получите это письмо к праздникам, с которыми и поздравляю Вас! И всех, кто меня помнит.

А знаете, насчет безнадежности моего приезда для участия в картине, я думаю, что Вы ошибаетесь. Разумеется, это на все 100% зависит от ловкости Геста и Левина[1]) и охоты последнего. Но не невозможно! Не надо никогда говорить «невозможно» — позвольте дать Вам, как Вашему старшему другу, этот урок. Берите пример с тех, кто умеет добиваться. Кажется, уж нет никаких шансов, а он не складывает рук! Да ведь никаких решительно! А он зорко выжидает случая! И все-таки достигает. Выкиньте из лексикона слова «безнадежно» «невозможно». **Никогда не опускайте рук.** При самых невероятных мечтах. Подумайте об этом. Или вспоминайте этот урок часто, постоянно. Закаляйте себя в этом!..

Обнимаю Вас.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

12 декабря 1928. Метро-Голдвин решили не возобновлять на будущий год контракта с Владимиром Ивановичем, несмотря на все золотые слова, что присылаемые им сценарии очень хороши. Хороши-то хороши, а ни один не оказался принятым. Не понимаю, чего им в конце концов нужно, ибо присланный им материал в самом деле хорош и абсолютно кинематографичен.

17 декабря 1928. Недавно я составил по собственному почину очень подробный пересказ пушкинской «Барышни-крестьянки» и получил рукопись обратно с надписью патрона: «Хорошая программная картина». Не знаю, как это понимать, и что будет дальше. Любич предлагает Скэнку делать музыкальную картину по оперетке «В вихре вальса». Скэнк вызвал меня для обсуждения возможности такого фильма. Любич очень восторженно говорит об этом, тем не менее ничего пока не решили. Узнал, что на Рождество приезжает Рейнхардт для фильма с Лилиан Гиш. Я просил Скэнка прикомандировать меня к Рейнхардту, когда он появится у нас в Студии, на что Скэнк ответил полным согласием.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

16 декабря 1928. Дорогой Сергей Львович!

Получил Ваши письма и телеграмму Геста: «Контракт не возобновлен». Конечно, очень жаль. Но это не уменьшает моего стремления. Я с тем же рвением, на какое у меня хватает времени и сил, буду посылать «стори». Я верю, что та или другая будет принята, и труд вознаградится.

---

[1]) Главный администратор фирмы «Юнайтед Артистс».

Я собираюсь в Берлин в январе. Как только сдам «Блокаду». Напишите мне туда.

В сущности, может быть, Метро-Голдвин согласилось бы возобновить контракт на условии, что жалованье должно быть погашено, если бы какая-нибудь «стори» была бы принята. Не знаю, что мне пишет Гест, но эту мысль Вы можете передать ему. Теперь о других делах. В все еще в «Блокаде». Все хочется сделать что-то крупное. И такая это пьеса, как мне кажется: или из нее выйдет какая-то баллада, былина или пустая мелкая вещь.

Работа идет глубокая. Тяну в высь Качалова, Грибунина, Еланскую, Молчанову, а это значит, стараюсь заразить крупными образами поэзии и вырвать мешающие этому штампы.

Тем временем готовится и «Бег». Начали (с наибольшей энергией Книппера) «Джонни», приступаем к «Карамазовым».

Станиславский все еще не выходит, большую часть времени проводит в постели. Жизнь в Театре и в театрах вообще довольно вялая. Вам жалеть не о чем.

О подарках. Спасибо. Вы спрашиваете, как прошла «Девушка». Но, кажется, я уже писал Вам. Вы бы слушали этот спектакль постоянно и с удовольствием. По-моему, это самое лучшее, что сейчас есть, но, конечно, не имеет заслуженной репутации. В «Жизни искусства» была совершенно возмутительная статья, ярко пристрастная, с подоплекой. Она вызвала целый бунт у нас.

Спасибо, что пишете часто. Продолжайте, пожалуйста.

Сегодня ко мне опять: Смирнов (тенор) с супругой. Они пели в один из понедельников в Худож. театре. Я не мог быть. Екат. Ник. была. Теперь он попросился нанести визит.

После юбилея, да и вообще — думаю, что и от Америки, моя популярность здесь невероятно возросла. Как будто, я не схожу со сцены.

Вчера был на премьере «Жены» Тренева. Много комедийно-талантливого. Но нет крепкого драматического основания. Успех слабый.

До свиданья, что ли, милый Сергей Львович!

Обнимаю. Шлю от себя и Ек. Ник. приветы.

ВНД.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

18 декабря. В Нью-Йорке страшный кризис в Союзе актеров. Из десяти с половиной тысяч зарегистрированных членов Союза имеют работу всего лишь три тысячи человек.

27 декабря 1928. «Межрабфильм» ведет переговоры с «Юнайтед Артистс» о совместной постановке в Москве грандиозной картины «Война и мир». Расходы исчислены приблизительно в 300 тысяч долларов. Скэнк хочет сам заняться этим вопросом, как только поедет в Нью-Йорк.

Рейнхардт уже приехал в Нью-Йорк и сегодня выезжает в Холливуд. Жду его с нетерпением.

30 декабря 1928. Сегодня приехал Рейнхард. Я ездил его встречать. На вокзале собралось человек 15, среди них Фербенкс, приехавший встретить Гиш. Увидев меня, Фербенкс сейчас же сказал, что непременно хочет, чтобы я приехал к ним на обед. Вот вздор какой, зачем я ему сдался!

По трафарету, у вагона делались снимки и крутили фильм. Затем мы с Рейнхардтом и его шефом прессы Гофмансталем поехали к нему в отель «Рузвельт». Рейнхардт был очень мил. Расспрашивал меня, как скоро начнется его работа, и все ли для этого подготовлено. Я очень мягко дал ему понять, что никто об этом и не думал. Днем в отеле состоялась встреча с ним представителей прессы. Рейнхардт очень хорошо говорил о бессмертии театра, который никогда не может быть заменен кино, потому что в театре есть некое таинство-объединение зрительного зала и сцены, нечто такое, что создает коллективное творчество актера и публики. Он не мыслит театра без живой и ТАЛАНТЛИВОЙ публики, умеющей реагировать на переживания актеров. Такая публика и дает возможность актеру по многу раз переживать свою роль так, словно бы он играл ее всякий раз с новым интересом. В разговорных картинах он видит зародыш новых возможностей, но не усматривает в них элементов искусства.

Рейнхардт сказал мне, что Чехов гениально играет в его постановке «Артисты» в Вене, и что он надеется убедить Скэнка выписать Чехова сюда.

В Берлине делались пробные снимки фильма, и Гиш и Рейнхардт находят, что Чехов в фильме просто замечателен.

2 января 1929. Сегодня Рейнхардт читал свой сценарий Скэнку, Консидайну и Сиднею Франклину — режиссеру, призванному для помощи Рейнхардту. Был приглашен и я. Когда я слушал все последующие разговоры, у меня сразу же создалось впечатление каменной стены, о которую разбиваются все надежды и хорошие начинания. Все происходит точно так же, как было и с Владимиром Ивановичем.

9 января 1929. Видел в «Пасадина Плейхаус» маленькую пантомиму. Содержание и исполнение совершенно ничтожны, но любопытна сама идея постановки: на обоих авансценах сидят чтец и его помощник и читают содержание пьесы и диалоги, а актеры на сцене иллюстрируют все это жестами, условными и смешными. Сюжет сказочный. Если показать это четко и талантливо, то может получиться интересный и новый вид театрального представления.

11 января 1929. Был на спектакле английской труппы из Шекспировского театра в Страдфорде на Авоне. Шло «Укрощение строптивой». Боже мой! Неужели же это лучшие актеры Анг-

лии? Неужели искусство там так отстало? Ведь у нас любой спектакль у Корша идет несравненно лучше.

Прочел в газете, что какой-то собаке, играющей в кино, произвели операцию «омоложения лица», т. к. у нее под глазами появились нежелательные складки. Разумеется, напечатан портрет собаки и указана фамилия доктора.

16 января 1929. Некая мисс Софи Тредуэл прислала мне рукопись своей пьесы «Машиналь», спрашивая меня, насколько пьеса могла бы понравиться в России.

Вещь эта шла на Бродвее в Нью Йорке, имела хорошие отзывы, но материального успеха не имела и скоро была снята. Мне пьеса очень понравилась, особенно своим ритмом. Пьеса представляет необыкновенные трудности для перевода, т. к. на все сто процентов типично американская и по быту, и по языку, но все же я начал переводить. Мне кажется, что пьеса может понравиться русской публике.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

22 января 1929. Дорогой Сергей Львович!

Давно я не писал Вам. Сегодня год, как я вернулся в Москву. День смерти Ленина. Репетиций нет. Хотя у меня в столовой я занимался. Попробую писать Вам по многим пуктам, но как вспомнится, без системы.

Очень жаль, что Вы так и отказались от рождественского подарка! Очень жалею. Милый Сергей Львович! Еще о «безнадежности». Вот именно то, что Вы мне отвечаете, и есть типичные для Вас соображения. «Бывают обстоятельства, когда нет смысла питаться иллюзиями». — «Реальная политика». Тут-то и бывает тот преждевременный пессимизм, о котором я говорю. Вам кажется, что уже нет смысла, что это уже иллюзия. А это никогда не должно казаться. Даже когда фактически, действительно, рухнуло, Вы только можете сказать себе с упреком: «Должно быть, я чего-то не сделал, рано сложил руки». Если Вы вдумаетесь хорошенько в психологию вот такой **беспредельной** настойчивости, Вы разглядите в этом **веру** непреклонную, которую нельзя сломить, можно только иногда пригибать, а она будет опять, как пружина, взлетать. А вот присутствие такой веры даже и **создает обстоятельства!** Одно присутствие этой веры! Создает условия возможностей. Вообще, то, что я пишу Вам, глубже, чем Вы приняли. А «реальная политика» — это, извините меня, дипломатическая ерунда, наследие чиновничьей дипломатии. Я бы мог Вам развернуть громаднейшее полотно из современных великих взаимоотношений, когда не только отдельные лица, но целые страны **говорят** о «реальной политике», только чтобы замаскировать сущность своих вожделений, от которых не отказываются, несмотря на обстоятельства, внушающие самые пессимистические, самые безнадежные выводы. **Никогда** не отказывайтесь от настойчивости! А **следуют** реальной политике только те, кто быстро обезнадежи-

ваются! Вот я и хотел бы внушить Вам такую политику, политику людей, которые **верят**, что вода и по капле точит камень!

Еще раз повторяю, не отмахивайтесь, а крепко-крепко вдумайтесь в то, что я говорю. И главное, вспоминайте это **всегда**, как только Вам кажется, что все кончено. Как бы Вам ни казалось, а Вы все-таки не верьте, что окончательно кончено. Вот в этом-то пункте, не терять веры, когда все уже кончено — и заключается то, о чем я говорю.

— А нельзя Мурнау[1]) познакомить с моими сценариями?

— Хотя Гест не подал моего сценария «Лес», но я бы просил хотя бы **рассказать** его в ту или другую студию. **Актрисе приятной своей наивностью.**

«Тараканова» не готова. Хочу, чтобы успех ее был 100-процентный. Великолепная роль для Греты Гарбо. На днях я напишу письмо Толбергу обо всем и об этом.

Я написал Гесту, спрашивая, годится ли прелестная история для 10-летнего героя. Из времен кавказской войны, усмирения горцев. Рассказ Василия Ивановича[2]) «Гаврюшкин плен», прелестная, живописная история.

Вас интересует, как идут работы с «Джонни». Очень энергично, благодаря главным образом Книпперу. Большую половину уже поют мне каждый понедельник. Занятый в «Блокаде», я не имею других дней для Музык. театра. Чудесный голос, кроме Тулубьевой, у Лещинской, может быть, помните — полная брюнетка? Надеюсь в конце апреля сдать. Ну, в мае! В Ленинграде «Джонни» идет непрерывно на аншлагах. Книппер ездил смотреть. Говорил много хорошего.

Советская власть продолжает относиться внимательно к театрам вообще и к моему в частности. Вчера Свидерский порадовал меня, что решено ожидаемый дефицит этого года покрыть, т. е. принять. Сборы хорошие (1350-1400 вместо 900 прошлогодних на круг).

— «Воскресение» Раскольников[3]) вчера как раз читал литературной комиссии Театра. Т. к. я пьесу знаю, то не присутствовал. Кажется, решено принять к постановке. Впрочем, я в качестве директора уже принял. Но пойдет, конечно, только в начале будущего года.

— Что цветы Ширер послали, хорошо. Непременно надо было послать.

— Что говорящие картины не будут вытеснять немые, не сомневаюсь. Но **частично** пользоваться ими очень хорошо. Об этом у меня тоже есть мысли. Может быть, я напишу такие **случаи и формы.**

— Я продолжаю очень часто «гулять» по знакомым уличкам туда, мимо Вас вверх по Холливуд бульвару. Всегда гуляю, когда утомлюсь.

---

[1]) Фридрих Мурнау, немецкий кинорежиссер, поставивший в Холливуде несколько прекрасных фильмов.

[2]) Василий Иванович, публицист, брат Владимира Ивановича.

[3]) Ф. Ф. Раскольников, автор инсценировки.

— «Блокада» оказалась невероятно трудной. И актерское мастерство наше оказалось очень запущенным. И режиссерство овульгарело!

— Я работаю отчаянно много, но пока все успешно!

— Если поеду в Берлин, то только после «Блокады», около 20 февраля.

Обнимаю крепко.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

24 января 1929. Дело Рейнхардта все более запутывается. Его рукопись переделывается сценаристом под личным наблюдением Рейнхардта. Он написал Скэнку в Нью-Йорк касательно различных вопросов, но никакого ответа не получил. Тогда он рассердился, прекратил бывать в студии и уехал в Пальм Спринг. Тем временем в газете «Экзаминер» появилась за подписью Луэллы Парсон возмутительная статья о Рейнхардте. Леви же довел до его сведения, что его «стори» поставлена не будет. Рейнхардт ответил Леви телеграммой, что все переговоры по его делу ведутся непосредственно со Скэнком, а потому он не считает возможным переговариваться с кем-либо другим. Однако, видимо нельзя ждать благоприятного разрешения вопроса. Впрочем, здесь все так запутано, и я, в конце концов, понимаю так мало, что просто удивляюсь, за что мне платят здесь такое хорошее жалованье.

4 февраля 1929. Закончил переделку «Машиналь». Названия хорошего так и не придумал и пока посылаю Владимиру Ивановичу под временным заглавием «Во власти машины», которое не нахожу удачным. И длинно, и не звучит.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

10 февраля 1929. Дорогой Сергей Львович!

1. О «Машинности». Вы меня заинтересовали. Разумеется, я сделаю **все**, что необходимо. И прочту, и постараюсь почистить, и главное — устроить.

2. В Берлин я еще не съездил... Премьеру «Блокады» назначили 26-го. Вот 28-го или 1-го марта, вероятно, поеду. М. б. Вам оттуда протелеграфирую и во всяком случае напишу.

3. Получил письмо от Толберга и от Левина. Оба великолепные и кажутся чрезвычайно искренними. Я им обоим пишу.

4. Сейлеру[1]) посланы даже издания (7 книжечек), выпущенные к юбилею, в папке, на которой вытиснено «Экземпляр О. Сейлера».

---

[1]) Автор книг о Художественном театре на английском языке.

5. 400 р. Вашему брату до сих пор не переведены[1]). Правда, Студии туго приходится, но зарплата идет нормально, сборы недурные. Я сказал, что пока этот перевод (и некоторые другие вещи) не будет сделан, я не приду в Студию. И перестал ходить. Это произвело страшный переполох, и вчера я получил сведения, что во вторник деньги будут переведены. Я бы давно это сделал из своих, но этого не только не оценят, а еще больше будут эксплоатировать меня.

Работа по «Джонни» идет хорошо. Но я бываю там только по понедельникам, (т. е. репетирую, а так бываю и вечерами).

Колоссальный труд по «Блокаде» подходит к концу. Повидимому, получается первый настоящий спектакль монументальный, героический и простой, реальный и символический, новый и объединяющий молодежь с искусством Художеств. театра.

6. Значит, с Рейнхардтом все идет, как было и со мной? Только он умнее меня. Вы мне совсем не пишете о Ваших занятиях в Студии, меня интересуют все подробности.

Когда я Вам писал о «реальной политике», я неверно выразился, что она — ерунда. Я хотел сказать — ерунда то толкование ее, какое ей придают.

Екатерина Николаевна удивилась, что не имеет от Вас ни строчки на два письма. Теперь ждет.

Пока все. Крепко Вас целую. Привет тем, кто меня помнит.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

23 февреля 1929. Рейнхардт уезжает. Задержался только в связи с урегулированием денежного вопроса. Он договорился до 10 тысяч отступного. Но теперь студия решила из этих денег удержать две с половиной тысячи, составляющие жалование его секретарям и обратный проезд в Европу. Рейнхардт, конечно, протестует. Не его вина, что ему не дали возможности пальцем о палец ударить.

28 февраля 1929. Состоялся концерт Рахманинова. Я был потрясен его вдохновенностью. Публика буквально бесновалась. Метро-Голдвин задумали в какой-то картине показать самого Рахманинова и предложили ему за выступление сто тысяч долларов, но он решительно отказался.

1 марта 1929. Консидайн просил меня рекомендовать какуюнибудь сцену для пробного диалога на экране Нормы. Я предложил «Соединенные» О'Нейля. Диалог передан Норме для разучивания.

---

[1]) Речь идет о задолженности Студии С. Л. Бертенсону. Деньги эти, он, уезжая из Москвы, просил перевести своему брату.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

3 марта 1929. Милый Сергей Львович!

Давно не писал Вам. Сдавал «Блокаду». Ек. Ник. уже послала Вам первую, вышедшую в «Вечерке» рецензию. Остальные пришлю. Очень хвалебная в «Правде», придирчивая в «Известиях» — Осинского и т. д. В маленьких газетах везде восторженные. Спектакль получился замечательный, но не по качествам пьесы, а по искусству, настоящий Художественный театр, мой Художественный театр в романтическом тоне. Удалось многое из того, что я давно искал, но не так удачно. Во всяком случае, такого спектакля, конечно, нигде нельзя встретить. Я пишу сжато, потому что хочу перейти скорее к Вашей пьесе «Машиналь». Мне пьеса понравилась, и я предложу ее для Малой сцены. Отличная роль. Перевод очень хороший и потребует самой незначительной корректуры. Но у пьесы один большой для нас недостаток — такой мрачный конец! Ух! Ой! Как можно с таким концом отпускать публику? Надо что-то выдумать при постановке. Т. е. не сочинять новый конец, а так интерпретировать, чтоб конец был каким-то разрешением, а не просто тяжелым случаем. Я назвал бы пьесу «Белоручка». «Машиналь» перевел бы «По инерции», но это такое слово — не для художественного произведения, а «Белоручка» определяет и всю идеологию пьесы. Это ничего, что в этом слове есть какое-то зернышко критики. В сущности же и правда — чем героиня может вызывать особенно сочувствие? Своей какой-то чистотой. Но пассивность ее задерживает симпатию к ней. Это не Лариса из «Бесприданницы», которая Вашей героине несколько сродни. (Кстати, думаем ставить «Бесприданницу»). Относительно постановки у нас, я решу скоро, а потом, при удаче, буду рекомендовать дальше. Постараюсь сделать все скоро.

От Мор. Геста получил опять предложение поездки зимой в Нью Йорк. Все так же: Вишневый сад, На дне, Федор, Горячее сердце, Бронепоезд, Турбины... Так не выйдет. Но можно подумать, как могло бы выйти. Старики наши очень расклеились. Станиславский до сих пор (с юбилея) не выходил из своей комнаты. Свалился Лужский. И, повидимому, хуже, чем Конст. Серг., т .к. у него почти ежедневно болит в сердце (или около сердца, не знаю). И припадок у него был гораздо сильнее, чем у Конст. Серг. Вишневский в санатории (кажется, поправился), Грибунин страдает припадками сердечными, после каждой сильной игры. Леонидов, Вы знаете, непрочен. Какая же тут поездка в Америку!

У нас два месяца морозы, даже перешедшие грань Фаренгейта. Реомюр и Фаренгейт сходятся на $25^{3}/_{4}$ мороза. Много дней, даже недель по Реомюру мороз был 34, 35^{0}. Не бывало! Надоело отчаянно. Забываешь о морозах только на репетициях. В Музыкальной студии обходятся без меня уже месяца два-три. Вашему брату 400 руб. высланы недавно.

Обнимаю Вас. Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

15 марта 1929. Только что позвонил в оффис некий мистер Мак Миллан и спросил, нельзя ли ему переговорить по телефону с Алеком Пушкиным, сценаристом, работавшим с режиссером Майлстоном над сценарием, озаглавленным «Выстрел».

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

17 марта 1929. Дорогой Сергей Львович!

Письма Ваши получаю. Кроме какого-то, где Вы указывали театры, рекомендуемые для Вашей пьесы. М. б. это то, что пошло в Берлин и там ждет меня. Журналы получаю.

О Вашей пьесе. Как я Вам писал сразу, мне она очень понравилась, хотя конец показался слишком мрачным. Но теперь я надумал, как надо дать этот конец, и он уже не пугает меня. Пока пьесу прочел только Марков[1]). И ему она очень понравилась. Конец я рассказывал, тоже нравится. О большой сцене думать нельзя .На большой сцене надо ставить или произведения монументального характера, или классические. Думаем о Малой. Из трех пьес предлагаемых на одно место, мне больше всего хочется Вашу, хотя за одну даже уже дан аванс. И хотя я, как директор, могу брать пьесу, не считаясь с мнением Художественно-Политического совета, однако я этого избегаю. Напротив, даю ему очень большую волю. И вот, должно быть, на этой неделе, пьеса будет читаться в Литературной комиссии Худ. совета. Об этом Вы получите телеграмму, вероятно раньше этого письма. Перевод очень хороший. На главную роль намечаю Соколову. У нее больше всех этой нежной покорности машинизации жизни. Названия еще не придумал, но чувствую его — найду.

Некогда было заняться, а имеются у меня три рассказа, уже набросанных. Если я до этого письма Вам еще не протелеграфировал, или моя телеграмма (которую я еще не посылал) не ясна, то вот просьба: выслать русские экземпляры рассказов, которые посылались для Метро-Голдвин, и которые я посылал Вам специально в августе, — выслать их Леонидову. Это «Чалован» и «Мариам», «Царь-девица» и «Лес». Не знаю, нельзя ли было бы и прежние, т. е. «Маски» и самый первый (даже забыл его название... Тарасовская история). Эти у меня есть. Я сам могу послать, но я спрашиваю Вас: имею ли я на это право? Не принадлежат ли они фирмам? Хотя должен же быть какой-то срок неиспользования. И потом: на «Иллюзию мира» я подписывал контракт, а на другие нет.

Получили ли Вы рецензии о «Блокаде»? Прилагаю еще две. Мнения о спектакле резко раскололись. Одни считают его исключительным и замечательным, другие скучноватым и «что-то не то». Я думаю, первые — это вдумчивые, понимающие; вто-

---

[1]) П. А. Марков — заведующий литературной частью Художественого театра.

рые — легкомысленные и не любящие задумываться. Однако, курьезно, что в Театре все сторонники «старого режима», т. е. управления Константина Сергеевича, которые были до моего возвращения, или равнодушны, или определенные противники. В Художественном совете был против только Ганецкий, а критики и писатели все восхваляли. Спектакли **все** (т.е. «Блокада») проданы до 1 июня, по цене выше нормальной.

Крепко Вас целую. От наших привет и любовь.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

8 апреля 1929. Секретарша Фербенкса попросила меня разобрать несколько писем, полученных из России. Очень рад тому, что никто здесь не понимает по-русски и не может прочесть этих писем. Для курьеза записываю несколько образцов:

«Душка Фербенкс, покоритель женских сердец, одна из бесчисленных ваших поклонниц приветствует вас из далекой России и просит вас любезно прислать фотографию. Глядя на нее, она будет вспоминать далекую волшебную Америку и очаровательного Дугласа с его жемчужно-белыми зубами.

Мэри из Воронежа.»

«Прошу вас прислать мне ваш портрет. Я очень интересуюсь вами и поэтому очень убедительно прошу вас, чтобы вы прислали. Я состою в драм-кружке, и если вы пришлете, я повешу его, чтобы видели все талантливую личность. Вся Россия восхищается вашим даром. Если прислать решите, то не задерживайте, потому что жду с нетерпением.

Надя из Иваново-Вознесенска.»

Добрый день, Дуг! Вот уже скоро будет месяца два, как я не вижу картин с вашим участием. Милый Дуг, я так люблю и обожаю вас. Я готова на все для вас. Мне говорят, что нельзя любить человека, которого ты никогда не видела, но я отрицаю это, так как я не имела счастья вас видеть, но все ж люблю и обожаю. Из-за вас я вступаю с многими в спор, которые стараются меня уверить, что какой-то Гарри Пил-циркач лучше вас, что, конечно, им никогда не удастся. Ваш характер, конечно, как пишут, похож на мой. Я тоже почти никогда не унываю, люблю пошутить, посмеяться.

Муся из Иваново-Вознесенска.»

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

14 апреля 1929. Дорогой Сергей Львович!

Ваши письма получаю правильно. А вот сам пишу реже, чем хотел бы. О «Машиналь». После меня прочел Марков. Очень понравилось. Переписчице Бокшанской очень. Режиссерам Завадскому, Вершилову хотелось ставить. У нас куплена американская пьеса «Чикаго» (Рокси) — с картины «Чикаго», но «Ма-

шиналь» начала отодвигать ее. И вдруг Художественный совет! Единогласно и резко отверг. Я, конечно, мог бы не соглашаться, но во-первых, мне не хочется ссориться с Худ. советом на этом случае, а во-вторых, я решил сначала попытать в других театрах, а потом пробовать защищать в Худ. совете еще раз. (Я на чтении не присутствовал). Это возможно. И «Чикаго» не сразу прошла.

Послал пьесу Коонен и Владимирову (Малый театр). Очень просит Завадский для своей студии, но это мелко. Вообще уверен, что пьеса устроится. Хотя медленно, т. к. теперь все требуется идеологическая установка. А по этой части «Машиналь» не ясна. Трагический конец меня теперь совсем не смущает, т. к. я представил себе, как это сделать. Я думаю, что в течение апреля устрою. Может быть, напечатать? В журнале. Попробую и это. Поговорю со знакомыми писателями. Как что-нибудь выяснится, сейчас же дам знать. Протелеграфирую.

Я весь в «Джонни», назначенном на 15 мая. С первых чисел июня думаю уехать на отдых. В Берлин так и не съездил.

«Motion Picture» получаю. Спасибо. Сейчас я думаю о телеграмме Скэнку насчет «Войны и мира». Впрочем, очевидно, Вы будете знать о ней до получения этого письма.

Стройка нового здания для Музык. театра моего имени — в плане. Не дальше. Крепко Вас обнимаю. Ек. Ник. и все наши шлют Вам самый нежный привет.

ВНД

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

18 апреля 1929. Приехал полный ансамбль «Гилда». Первый спектакль «Врач на распутье» Шоу, блестяще показал, что в Америке может быть настоящий театр при наличии правильной постановки дела.

21 апреля 1929. Сегодня был у меня Болеславский. Его пригласила фирма Патэ по рекомендации одного из их режиссеров, видившего какую-то из постановок Болеславского в Нью-Йорке. Он жаловался как трудно чего-нибудь добиться в Нью-Йорке. В нынешнем сезоне три его постановки имели громадный художественный успех, а материально никакого.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

1 мая 1929. Милый Сергей Львович!

Давно не писал Вам, а Ваши письма получаю аккуратно. О «Машиналь». Так ее судьба до сих пор и не решена. И Коонен пьеса очень понравилась. Но они просят отдать им на сезон 1930/31, так как следующий сезон 1929/30 у них короткий (в виду ремонта), и так как им неудобно два сезона рядом ставить американскую пьесу. (В этом году был «Негр» О'Нейля). Теперь добиваюсь ответа от Владимирова. Но вернее всего, что я снова подниму вопрос о нашей Малой сцене. Решительно просит только Завадский, но это в материальном отношении слишком

не выгодно. А что если пьесу так и назвать, не существующим у нас, но всем понятным словом «Машиналь»?

М. Гест усиленно хлопочет о поездке Художественного театра во второй половине будущего сезона. Дает условия первой поездки. Но настаивает на «Бронепоезде» и «Турбиных». Чудак! Как ни убеждаю его, что «Бронепоезд» не будет разрешен в Америке. Он уверяет, ручается... Да и нельзя, надо в Москве оставить дело сильным. Хотя все главные участвующие «Бронепоезда» поедут: Качалов, Баталов, Тихомирова, Хмелев и т. д. Вероятно, Гест рассчитывает на то, что я пойду на переделки, но я ему и об этом написал, что переделки недопустимы. Теперь я ему предложил «Бесприданницу». Возможно, что поездка состоится. Тогда она начнется с Лондона. Гест уже не возражает и на то, что необходимость приезда Станиславского не будет оговорена в контракте. Затормозиться может еще из-за меня, т. к. без Станиславского (вероятно, и без Лужского) и без меня поездка невозможна, но и здесь вряд ли можно будет оставить Театр без меня.

Думая о сценариях, я уже все время имею в виду «токис», т. е. диалоги и внешние шумы. Потому и задержал «Тараканову», там комедийные диалоги.

Работа по «Джонни» в разгаре. Недавно показывал первый акт (больше половины) Художественному совету. С огромным успехом. Даже у всех представителей рабочих. Исполнителями я очень доволен. Прекрасные голоса Тулубьевой, Павловского (новый баритон из провинции). Отличное сочетание приятных голосов и обаяния Кемарской и Саратовского и драматическая игра Остроумова, которому, к сожалению, очень не хватает «верхов». Тулубьева очень талантлива, великолепно и быстро схватывает, вообще молодчина.

Я надеюсь уехать в первых числах июня. По обыкновенному маршруту: Берлин, Карлсбад, Женева. Если завяжутся переговоры с Америкой (Скэнком) по поводу «Войны и мира», то, может быть, проеду в Испанию.

Моррис[1]) закидал меня телеграммами о балете. Хлопочу для него. У него объявился конкурент, и я стараюсь этого конкурента оттиснуть, что мне удалось у Свидерского и в Наркомпросе. Но, кажется, за спиной конкурента (писатель Дрейзер) тоже стоят... Кроме того, Моррис шлет мне минимум через день газеты и телеграммы о его деятельности и популярности. Он славный, Моррис.

Получил письмо от Левина, как всегда, с большими комплиментами и надеждами. Пишите, пожалуйста, обо всем. Я так вонзился за 15 месяцев в холливудские интересы, что еще не оторвался от них.

Крепко Вас обнимаю. Ек. Ник., Миша и все шлют Вам нежности.

Ваш Вл. НД.

Весны все еще нет.

---

[1]) **Гест.**

19 мая 1929. Дорогой Сергей Львович!

Вы, конечно, представляете себе, как я был занят перед выпуском «Джонни» и почему не писал Вам, кажется, уже 3 воскресенья. Посылаю Вам афишу. Шум около спектакля огромный. Успех, повидимому, очень, прочный. Неожиданно музыка не только не возбуждает негодования, но захватывая своей театральностью, увлекает. Разумеется, застывшие на Римском ругают ее. Но даже Сук[1]), обняв меня, говорил: «Ви сделали большой дел! Хотя объективно я не принимай этот мюзик». Генеральная и премьера были овационные. Многие повторяют кем-то пущенное крылатое: «Это Чайка оперного искусства». Молодежь из Филармонии: «А мы все еще сидим на Онегине».

Я очень доволен исполнением. Пожалуй, после «Анго» ничто не было исполнено так артистично. Ставя баллы — Тулубьевой 5, Кемарской 5, Саратовскому 5, Остроумову 5 с минусом, Павловскому 4 с минусом. Поставил бы Тулубьевой 5 с плюсом, если бы она была более блестяща внешне. Ставлю минус Остроумову за верхнее си, Павловский — старый оперный баритон. Тулубьева совершенно исключительное явление. Кемарская раскрылась в очень изящную **сверкающую** субретку с очень окрепшим голосом и великолепно танцует. Остроумов отлично играет все драматические сцены. Самое большое достижение — оркестр (благодаря Книпперу) и необычайная простота исполнения и мизансцен. За исключением пока Павловского, действительно все **живые люди.** Это гипнотизирует публику незаметно для нее самой. Эрдман, Баратов, Пантелеев и Литвак сделали чудеса в последнем действии. Паровоз, несущийся прямо на публику и задавливающий у рампы Даниэлло, езда по городу автомобиля и несущиеся навстречу световые рекламы, отходящий вагон... все это на 8-метровой сцене, покрывается каждый раз шумными аплодисментами. За весь сезон «Джонни», конечно, лучший спектакль. Увы, даже «Блокады»... которая как пьеса, в конце концов, помешала торжеству постановки.

Ничего до сих пор не могу написать Вам о «Машиналь». Я уже ставлю условие — решение вопроса в течение мая.

Я собираюсь уехать в начале мая. Я Вам пошлю телеграмму.

Паспорт Вашей маме. Вы мне поверьте, делаю все, что могу[2]).

Теперь у меня смотр приготовленных за два месяца кусков из «Бесприданницы», «Воскресенья, «Чикаго», «Дядюшкин сон«, «Универмаг» (Универсальный магазин»)Катаева, автора «Квадратуры круга».

---

[1]) В. И. Сук — заведующий музыкальной частью Оперной студии Станиславского.

[2]) Имеется ввиду заграничный паспорт в Эстонию.

Знаете ли, что «Квадратура круга» до сих пор идет 6 и 7 раз в неделю? Весь сезон! Всегда полные сборы.

Будьте здоровы, милый Сергей Львович. Ждите от меня еще писем и иногда и из Берлина...

Обнимаю Вас крепко. От Ек. Ник. и Миши приветы и поцелуи.

Ваш В. Немирович-Данченко.

«Тараканова» будет вся с диалогами и звуками.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

23 мая 1929. У нас в «Юнайтэд», так же как и везде в других студиях, прекратили производство немых картин и работают только над звучащими. В связи с этим все труднее приискивать сюжеты для сценариев. Я мучительно ломаю голову, перечитываю бесчисленное множество книг, перебираю все, что есть у меня в памяти, и пока безрезультатно.

В американских газетах сообщают, что в Москве начался поход против МХТ-а в смысле советизации его, и, повидимому, без «красного» директора не обойтись. Та же история и в оперной студии Станиславского.

24 мая 1929. В газетах статьи на очень важную тему о том, что Сид Громан постриг себе волосы. Этому событию отведено больше места, чем крупнейшим очередным политическим происшествиям.

28 мая 1929. Получил письмо от Туржанского, который пишет, что его командирует УФА в Англию и Америку для изучения звучащего фильма. Он просит разрешения пробыть две-три недели в «Юнайтэд» для наблюдения за работами. Консидайн просил передать, что он будет рад помочь ему не только в нашей студии, но и в других. Затем Консидайн сказал, что ему очень понравилось мое изложение «Дыма», и что он думает, что из него можно сделать хороший фильм. Он спросил мое мнение о сценарии «Пиковой дамы», который ему представили. Когда я сказал, что существует очень хорошая опера, он очень заинтересовался и просил меня переговорить с Ризенфельдом. Последнему идея очень понравилась. Тем не менее, я уверен, что все эти благие намерения погибнут в мусорной корзине.

31 мая 1929. Автор пьесы «Машиналь» Софи Трэдуэлл предлагает мне свою новую пьесу об Эдгаре По. Я ответил, чтобы прислала мне рукопись.

4 июня 1929. Фербенкс-Пикфорд скоро приступают к съемке «Укрощение строптивой», и так как здесь существует мнение, что все что написал Шекспир — трагично и очень умственно, то предпринимается громадная рекламная кампания. Будут разъезжать специальные фургоны с разъяснением, что это пьеса комическая, и что Шекспира бояться не нужно. Когда администрация театров, эксплоатирующих картины, узнала о

готовящемся фильме, то запротестовала, потому что это Шекспир. Тогда Леви послал им письмо, успокоив их, что фильм этот будет «трактован как комедия«! И они примирились с Шекспиром. Об этом сообщает в очередном номере «Спектэтор».

В «Нью Йорк Таймс» появилась корреспонденция из Москвы Олина Доунса, специально отправившегося туда для ознакомления с русскими театрами. Он был на премьере «Джонни» в Музыкальном театре и пишет, что, несмотря на необорудованность сцены, мешающую постановке, спекталь был самым музыкальным, живым, одухотворенным из всех тех, какие он видел.

Н. Н. ЛИТОВЦЕВА — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

18 июня 1929. Милый и дорогой мой Сергей Львович, простите меня, моя душенька, что так бесконечно долго молчала и не отвечала на Ваше милое, нежное письмо, глубоко меня растрогавшее. Знаю сама, какое это непростительное свинство, но судите людей не по делам их, а по намереньям. А намеренья у меня были самые лучшие.

Как живется Вам? Часто спрашиваю о Вас у Ольги Леонардовны.[1]) Слышу, что хорошо, хотя и скучно. Слышала, что Вы сочинили какое-то собрание из русских композиторов, которое имеет огромный успех. К сожалению, я не очень поняла у Ольги Леонардовны, что именно, но ужасно рада, что Вы получили от этого, вероятно, и нравственное и материальное удовлетворение. Напишите, если можно, что это за произведение, хотелось бы знать более точно и подробно.

У нас была очень лютая зима, а лето, против ожидания, совсем не жаркое, до сих пор по крайней мере. Я еще не очень решила, куда поеду, вернее всего просто в деревню, во Владимирскую губернию. Сезон у нас очень затянулся, играть будут до 1-го июля. Причина — больший бюджет и поэтому недостача денег.

Ужасно обидно, что надежды на поездку Театра в Америку, кажется, совсем рухнули. Хотя Владимир Иванович в Берлине сейчас, и только там должно было окончательно решиться: да или нет. Но я убеждена, что мы с Василием Ивановичем[2]) не поедем наверно, да вряд ли поедут и другие. Дело в том, что часть труппы должна остаться здесь, чтобы обслуживать здешнее помещение, но все так стремятся в Америку, что никто не соглашается остаться. Владимир Иванович заявил, когда молодая часть труппы потребовала, чтобы он остался здесь, что хотя он и не претендует на поездку в Америку, т. к. репертуар, предложенный Гестом, исключительно неинтересен для него, но и здесь оставаться и брать на себя все бремя сезона тоже не хочет, и в случае отъезда стариков поедет гастролировать само-

---

[1]) О. Л. Книппер-Чехова.

[2]) В. И. Качалов муж Н. Н. Литовцевой.

стоятельно. Жаль, очень бы хотелось проехаться и освежиться. Я иногда с громадной нежностью вспоминаю нашу кочевую цыганскую жизнь. У меня остались о ней самые светлые, самые волнительные воспоминания. Такая легкость и свобода были в ней! Ничто не задерживало, каждую минуту могли сняться с места и лететь дальше. Помните наши с Вами завтраки в «Отель Граф», когда нам, как старым трактирным завсегдатаям, подавали без требования каждому свое? Здесь мы все очень редко видимся. У меня сейчас нет ничего интересного в смысле работы. Все пьесы, предназначенные для будущего сезона прошли мимо меня. Я очень сожалею, что комиссия для отбора пьес, составляющая часть нашего Худож. Политического совета, не пропустила пьесу, переведенную Вами. Она мне очень понравилась. В ней не нашли идеологии интересной для СССР. Хорошо, если бы Вы еще что-нибудь хорошенькое разыскали и перевели. Голод у нас на хорошие пьесы огромный. Приходится ставить «Бесприданницу» и «Воскресение» Толстого, т. к. нет интересных новых пьес.

Живем мы с Рождества уже на новой квартире. Василию Ивановичу и всем очень нравится, а я с грустью вспоминаю нашу милую маленькую квартиру во дворе Театра. Там было как-то теплее и спокойнее. И веселее. Василий Иванович чувствует себя очень неважно, у него что-то расширилось и ослабело сердце. Сейчас он лечится и ничего не пьет. Собирается в Кисловодск. По обыкновению.

Дима[1]) сейчас в Харькове со студией Малого театра, но на зиму он от них уходит и возвращается опять в Александринку к большому моему огорчению, т. к. опять уедет из Москвы. Юрьев, наоборот, переселяется в Москву, т. к. его там совсем затравили, и он перешел в Малый театр. Вы, вероятно, слышали, что эта зима была у нас очень тревожной, т. к. сразу свалились у нас три старика: Станиславский, Лужский и Вишневский. Но сейчас они, слава Богу, поправляются. Ну, надо кончать письмо. Целую Вас, мой дорогой, очень нежно за себя и Василия Ивановича. Помните, что и Василий Иванович, и я всегда считаем Вас в числе наших самых близких и дорогих друзей.

Ваша Нина Литовцева.

Еще раз прошу простить меня за долгое молчание и не лишать меня своей дружбы.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

28 июня 1929 (здесь до 20 июля). Карлсбад. Дорогой Сергей Львович!

Я Вам так давно не писал, и у меня так много накопилось материала, что, боюсь, письмо выйдет или длинное, или рваное.

Вашей маме я не писал, но крепко-на-крепко поручил Брод-

---

[1]) Сын Качаловых.

скому[1]), когда он уезжал из Москвы и говорил мне, что «завтра» будет видеть или писать Вашей маме, чтоб он сообщил ей, что я ей не пишу, потому что со дня на день надеюсь устроить ей паспорт. Я сам ездил, куда следует, при всей моей занятости, кроме того, что трижды звонил. Паспорта почти никому не давались и не даются. Даже Москвину и Книппер приходится добиваться; пока им отказали. Причем Москвин говорил с самим Ягодой. Почему это, не знаю. Будто бы есть такое распоряжение до октября никому не выдавать! Вот это «до октября» дает мне надежду устроить Вашей маме паспорт осенью. Мне выдали без задержки, но Екатерине Николаевне дали не сразу, с некоторой заминкой и проволочкой. Свидерский говорил мне, что «одно подозрительное учреждение» (это его выражение «подозрительное» вместо «подозревающее», я его поправил) усомнилось. И спрашивали его, Свидерского, не боится ли он, что я не вернусь... Может ли он ручаться...

Тот же Свидерский рассказывал об этом же в частном доме, сказал, будто бы, так: «Ручаться не могу, но если он (т. е. я) не вернется, то я закрою его Студию... Я думаю, Свидерский рассчитывал, что мне этот разговор передадут, и что Студия будет гарантией моего возвращения. Как глупо! Точно если бы я не вернулся, то продолжал бы интересоваться Студией.

О «Машиналь». Я как будто уже писал Вам, что Вы смешиваете Художественно-Политический совет, состоящий при директоре театра с Репертуарным советом, возглавляемым Марковым. Это Худ. Пол. совет единогласно отверг «Машиналь», и это с ним мне не хотелось вступать в конфликт, хотя я и не обязан его слушаться. Но мне хотелось вообще найти в этом совете опору против вмешательства Союза и его мелких демагогов и карьеристов. Что мне и удалось. Этот Совет помог мне ликвидировать, или во всяком случае ослабить и оттянуть сильный напор болтунов, требовавших назначения мне красного заместителя, закрытия «Особого фонда», удаления нескольких лиц и т. д. Удалось даже вот до какой степени: расскажу Вам еще одно «предательство» Константина[2]). Вы помните, как сильно и даже красиво оттолкнул он назначение красного директора в бытность его директором и Леонидова-Подгорного-Егорова дирекцией. И что ж Вы думаете? Не задолго до своего отъезда за границу он, принимая визит Свидерского, сказал, что теперь он за назначение красного директора. Это значит, только бы власть не находилась в руках ненавистной ему (или вернее Егорову, Подгорному-Леонидову) молодой «пятерки». Нравится это Вам? И Свидерский распустил уши и повел дело так. К счастью, и мне еще верят очень. И Луначарский, и Яковлева[3]) восстали против, сказав, что Художественный театр работает хорошо самостоятельно, и не надо его трогать. Все раз-

---

[1]) А. Бродский, редактор книги о Музыкальном театре.
[2]) К. С. Станиславский.
[3]) В. Н. Яковлева. С 1922 до 1929 г. работала в Наркомпросе.

говоры о том, что Станиславский «в опале» и т. д., разумеется, ерунда. Правительство относится к нему великолепно, выдало ему на леченье 3000 долларов (3000 руб.) **валютой** с сохранением, разумеется, жалованья. А в Москве докторам и на лечение, конечно, давал Театр. А как трудно с валютой, поймете из того, что для получения материала (нотного) для «Джонни» мне надо было выслать 700 долларов, и удалось это только через несколько месяцев и через связи с высшими властями. Даже Луначарский и Свидерский не могли достать этого. Станиславского власти любят так же, как и любили. Конечно, гораздо больше, чем меня. Как поступит Наркомпрос или даже Совнарком в конфликте Музыкальном, не знаю, но пока все шансы на его стороне.

Дело в том, что Совнарком потребовал от Наркомпроса «расселить» музыкальные театры мой и Станиславского, т. к. это слишком убыточно, что каждый из них может играть только по три спектакля в неделю. И вопрос был решен, хотя и не совсем гладко. По крайней мере, Остроградский[1]) уже давно ведет себя, как осведомленный, что с будущего года они останутся в этом здании одни. Он и смету уже представил на будущий год, имея в виду 6 спектаклей. Вторые лица Наркомпроса говорили, что вопрос решен совершенно категорически, что Музыкальный театр моего имени выселяется. Куда? В районный театр имени Каляева (не знаю, в Грузинах, что ли, или где-то около Долгоруковой). Так было до «Джонни». В Театре нашем царила паника. Постановка «Джонни» приобрела решающее значение, вопрос жизни и смерти Студии. Потому «и смерти», что, по слухам, решили так: не захочет театр Немировича идти в район — будет совсем закрыт, расформирован. Несомненно, если бы «Джонни» отодвинулся до осени, студия слегла бы на смертный одр. Огромный успех «Джонни» резко переменил положение. Начальник театрального отдела Оболенский, сторонник театра Станиславского, писал статьи о «Джонни» (в «Современном театре»), неприличные для начальника по пристрастию. «Лакей», состоящий при нем на службе, делал то же в других газетах. Но им не удалось потушить шум около «Джонни». Особенно когда 11 рабкоров вынесли хвалебную резолюцию. А потом Художественный совет (Худ. Политический, состоящий при музык. театре моего имени) встал буквально на дыбы и поднял шум, привлекая «общественность». Мол, еще вопрос, который из двух театров должен выселяться. А во всяком случае, до тех пор, пока нет настоящего, хорошего помещения, нельзя выселять. Совет работал рьяно. На одном из заседаний появился Мейерхольд (?!), который произнес пламенную речь в защиту моего театра (он был на премьере «Джонни»). Когда я уезжал из Москвы, составлялось открытое письмо в газеты. Вопрос остается открытым. Лучший выход: отдать мне театр Корша, а коршевцев отправить в район. По-моему, это не

---

[1]) Ф. Д. Остроградский — член Художественного Совета оперной студии Станиславского.

пройдет. Я предлагаю отдать мне 10 спектаклей в месяц в Экспериментальном театре. На это не согласен Большой театр.

Итак, «Машиналь».. Говорил я сам с Владимировым. Ему тоже понравилась пьеса, но не для Малого театра, он передал ее в Филиал. Вопрос остается открытым до осени. Но я не забываю о пьесе.

От поездки в Америку Художественный театр отказался. Да и нельзя было разорвать труппу. Будущий сезон трудный. Я заладил уже: 1. «Воскресение» Толстого (чтец Качалов. Вы помните мою идею?). Уже слушал два акта из четырех, больше половины. Производит большое впечатление, особенно Качалов. 2. «Три Толстяка» Олеши. Слушал больше половины. 3. «Бесприданницу». Слушал и провел уже много репетиций. 4. «Рокси» (кинокартина «Чикаго»). Для Малой сцены. Слушал половину и работал. 5. «Дядюшкин сон» готово полностью. Я только несколько раз слушал и делал замечания. 6. «Универмаг» Катаева. Только заладил.

С музыкой хуже. Заказал две комических оперы, и пока ничего из этого не вышло. Книппер[1]) начал писать на драму Киршона «Город ветров», которая мне нравилась, которую Киршон писал для Театра МГСПС, но хотел отдать в Художественный, и которую ЦК партии постановил ставить в Художественном театре, но Любимов-Ланской[2]) запротестовал, и я отклонил, потом в МГСПС провалили, а в Ленинграде у Монахова сыграли с успехом, теперь Киршон и ЦК партии просят поставить в МХТ. Я колеблюсь. Если Книпперу удастся опера для Музыкального театра, все устроится. Книппер продолжает быть отличным. Горячим помощником. Из театра не выходит, во всем принимает участие. Воюет с Броном[3]), едва удается сдержать. То, что «Джонни» поставили сравнительно скоро (меньше чем в 6 месяцев), конечно, благодаря Книпперу и моей твердости. Я отстранил Брона на весь первый период разучивания оперы и поручил первую подготовку целиком Книпперу. С другой стороны **потом** необходим был опытный дирижер, и хотя Книппер тянул передать оперу Тимофееву, я наотрез отказался. И Брон хорошо работал...

Музыкальный театр[4]) ездит по Волге на своем пароходе. В Нижнем (вернее в Канавине) играют сплошь с аншлагами, но далеки до триумфа. МХТ играл до конца июня в МХТ 2-м, причем дней 10 в начале июня и в МХТ 1-м и во втором (и на малой сцене). Труппа работала исключительно, сыграла более 600 спектаклей.

---

[1]) Книппер, Лев Константинович, композитор. Племянник О. Л. Книппер-Чеховой.

[2]) Е. О. Любимов-Ланский, руководитель театра МГСПС (Театр Моссовета).

[3]) О. М. Брон — дирижер Музыкального театра Немировича-Данченко.

[4]) Станиславского.

Станиславский со всей семьей в Баденвейлере. Лужскому удастся выехать заграницу лечиться. Он очень плох, гораздо хуже Станиславского. По-моему, и тот и другой инвалиды. Где были бы теперь «старики», если бы я не собрал новую труппу молодежи! Этот вопрос (или восклицание) уже не раз раздается в Театре. Так я уехал из Москвы. Берлин еще похорошел. Таким я его никогда не видел. Мы пробыли в Берлине 12-13 дней. Ищу еще одного «Джонни». Слушаю и читаю новые оперы. Жаль, что всегда такие пустые сюжеты.

Видел Ольгу Константиновну Чехову, был у нее. Она ставит картину с Михаилом Чеховым, причем сама режиссирует. Но такая же хорошенькая, красотка. Мих. Чехов заключил хороший контракт еще на год. Он подписал контракт не к Рейнхардту, а теперь Рейнхардт хочет заплатить неустойку, чтобы только вернуть его.

Продолжение в следующем номере.

О. С. БОКШАНСКАЯ[1]) — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

5 июля 1929. Милый Сергей Львович!

Мне было бы очень грустно, если б Вы решили, что я «невежливая гадина», которая не отвечает на письма. Даю Вам торжественное обещание, что больше никогда так мерзко и невоспитанно поступать не буду, тем более, что мое молчание является каким-то нелепым и глупо случайным. Так вот, откладывая со дня на день, кружась в колесе нашего отвратительнейшего по содержанию сезона, и протянула я до сегодняшнего дня.

Писал ли Вам Владимир Иванович о потоке тех нападок, которые посыпались на нас в этом году? Если даже не писал, то отголоски, вероятно, до Вас докатились. Вероятно, и Ольга Леонардовна[2]) Вам пишет, и еще друзья есть. Словом, не было недели, чтоб в каком-нибудь журнале, в какой-нибудь газете не было написано о каких-то скверных и низких случаях у нас в Театре. Все это действовало удручающе. Казалось, после того, что мы уж прочли штук пять таких заметок, что ничто нас не уязвит, но являлась новая заметка, и снова начиналось волнение, обида за любимый Театр и дорогих нам всех людей. И настроение в эту зиму у всех нас было отвратительное, никакая радость не была полной, все какая-то притупленность в каждом хорошем порыве. А тут еще весна приходила так медленно, и так неприветливы были дни.

Мы кончили сезон только 30 июня, позднее всех театров, работали ради денег, чтоб оправдать сделанные в этом году большие прибавки труппе.

В этом году и думать нельзя было об отъезде к родителям[3]). По тем сложностям, какие Вам известны, вероятно, от Ольги

---

[1]) Ольга Сергеевна Бокшанская — секретарь дирекции МХАТ'а.
[2]) О. Л. Книппер-Чехова.
[3]) Родители О. С. Бокшанской жили в Латвии.

Аполлоновны[1]), Вы понимаете, насколько это трудно. Трудно и в смысле получения разрешения на выезд и в отношении получения денег.

Ах, милый Сергей Львович, как мне понравилась присланная Вами пьеса Тредуэлл, в Вашем переводе! Я долго была под ее впечатлением, и я не знаю человека в Театре (кроме неожиданно выступившего против нее Н. Баталова и отчасти Вершилова, которому сперва пьеса понравилась), который не был бы в восторге от нее. И тем не менее у нас в Художественном совете пьеса жестоким образом была провалена членами Совета — представителями различных организаций. Им пьеса категорически не понравилась, вызвала у них резкую отрицательную оценку и, по-моему, совсем не была ими понята. Отчасти это и понятно: даже опытные люди вряд ли смогут оценить пьесу, которую им читают на заседании, без прочтения ее самолично. До сих пор я не могу успокоиться, что эта пьеса у нас не пойдет. Вообще, этот сезон не принес никаких радостей. Помимо всех нападок на нас, которые, конечно, нервировали всех нас, был еще вопрос, который меня волновал, и который разрешился ужасно для меня и многих грустно. Это вопрос о гастролях, которые предложил нам Гест. Сначала все шло как будто на то, что поездка состоится, принципиальное согласие Гесту было дано. Но потом наше Управление (пятеро молодых, которые еще при Вас были призваны к работе, кроме Завадского, который — шестой — вышел из Управления) решило, что поездка срывает московский сезон и поставила перед Владимиром Ивановичем категорическое пожелание Управления отказаться от поездки. При этом все они не скрывали, что если б они попали в поездку, то голосовали бы за поездку. А из всего Управления в поездку должен был ехать только Хмелев, который страстно этого желал, но которому и заикнуться об этом нельзя было, чтоб товарищи его тотчас на него не напали, что он говорит за поездку из личных соображений. Мое твердое убеждение, что поездка ничего не срывала и свободно могла бы состояться. Я это говорю не из одних личных соображений, но с твердой уверенностью. Все те, которые неминуемо попадали в поездку, конечно, страстно ее желали.

Хотела Вам написать о «Фигаро»[2]) не только справку бухгалтерии, но и судьбу последних спектаклей. Знаете ли Вы, что очень сильно заболела еще в мае Н. А. Соколовская? Она, возвращаясь со спектакля домой, неудачно соскочила с трамвайной площадки и сломала себе шейку бедра. Это очень сложный и тяжелый перелом и требует лежанья в течение месяцев 5-6. Ужасно ее жалко, подумать только, как трудно ей будет леченье. В Театре, конечно, начали соображать о возможности ее заменить в «Фигаро», в котором уже одна замена сделана: вместо Лужского — Яншин, вместо Яншина — Топорков. И

---

[1]) О. А. Бертенсон, мать Сергея Львовича.

[2]) «Женитьба Фигаро». Комедия Бомарше в переводе С. Л. Бертенсона.

вдруг в те же дни на спектакле «Турбиных», играя в первый раз Николку вместо больного Кудрявцева, Комиссаров ломает себе ногу и выбывает из спектаклей до конца сезона. Вводить еще нового Керубино было уж совсем невозможно, и два последние спектакля «Фигаро» были заменены другими пьесами. А в «Турбины», которые оставались почти единственными в репертуаре, на роль Николки спешно ввели Массальского. Поздно я Вам описываю все новости, вероятно, Вы их знаете. Очень много дела у меня в связи с оживленной деятельностью нашего Художественно-Политического совета этого года. При Вас, в прошлом сезоне, Совет собирался редко, работал вяло. В этом же сезоне заседания были очень часты, члены Совета проявляли к Театру громадный интерес.

Вот видите, я разболталась очень, поэтому прощаюсь с Вами, милый Сергей Львович, и надеюсь не только получить от Вас ответ на это письмо, но и вообще Ваше уверение, что переписка между нами возобновится. От души желаю Вам всех возможных благ.

Ваша О. Бокшанская.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

8 июля 1929. Карлсбад. Милый Сергей Львович! Ко мне посыпался град Ваших писем, присланных из Берлина и из Москвы. Всякое принимаю с огромным интересом. А я еще не продолжил своего первого письма отсюда. Меня **очень** тронули Ваши строки о тоске по мне. Я знаю, что Вы не очень любите изъясняться, и потому тронут тем более. Но мне бы хотелось вдунуть в Вас отсюда бодрости.

Да, Вы правы и хорошо это выразили, что не жалеете об отъезде, но жалеете о том, что были вынуждены это сделать. Ну, а если бы Вы были в МХАТ'е? Вот Ваше письмо о наших театральных журналах, о «Карамазовых», да прибавьте еще снятый после 3-х месяцев репетиций «Бег». Да что я буду ставить в опере? Ведь все, что есть хорошего — отсюда из Европы, а это все буржуазно. Правда, это только и делает в Москве сборы. Но, во-первых, противное, как клопы и комары, «идеологическое» испытание. А во-вторых, смогу ли я ставить? Чтобы платить авторские, надо купить нотный материал, значит, валюта. А ее нет! В русских новейших композиторов, включая сюда и Книппера, я в **опере** что-то не очень верю. Т. е. и в опере, и в оперетке, вообще в театральной композиции.

Словом, хочу сказать, было ли бы Вам хорошо в Москве в смысле преданности тому, от чего пришлось отказаться на «сорок пятом году жизни». А если присоединить к этой неудовлетворенности бытовые условия, с какими Вы, привыкший к Европе, никак не можете помириться, то легко понять, что Вы невероятно тосковали бы по «загранице», и жизнь в Холливуде с работой у Скэнка Вас манила бы, как рай. Надо, милый Сергей Львович, помнить, что сейчас нигде не хорошо, ни в одном

пункте земного шара. Кроме немногих счастливчиков, вроде, скажем, Скэнка. Я не в счет. Я слишком хорошо поставлен. Но разве Вам не ясно, что мне приходится «зажимать» в душе! И как часто! И, Вы думаете, редко я спрашиваю себя: «Хорошо поступил, что уехал из Америки?» И только упорное напряжение мысли: все было в свое время крепко обдумано и взвешено, стало быть, нечего и останавливаться на этом, — только это утешает приступы какой-то щемящей неудовлетворенности. Сегодня в кабинете доктора развернул какой-то журнал и наткнулся на снимок домов в Холливуде в «старо-испанском стиле» и так хорошо-хорошо знакомые, и «защемило» и захотелось этого постоянного лета и этой какой-то свободы, несмотря на зависимость... И так как я вешал на чашках весов Америку и Россию, уезжая, было 48 и 52, а не 20 и 80, то вот и подумаешь, вспомнишь или рассудишь, и быстро становится 51 и 49, 52 и 48.

Вот не хочет ли Скэнк рискнуть (право, не многим), чтоб я приехал, **вот сейчас** недели на 4, развернул перед ним штук шесть сценариев и уехал? Скажите ему. А я бы сейчас ему дал: 1, 2 для Долорес дель Рио, 3 хорошо для Клары Боу, 4 для Лилиан Гиш, 5 хорошо для Менжу, 6, 7 для того или той... Пьесы, делаемые для кино, пьесы первого сорта, развернутые в разговорные романы... Вообще, мне кажется, что я бы натворил именно теперь! И как раскрыл бы необходимость характеров и **качество** диалога! К концу сентября я возвратился бы в Москву. Екатерина Николаевна подождала бы меня в Женеве. А весной опять привез бы в Холливуд новые пьесы. Право, скажите Скэнку.

Перечитал несколько новых оперных либретто, все дрянь. А в Берлине стоят великолепные дни. Я старался не очень тратиться, все время мы вспоминали Вас при моих «чаевых», но из этого выходило мало толку. Раз, вспоминая Вас, попробовал сесть в автобус. Отъехал один квартал и вылез (с трудом).

Вы пишите о моей продуктивности прошлого сезона. Прибавьте еще прекращенный «Бег» и заложенные сильно два акта «Воскресения», два акта «Бесприданницы» (с рядом репетиций), несколько картин «Трех толстяков», «Чикаго», «Дядюшкин сон». Везде проработка с художниками. Я сам удивляюсь. Каждый день после репетиций сидел час или на бульваре, или в Петровском парке.

Обнимаю Вас. Шлю приветы. Екатерина Николаевна сердечно Вам кланяется.

Ваш В. Немирович-Данченко.

23 июля 1929. Женева. Милый Сергей Львович!

Получил Ваше письмо от 6-го июня. Теперь буду писать с расчетом, чтобы получить ответ еще заграницей.

О «токис» Ваше мнение меня очень интересует. Жаль, что мне некогда высказать моих мыслей по этому поводу. Любопытно проверить потом, прав ли я окажусь. Во всяком случае,

я предсказываю этому роль очень крупного элемента в деле кино, не первенствующую, не всепоглощающую, но очень важную, хотя и менее важную, чем, например, самая техника кино.

Поездка МХТ'а в Америку не устраивается. И потому, что Гест уже не тот, и потому, что нельзя разорвать труппу на две части. Но в Лондон весной надо устроить; кажется, удастся.

В каком-то из писем я Вам нашутил, что-то о том, чтобы сейчас приехать, но что-то в этой шутке и настоящего. Как я ни занят в моих театрах, я все какой-то «частью себя» продолжаю принадлежать Холливуду. Тут что-то и от лирики, не только от доллара. И в этой «части меня» непрерывно светится вера, что что-то должно выйти. Я Вам в шутку написал, а потом думал: а почему бы в самом деле не приехать, ну, весной, а не теперь, с запасом всяких тем и пьес?

Только говорить об этом надо не со Скэнком, пора понять, что тут ничего не выйдет, а именно с Консидайном, и еще и еще раз с Консидайном. Или с каким-нибудь новым Гестом, или с Де Грезак. Кто там встретится!

Французская виза у меня есть, но поеду ли в Париж, не знаю. Кажется не хватит у меня денег. Вот положение: в Москве, даже при моих тратах, у меня хороший запас, а валюты не хватает! Да и те, которые накопил за зиму, почему-то оставил там.

Карлсбадское лечение на этот раз очень сильное, потому что краткое — три недели вместо четырех — пройдено отлично. Я приехал с сердцем несколько расширенным, с печенью несколько ожиревшей, с давлением усиленным; все это ликвидировано, и я чувствую себя превосходно. А Женева — это для меня самое чудесное место.

Крепко Вас обнимаю.

Вл. Немирович Данченко.

Ек. Ник. шлет Вам самые нежные приветы.

28 июля 1929. Это день моих именин. Поздравления принял. Я получил вчера Ваше письмо от 16-го. Вероятно, я уже писал Вам, что думаем остаться заграницей до 10-го сентября. Я сказал в Москве, что возвращусь ровно через три месяца, когда бы ни выехал. Вот выехал 12 июня, въеду 12-го сентября. Сезон начнется несколькими днями раньше. Это ничего. Приучаю молодую дирекцию к полному управлению. Я говорил Чеховой о «Царь-девице», но мне показалось, что она не очень загорелась. Правда, она в это время была занята своими распрями с директорами. Во всяком случае, я написал сейчас Баркану, чтоб он дал ей прочесть.

«Два репертуарных совета Вы все-таки не поняли... Вы забыли, что при каждом театре есть «Художественно-политический совет»? У нас, как и в других театрах, относились к нему, как к тяжелой необходимости, не без надувательства и замазывания. Я отнесся по-настоящему. И в нем оказалось не только балаболки-карьеристы, но и искренне любящие Художествен-

ный театр, и искренне желающие поучиться. Они-то и являются для театра отличным буфером, помогающим перемолоть многие столкновения.

Старое старится, а молодое... не растет. Что будет с моим Музыкальным театром, не представляю себе. Но должен сказать, что и вообще с этим театром трудно. На кого в нем опереться? Надо воспитывать новых. Так это ведь по десять лет на постановку. И, накоец, репертуар! До чего плохи либретто всех современных опер!

Музыкальный театр относится ко мне идеально, с настоящей любовью, но ведь Вы знаете, что такое любовь актера.

Если бы пришлось снова взять весы «Америка-Москва», как это было в Холливуде, то Музыкальный театр все-таки не был бы гирей решающей.

Вот что. Давайте побеседуем, пока я заграницей (хотя на процессе Орлова были какие-то указания на то, что письма русских и заграницей перлюстрируются какими-то агентами ГПУ, но у меня от «него» секретов нет. А все-таки удобнее так, отсюда).

С одной стороны, Вы знаете, что мне в Москве до сих пор не на что жаловаться. Правительство (и его сферы) относятся ко мне хорошо, всякое, и более правое и более левое. Жить мне там дают наилучшим образом. И самое, самое важное, что там **мое** настоящее дело. В обоих театрах. Кому же и оставаться в Москве, если не мне? Бывают досадные эпизоды вроде этой глупой и временной травли или неприличных выпадов Оболенского, но где же не бывает трений! Тем более, что победа остается за мной. С другой стороны, я не закрываю глаз на то, что все хорошие случаи остаться или вернуться в Холливуд или в Америку я отклонил. И нет никаких показаний, чтоб передо мной там какие-нибудь двери были открыты. На любезную болтовню брехунов, разумеется, опереться нельзя. И 99 из 100, если бы поднять вопрос о моем приезде, или, надо смотреть трезвее, **все 100** против! Еще ряд любезностей и точка. Это все так! И тем не менее! Все-таки побеседуем. Я пишу об этом, совершенно не зная, до чего допишусь. Но какие-то блестки мыслей и чувств не покидают меня. Не буду останавливаться на первой части, т. е. на Москве. При всем благополучии, могут оказаться случаи, которые оттолкнут меня от нее. Например, угробление Музыкального театра во славу оперного театра Станиславского. Сами «Свидерские» понимают, что это может потрясти меня. Или новая травля, которую не удалось бы подавить. Есть еще мотивы личного характера, на которых не буду останавливаться. Рассмотрим вторую сторону: можно ли из невозможного сделать возможное? Вы знаете мою точку зрения: принципиально **всегда** возможно! А если так, то об этом можно разговаривать, несмотря на «все 100 процентов» невозможности. Теперь буду набрасывать мысли без логической связи. Вот первая. Если бы прошел в Холливуде хоть один мой сценарий, хоть один! Положение сразу изменилось бы на несколько десятков шансов. Мой образ из мглы сразу получил бы наглядные

и знакомые очертания. Отсюда уже можно было бы повести какие-то переговоры. Это кажется мне до такой степени верным, что возбуждает во мне сильнейшее желание дать такой сценарий, который прошел бы. За зиму у меня накопилось их довольно много, 7-8. Таких, о которых я довольно много думал. 4-5 из них мне кажутся превосходными. За последние дни, когда я уже отдохнул от зимы и от курса лечения, я уже и остановился на том, с которого начать. И вот-вот размахнусь писать (т. к. это перерабатываемые пьесы, то диалоги готовы). Один сценарий с блестящей ролью для Греты Гарбо, другой с еще более блестящей для Дель Рио, третий для прекрасных двух мужчин и красавицы. А все-таки с какого начать? С Гарбо или Долорес? Начал с того, который более готов. Потому что, кто вас там знает? У вас так легко перетасуют: отдадут той актрисе, которой сейчас нужнее, и вместо Греты Гарбо будет играть Дель Рио.

Между прочим, скажите, доходит ли в «токис» остроумие диалогов? Понимаете, блестящее комедийное остроумие? Доходит ли это так, как в хорошем комедийном исполнении на театре? Это очень важно для одного из моих сценариев. Все эти сценарии, нет, пять из них — простые, бытовые пьесы, современные, т. е. не пугающие обстановкой, костюмами и т. д. И не чересчур русские. Это все я, конечно, учитываю. Вообще, я часто досадую, что не нахожусь в расстоянии телефона с Холливудом. Вот так бы сел в автомобиль и съездил спросить...

2 августа 1929. Видите? Даже в Женеве не пишу, как следует. При всем великолепии обстановки, отдыха, свободном времени — откладываю. И хорошо. В эти несколько дней передумал о том, что начал писать Вам. Да, надо, чтоб какой-нибудь сценарий был принят! Тогда только можно разговаривать. Однако, для того и пишется это письмо, чтоб можно было разговаривать (в случае принятия сценария). Когда я буду в Москве, тогда, стало быть, переписываться будет затруднительно.

Пожалуйста, передайте Баклановой (хоть по телефону): в фойе Театра я меняю (в виду ремонта и 30-летия) состав фотографий. Вместо разных старых и ненужных, вывешу всех лучших артистов Театра за 30 лет. Но так как денег у нас на это нет, то предлагаю каждому самому заплатить за свой портрет. Знаете, как это делалось в старину: вас награждают Станиславом или Владимиром, но покупать орден вы должны сами. Портреты стоят очень дорого, что-то по 100 рублей. Бакланову повешу с Гзовской и Барановской и Мих. Чеховым.

Бросаю писать, чтоб послать письмо.

Обнимаю Вас. Ваш В. Немирович-Данченко.

3 августа 1929. Милый Сергей Львович!

Вчера отправил Вам письмо, и вчера же получил Ваше от 23 июля, где Вы пишете о визных затруднениях. Да, конечно, это громадный коэффициент. И все-таки! (Очень я люблю это «и все-таки»! При всяких неприятных соображениях). И все-

таки не роняйте настроения. И ведь Вы вовсе не пессимист. Вы очень склонны не только к идеализму, но и к подъему близкому к энтузиазму. Единственный Ваш недостаток, что Вы слишком, чересчур любезны и с людьми, и с обстоятельствами: торопитесь уступить свое место. Значит быстро роняете настроение.

Ах, этот мой недостаток: забывать про то, что я писал или говорил! Вы знаете этот недостаток. Что такое я писал о Гесте и о Толберге? Да! Кажется, что надо «долбить». Это верно, надо. Надо долбить, а если одну мою «стори» примут — ударить крепче...

Бакланова, значит, уехала, так что Вы не сможете ей написать о портрете и пр. А может, напишете? Напишите.

19 августа 1929. Милый Сергей Львович!

Я так и думал: не писал Вам, где буду пребывать, и Вы пошлете письмо в Берлин. Из-за этого я получил его двумя днями позднее.

Теперь уж надо писать последние заграничные, более или менее свободные. Сначала мелочи, но важные. Спасибо Вам за предложение 150 долларов. И они могут оказаться очень полезными. Сделаем так: переведите их в банк на мое имя. Если не понадобятся, я их там и оставлю. Вообще, у меня с валютой заминка только теперь. Я уверен, что в будущем будет лучше. Я в Женеве до 30 августа. С 31-го в Берлине. Из Берлина уезжаем 10-го сентября. В Москве 12-го.

Чехова написала мне, что пришла от «Царь-девицы» «в неописуемый восторг», что рассказ уже читают два фабриканта и т. д. Это было только на днях. Новыми сценариями я занимаюсь. Некоторые из них мне все так же кажутся превосходными.

Статью Вашу я прочел с большим интересом. Это точка в точку то, что я думаю о говорящем кино, точка в точку. Не могу скрыть, что именно теперь кино меня очень волнует. Возможностями, которые мне так понятны. Однако, как я уже Вам писал, пока не пройдет хоть один мой рассказ, ничего из переговоров обо мне не выйдет. Мысль Вашу написать Консидайну я попробую прожевать. Условимся так: вряд ли я пошлю ему такое письмо теперь. Да и не по-деловому это. Писать о весне теперь. Если рассказы уже вполне созрели, и мысль о них увлекает Консидайна, то он захочет осуществить ее скорее. Если же все откладывается до весны, то не стоит так рано интересоваться! Мне надо послать ему в течение зимы. То ли сразу, то ли по частям. Но переговоры о поездке вести зимой будет нельзя. Поэтому эту часть переписки, т. е. то, что я охотно приехал бы весной, и что бы я хотел сделать, эту часть я думаю заготовить отсюда и прислать Вам, а Вы побережете мое послание до присылки второй части письма, т. е. до краткого изложения тем. Это на всякий случай. Потому что, по всей вероятности, можно будет и зимой с Москвой переписываться о поездке и даже об условиях.

«Фигаро» и не собираются снимать. Не помню, но, кажется, он опять в абонементе. К Вашей болезни «самоотравления». Если Вы будете относиться ко всем Вас окружающим с высоты Вашей духовности, то Вы не только не поборете «самоотравление», а еще больше культивируете его.

Надо работать над собой психо-физиологически. Непрестанно! На каждом шагу. Улыбайтесь. Насильно. Заставляйте себя. Гримасничайте. От физического движения губ получится внутреннее самочувствие. Но главное вера. Как ее воспитать в себе? Если Вы будете на каждом шагу говорить: «Ну, вот! Я готов. Но что же делать, когда этот мерзавец, а этот дурак!» Или: «Ну, вот я верил, вчера верил, и третьего дня верил! А между тем ничего не вышло!» Это не будет вера! Надо всегда, постоянно. Надо изъять из души мысль о **возможности неосуществления.** Нет, Вы еще не продумали этого **до конца.**

Пока! как говорят в СССР.

Ваш В. Немирович-Данченко.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва. 7 сентября 1929. Милый Сергей Львович!

Письмо Ваше получила я еще в августе, но не писала Вам потому, что хотелось набраться впечатлений о Театре, начать сезон, а потом уж писать Вам.

Начали мы сезон «Вишневым садом» 3-го. И играем теперь прескучный репертуар: эту пьесу и еще две — «Бронепоезд» и «Блокаду». «Турбины» сняты, «Фигаро» ждет ввода новой Марселины, т. к. никто не знает, когда сможет вернуться к работе Соколовская. Новые постановки еще совсем сырые. «Бесприданница», которую сначала ставили на первое место, отодвинулась. Владимир Иванович смотрел весной показ и был недоволен работой, придется ему самому там многое делать. «Воскресение» теперь на первом месте, но ведь наша Катюша — Еланская должна родить. Ждали этого события в конце августа, но вот уж сентябрь, а ребеночка еще нет. Когда она поправится, начнут работать «Воскресение». «Три толстяка» — пьеса сложная, показ весенний Владимиру Ивановичу понравился, но работы там пропасть и для актеров и для художника. «Отелло» будет ставить только Константин Сергеевич, а вернется он не раньше конца октября. До тех пор и репетировать не будут. Вот и вертимся мы, как в колесе, в оставшихся у нас трех пьесах. На Малой сцене не лучше: там только «Квадратура круга» делает нужные сборы, остальные старые постановки все использованы и кассу не делают. Вот и идет «Квадратура» почти ежедневно. Там еще в октярбре хотят выпустить «Дядюшкин сон», но с этой пьесой уже столько заминок было, что,пока его не поставят, я не поверю, что пьеса будет выпущена. Для выпуска новых пьес:«Чикаго», «Универмага», делается много усилий. Вероятно, туда примут еще одну очень приятную, свежую такую, юную пьесу «Наша молодость». Ее хочет ставить Нина

Николаевна[1]). Еще приняли у нас пьесу «Взлет» для районных спектаклей. Обе последние пьесы молодых современных авторов.

Ну, а теперь самая животрепещущая новость наших дней: у нас Главискусством изменена система управления. Утверждена дирекция в составе трех человек: Владимир Иванович, Константин Сергеевич и новый совсем человек т. Гейтц, которым принадлежит вся полнота власти. При дирекции, как совещательный орган, имеется коллегия в составе уже трех лиц, плюс наше бывшее Управление, т. е. наша пятерка (ведь при Вас была утверждена шестерка, но потом из нее ушел Завадский, и осталось Управление из пяти лиц). О возможности такой перемены говорилось уже давно, еще в конце прошлого сезона. Потом с концом спектаклей всякие разговоры кончились, т. к. некому и не с кем было говорить, все разъехались на отдых. Но, уже с июля-августа начиная, снова стали говорить о назначении к нам Гейтца, а третьего дня состоялось его утверждение. Я его совсем не знаю, никогда даже не видела. Отзывы о нем хорошие: это очень культурный работник. Прежде он был во главе Управления зрелищными предприятиями Москвы. Театральный стаж у него большой.

Владимир Иванович возвращается через несколько дней, 12-го. Я уж не могу дождаться. Работа с ним и около него дает столько радости, заставляет работать мозг и очищает душу от множества мелочей и сора. Письма от него приходят хорошие. Я бы хотела, чтобы он возможно полнее отдохнул. В своем последнем письме ко мне он сообщил о возможности устройства весенней гастрольной поездки в Лондон, вероятно, с захватом и Прибалтики, и Германии. Он поручил мне «поставить на ноги» этот вопрос в Управлении и среди стариков. Отношение к этому в Театре доброжелательное, далеко не такое, какое было к поездке в Америку. Поездка с апреля может составиться относительно легко и не затронет московского репертуара. К тому же, она ведь не надолго. А сегодня мне телефонировал Леонид Миронович[2]), что в «Берлинер Тагеблатте» от 1 сентября, в объявлении дирекции Леонидова об ее работе в предстоящем сезоне, стоит и наш Театр.

Сегодня впервые после долгого отсутствия пришел в Театр Василий Васильевич[3]). Он вчера вернулся из-за границы, где лечился в Бад-Эльстере, а отдыхал под Берлином. Он оживлен, хорошо выглядит, посвежел. 15-го будет в первый раз играть Фирса. Ольга Леонардовна[4]) вернулась тоже веселая и свежая, остригла волосы, мила, как всегда. Франтит, конечно, на зависть нам. Нет, шучу, я не завидую. Наоборот, так приятно посмотреть на хорошие вещи. Москвина, Качалова, Грибунина еще

---

[1]) Н. Н. Литовцева.
[2]) Л. М. Леонидов.
[3]) В. В. Лужский.
[4]) О. Л. Книппер-Чехова.

нет, все они получили продление отпуска примерно до середины сентября. Николай Афанасьевич[1]) ездил отдыхать в глушь на Дон. Но отдых его был короткий, недели три, а потом он в тех же местах снимался для кино. Он играет старика-казака в картине «Тихий Дон». Знаете ли Вы этот роман? Он имел у нас громадный успех, приведший даже к обвинению автора в плагиате. Может быть, картина эта дойдет и до Вас, тогда увидите там Николая Афанасьевича, правда, в сложном стариковском гриме. Снимать ее будут и зимой, а потом даже какие-то сцены в Берлине, но туда он не должен ехать, его сцен там нет. Вероятно, выпустят картину весной.

Все лето в Театре шел большой ремонт, но невидимый сейчас для посторонних глаз: чинили балки, перекрытия, но после починки все помещения приняли свой старый вид. Изменены только комнаты Правления, где вместо двух комнат сделаны четыре. Они еще даже не готовы, обещают кончить с ремонтом дней через десять.

Милый Сергей Львович, от души желаю Вам радостей и удачи. Не забывайте меня.

Ваша О. Бокшанская.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

10 сентября 1929. Милый Сергей Львович!

Собирался-собирался писать Вам длиннейшее письмо, да и доскакал до того, что едва напишу несколько строк.

10 сентября, сейчас, мы уезжаем в Москву, где будем 12 сентября в 10.50 утра. День в день три месяца. А начало сезона там: в МХТ'е 3-го сентября, а в Музыкальном завтра, 11-го. В Худ. театре назначен 3-й директор, коммунист. Я получил телеграмму от Свидерского, что есть такой проект, каково мое мнение. Я ответил отрицательно. А Станиславский ответил согласием, с условием сохранения Егорова. Назначение все-таки состоялось. Правда, предполагалось, по телеграмме Свидерского, упразднение Управления (пятерки), это-то, вероятно, и привлекло Станиславского. Но я особенно настаивал на сохранении, и пятерка сохранена. Все же предстоят хлопоты, Вы понимаете.

Я все-таки хочу наладить приезд весной или в июле на несколько недель. Я напишу письмо, но Толбергу или Левину, или тому и другому, но не Консидайну. Хотя я буду писать из Москвы без эзопова языка, но хорошо бы не размазывать.

Лондонская поездка или по Германии и Голландии весной стариков Худ.театра, вероятно, состоятся.

Я видел «Тиль Уленшпигель»[2]). Очень понравилось. Познакомился с автором. Он и либреттист очень ухаживали за мной. Я и Екатерина Николаевна пили у него чай. Устроили с изда-

[1]) Н. А. Подгорный.

[2]) Тилль Уленшпигель — опера Марка Лотара.

тельством о платеже не валютой, а рублями. Везу клавираусцуг. Это будет опять по Вашему настойчивому указанию.

Некогда писать. Крепко Вас обнимаю. Екатерина Николаевна шлет Вам сердечный привет. Я Вам скоро напишу обо всем.

Ваш В. Немирович-Данченко.

Пишите чаще! «Майглюкхен» и проч. и проч. везу Вашим.

13 октября 1929, воскресенье. Милый Сергей Львович!

Все поджидал Вашего письма. Вот уже месяц, как мы вернулись в Москву. Вашу просьбу привести Вашему отцу разные вещи не выполнил. Т. е. я привез, но на таможне потребовали такой большой пошлины, какую я счел для себя неприличным платить т. е. неприлично мне так дорого платить за роскошь парфюмерии. Как всегда, я привез, и довольно много, духов для друзей женского пола, и от этого всего пришлось отказаться. Я до сих пор не получил еще из таможни то, что имею право получить (затяжка эта, впрочем, по моей вине), но завтра-послезавтра получу и кое-что все-таки пошлю и Вашему отцу, и брату. И кофе маме доставлю.

Потом я здорово подболел, отравился чем-то. Дней 10 не выходил, хотя температура, и то небольшая, длилась всего день. Но ослаб, надо было вернуть силы.

Марселину репетирует Шевченко. Как она ни брыкалась. Через неделю «Фигаро» возобновляется. Завадский театра еще не получил. О «Машиналь» на днях совещался кое с кем, как ее использовать. Видите, не забываю.

Новостей у нас очень много. Как Вы знаете, Луначарский оставил свой пост. И Яковлева тоже. Бубнова все очень хвалят. По тому, что доходит до меня (слухи или его речи), видно, что человек берется за самое главное, за самое коренное в народном образовании — за школу. Свидерский тоже ушел — полпредом в Ригу. На его месте Раскольников. Вы знаете, что у меня с ним отличные отношения. А председатель реперткома, тоже расположенный к нам — Поккель .

С новым директором отношения у меня пока отличные. Он пока во всем следует за мной, до мелочей. «Пятерка», официально, несет действительно только совещательные функции, но фактически делает больше. И у нее с новым директором отношения пока хорошие. На месте Егорова давно Никитин. Но Егоров все еще в театре, хотя ничего не делает. Константин Сергеевич прислал бумагу, что доктора его удерживают заграницей, по крайней мере, до весны. Конечно, этого надо было ожидать. Я думаю, что спокойно пишет книгу. В одну зиму поправиться не мог. Репертур у нас пойдет так: Большая сцена: «Воскресение», «Отелло», «Три толстяка». Малая: «Дядюшкин сон» (?), «Рокси-Чикаго», «Универмаг». И есть еще очень недурная пьеса, современная, советская: «Наша молодость». Может быть, она даже сдвинет какую-нибудь на Малой сцене. «Отелло» доведет до конца Судаков по мизансценам, которые пришлет Константин Сергеевич.

А на Музыкальной сцене «Тилль» и «Город ветров» Книппера. Он дописывает. Я еще не знаю, что у него выходит. Как я все это успею, один Аллах ведает! А мне еще надо, как Вы знаете, выполнить мои сценарные задачи.

Вот какая к Вам просьба, милый Сергей Львович. Опять покушение на Ваши маленькие сбережения. Но я их летом Вам верну. 1. Уплатить за »Motion Picture«, »Photoplay« и »Housekeeping» на следующий год. 2. Подготовить опять рождественский расход. Все тем же лицам, как и в прошлом году. Всего долларов на 50-75. Пожалуйста, не протестуйте, щадя мои деньги. Я Вам еще напишу об этом подробнее. Мне кажется, я отлично угадываю Ваше отношение ко всему тому куску нашей переписки, в который входят сценарии, предполагаемые переговоры с Цельником[1]) или с Толбергом; увлечение Холливуда исключительно «токисами», совершеннейшее равнодушие, не только Скэнка или Консидайна, но, вероятно, и Толберга ко всем-всем и всяческим предложениям, которые могут прийти вновь или возобновиться от меня. Учитывая Вашу, как Вы выражаетесь, реальную политику, я не могу не догадаться о Вашем отношении ко всему этому. Если оно не глубоко пессимистично, то только, во-первых, из деликатности, а во-вторых, из какого-то стихийного доверия ко мне: «А может быть! Не буду очень критиковать. Буду исполнять его поручения.» Нечего и говорить, что в данном случае Ваша реальная политика на 99 процентов права. А все-таки 99, а не 100. И можно так действовать, и могут быть такие обстоятельства, что этот 1 процент будет иметь решающее влияние. Отчасти поэтому я не тороплюсь с письмами к Толбергу и Консидайну, ни с самими сценариями. Теперь уж они должны быть совершенны. Чтоб легче было долбить и продолбить.

Обнимаю Вас крепко. Екатерина Николаевна, Миша и все окружающие здоровы. Вам очень и очень кланяются. Привет кому найдете нужным.

В «Фотоплэй» есть снимок Дугласа и Мери в «Укрощении». Слабо!

Леонидов налаживает поездку весной по Германии и, может быть, в Лондон. Кажется, выйдет. Новый директор сочувствует ввиду того, что весной может начаться перестройка Малой сцены.

6 ноября 1929. Милый Сергей Львович!

Если ждать, когда я могу засесть за большое письмо, то долго придется... Поэтому пишу клочками.

В Театре было большое событие: вспыхнуло недовольство «пятеркой», которое подогрелось интрижками всех «прежних». Были «совещания». Как всегда, говорилось много неверного и лишнего. Но т. к. и я сам перед этим высказывал недовольство «пятеркой», зарвавшейся во властолюбии и мелких распрях, то

[1]) Ф. Цельник — продуцент и режиссер.

защитить мне ее не пришлось. К счастью, так называемый «красный» директор (Михаил Сергеевич Гейтц) оказался исключительно умен, внимателен, тактичен, энергичен. Это дает мне возможность предоставить все эти дела ему, а самому заниматься искусством.

Между прочим, я занят накапливанием материалов по моим книгам: 1. О театральном искусстве вообще. 2. О Художественном театре. Как Вы думаете, написать об этом Сейлору? Крепко Вас обнимаю. От Екатерины Николаевны и Миши всем вам крепкий привет.

В. Немирович Данченко.

«Женитьба Фигаро» идет довольно часто и включена в абонемент и продается целевыми спектаклями. Я еще не видел Шевченко, но, говорят, она играет хорошо. Статью о «Машинист Хопкинс» получил, спасибо. Я знал об этой опере еще весной. Она включена в репертуар Мариинского театра. Очень, очень благодарю, что Вы среди Ваших бесконечных дел не забываете и об этом.

Неожиданно получил письмо от Лилиан Гиш, написанное накануне ее отъезда из Нью Йорка. Очень милое. Грустно рассказывает о всех своих неудачах. Я не верю, что ее звезда может совсем закатиться. Если бы я был около нее, я бы сумел внушить ей бодрое, спокойное ожидание очень скорого поворота счастья опять в ее сторону. Говорю это не только в порядке легкомысленного оптимизма, но в проникновенном угадывании событий. И спокойно отвожу возражение: «вы не знаете американских вкусов». Я ответил Гиш по-английски, самостоятельно. Правда, я сочинял письмо три часа, но сочинил! Хотел бы похвастать перед Вами. Но чем я решительно похвастаю: я разобрал ее ужасный почерк до последнего слова.

Вообразите, что из совершенно безнадежного «Дядюшкина сна» я, кажется, сделал хороший спектакль. Если это так выйдет, я уж и не знаю, что о себе думать!

17 ноября 1929. Милый Сергей Львович!

Получил Ваше письмо от 28 октября, думаю, что и мои письма не пропали. «Искусство» Бокшанская будет Вам посылать. Теперь «Современный театр» и «Новый зритель» кончились. Серьезно думая, нахожу, что никому от этого не холоднее. Издается новая газета «Рабочий и искусство».

Музыкальный театр занят «Тиллем» и «Городом ветров». Я еще не был ни на одном классе, я весь в МХТ'е. Тут пока ничего нового. С моим содиректором (Гейтц) работается легко. «Пятерка» («шестерка») кончила свое существование под напором критики общего собрания, справедливой процентов на 20, не больше.

Вы не раз уже писали, что Цельник думает о какой-то работе со мной. Хорошо бы, если бы я точнее понимал, на какую именно часть он рассчитывает в смысле помощи, содружества. Сам-то я понимаю это содружество очень широко, по всей ра-

боте, начиная от сценария, продолжая актерами и заканчивая общими впечатлениями. Везде и моя фантазия, и мои предложения, занятия. Но с предоставлением ему, Цельнику, по всей линии решающего голоса! Так бы я хотел. Попутно, в свободные беседы — предложение будущих сценариев, идей, планов, даже коммерческого характера. Вы понимаете? Все то, чего я так не мог добиться во время пребывания в Холливуде. А как ему представляется?

Вот Вы в Холливуде знаете о воспоминаниях Боборыкина, а я в Москве не знаю!! Крепко Вас целую. Екатерина Николаевна, Миша... Вам, ... все нежное.

Ваш ВНД.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

19 ноября 1929. На днях был у меня Фокин, решивший поселиться здесь окончательно. Наслушавшись рассказов о том, что в Холливуде для него сейчас самое подходящее место, он ликвидировал в Нью Йорке свой дом и имущество и, забрав жену и сына, на автомобиле отправился в Холливуд. Ехали они недели две. И вот теперь выясняется, что, в сущности, он здесь никому не нужен, и никто им не интересуется. У меня от разговора с ним осталось самое тяжелое впечатление, что он переживает сейчас ту же трагедию, которую испытывают в Холливуде все большие художники: им здесь нечего делать. Он полон идей, фантазии, желания работать, а применить себя негде. И это в то время, когда в Холливуде только и говорят, что о музыкальных картинах, и когда он мог бы быть прямо неоценимо нужным. Вспоминал он Императорские театры, где, только задумав что-нибудь, он почти сразу мог начинать работать.

Сегодня я обедал с ним, и мы не расходились с 7 часов вечера до часу ночи. Все, что он рассказывал, так интересно, так волнительно слушать, как он фантазирует о своих постановках... Мне казалось, что я вновь погрузился в атмосферу настоящего искусства. Каких только планов у него нет! И сколько замечательного он мог бы еще сделать! Ему рисуется блестящая хореографическая фантазия на тему «Ночь на Лысой горе» Мусоргского. Фантастический шабаш ведьм, вакханалия славянско-мифологического характера. Или новая арлекинада в Венеции, какая-то импровизация стиля комедиа дэль артэ на музыку Бетховена, специально им подобранную из разных вещей, где каждое движение, каждый жест будут совпадать с музыкой... Рассказывал он также многое из прошлого Дягилевского балета. Минувшей весною он ставил в Париже в опере Кузнецовой «Половецкие пляски». Кроме Романова, никого из прежних исполнителей не было. Но почти каждый исполнитель танцевал где-то и когда-то эти танцы, сделанные кем-то «под Фокина», и потому он смог поставить их в десять дней. Успех был триумфальный. Декорации к опере делал Билибин, режиссировал Евреинов, дирижировал Купер.Работа была по-настоя-

щему художественной. После Парижа он ставил «Половецкие пляски» в Риге, в Латвийской опере, и говорит, что латышские артисты обнаружили прекрасные способности, отличный темперамент, и постановка прошла даже лучше, чем в Париже.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

1 декабря 1929. Милый Сергей Львович!

Еще вот что: спросите Цельника. По части темы. Может быть, какие-нибудь его особенно привлекают. Романтическая или историческая, или комедийная, в лучшем смысле. Военная. Или уличная. Я помню, что одно из условий — не дорогая. Значит, не историческая? Но ведь и историческую можно дать в частном романе, в эпизоде, в интимной обстановке. Без пышных сцен. Тоже и военная. Может быть рассказ без больших военных сцен. А все же у Цельника может быть особое тяготение к тому или другому. Все это я пишу на случай темы для сценария.

По журналам не пойму, как же прошло «Укрощение строптивой»?

Вчера пропустил последнюю генеральную «Дядюшкина сна» (скорее летаргии). Благодаря моей огромной работе, в которой было много настоящих творческих находок, совершенно безнадежный спектакль стал даже волнующим и радующим. Между прочим, Зинаида (Коренева) должна петь на сцене и увлекать князя. Удалось так это поставить, что Коренева пела недалеко от рампы **лицом к публике.** Екатерина Николаевна и окружающие, сидевшие в **первом ряду,** засыпали меня вопросами, как я мог до сих пор не использовать Кореневу в Музыкальном театре, с ее прекрасным голосом, фразировкой и т. д. Это была настоящая синхронизация. (Пела Яковлева-Татаринова, помните?). От «Дядюшкина сна» я очень устал. Приятные частности: отлично сыграл Синицын, и с очень большим успехом (аплодисменты среди акта) Кнебель. Она сыграла за Лилину. Я был в отчаянии от Зуевой одной, потом Зуевой другой[1]). Нельзя было пустить (Лилина ведь осталась со Станиславским). За неделю до последной генеральной вызвалась Кнебель и сыграла великолепно. Очень трудную роль.

Заболел надолго Качалов (воспаление легких), и «Воскресение» стало. Теперь пойду на время в оперу. «Воскресение» выходило великолепно. Качалову уже лучше.

Прилагаю несколько карточек для приложения к подарочкам.

Мельниц произвел на меня самое очаровательное впечатление.

---

[1]) Зуевы Анастасия Платоновна и Лидия Игнатьевна — артистки Художественного театра.

Н. Д. ВОЛКОВ[1]) — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

4 декабря 1929. Многоуважаемый Сергей Львович!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам свою книгу «Мейерхольд» (2 тома). Делаю это с особенным удовольствием, т. к. знаю, как Вы тонко чувствуете и любите театр.

Из посвящения к книге Вы узнаете о кончине моей жены Бэлы Георгиевны Казарозы. По-моему, Вы знали ее, и я посылаю Вам особый экземпляр с ее портретом. Смерть эта потрясла меня, и я живу чувством, которое лучше всего сказать словами Гамлета: «Распалась цепь времен».

Сейчас больше уделяю внимания кино, чем театру. Думаю, что здесь еще громадные возможности новой художественной выразительности.Проблема кино-языка находится еще в становлении, и рано говорить о кризисах. Смотрел американские тонфильмы; поскольку это театр — это плохо, но там, где звук взят монтажно — там возможны острейшие контрасты и эффекты.

Ваши статьи всегда очень интересны и дают возможность ясно и точно представить и «свет и тени» американской кинематографии. Убежден, что если бы Вы написали книгу об этом — это было бы событие.

В этом году в МХТ'е (на Малой сцене) в моем переводе (совместно с другим переводчиком) идет пьеса «Чикаго». Вы, вероятно, знаете ее.

У «Книпперов» Ваше имя всегда произносится с особой любовью, и Ольга Леонардовна поставила Ваш портрет на самом видном месте. Поэтому мы часто вспоминаем Вас с неизменной приятностью. Сейчас Ольга Леонардовна имеет очень большой успех в «Дядюшкином сне», премьера коего состоится завтра, 5-го декабря. Генеральные уже прошли с большим подъемом.

В прошлом и этом году я был заграницей, в Париже и Берлине. В этом году, в связи с кончиной Бэлы Георгиевны, в Берлине. Б. Г. умерла в Германии.

Желаю Вам всего, всего лучшего. Поздравляю Вас с 1930-м годом. Пусть мои книги будут Вам новогодним приветом. О получении их благоволите осведомить.

Ваш Н. Волков.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

9 декабря 1929. Провел длинный вечер у Фокина. Он показывал мне в домашнем крохотном кино снимки с некоторых его танцев, очень занятные снимки его путешествия на автомобиле через Колорадо и самое интересное — моменты его недавней поездки в Европу: Париж, Берлин, Рига, и, наконец, возвращение в свой дом в Нью-Йорке.

---

[1]) Николай Дмитриевич Волков — театральный критик и драматург, автор ряда театроведческих работ.

11 декабря 1929. Получена телеграмма, что вчера скончался отец. Ему было 79 с половиной лет. Последние полгода он сильно болел и больше лежал в постели.

Когда Консидайн через свою секретаршу узнал об этом, он передал мне свое сочувствие в очень теплых выражениях, добавив к этому то, чтобы я считал себя в студии «своим», каковым меня считает дирекция. Это меня очень тронуло.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

15 декабря 1929. Дорогой Сергей Львович!

Вот как все это совпало с Вашим батюшкой. Вчера пришло известие о кончине. В ночь с пятницы на субботу он умер.

У нас, как Вы, конечно, слышали, воскресенье уничтожено, т. е. не является днем отдыха. Теперь не семидневная неделя, а 5 или 6: пятидневка или шестидневка. Пять дней работы, шестой — отдых. И никаких праздников. Кроме нескольких революционных. Точный, новый календарь еще не установлен. Очень сложно, пока не наладилось. И неделя (пятидневки) непрерывная. Так что театральные понедельники уже прекратились. Спектакли ежедневные. В Музыкальном театре имеется общий день отдыха, для всего театра, а в Художественном поразному: у одних отдых вторник, у других среда и т. д. С репетициями трудновато.

«Дядюшкин сон» сдан. Хвалю себя. Из совершенно безнадежного сумбура сделал очень живой и сильный спектакль. Но интереса он, как и следовало ожидать, не возбуждает, т. е. не будет привлекать. Наибольший успех имеют Книппер и Синицын. Ольга Леонардовна давно-давно ничего так не играла. Это выше и «Осенних скрипок», и «Жизни в лапах», и «Вишневого сада». Ее можно очень поздравить. Великолепен Синицын, по четкости, звонкости, искренности. Занимался я до надрыва.

Да, вот Вы пишете о Гиш, что со мной она заблистала бы, как бриллиант. И я это часто думаю. Что я мог бы сделать в нормальных условиях! Т. е. если бы актриса занималась со мной попросту, как вот тут.

С книгами я так и поступаю: составлю синопсис (четыре книги! Но разного содержания). Причем две из них, т. е. самые важные (учение о театре для школ и колледжей) должны быть написаны отдельными главами . . .

Хотел бы поделиться с Вами, но об этом долго писать. Тут весь театр. И идеологически (актер), и техника актера, техника режиссера, и сцена, и зал, и публика. Все это разбито на отдельные рассказы, из которых каждый имеет совершенно самостоятельное значение (Шопенгауэра «афоризмы и максимы» разные, но связанные одной подосновной идеей). Режиссер-актеру, режиссер-зеркало, режиссер за автора, народные сцены. Вся актерская техника, Художественный театр. Ну и т. д. У меня даже сценарии отошли на второй план. И во время моих

репетиций, и драматических и музыкальных, я набрасываю, чтоб не забыть.

Сегодня буду смотреть новых исполнителей в «Фигаро»: Прудкина, Тарасову (Сюзанна), Яншина (Бартоло), Топоркова (Антонио). Пьеса идет довольно часто. О «Машиналь» поднял опять речь, но... Наш новый Художественный совет еще более крайний. Он и «Рокси» не принимает.

У Вас теперь все новые и новые звезды. С Бродвея!

Недавно я набросал статейку (по-английски). Набросал и не имел времени написать ее, как следует. Тема: Как переход от немого кино к говорящему должен отразиться на простоте актерской игры, потому что необходимость выразить переживания речью вводит в психику актера новый элемент преодолевания... Может быть, сделаю. Пишу, как Вы просите, обрывая даже. Постараюсь хоть меньше писать, но чаще.

Ваш искренне ВНД.

19 декабря 1929. Милый Сергей Львович!

Письма Ваши получаю аккуратно. Радуемся им очень. Я получил рождественские поздравления от многих. Лилиан Гиш прислала очень милое, подробное письмо, которое писала в вагоне... Причем оговаривается, что пишет в вагоне, поэтому мне, вероятно, трудно будет разобрать. Я отвечу, что у нее и в комфортабельной библиотеке почерк не лучше. Однако, я разобрал до слова. Когда я взял письмо, то по адресу недоумевал: как будто это почерк Гиш, но как же той же рукой написан русский адрес? Теперь вижу, что ей кто-то (не Вы?) дал адрес, и она его старательно скопировала. Очень мило...

Как Вам объяснить кратко и вразумительно новый календарь? Его еще нет. Он еще не решен. Представлено около сотни проектов. Большинство, громадное, сходится на том, что год начинается с 7-го ноября. Дальше: 72 недели в году, по 5 дней в неделе ($72 \times 5 = 360$). Остальные 5-6 дней приходятся на революционные праздники. Праздников же вообще не существует. А отдыхом является каждый пятый день. Четыре дня работы, пятый — отдых. В итоге это составит не больше, чем было до сих пор (т. е. 52 воскресенья и 20 праздников). Но пятый день отдыха не для всех граждан СССР, а по группам работ. Так как дело везде **непрерывно**, все равно на фабрике или в учреждении, в школе, в театре, железной дороге, почте и т. д., то все служащие делятся по группам: у одной группы отдых падает на среду, у другой на четверг, у третьей на пятницу и т. д. Вот тут то опыт показал неразрешенные еще недостатки. В семье муж свободен в один день, жена в другой, один сын в третий, другой в четвертый, дочь в пятый и т. д.

В нашем театральном деле тоже большая нескладица, падение работы: редко можно репетировать полным ансамблем. С оркестром еще хуже. Но над всеми проблемами еще работают... Во всяком месяце 30 дней. «Воскресенья» упразднены. Вот сегодня воскресенье, но это простой рабочий день, и все

учреждения, школы, лавки — все открыто и работает, как вчера или завтра. Отдых только у той или другой пятой части служащих. Я сохранил за собой воскресенье потому только, что по воскресеньям у нас есть еще утренники. По другим дням еще не привились они. И, вообще, еще не так скоро, я думаю, удастся стереть обычай воскресенья. Главным образом, конечно, у тех, кто еще наполняет церкви (хотя ведь со службы в церковь не уйдешь). А все-таки! Вон в Музыкальном театре два вечера рядом аншлаги, потому что были старые праздничные дни.

«Воскресение» Толстого близится к премьере. Уж начались генеральные. Боюсь что-нибудь говорить...

Неужели Вы любите «Дядюшкин сон»? Я, Вы знаете, никогда не любил эту повесть. По-моему, она компрометирует Достоевского. И никакого шедевра не получилось. Очень хорошо играют Книппер и Синицын. Что-то с Книппер случилось. Как-то она вскрылась по-хорошему. Чудесно играет одну сцену в «Воскресении», графини Катерины Ивановны, тетки Нехлюдова.

Шостаковича уже называют гением. Его «Нос» (по Гоголю) ставится в Ленинграде. А я еще и не читал мемуаров ни Гнедича, ни Боборыкина. Слыхал, что мало содержательны.

Обнимаю Вас за себя и своих

Вл. Немирович Данченко.

Сейлеру синопсис пошлю своевременно. «Принцесса Тараканова» все-таки интересует Гиш, будто бы она хочет говорить о ней в Нью Йорке.

ВНД.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 20 декабря 1929. Милый, дорогой Сергей Львович!

Мне хочется выразить Вам мое участие в Вашей горькой утрате, чтоб Вы даже на таком далеком расстоянии, которое разделяет нас, почувствовали искренность и сердечность моих чувств.

Я виновата перед Вами — обещала писать чаще, и опять громадный перерыв. Но если бы Вы только знали, сколько мне приходится работать! Помните, сколько мы работали, когда готовили в 22 году поездку МХТ? Вот так, как работалось тогда в самые страдные дни, я работаю ежедневно. Только с той разницей, что тогда впереди было столько неизведанного и заманчивого, а теперь этого нет. Я уж не могу больше мечтать о гастрольной поездке в мой милый Нью Йорк, это, конечно, несбыточно. Но даже скромная, двухмесячная поездка, предлагаемая Леонидовым, не то что стоит под вопросом, а попросту, по-моему, неосуществима из-за множества причин. И старики пассивны, и московский репертуар с трудом складывается при отъезде стариков, и внутри Театра остающиеся противодействуют. У Владимира Ивановича такое впечатление, что все хо-

тят, чтоб поездку сделал, сработал он один, а у него на это ни времени, ни охоты нет.

В той громадной по количеству времени работе, которая сейчас выпала мне, я, к сожалению, отстаю от ежедневной художественной работы. Я, например, почти не могу бывать на репетициях. Владимир Иванович вел «Дядюшкин сон», работал он, отдавая весь свой гений, все свои силы, а я должна была в это время мотаться по Театру с целой массой дел. Но, если так будет, когда он будет вести на Большой сцене «Воскресение», я буду в совершеннейшем отчаянии. Я думаю, что «Воскресение» будет им работаться изумительно. Даже то немногое, что я видела в совсем черновых репетициях на сцене, какие-то отдельные куски, волнует до дрожи.

Я совсем не знаю, знаете ли Вы все наши дела, скажем, причины, задержавшие «Воскресение»? Что Василий Иванович[1]) заболел воспалением легких при сильном сердечном недомогании? Это выбило его надолго из работы, были даже опасения, что он вернется в Театр только к весне. Теперь здоровье его значительно лучше. Его отправляют ненадолго в санаторию в Узкое, и между 10 и 15 января он должен вернуться к работе. После его возвращения, недели через 3-4 должно будет пойти «Воскресение». Но его роль в пьесе так важна и так вкраплена повсюду, что без него почти невозможно репетировать. Сейчас Владимир Иванович занялся сценами последнего акта, где роль Василия Ивановича меньше. Но первые два акта репетировать без него бессмысленно.

Вскоре после «Воскресения» пойдет «Отелло». По плану «Отелло» должен пойти 15-го февраля, но единственное, что его может отодвинуть, это задержка в «Воскресении». Кроме того, ближайшая работа Владимира Ивановича — это выпуск «Рокси» («Чикаго») на Малой сцене. Потом, вероятно, у него будет передышка, во время которой он будет работать в Музыкальном театре над «Городом ветров» — их первой новой постановкой. Пишет ли Вам Лева Книппер? Ведь это он делает музыку, вернее пишет оперу «Город ветров». Леву я видаю страшно редко. В Музыкальный театр попадаю тоже редко, но зато с каким удовольствием я бываю там на спектакле или днем, если мне надо повидать Владимира Ивановича во время его занятий там.

Дальнейшие наши постановки — «Наша молодость», прелестная, свежая, молодая пьеса, которую ставят Нина Николаевна[2]) и Ливанов на Малой сцене, и «Три толстяка», тоже очаровательная сказка, но интересная не только детям — на Большой. «Толстяков» ставят Горчаков и Телешева. Выпускать эти пьесы опять-таки будет Владимир Иванович. Вы видите, что для него этот сезон сверх-труден. Если «Наша молодость» пойдет так, как я это себе представляю, это должен быть спек-

---

[1]) В. И. Качалов.

[2]) Н. Н. Литовцева.

такль вроде «Зеленого кольца» или «Младости» по тому ощущению заразительной молодости, какой наполнена вся пьеса. Вы еще спрашивали про «Взлет». В этой пьесе, кажется, пока хорошо одно только название. Мне пьеса показалась чрезвычайно пустой. Она принята для выездов в районы и с условием внесения ряда поправок для углубления темы и образов. Автор молодой, теперь учится, как надо писать пьесы. Репетировать ее еще не начинали. В «Молодости» заняты только молодые, даже очень молодые. Эта пьеса — инсценировка прелестного и тоже страшно «молодого» романа Виктора Кина (русского автора) «По ту сторону». У нас эта книжка выдержала уже изданий пять.

«Бесприданница», в которую Вы верили больше всего, пока не репетируется. Всех сложных соображений по поводу этой постановки я не знаю, но думаю, что там есть большие сложности. Знаю только, что весной еще был показ Владимиру Ивановичу наработанного, и он этот показ не одобрил. Как раз сегодня на режиссерском совете был о «Бесприданнице» туманный разговор и разные намеки, меня настолько заинтересовавшие, что я хочу о бесприданных делах узнать завтра побольше. Я упомянула режиссерский совет. По названию Вы понимаете, что это такое. Заседания его чрезвычайно интересны, и я рада, что меня сделали там секретарем, хоть это и отнимает у меня два дня в неделю — заседают по вторникам и пятницам. Кроме того, я секретарь Художественно-Политического совета и Литературно-Репертуарной комиссии. Скоро уж во сне буду видеть одни сплошные протоколы, столько их мне приходится сочинять. И, кроме того, я секретарь дирекции или «слуга двух господ», как острят у нас в Театре, намекая на моих двух директоров.

Милый Сергей Львович, не думайте, что я не думаю о Вашем желании иметь журнал «Искусство». Но его достать чрезвычайно трудно, особенно все вышедшие до сих пор номера, кроме последнего. Я уж просила мне его раздобыть и тогда непременно вышлю. До сих пор вышли четыре книжки.

Поздно, надо идти домой, а то бы написала Вам о наших вводах в «Фигаро», которое идет не менее раза в неделю. Если успею, напишу завтра, если нет, то в следующем письме.

21 декабря 1929. Милый Сергей Львович!

Я все-таки задержала письмо на один день и решила написать Вам; к тому же, я вспомнила, что в своем вчерашнем письме я не помянула ни про «хэппи нью иер», ни про «мерри кристмэс», с которыми хочу Вас запоздало поздравить. У нас эти праздники отменены, и потому даже не сразу подумаешь о них, когда пишешь предрождественское письмо. Письмо придет к Вам явно числа 10-го января, но это не уменьшает и не остужает моих горячих поздравлений и пожеланий Вам к Новому Году.

Итак, о «Фигаро». Дело с вводом Марселины началось с почти-скандала. Роль дали Шевченко, которая сначала капризничала, потом заболела, потом заболела ее девочка, потом она-мамаша—снова закапризничала. Но вместе с тем болела и представляла свидетельства врачей. А спектакль стоит уже на афише. Пришлось его, конечно, снять. Но перед тем как снять, Владимир Иванович, видя безуспешность попыток Баталова (тогдашний заведующий труппой) уговорить Фаину[1]), послал ей весьма категорическое и при всей корректности весьма оскорбительное письмо. Шевченко так его и поняла, так и ответила Владимиру Ивановичу, что письмо это оскорбительно, но репетировать начала и теперь прекрасно играет эту роль.

Во время всех этих «переживаний» появилось, конечно, несколько жаждущих ролей, т. ч. в один прекрасный день состоялся показ четырех Марселин одной за другой. Показ ни к чему не привел. Затем разыгрался другой «кактус»: у Андровской сделался ячмень на глазу, и выяснилось, что она выбывает недели на две из работы. Спешно приказано было ввести Тарасову. Злые языки стали уверять, что ввод Тарасовой не поможет делу, т. к. непременно заболеет Баталов. И действительно, перед самым спектаклем, ну, за день-два, заболевает Баталов, сообщает, что ему запрещено не только играть, но даже говорить громче шопота, так что он и ближайший спектакль срывает и репетировать с Тарасовой не может. Что ж было делать?Спекталь отменили, даже, кажется, два, но зато крепко ввели и Тарасову и Прудкина-Фигаро. Они сыграли уже два спектакля, и Прудкин имеет все шансы «переиграть» Баталова. У Андровской же есть такой присущий ей шарм, которого Тарасовой не переиграть. Знаете ли Вы, что Завадский ушел из Театра? Он теперь у нас только играет графа в «Фигаро» до ввода нового исполнителя, в остальном репертуаре он и так был свободен. Из этого Вы понимаете, что и граф, а заодно и графиня будут вводиться тоже новые. Графа хотели дать Синицыну, но он теперь занят Яго, т. ч. роль получил Ливанов. Как Вы видите, Баталов потерял и роль Яго, роль отдали Синицыну, который этим и счастлив и мучается, как настоящий культурный актер. Из этих беглых штрихов Вы видите, как сложна наша жизнь, сколько всяких волнений и передряг приносит чуть ли не каждый день.

Шлю Вам самый нежный привет и желаю счастья.

Ваша О. Бокшанская.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

30 декабря 1929. Праздники проходят тихо и грустно. В Студии тоже полное затишье. Все в разъездах. Работают только над одной картиной Долорэс дель Рио. Продолжаю часто видеться с Фокиным. Он изнывает от бездействия и неопределенности.

---

[1]) **Ф. В. Шевченко.**

Фирма Тиффани-Сталь хотела совершить новое убийство «Воскресения», трактуя его вроде оперетки(!?) Постановку, к счастью, отложили, т. к. не могли найти актера на роль Нехлюдова, хотя перепробовали 22 актера.

«Живой труп», сделанный Метро-Голдвин в режиссуре Нибло, переделанный затем Лионелем Барримором, просмотрели и не решаются показать публике. Клюква там совершенно невероятная.

К нам приехал композитор Фриммель, автор знаменитой «Розы-Мари». Он приглашен сюда Хаммерштейном, и первая их постановка поручена Полю Штейну, только что закончившему «Лебедь» с Лилиан Гиш. Этот бездарный и тупой немец недавно в частной беседе заявил, что он «очень устал от работы с Гиш, т. к. она совершенно недаровита». Такой точки зрения держатся некоторые «персоны» в Студии, а этот господинчик повторяет слова своих хозяев.

3 января 1930. Новый Год встречен при теплой летней погоде. Трудно привыкнуть сочетать такую погоду со Святками. Слушал молодого русского пианиста Владимира Горовица. Ему лишь 26 лет. Уверен, что ему предстоит огромное будущее. Его талант грандиозного диапазона, он и темпераментен, и блестящий лирик, и замечательный техник. Слушал симфонию Шостаковича, которую автор написал в возрасте 21 года. Она поражает своею зрелостью и монументальностью. Я бы не сказал, что она очень оригинальна: тут и Стравинский, и Скрябин, и Вагнер, и Штраус. Но какая звучность и какой подъем! Исполнение Родзинского[1]) выше похвал.

7 января 1930. Опубликованы цифры голосов, поданных публикой за самых популярных артистов кино. На первое место вышли из женщин Клара Боу, из мужчин Лон Чаней.

11 января 1930. Фокин сказал мне сегодня: «Подумайте, я ведь никогда еще не был в подобном положении. Хожу и предлагаю людям свою работу! И никто ее не берет!» Эту знаменательную фразу тут говорят, вероятно, все большие люди, никому в Холливуде не нужные.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

12 января 1930. Давно не писал Вам, милый Сергей Львович, но это не значит — забыл. Помнил Вас и часто говорил о Вас. (Неужели Вы легко разбираете мой почерк?).

Очень приятно было читать, что Ваши окружающие оказали Вам столько внимания, когда узнали о кончине Вашего отца. Я даже к Консидайну почувствовал влечение. Ваш отец действительно страдал. В его годы! Смерть пришла, как облегчение.

---

[1]) А. Родзинский, дирижер.

Но, конечно, эта мысль не может совсем стереть Ваше чувство потери. Это все равно остается горем.

Ваш брат посланные 200 рб. не взял, сказал, что у него на этот случай были деньги от Вас.

Качалов уже вернулся к работе. «Воскресение» обещает быть замечательным спектаклем. Если поездка Берлин-Голландия-Лондон состоится, думаю везти «Воскресение». И м. б. вместо Качалова, дублером к нему, будет какой-нибудь отличный немецкий актер, хотя бы Моисси. У Качалова (от автора) ведь огромная роль.

Я Вам очень благодарен, что Вы мне рассказываете разные Ваши студийные новости. Вы должны помнить, что меня они очень интересуют... Тем более, что в журналах, которые я, благодаря Вам, уже получаю, все известия то ли подкупны, то ли не проверены.

Недавно, на рауте японского посла, станиславцы играли отрывки из «Бориса Годунова» и «Евгения Онегина», а все иностранцы благодарили меня. Потому что в прошлом сезоне у датского посла играли «Анго». Видите?

Правда ли, что Холливуд очень изменился, как пишут журналы? Что Холливуд бульвар стал напоминать Бродвей? Что его уже так называют?

И теперь у Вас все новые лица и новые имена.

В театрах у меня все идет своим чередом — все своим чередом.

Обнимаю Вас, дорогой Сергей Львович! Наши, мои шлют Вам самый нежный привет.

В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

18 января 1930. Вышла любопытная книга Алисы Миллер Митчелль: «Дети и кино». В ней, между прочим, приводятся официальные цифры, что в Америке еженедельно ходят в кино 100 миллионов человек и тратят на него два миллиона долларов ежедневно. Автор произвел анкету среди 10 тысяч детей. Дети были разделены на три группы: 1. Члены скаутских организаций. 2. Учащиеся низших и средних школ и 3. Преступные дети, находящиеся в исправительных заведениях. Во всех трех группах дети сошлись на том, что они любят картины с героем-злодеем и сильно развитым действием. Все группы мальчиков хотят ковбойских картин, комедий, приключений и таинственных. Девочки же желают романа, комедий, ковбойских и трагедий. Преступные дети хотят уголовных сюжетов. Некоторые из них признали, что кино было началом их преступлений, потому что они крали деньги, чтобы купить билет.

Провел вечер с Балиевым. Он рассказывал, что сезон его в Париже дал большие убытки. Между прочим, он сделал попытку переделать свой театр на французский лад, пригласил

французских артистов, ставил французские вещи, но это вызвало и нарекание критики и равнодушие публики. Все требовали его собственного жанра, т. е. русского.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 27 января 1930. Милый Сергей Львович!

Я только что перечитала Ваше последнее письмо и горько усмехнулась: Вы желаете мне, кроме здоровья, еще гастрольной поездки театра. В те времена, когда я получила Ваше письмо, я еще могла как-то обманывать себя надеждой на поездку. Но теперь уже все решено и подписано... Главное, подписан договор на поездку части труппы в Тифлис, Баку и Харьков, т. ч. никакой другой поездки больше и быть не может. На юг едут «стариковские» пьесы (Дно, Федор, Горячее сердце, Вишневый сад и Бронепоезд). Кроме этих пьес, взамен просимого «Воскресения», которое представляет слишком серьезные трудности для переноски его на любую другую сцену (монтировочно, вероятно, самая сложная наша пьеса), да еще требует массы вводов при разделении труппы и при ограниченном количестве едущих в поездку — должны везти еще две пьесы. Это будут, надо думать «Врата царства» и на выбор: или «Дядюшкин сон», или «Рокси»». Против «Рокси» и Владимир Иванович, не считающий возможным включить эту легковесную пьесу в репертуар гастролей МХТ, составленный, как Вы видите, сплошь из постановок Большой сцены, и Ольга Леонардовна, которой очень хочется играть в поездке «Дядюшкин сон». Она в нем проходит с громадным успехом. Против же «Сна» то обстоятельство, что надо вводить нового Мозглякова, вместо Синицына, играющего Яго («Отелло» остается в Москве). Поездка на юг будет достаточно тяжелая. Едут они на два месяца (с 15 мая до 15 июля) и за 60 дней должны сыграть 72 спектакля. Здесь же сезон будет продолжаться до 1 июля, причем на Большой сцене остаются только «Три толстяка» и «Отелло», а на Малой «Квадратура круга», которая 30-го января идет уже 300-й раз (пожалуй, рекорд! 300 раз за такой сравнительно короткий срок), «Наша молодость» (никто не уверен, что она будет готова в этом году; о ней Вам скажу особо) и «Рокси», если эта пьеса не попадет в поездку.

Видите, до чего обобрала поездка наш московский репертуар. При поездке в Германию Москва устраивалась легче. И материальное благополучие едущих тоже было бы лучше. Но выгоды Театра в целом больше от поездки на юг, и поэтому Владимиру Ивановичу пришлось отказаться от леонидовского предложения. Сначала работа по поездке с Леонидовым шла очень крепко, и было время, когда шансы ее были велики. Но, когда поступило предложение с юга, и был выставлен контр-проект гастролей, Владимир Иванович должен был отказаться от мысли заграничной поездки. Сейчас его зовут очень поехать хотя бы недели на три в Тифлис, для представительства, и он колеблется. Материально это, конечно, не дает ему ничего, т. к., сверх

обычного жалованья, он будет получать всего 10 руб. в день. Вы знаете, насколько мало это его устроит! Ясно, что если Влад. Ив. не поедет, то и я не поеду в поездку. Нельзя сказать, чтоб я огорчалась. Думаю, что условия будут трудноваты. Размещение по комнатам идет от Театра, значит, экономия соблюдалась бы вовсю, селили бы наивозможно теснее. А я совсем не переношу вообще-то не быть в комнате одной, а уж с навязанными соседями — не представляю себя в такой комбинации.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

29 января 1930. Милый Сергей Львович!

Пользуюсь случайным получасом, чтобы написать Вам. Вчера прошел «общественный просмотр» «Воскресения». До этого были еще две генеральных с публикой. Первая для Главреперткома, подшефных и нескольких организаций. Вторая для «пап и мам». Я не писал Вам раньше, чтоб выждать более твердых результатов.Теперь уже несомненно, что это спектакль самого высокого качества спектаклей Художественного театра. Он становится в ряд высших достижений, там где «Юлий Цезарь», «Братья Карамазовы», «Живой труп». По самому единодушному признанию **всех** разрядов публики, такого волнения, такой художественной атмосферы не было у нас со времен «Братьев Карамазовых» второй части. Поколение дореволюционное весь спектакль проливало слезы умиления, радости. За кулисами же такого подъема не было, для стариков со времен «Карамазовых», а для молодежи и вовсе никогда, никогда она не чувствовала того, что почувствовала вчера. Все, что есть в нашей интеллигенции лучшего, от Луначарского, Эфроса, Черткова, профессоров старше, профессоров моложе, гудело вчера все антракты, называя спектакль «событием в русском искусстве». Несмотря на то, что спектакль идет 5 часов! А на первых репетициях 5 ч. 20 мин. Обаяние, очарование Толстого заливает зал. Этому, прежде всего, способствует Качалов, с его изумительным мастерством. Ведь есть акт, котоый идет минут 35, когда на сцене только один Ершов и расхаживает то там, то сям. Качалов рассказывая о первом поцелуе (горелки), о заутрене, о ночи соблазна, все самые знаменитые страницы романа. А перед этим Качалов в зале, у суфлерской будки рассказывал о той страшной ночи, помните? — железная дорога, поле, ветер, Нехлюдов в вагоне первого класса и т. д. Все это производит потрясающее впечатление. Дальше. Изумительно подошла и изумительно искренна и сильна Еланская. Отличный князь-Ершов, прост и благороден, а затем из 50-60 образов громаднейшее большинство вылеплено блистательно. Множество незабываемых. Я попробовал ставить баллы, и получилось больше 20 по 5 с плюсом, еще десятка два по 5. Вообще, спектакль очаровательный, и моя идея «лица от автора» совершила полную, блестящую победу.

Теперь буду проводить мысль (хотя, может быть, уже не сам осуществлю ее) о «Мертвых душах». Уже не Толстой, а Гоголь!

2 февраля 1930. Сначала я ждал общественного просмотра, но, пробежав мое письмо к Вам и найдя его слишком экзальтированным, решил подождать и премьеры: для более верной, объективной картины. И вот...

Зал на премьере уже не гудел. Как это всегда бывает; молва о замечательном спектакле быстро облетела Москву. Ко мне неслись самые высокие похвалы, в особенности от артистов всех театров. Включая, например, Таирова, от которого я еще никогда и ни разу не слыхал ни одного комплимента. Поэтому, вероятно, зала премьеры ожидала чего-то сверхъестественного. Правда, публика, какая только может быть теперь у нас, «вся головка Москвы», проявляла внимание изумительное. В последнем акте, находившиеся за кулисами иногда пугались той тишины, какая царила в зале. На общественном просмотре первая часть (всех 4) была покрыта длительными аплодисментами, на премьере ни хлопка. Вторая часть, особенно богатая, заканчивается сильной, блестяще сыгранной, сценой Еланской — ни хлопка. Малодушные принимали это, кажется, за колеблющийся успех, хорошие, наивные за невозможность аплодировать: «рука не поднимается», говорил мне горячий поклонник; новые люди за то, что в Худ. театре запрещено аплодировать. Однако, вообще«подъемные» мнения окружали меня, и в антрактах становилось все шумнее. В 3-м действии есть сцены, напрашивающиеся на аплодисменты. Замечательная сцена мужиков, обаятельная мальчишек (Алеева и Морес), великолепное создание Наст. Зуевой — Матрены (ей на всех, даже простых репетициях аплодировали), красивая сцена Книппер (графини), остроумно поставленная сценка Мариэт — всему этому аплодировали. Спектакль оканчивался в ¼ первого. Трамваи! Я уже думал, что зала быстро опустеет. Вообразите, что тут-то, по окончании спектакля, и начались овации. Большие, чем даже на ответственном просмотре... Успех был полный. Спектакль называют «воскресением Художественного театра». Рецензий пока видел всего две. Хвалебные (в особенности в «Рабочей газете»), но поверхностные. Говорят, Луначарский написал большую, восторженную статью. Говорят, «Известия» объявляют дискуссию. Говорят, Мейерхольд готовит резкую отрицательную статью. Рабкоры присылают хвалящего представителя. Но значение рецензий у нас совершенно упало.

Вот Вам моя самая большая новость. Завтра «начинаю кончать» «Рокси». Ничего особенного не жду. Потом в Худ. театре «Отелло», постараюсь, чтоб без меня, а я в «Город ветров» Книппера-Киршона. Потом «Три толстяка», и на Малой сцене «Наша молодость», а в Музыкальной «Тилль». Ну, и налаживание будущего сезона.

Обнимаю Вас крепко. Очень, очень хотелось бы получить от Вас строчки о Вашем самочувствии.

Имя Качалова сейчас опять гремит. От Германовой я получил письмо. Журналы получаю.

Ваш ВНД.

9 февраля 1930. Милый Сергей Львович!

Спасибо за письма. Всегда читаю с большим интересом. Даже так: если я очень уставши, в работе, то держу Ваше письмо нераспечатанным в кармане. А вот вечером буду отдыхать и тогда буду читать письмо.

«Light» мне высылают. Сейлер или Германова, не разберу. Я ему недавно написал довольно подробно о предполагаемых моих книгах. По-английски. Самостоятельно. Поэтому, вероятно, со многими ошибками. От Гиш я получил еще письмо. И опять ответил. Скоро, кажется, начну писать Вам по-английски. Для практики. Вот рассердитесь!

Не пойму, кому надо было печатать мое письмо Германовой! Я ничего не имею против, там столько комплиментов американцам.

На днях было 500-е «Вишневого сада». Я говорил речь. Делали прием Книппер — единственной юбилярше. И Москвину, Грибунину, Халютиной. Если бы Вы знали, как дурно играет Москвин Епиходова! Именно дурно, не плохо, а дурно.

«Воскресение» имеет такой бум, какого очень давно не было. Михальский не знает, куда сунуть лиц, которым нельзя отказать в месте. На мои два кресла очередь. Енукидзе[1]) уже два раза смотрел. Говорит, придет еще не раз. Луначарский дал статью. Хорошую. Заинтересовался очень этим приемом в виде лица «от автора», но не дооценил всего «цимеса» этого приема. И предлагает пустяки. Во всяком случае, пишет: «Худ. театр показал себя на огромной высоте режиссерского и актерского искусства... Спектакль остается замечательным достижением...» Интересна и статья «Рабочей газеты» именно потому, что это отзыв рабочего голоса: «Новый, очень интересный прием... Качалов блестяще справился... Превосходно играет Еланская... Большой, ценный спектакль...». Остальные рецензии, включая и Волкова, невыразительная мазня. Вы не можете себе представить, как рецензии упали. Ими никто не интересуется, ни публика, ни театры. Публика сама устанавливает критерий.

Теперь я выпускаю «Рокси» (мало интересно) и уже начал «Город ветров». Пока чуствую, что Книпперу удалось охватить иллюстративное настроение. Есть трагедия, есть подъемность, есть хорошая цельность формы. Хорошо охвачены задачи моего театра. Слабая сторона: отсутствие индивидуального интереса для певцов (или актеров). Для театра это очень рискованный момент, когда весь упор на общее.

Обнимаю Вас крепко. От Ек. Ник., Миши и всех «наших» Вам самый нежный привет.

Ваш Вл. Немирович Данченко.

---

[1]) А. С. Енукидзе — член президиума и секретарь ЦИКА СССР.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

12 февраля 1930. Смотрел в Пассадине «Бронепоезд». Чорт знает, что такое! Не зная пьесы, в сущности нельзя даже понять, в чем дело. Недаром сидевшие рядом со мной серьезно решили, что на сцене изображается война между Японией и Россией. На сцене дико метались какие-то совершенно невероятные люди, нелепо одетые, не знавшие, что с собой делать. Мизансцен, кроме самых примитивных, не было никаких, и актеры или стояли, как вкопанные, или сидели, или лежали, стараясь, как можно, больше говорить в публику. Гримы напоминали или идиотов, или разбойников. Вся постановка, якобы «футуристическая», была просто безграмотной и беспомощной попыткой приблизиться к достижениям Мейерхольда, о которых режиссер и художник что-то, видимо, смутно слышали, но ясного понятия не имеют. Смешные мелочи: жена Вершинина сидит почти в полной темноте на берегу моря и занимается вязанием. Юнкер одет в синюю непонятного фасона блузу с громадным белым крестом на груди и в студенческой фуражке. Крестьяне все с длинными палками, и на ногах обмотки. На начальнике станции брюки с лампасами из золота и серебра. Вообще, видимо решено так, что, если наперекор здравому смыслу, то это будет по-русски. Но главное, что ужасно — это актерская и режиссерская часть. Публики много. Успех большой. Пьеса прошла две недели.

15 февраля 1930. Был на симфоническом концерте с участием солиста Прокофьева. Он играл свой третий концерт. Вещь эта мне не понравилась. Суха, надуманна, хаотична и не имеет никакого определенного лица и стиля. Иной раз самый изощренный модернизм чередуется с простой старомодной банальщиной. Игра его тоже была суха и бездушна и обнаружила только блестящую технику. Принимали его хорошо, но без особого энтузиазма.

19 февраля 1930. В Нью Йорке с громадным успехом прошла опера «Садко» с декорациями и костюмами Судейкина. Показанная там впервые, она вызвала восторженные отзывы прессы. Критик в газете «Морнинг Телеграф» пишет: «Несмотря на большое разочарование этого сезона, наконец-то дирекция (Метрополитэна) нашла нечто такое, что несомненно будет громадным популярным успехом».

Смотрел «Анну Кристи» — первую говорящую картину Греты Гарбо. Никакой сенсации не увидел. Она играет умно и культурно, но очень монотонно, в одну краску. Говорит она прекрасным английским языком, ясным и музыкальным, акцент почти не слышен. Внешний ее облик слишком интеллигентен для Анны Кристи. Самый фильм почти целиком построен по оригиналу и потому является просто неважно сфотографированной пьесой, т. е. опять повторяется та ошибка, в которую сейчас все время вдаются продюсеры: вместо создания спе-

циального фильма, фотографируют пьесу, лишая картину главного ее элемента — динамики.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Среда, 19 февраля 1930. Милый Сергей Львович! Передо мной Ваши письма, на которые я еще не ответил. Вы пишете часто, аккуратно, содержательно, и я каждый раз чувствую большую благодарность. Отвечаю же редко, потому что, отдыхая от работы, не могу и подумать о письмах. А работаю беспощадно, причем, в сущности, вся работа сводится, главным образом, к репетициям. Но каким репетициям! Вы понимаете, как я должен репетировать, когда каждый такой репетиции люди ждали месяцами. И настроены в таком ожидании, что вот я приду, и исчезнут все колебания и начнутся сплошные радости.

«Реклама», как и следовало ожидать, политической прессой совсем не принята. Но Андровская имеет огромный успех, и сборы полные, непрерывно. Все же завидовать Вам нечего.

«Город ветров» подготовлен тремя режиссерами: Котлубай, Баратовым и, в особенности, автором Книппером; мне приходится, конечно, налаживать с начала до конца. Как Вам объяснить, что это такое? «Музыкальное представление». Поют? — Нет. Говорят. Или с нотами говорят, или без нот, просто как в драме, причем трудно уловить ритм, который не резал бы ухо после вокальных фраз. Выучить эти вокальные фразы было делом огромной трудности. Но выучили. Главное, надо, чтобы текла пьеса, как она должна течь на сцене, актерски. Для этого она в руках далеко не первых актеров. Лучший из них Остроумов, но он, как наиболее старый (в смысле опыта), наименее воспринимает эту новую форму. Исполняет, но каждую секунду готов посмеяться над ней. Остальные добросовестно, но м. б. потому, что эти вообще мало что делали в театре, больше были в хоре и рады хоть в такой форме быть на виду. Лучшие голоса заняты в параллельной работе, в «Тилле». Однако, Книпперовская опера, не давая певцам радости, требует непременно все же больших голосов и известного рода мастерства, особенно ритмического. Все это ставит перед коллективом огромную и персонально неблагодарную работу. И вся ставка на пьесу событий, а не личностей. Примет это публика, заразит ее течение событий, бытовых и патетических — будет успех, а не примет — получится некоторое приличное и м. б. даже почтенное недоумение.

Мне приходится в короткое время, не более месяца, 5 недель, вобрать в себя и сыграть все роли до мельчайших и все 9 картин! И я каждый день не схожу со сцены по 4-4½ часа, напрягая весь темперамент на искание, создание и настойчивость.

«Воскресение», несомненно, из самых больших завоеваний МХТ. Как это так случилось, что Вы не улавливаете роли Качалова? Разве не при Вас все это началось? Когда я еще до

Раскольникова[1]) рисовал роль «от автора», ею сразу увлеклись и Качалов и Москвин. Раскольников принес «Воскресение» без роли «от автора», я сказал, что простая переделка меня не интересует. И руководил его работой. Он переделывал 4 раза и все-таки не схватил сущности. Доделали мы сами. Весь смысл чтобы был именно роман, чтобы дух Толстого (хотя кое в чем и преодолеваемого идеологически) — наполнял зал. Лицо от автора и рассказывает, и негодует, и издевается, и сочувствует. Лучшие страницы романа в его руках. Качалов, без грима, в глухой черной тужурке, с карандашом в руке, начинает роман сразу. Занавес раздвигается, висит большой белый (лакированный) занавес, и Качалов на его фоне. Он начинает знаменитой страницей «Как ни старались люди...» Потом отступает, чтоб дать пройти сцене в тюрьме, совершенно реальной, потом продолжает, потом отступает, чтоб открылась комната председателя суда. Тут он характеризует и раскрывает каждую фигуру. Потом сцена крутится, открывается зал суда, и Качалов все время рассказывает... Он стоит тут же, около Нехлюдова, и передает всю его психологию. И т. д. Потом Качалов спускается в зал и у суфлерской будки рассказывает ряд картин прошлого. Самое замечательное у Нехлюдова. Богатая комната с роялем Нехлюдов один. Он курит, лежит, играет на фортепьяно, ходит, говорит, волнуется, плачет... Но всю его роль рассказывает Качалов, тут же около него находящийся или переходящий с места на место.

На таком принципе у меня есть замысел целой постановки говорящей картины, когда я разберусь, как звучат голоса. Не слишком об этом рассказывайте, но не скрывайте в особенности от Толберга (через Геста?), что есть у меня такая идея!

Качалов имел успех, какого не имел очень, очень давно. Его имя никогда не стояло так высоко. Когда я делал это, как всегда, были карканья: будет де мешать драме. Теперь дело идет так, что хотя все сцены имеют успех, но если Качалова долго нет, о нем тоскуют.

Великолепна Еланская. Благороден Ершов. Чудесны мужики. Всегда с аплодисментами двое мальчишек. Великолепны Книппер (Чарская), Грибунин и многие, многие другие.

Это хорошо, что Гест начал опять «долбить», как Вы выражаетесь, Толберга. Именно музыкальные представления — «Все говорят! все поют! все танцуют!» — дают огромное поле. Вы помните, какое огромное количество опер и старых оперетток перебрал я в поисках репертуара Муз. студии. И, перебирая, более или менее штудировал их и представлял, как бы их можно было ставить. У меня до сих пор осталась неудовлетворенною мечта о «Корневильских колоколах», мизансцены которой много шире, чем в либретто. И вот именно в задачах расширить мизансцену, захватив все окружающее, чрезвычайно должно помочь кино, хотя бы, например, ряд немых фильмов,

[1]) Ф. Ф. Раскольников, автор инсценировки «Воскресение».

к которым бы и приспособить те или иные куски партитуры. Кроме оперетток, выбор которых зависит от наличия артистических сил, какой простор для опер! Если опять-таки раздвигать рамки узкие либретто. Часто я перебирал, как можно поставить «Евгения Онегина» по Чайковскому, не только по опере Чайковского, но вообще по Чайковскому. У меня накопился большой запас продуманных вещей. Обратите на это большое внимание. Вот бы с Цельником!

Все Ваши вырезки получаю, спасибо. Мне передают даже вырезки из русских эмигрантских газет.

Привет Вам от Ек. Ник., Миши и др. Крепко Вас обнимаю.

Ваш Вл. Немирович Данченко.

Кино в «Воскресении» нет — все это лежит на Качалове.

23 февраля 1930. Милый Сергей Львович!

Что-то от Вас давно нет писем!

Сегодня сдал публике «Рекламу» («Рокси», «Чикаго» то же). Название изменено по соображениям неинтересным. Около спектакля был бой. Главрепертком был за пьесу, а Худ.-политический совет очень против. Пришлось делать еще генеральную для пленума Главреперткома. Поддержала «ударная» театральная молодежь, театральная группа из университета. Я думаю, однако, что не стоило огород городить вообще. Спектакль ничтожный. Играют хорошо, а Андровская даже исключительно хорошо, виртуозно. Поставлено очень приятно, хороший молодой художник Вильямс. Но пьеса очень уж пустая, и 2-е действие (из трех) просто скучное. Имеют успех первое действие и третье. Я отдал спектаклю полных недели три. Теперь перейду к «Городу ветров», побывав на двух-трех репетициях «Нашей молодости».

Знаете, когда я думаю, какую невероятно громадную галерею образов я раскрываю и психологически, и характерно, и бытово, и сценически, и с какой легкостью я это делаю, и с какой убедительностью (заразительностью), не десятки, а сотни образов за сезон, я удивляюсь, как Толберг или Консидайн, нет, именно Толберг, не пользуется этим! В какой форме и при каких условиях, это уже частности. К сожалению, Вы ведь знаете, я не могу остановиться на этом подробно раньше лета, когда я окончу все работы и уеду на отдых.

Между прочим, завязывается переписка по поводу постановки мною «Воскресения» у Рейнгардта.

Зима у нас не суровая. Санный путь не устанавливался, кажется, до 20-х чисел декабря. Морозы в 20° были не долее недели. Потом все тепло. Теперь 5-8°. Очень часто с ущемлением вспоминаю Ваш юг. Держитесь за него крепко. Это же так необходимо для Вашего здоровья.

Раскольников оставил пост председателя Главреперткома и назначен полпредом в Эстонию. Я жалею, он очень славный.

На днях выходит новый журнал «Советский театр». Я Вам вышлю.

А ведь, кажется, «Город ветров» обещает иметь большой успех. Левушка Книппер, говорят, я его давно не видел, держит себя, «как гений».

Посылаю Вам это короткое письмецо, чтоб не откладывать! Вы не отучились разбирать мой почерк? Вы привыкли к отчетливой машинке.

Обнимаю Вас. Ек. Ник., и Миша шлют Вам самый нежный привет.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Письмо было уже запечатано, распечатал, чтоб приписать, что премьера «Чикаго» прошла с успехом. Очень нравилась Андровская.

27 февраля 1930. Милый Сергей Львович!

Получил Ваше письмо. Если бы Вы знали, как мне жаль Мориса Геста. Хотя он уже не в первый раз «лопает» (лопается? Как сказать?).

Представляют ли у Вас в Холливуде, какие невероятные возможности открываются для музыкально-вокальных представлений, если эта сторона хорошо передается! Вероятно, представляют... Спасибо, что прислали статейку о театре в Америке. Да, книга о театре должна, при успехе, очень расходиться в Америке. Одну из моих книг я думаю назвать «Как я делаю спектакль». Понимаете, что сюда войдет все: и автор, и актер, и художник, и звуки, и **организация**... Ведь спектакль ХТ хорош не только актерским искусством, а и очень гармонической организацией **единства.**

Будьте здоровы. Ваш Вл. Немирович-Данченко.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

2 марта 1930. Вы подумайте, милый Сергей Львович, как идет моя жизнь, что я за месяц с лишним не смогла найти времени, чтоб продолжить мое письмо Вам. И сейчас времени у меня в обрез.

7 марта 1930. Самые благие намерения мои все-таки не удались. Прошло целых 5 дней, прежде чем я снова могла взяться за этот листок. Потрясающее количество работы у меня. Сейчас как будто оно чуть чуть спало, отчасти потому, что Владимир Иванович ушел с головой в «Город ветров», и я могу его обслуживать лишь по телефону. Я соскучилась, давно его не видевши, и хочу завтра, в мой выходной, свободный день, пройти к нему в Музык. театр, чтоб поговорить о делах, а главное, увидать его хоть на 10 минут.

Вы не поверите, как для меня была огорчительна неудача с «Машиналь». Я в эту пьесу по-настоящему влюбилась. То, что она была забракована, то, что преимущество постановки получила пошленькая комедия «Чикаго», которая никогда мне не нравилась и не нравится даже в очень хорошем исполнении нашей молодежи, продолжает меня огорчать. Даже на заседа-

нии Худ.-Политического совета, когда обсуждалась уже готовая постановка «Чикаго», получившая, как пьеса, весьма не лестную оценку, я снова и снова укоряла членов Совета в том, что они проглядели прекрасную пьесу об Америке. При разработке репертуара на будущий сезон, во всех театрах без исключения, делается упор на современную пьесу, так что, правду сказать, я уже больше ни на что не рассчитываю для «Машиналь», хотя дала ее Сахновскому, который попросил меня для возможной над ней работы в каком-то коллективе. Вы по журналам видите, что этот московский сезон показал минимальное количество современных пьес и наш Театр, как и все остальные, сейчас переживает период ожидания новых пьес для будущего сезона и думает и гадает, какие-то они будут, удастся ли авторам, с которыми мы связаны договорами, осветить намеченные нами темы так, как этого ждет Театр и зритель. На днях должны мы получить колхозную пьесу Тренева, которую он уже читал в Литературно-Репертуарной комиссии и должен был переделать по заданиям комиссии. Вскоре после этого должен представить пьесу Киршон. Он уехал из Москвы, живет в деревне и пишет пьесу о хлебозаготовках. В мае должен нам сдать пьесу Юрий Олеша на тему о новом быте. Вот три пьесы, на которых, вероятно, будет строиться будущий сезон. Если будет положительно решен вопрос об исторической пьесе, то у нас в портфеле есть булгаковская «Кабала святош» и раскольниковский «Робеспьер». У Владимира Ивановича есть еще план классической постановки инсценировки «Мертвых душ» с ролью чтеца для Москвина. А может быть, Москвин-Плюшкин, а чтец опять-таки Качалов. Но в последнее время Владимир Иванович, кажется, несколько охладел к этой мысли.

На Малой сцене пойдут в большинстве пьесы «молодежные». Пока еще не читали ни одной, но предложений есть несколько.

Если б Вы только знали, какое великолепное письмо сочинялось у меня в мозгу, когда я думала, что смогу написать Вам подробно о «Воскресении». За месяц до выпуска пьесы я уже целиком подпала под обаяние этого спектакля и жила вся им наполненная. Это такое изумительное создание искусства, такое соединение одаренности Толстого, Владимира Ивановича, Качалова, Еланской и почти всех исполнителей, до самых малых ролей, что ни говорить ни думать об этом спектакле не могу спокойно. Владимир Иванович говорит, что Качалов в своем исполнении «конгениален» Толстому. Это так, но прежде всего конгениален Вл. Ив., который создал этот спектакль, который, конечно — кровь, мозг и нерв этой работы. Я послала Вам рецензии, которые ни в какой мере не могут дать полную обрисовку спектакля, часто не понимают его вовсе, часто недооценивают. Возьмите самую лучшую рецензию, помножьте похвалы на 10 — может быть, тогда Вы получите ту оценку, какую дает публика этому спектаклю. Конечно, зал переполнен всякий раз до отказа.

Сейчас все наши умы заняты «Отелло». Завтра вся пьеса пойдет на сцене в гримах и костюмах. Следующая затем ре-

петиция 11-го уже с приглашением Главреперткома и Худ. Полит. совета, затем 14-го закрытый спектакль, без афиш, проданный целиком какой-то организации, 17-го репетиция генеральная и 20-го премьера. Конечно, до той высоты, до которой мог бы довести спектакль Константин Сергеевич, Судакову дойти не удалось. Этого и ждать нельзя было, несмотря на то, что Конст. Серг. прислал свои подробнейшие мизансцены и характеристики действующих лиц. До сих пор он успел в Ницце проработать и прислать первые два действия и часть 3-го. То, что он прислал, это изумительное творение, это можно издать отдельной книгой, как гениальное творение, как образец режиссерской работы. Но Судаков как будто не все оттуда и брал, многое заменил своим, в трактовке некоторых образов шел другим путем.

Леонидов поразителен в роли Отелло, он потрясает, заставляет вас быть все время в страшном волнении. Конечно, рядом с ним вообще трудно талантливому актеру быть более чем талантливым. До сих пор меня никак не взволновала Тарасова. Я сейчас подумала: пожалуй, рано давать оценку актерскому исполнению, можно наделать ошибок. Но вот в чем я не сомневаюсь — это в том, что Иван Яковлевич[1]) никак не справился с воспроизведением блестящих эскизов Головина на сцене. Уже в «Фигаро» я его не принимала. Но в «Отелло» выполнение оказалось гораздо худшим, и я даже до сих пор недоумеваю — неужели все так и останется: и эти скучные краски, и эта приличненькая, но никак не одухотворенная роспись, и ужасно ярко-синее, все в неподвижных барашках море.

Внешняя сторона спектакля — это самая большая тревога Театра применительно к выпуску спектакля. Вл. Иванович совсем не работает в этом спектакле. Он не был ни на одной репетиции, приведя абсолютно убедительные доводы. Не придет он и на генеральную, т. к. не видит в этом пользы для спектакля и для себя. Такой приход оторвал бы его от «Города ветров», который тоже сейчас на близкой очереди. Но т. к. Судаков справиться со спектаклем один, конечно, не мог, если б даже он и думал, что может, назначены были Москвин и Качалов, как выпускающие спектакль. Качалов, конечно, меньше отдал этому внимания, это не в его характере. Но Москвин взялся за дело, занимается с актерами, ищет освещение, установку сцены, словом, втянут в спектакль сильно.

«Реклама» на Малой сцене прошла без всякого успеха у прессы, с малым успехом внутри Театра (все признают блестящую игру Андровской, хорошую некоторых других и зверски ругают пьесу) и с громаднейшим кассовым успехом. Появление «Рекламы» оживило, конечно, наш довольно однообразный репертуар (не сходящая «Квадратура круга»). Сейчас идут работы над «Нашей молодостью» для Малой сцены, и ею закончится выполнение плана. Но репетируется еще «Взлет», который Сахновский собирается показать еще в этом году. Если это будет

---

[1]) И. Я. Гремиславский.

интересно дирекции, она пропустит постановку на Малой сцене; если же уложить всего этого будет нельзя, ее сразу направят на клубную и районную сцену.

На Большой сцене уже заняли место «Три толстяка», пока монтировочно. Постановка эта настолько сложна, что я до сих пор не очень верю, что к 1 мая она будет готова.

Милый Сергей Львович, вышел целый обзор — как живет и работает... И я немного устала после целого дня работы. Поэтому сейчас я с Вами прощаюсь до следующего письма. Крепко жму Вашу руку и желаю всего-всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская.

Сейчас здесь идет с О. Баклановой «В доках Нью Йорка», где Ольга играет хорошо и, конечно, лучше, чем «стар» Бети Компсон, но кто совершенно изумителен, это ее партнер Банкрофт. Картина имеет успех.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

7 марта 1930. Тейлор, приготовляющий сценарий «Мадам Дюбарри», по указанию Консидайна, прислал мне рукопись и просил навести критику на стиль диалога — не слишком ли он модернизирован и далек от речи 18-го века. Рукопись — банальная переделка банальной же пьесы Беласко, и никаких изменений там внести нельзя, за исключением некоторых мелочей. Лучше всего было бы вообще этот вздор выбросить. Чего я никак не могу постичь — почему, когда заходит речь о рукописи Владимира Ивановича «Елизавета Петровна», тогда ссылаются на неудобство «костюмной» пьесы, а когда выбирают «Дюбарри», то это неудобство отпадает. Все мои замечания по сценарию Тейлор принял. Теперь он и Скэнк просили меня наблюдать во время съемок за правильностью произношения французских слов. Непонятно, для чего это, раз есть технический консультант-француз.

Моррис Гест объявлен полным банкротом, с задолженностью около полумиллиона долларов. Его последние антрепризы Фрейбургские «Страсти» и «Миракль» совершенно разорили его. Он сделал краткое сообщение репортерам, что сделает все возможное, чтобы восстановить свое здоровье, начать работать и поскорее расплатиться со всеми. Я послал ему сочувственную телеграмму.

17 марта 1930. Фокин продолжает изнывать от бездействия и от праздных обещаний. Приехал Больм[1]) и открыл четырехнедельный курс балетных классов. Надеется в будущем делать балетные фильмы в одной из студий.

---

[1]) Адольф Больм — русский артист балета, балетмейстер.

25 марта 1930. Милый Сергей Львович!

Каждый раз благодарю Вас за то, что часто пишете. С журналами «Искусство» и «Рабис» для Вас вышла неудача по вине друзей, взявших «на один день» для прочтения...

Сейлеру я писал длинное письмо, по-английски, но не получил ответа. От Гиш больше не получал известий.

Завтра у меня первая полная генеральная «Музыкального представления» «Северный ветер», муз. Льва Книппера, текст Киршона. На отрывочных генеральных спектакль производил впечатление. Книппер уже не Книппер, а тень его, от работы и волнений. Знаете, какой успех «Воскресения»? До декабря все спектакли проданы. Да, да, до декабря.

Обнимаю Вас. Будьте бодры, веселы.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

30 марта 1930. Милый Сергей Львович!

Вчера прошла 2-я публичная генеральная «Северного ветра» (б. «Город ветров»). Сегодня закрытый спектакль, проданный организациям, и завтра премьера. На первой генеральной были только подшефные части красной армии и фабрики и немногие свои, вчера — обычная публика большой генеральной репетиции. И там, и там много музыкантов, артистов. Пока успех огромный! Говорю «пока», потому что оппозиционно настроенную публику жду на дальнейших представлениях. А таковой не может не быть. И я об этом предупреждал в своих вступительных словах оба раза. Слишком ново. Смело, просто и ново. Спектакль, после небольшой песенки, начинается пением разговора по телефону. Это сразу бьет по привычкам. А потом, когда пение то и дело перемежается с простой речью (музыка не прекращается), и когда на помощь старому не приходит ни одной арии, ни одного дуэта, ни одного ансамбля или хора, всякая связь со старой оперой исчезает на весь вечер. Все внимание сосредотачивается на драматическом развитии, на разворачивании трагедии. И вот отсюда начинаются достоинства спектакля. Музыка, игра поющих артистов, декорации — все охвачено одной, волнующей театральной эмоцией. Трагическое развертывание держит всю залу в таком захвате, что нет времени ни критиковать, ни вспоминать привычное. Гораздо сильнее, чем это было в «Карменсите». Играют просто, искренне, глубоко, волнительно, без малейшего шарлатанства, экономно. Музыка сильно и красиво зажигает все и всяческие моменты. Последняя картина 1-го действия — митинг, окончательно захватывает зал. Здесь оригинальный прием Книппера. Все говорящие с трибуны, правительство и другие — перед публикой, а народ, рабочие, собравшиеся на митинг, как бы в оркестре. Там, действительно, кроме оркестра в 60 человек (часть которых тоже принимает участие в шумах), еще человек 40 шумящих. Получается настоящая стихия, то и дело поддерживаемая медью, барабанами. Музыка непрерывна. Второй, третий акты сильнее

первого. На совещании общественности, после 1-й генеральной, называли первой советской оперой, «Чайкой» оперы. Подъем был очень большой. Вчера все называли спектакль большим событием на музыкально-театральном фронте, завершением основных принципов, заложенных в этот театр, лучшим его спектаклем и т. д.

Я Вам рассказываю только о похвалах, потому что не слышал ни одного отзыва ниже, чем восторженный. Но уверенности в прочности такого успеха у меня нет. Вызовы в «Джонни», например, были восторженнее. Но это объясняется тем, что «Джонни» — свежий фокстротный спектакль, а это трагедия не подслащенная.

Общий тон только Немировичевский. Понимаете о чем я говорю? Глубоко, просто, без «спасения» пьесы, автора и т. п.

Книппера встретила вчера публика по окончании очень шумно.

После премьеры напишу Вам еще. «Соседи», т. е. оперный театр имени Станиславского, недавно неудачно поставившие «Пиковую даму», разводят руками... «Северный ветер» (очень хорошее название) именуется «музыкальным представлением», как видите из прилагаемой афиши. На сегодня все.

Обнимаю Вас, будьте бодры и веселы.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

3 апреля 1930. Милый Сергей Львович!

На премьере «Северный ветер» имел очень большой успех вообще, преувеличенно большой у одной части публики и холодок с сжатыми губами у многочисленных любителей старой оперы, вернее даже у ненавистников всего нового.

Посылаю Вам «Вечернюю газету», как самую популярную. Впрочем, до сегодня это единственный отзыв. Ерунда здесь относительно последней картины. В том и прелесть этой картины, что через одного, страдающего у ворот кладбища (где происходит расстрел), мы ощущаем ужас самого расстрела. Представьте себе, что этого одного играет Ягодкин, он один поет и играет на сцене в течение 20 минут и производит впечатление, и ни разу не подумаешь о дефектах его голоса. Надо отдать справедливость Книпперу: он мастерски поставил исполнителей, не подвергая испытаниям их вокальные недочеты и выдвигая их достоинства. Вообще, эту вещь делал не композитор Книппер, а член дирекции Театра Книппер, (хотя он все еще числится моим музыкальным «консультантом», но весь поглощен во всю жизнь Театра). По окончании премьеры была вечеринка у Ольги Леонардовны, обильная и приятная. Даже я вернулся домой в 3 часа.

Очень сильно принят спектакль всеми из Худ. театра, восторженно.

Вместе с этим я посылаю письмецо Норме Ширер. Я прочел ее «Открытия о самой себе» в «Motion Picture» и искренне был удивлен ее артистическими идеями, их удивительным сходством со всеми моими пониманиями актерского искусства. Вот

что я хотел Вас попросить. У меня великолепные замыслы о 1) «Периколы», как у нас, но с использованием еще Оффенбаха из других вещей. Чувствуете? Южная Америка. Перуанцы, красавица Перикола (не ребенок), двор, ревность, тюрьма, богатство и т. д. Чудесный фильм-оперетка (мелодрама-буф). Потом 2) «Жирофле-Жирофля». Разумеется, не в исковерканном Таировском виде. Только в фильме можно сделать замечательно — что их две сестры, так изумительно похожие друг на друга. Это — кроме «Корневильских колоколов» и «Онегина», о которых я Вам уже писал. Нельзя ли как-нибудь заявить о них, гарантировать преимущество? Нельзя ли на это уговорить Толберга? Я мог бы ему подробно-подробно рассказать при свидании в Европе. Об этом свидании собираюсь ему телеграфировать.

Все Ваши письма получаю, и вообще вся корреспонденция с заграницей налажена у нас превосходно. Тем не менее, все, что-нибудь важное, пишите заказным на имя Леонидова, с тем, чтобы там меня письма подождали. Это потому, что, может быть, уеду на отдых уже в половине мая. Так мы сговорились с Гейтцем, и надеюсь, что и Наркомпрос отпустит меня раньше. Стало быть, если я уеду в половине мая, то какое-нибудь письмо начнет мотаться из Москвы в Берлин, Карлсбад и т. д. Лучше прямо на Берлин.

У Книппер много говорили о Вас и, конечно, прекрасно.

Обнимаю Вас. Ек. Ник., Миша шлют Вам сердечный привет.

Ваш В. Немирович-Данченко.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

4 апреля 1930. Дорогой Сережа, здравствуйте!

Настала, как будто, тишина в кв. № 3, и мне захотелось написать Вам.

29-го мы всем родственным составом были на Левиной генеральной[1]). Вы знаете, что это прекрасный, серьезный, очень волнующий спектакль; имел большой успех. Музыку очень хвалят. Дмитриев[2]) сделал замечательную конструкцию, т. ч. даже я, противник конструкций, была увлечена. Я не ожидала от Левы и потому была очень взволнована и поражена. Владимир Иванович очень доволен и покоен. Все меня поздравляли. Есть много нового в спектакле, в форме. Прекрасно все слажено. На днях пойду еще раз, на премьере не пришлось быть. Я так счастлива за Леву. Он ходит теперь, точно весь опустошенный после напряженной работы последнего времени. После премьеры он устраивал ужин, были все работавшие над спектаклем (не актеры) с Владимиром Ивановичем и Екатериной Николаевной во главе, только Мишечку прихватили. Вышло очень непринужденно, весело. Влад Ив. говорил, что это его первый приятный вечер после его приезда из Америки. Т. ч., как видите,

---

[1]) Репетиция оперы Льва Книппера «Северный ветер».

[2]) В. В. Дмитриев — театральный художник.

Левины «крестины» удались. И ужин вышел, по нашим временам, хороший, пили шампанское. Вот-с.

В небольшом театре получилось что-то новое, а у нас Отелло...

Написала бы Вам многое, но...

Обнимаю Вас, милый Сережа, не забывайте меня. Спасибо за статью о Чехове, которую Вы прислали. Наши все шлют Вам привет.

Ваша О. Книппер.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 6 апреля 1930. Милый Сергей Львович!

Вероятно, Владимир Иванович уже не раз писал Вам о своей работе в Музык. театре над «Северным ветром». Но я-то увидела этот спектакль только неделю тому назад. Для меня все было внове. Первая генеральная была 26-го. Видя, что Влад. Ив. не уверен, что спектакль пройдет совсем гладко, и зная, что он не любит, чтоб первую пробу видел кто-нибудь из Театра, даже я, я не просила его разрешения прийти тогда. Как в тот же вечер я узнала от Влад. Ивановича, успех был совершенно грандиозный. Следующая генеральная была 29-го. Тут уж было много театральных наших и других театров. Вы себе представляете, как могли принять такой «новый» спектакль люди, верные вековым традициям оперы. На днях я Вам пошлю очередные журналы, Вы в них увидите статьи, где говорится, насколько оживленные прения вызвал, например, вопрос, можно ли в опере вести разговор по телефону, можно ли петь про теплые носки, которые жена уложила в чемодан мужа перед отправкой его в дальний путь. Скажу про себя, что на первой репетиции я была взволнована так, как давно со мной это не бывало. И еще скажу: все наши актеры из нашего театра, кто смотрел, в громадном восхищении от постановки, я не знаю ни одного равнодушного. После той генеральной я еще два раза слушала спектакль-премьеру 31-го и вчера второй спектакль. И колоссальное впечатление, которое производит постановка, продолжает жить во мне все с той же силой, даже с большей, потому что я начинаю лучше разбираться в музыке. Владимир Иванович говорит, что спектакль очень тяжелый, что публика не будет его любить, не будет с такой охотой на него ходить, как, например, на «Джонни», что и он сам не может так часто слушать его, как «Джонни». В этом он прав. Но, вообще, разве можно рассчитывать на любовь публики? Ведь рядовая публика посмотрит новую оперу один раз, вынесет во многом сумбурное впечатление, но судит потом спектакль с таким авторитетом, с каким специалист не станет судить и после пятого спектакля. «Джонни», опера в сущности чрезвычайно мелодичная, кажется многим чрезвычайно левой, какой-то какофонией. Когда думаешь о «Северном ветре» — не знаешь, как точно определить, что именно в отдельности составляет его силу.

12 апреля. Вот когда удается только продолжить письмо. В этом спектакле так слились и так дополняют друг друга все элементы театрального представления. Художник Дмитриев совершенно замечательно и остроумнейшим способом построил на сцене сильно наклоненную от публики назад вышку нефтяной башни, которую он использует не только как вышку, но и в нескольких других положениях. Неудачных исполнителей нет совсем, а большинство играет прекрасно, некоторые замечательно. Влад. Иванович сделал с ними чудеса. При этом Вы сами знаете, сколько он мог успеть с ними заниматься, ведь первую половину сезона, даже больше, он почти целиком отдал нам, работая над «Дядюшкиным сном», «Воскресением» и «Рекламой». Когда я его спросила, как он смог так разработать с ними роли, он мне сказал, что предварительная его работа была такова: он устраивал беседы с режиссерами и исполнителями и заряжал их теми громадными чувствами, которые должны были их волновать. А в последний месяц работы, когда он пришел к ним, выпустив у нас «Рекламу», он во многом сам для них играл, затрачивая на это весь свой громадный темперамент. Он мне еще в период работы говорил: «Теперь мне уже не до раскапывания в актерах глубоко зарывшихся чувств, времени нет, теперь только столько времени осталось, сколько может хватить, чтоб я им успел сыграть каждому всю роль. Я так и делаю — иду на сцену и играю за всех.»

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

20 апреля. Воскресенье. Дорогой, милый Сергей Львович!

Письма Ваши получаю аккуратно. За приветы, поцелуи спасибо от меня, Ек. Ник. и Миши. Кофе и мелочи Вашей маме и брату посланы. Деньги будут переведены. «Искусство» Вам не посылалось. Во-первых, его-то и вышло два №№. А во-вторых, оно так исключительно скучно, что даже я держал его в руках не долее 3-х минут. И не знаю, куда задевал. Вы ничего не потеряли, а выиграли время.

Я теперь занят «Тремя толстяками» (очень мало, там, кроме Горчакова, Москвин), «Нашей молодостью», приятной пьесой молодежи (очень много, там только Литовцева) и «Тиллем» (только начал).

«Северный ветер», рецензии о коем я Вам послал, имеет великолепный театральный успех. Спектакль получился исключительно волнительный, непрерывного волнения, непрерывно нарастающего, первый настоящий синтетический спектакль, да еще созданный в самом театре. Я не встретил ни одного человека, который бы говорил иначе, как о замечательном, волнительном и захватывающем. Разве только наша «Карменсита» может претендовать на такой же подъем в зале. Впечатление настоящей трагедии, очень сильной и очень благородной. Музыка Книппера — это темперамент и превосходная оркестровка. Вся она послушна основным сценическим задачам спектакля и всем частностям исполнителей. Спектакль вызвал самые еди-

нодушные похвалы, но Книппера музыканты чуть не травят. И в первый раз я скажу — Зависть! Тем не менее думаю, что спектакль не будет так привлекать, как «Джонни». Во-первых, трагедия, а публика избегает тяжелых впечатлений, а во-вторых, «Город ветров» оставил в театре Каретного ряда очень плохую память. Зато этот спектакль настолько поднял значение моего театра, что соседний (им. Станиславского) остался уже позади, и заметно.

Самое большое событие последних московских дней — самоубийство Маяковского. Давно, давно у нас не было такого шума. За границей, конечно, будут говорить, что он разочаровался в новой жизни и т. п., но это ерунда. Еще больше будут говорить — от любовной тоски, он сам толкает на эту версию. Но, кажется, и это мало имело места. Главная причина — болезнь, угрожающая и не поддававшаяся лечению. Он оставил замечательнейшее письмо. Изумительно талантливое. Вот это и наделало шума. Хотя он и просит не сплетничать, однако сам дает много повода. Во-первых, эта «Лиля», к которой он обращается «Лиля, люби меня». Лиля Брик имеет мужа. Правда говорят, что это никогда не скрывалось и хорошо известно мужу, все-таки, ох, так откровенно заявить!.. А еще сильнее упоминание Вероники Полонской (наша молоденькая актриса, жена Яншина, Вы конечно знаете), упоминание ее в числе «членов семьи», а ниже в стихах «любовная лодка разбилась о быт»... и быстро стало известно, что застрелился он в присутствии Вероники... что, наконец, это молодая очень хорошенькая актриса, да еще замужняя, а муж любимый из молодых актеров... И что за наглость оголять взаимоотношения в посмертном письме. Ругали этого бедного Маяковского! Я не помню, чтоб когда-нибудь так ругали покойника, еще до кремации! А в то же время к его гробу два дня без перерыва был громадный хвост на две улицы, говорят до 100 тысяч человек. И газеты, занятые только колхозами, пятилеткой и «Англией-Францией-Польшей» давали каждый день по полосе. На самом деле Вероника с ним не была близка, хотя он, кажется, и искал этого. Отношения его с Яншиными были очень простыми и дружескими, тосковал он два дня (письмо датировано за два дня до самоубийства), Вероника присуствовала (почти присутствовала — она уходила от него, раздался выстрел) скорее случайно... Вероника (у нас ее зовут Норочка) как раз готовит со мной одну из видных ролей в «Нашей молодости» и не смогла быть только на первой, после самоубийства Маяковского, репетиции (он застрелился в 10 с четвертью, а репетиция в 11 с половиной), но потом приходила аккуратно как всегда, хотя очень измученного вида. Тем более, что следователь делал длительные допросы и ей и Яншину... Последние годы успех Маяковского круто понизился. Обе его пьесы «Клоп» и «Баня» успех имели слабый (и вообще театр Мейерхольда потерял былую притягательную силу. Кстати, он сейчас в Берлине. И Таиров в Германии). Спасибо за присылаемые вырезки. Бедный Гест! Но м. б. кредиторы устроят ему что-нибудь.

Впрочем, американские капиталисты жестоки, когда человек им не нужен. «Месяц в деревне» он тоже в списке моем заявления Толбергу. Раз Толберг едет в Европу, я буду ему телеграфировать о свидании. Когда Вы получите это письмо, я м. б. уже протелеграфирую. Хотя 10 мая? Еще рано.

Будьте здоровы, милый Сергей Львович!

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

22 апреля 1930. Я решила так: сегодня напишу Вам несколько слов и отправлю письмо — иначе оно будет длиться бесконечно.

Я Вам писала о поездке Театра на юг. Теперь выяснилось, что и я еду с Театром. Мне ужасно жаль одного — что я уеду из Москвы раньше, чем Влад. Иванович поедет заграницу. Вероятно, он уедет из Москвы недели через три, т. к. наш отъезд намечен на 9-го мая. В остальном же поездка меня радует, хотя в своем последнем письме Вы пишете, что я должна желать не попасть в поездку. Но вот какие приятности мне в поездке рисуются: во-первых, я никогда не была в Тифлисе и Баку и мне интересно туда попасть. Во-вторых, материально я как-то себя укреплю. Конечно, это гроши. Но при том, что я постоянно живу на совершенно определенный заработок, которого мне перманентно не хватает, так что я всегда в долгу — то получение в поездке двойного оклада меня устраивает. Мне денежно живется чрезвычайно трудно. К тому же все тряпки, которые я в свое время привезла с собой из моих поездок, истрепались, платья рвутся и протираются, все явно выходит из моды, да что говорить о моде, мы уж об этом и не мечтаем! На новые денег совсем нет, но даже нет на то, чтоб как-то из остатков переделать. Вот я и рассчитываю, что поездкой я скоплю себе денег на оплату портнихи.

Словом, скоро Вы получите от меня письмо уже не из Москвы, а из южных стран. Я Вам так пишу, а сама до сих пор почему-то не совсем уверена, что это так будет. Ведь все может еще перемениться, ведь теперь каждая кандидатура в поездку рассматривается и обсуждается в массе заседаний. Вдруг сделают отвод! Да и вообще разве загадаешь так надолго.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего, всего хорошего. Будьте здоровы и благополучны, не забывайте меня.

Ваша Ольга Бокшанская.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

28 апреля 1930. Жизнь проходит до того монотонно и неинтересно в смысле внешних событий, что решительно нечего отмечать. Какая разница с тем временем, когда здесь жил Влад. Иванович. Тогда благодаря ежедневным встречам с ним все время была какая-то духовная пища. Сейчас же этого решительно нет.

Появилась картина Майльстона «На западном фронте без перемен». Судя по газетам и частным отзывам, это большое событие.

9 мая 1930. Смотрел как снимали большую сцену праздника в «Мадам Дюбарри». Грандиозная декорация фасада дворца в Версале, большой пруд с настоящими лебедями в нем, множество цветов живых и искусственных. Все солидно, прочно, дорого, неверно и безвкусно. Я спросил сколько обходится один день такой съемки и узнал, что около 26 тысяч долларов!

Видел работу Альбертины Раш. Штук 40 полуоголенных девушек скакало, прыгало, бегало и неритмично размахивало руками. Это называется «греческая вакханалия». И это оказалось предпочтено искусству Фокина!

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

12 мая 1930. Милый Сергей Львович!

Что-то давно не писал Вам. А я все сватаю «Машиналь». Я уже начал проводить мысль — приготовить пьесу группе актеров, не спрашивая разрешения Худ.-Полит. совета, а потом показать и удивить.

Поездка (южная) задумана очень неудачно. Мой коллега для ради успеха производства настаивал на ней, я уступил, а привело это к тому, что здесь в Москве недели на две закрыт Худ. театр, и на добрую неделю Малая сцена, т. к. постановки, на которых построен весенний сезон, не готовы. «Нашу молодость» я только что заканчиваю, а к «Трем толстякам» еще не приступал как следует. Так что барыш поездки пойдет на убытки Москвы.

На «Тилля» меня уж, должно быть, не хватит. И то все режиссерские рекорды побиты. «На западном фронте без перемен» я знаю, замечательная вещь.

Я сейчас думаю, что «Нашу молодость» очень хорошо бы перевести на экран. Ах как хорошо.

Я наметил отъезд на 10 июня, 12-го в Берлине.

Я очень устал от репетиций. Уже два раза срывался и кричал на людей... Чувствую себя, однако, даже лучше, чем в прошлом году.

«Немножко Европы» я получаю довольно часто: почему-то приглашают на все рауты во всех посольствах. Недавно на одном из таких слушал пианиста Цекки. Запомните это имя. Ему 25 лет. Совершенно сверхчеловеческая техника. Я не слыхал в своей жизни ничего подобного. В смысле глубины Бах! Недостатки — от молодости.

Извините, что пишу наскоро. Очень занят. Обнимаю Вас крепко.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

14 мая 1930. В Нью Йорке с громадным успехом идет «Дядя Ваня» с Лилиан Гиш в роли Елены Андреевны. Это ее первое театральное выступление, в котором она блестяще показала всю силу своего таланта. Промелькнуло известие, что в будущем сезоне она будет играть Дездемону с известным английским актером-негром.

Получено известие о кончине в Петербурге А. Я. Головина. Сколько замечательнейших и незабываемых художественных радостей связано у меня с его именем: «Кармен», «Демон», «Орфей», «Борис Годунов», «Гроза», «Маскарад» — всего не перечтешь. И, наконец, «Фигаро» в МХТ'е. Как я любил бывать у него в мастерской на крыше Мариинского театра. С этими визитами у меня связаны первые впечатления «закулис» громадного Мариинского театра, куда меня манило, словно в какой-то волшебный край. Там для меня было святое святых искусства. Никогда не забуду, как с маленького балкончика я глянул вниз на сцену, откуда неслись звуки музыки и пения, и артисты казались такими крошечными. А сам Александр Яковлевич, блестящий обаятельнейший красавец с седой головой и изумительными манерами. Его всегда приветливая и изысканная речь... Чай с леденцами за длинным столом, где были разбросаны эскизы или стояли макеты. А на полу громадные холсты декораций, которые писали Зандин и Альмединген... Последний раз я виделся с ним мельком летом 1928 года в какой-то захудалой квартире на старом Невском, где он останавливался, приезжая из Царского Села. Он тогда уже сильно располнел, страдал одышкой, ходил в ночных туфлях. У него уже начала развиваться водянка. Но все же он был еще прекрасен. Я много рассказывал ему про заграничное турне Качаловской группы МХТ, а он мечтал о поездке в Париж. Тогда же он впервые сказал мне о своем желании поработать для МХТ, и я передал об этом Станиславскому и Влад. Ивановичу. И после этого родилась мысль поручить ему «Фигаро».

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

16 мая 1930. Милый Сергей Львович!

Вчера сдал премьеру «Нашей молодости». Успех, так и тянет сказать «Конечно», большой. Я уже кажется писал Вам, что вообще необыкновенно «поверил в себя». Всю жизнь был скромным и сомневающимся, а теперь вон! Еще неделю назад этот спектакль был невозможным. Я пустил на черновую генеральную кое-кого своих, однако, человек полтораста, это был полный провал. Но я чувствовал все элементы для отличного спектакля. И вот, я отменил ряд уже объявленных премьер, закатил несколько здоровеннейших репетиций, даже ночных, например начал в 7 и без перерыва, на полном темпераменте, до 20 минут первого, а на другой день и утром, и вечером от 7 до 12! И в результате получился спектакль интересный, стройный и боль-

шого волнения. И если принять в расчет, что играет молодежь, из которой только Кудрявцев в основном составе труппы, остальные еще даже непризнанные, то оцените, имею ли я право говорить «успех, конечно, большой». Словом, вызовы переходящие в овацию.

Вот я напишу Левину, что за последние годы я ставил с неизменнейшим большим успехом трагедию, драму, мелодраму, комедию, фарс, оперу, оперетку, как же мне не поверить, что я с таким же успехом могу и кино! Так и напишу.

Толбергу послал телеграмму: «Собираетесь ли приехать в Европу этим летом, хотел бы встретиться и т. д.» Но ответа пока не получил.

Кажется уже писал Вам, что решил выехать 10-го. Паспорта получил очень быстро, не только без проволочек, но даже раньше срока, какой был указан при подаче заявления, меньше чем через неделю!! Получил и валюту, сколько просил . . .

В Худ. театре готовятся «Три толстяка», а т. к. большая часть труппы уехала на юг, то пока «Толстяки» не готовы, спектаклей нет. Только по воскресеньям утром «Синяя птица», вечером «Отелло».

Знаете ли, что я так и не видел до сих пор «Отелло». Какое уродство! Отзывы единодушно плохие. В особенности о самом Отелло.

Сегодня вступаю в «Толстяков».

Сегодня 10-летие «Анго», стало быть Музык. театр получит сегодня много телеграмм. А в самом театре в Музыкальном ничего нет, т. к. Баратов[1]) не юбиляр, а новой дирекции это тоже ничего не говорит, то они даже такой благодарный случай промахнули. Между тем «Анго», вообразите, по сборам все еще на первом месте. Даже «Джонни» уже кончился, а эта старушка все еще привлекает.

На лето Музык. театр едет в Кисловодск на два месяца. Но Мишу мы берем с собой заграницу. Он бедный теряет слух, надо его повести к специалистам.

Обнимаю Вас крепко. Еще буду писать отсюда.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

25 мая 1930. Милый Сергей Львович!

Вчера сдал «Трех толстяков». И опять с очень большим успехом. Таким образом 6 постановок, ни одной неудачи. На «Тилля» у меня уже не остается ни времени, ни сил.. Отложили до будущего сезона. Даже празднование 10-летия Музык. театра до осени.

«Три толстяка» очень большой полудетский спектакль. 4 акта, из которых самый маленький 45 минут, и три огромных антракта. Самый большой успех на долю Эрдмана[2]). Кажется никогда не было такой сложной по технике постановки нигде. На сцене совершенный ад. Занято огромное число рабочих,

---

[1]) Л. В. Баратов — режиссерр Музыкальной студии.

[2]) Борис Эрдман — художник.

техников и т. д. Много настояще красивого. Великолепна Бендина в 13-летней девочке. Ей на вид даже меньше. Все молодежь. Спектакль идет под аплодисменты и кончается овациями.

На генеральной шел 5 часов, на премьере 4.40!

Теперь у меня разные дела по будущему сезону и ликвидации истекающего. А 10-го июня хочу выехать. Делаю все возможное по Вашим делам...

И писать пока уже больше нечего.

Обнимаю Вас. Надеюсь Вы и здоровы и душой покойны. Ек. Ник., Миша кланяются.

В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

31 мая 1930. В Нью Йорк приехал Эйзенштейн и вся пресса возится с ним. Трудно предсказать , чем все это кончится, но похоже на то, что Парамаунт, куда он приглашен с контрактом в сто тысяч в год, даст ему полную свободу действий. Повидимому, американцам очень импонирует то, что он молод, энергичен, чужд всякой сентиментальности и прекрасно говорит по-английски.

Меня очень волнует вопрос с моим паспортом. Американский мне получить не удается, несмотря на все старания (слишком короткий срок пребывания в Америке). Советский же заграничный, по которому я живу, могут не продлить и потребовать моего возвращения в Москву. Что же тогда? Дадут мне возможность остаться здесь на положении эмигранта?

17 июня 1930. Приехал в Холливуд Эйзенштейн. Газеты встретили его очень ласково, и он в свою очередь сыпет комплиментами, уверяя, что чувствует себя в положении счастливого мальчика, впервые попавшего в цирк. Америка всегда влекла его еще с детства, и теперь мечта эта осуществилась. О будущих работах его, пока, ничего не говорится.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

17 июня 1930. Милый Сергей Львович!

Вот! Приехали мы в Берлин 12-го утром. Но я был так вообще утомлен, что ни за что не принимался. Притом стояла жарища, которую я, увы, уже плохо переношу. Миша еще не с нами. Паспорта ему не дали. Но в последние дни мне обещали дать, когда я напишу, что нашел заграницей действительно прекрасного целителя. Чтоб кончить с Мишей. Он худо слышит, когда утомлен или нервен, а на сцене, говорит, слышит отлично.

Мы собираемся прожить тут до конца месяца, куда потом — не решили еще, то ли в Виши, то ли в Карлсбад. Вернее последнее, хотя французскую визу я уже имею. Я не тороплюсь, потому что, повторяю, очень устал и потому что предупредил в Москве, что вернусь (?) не скоро, т. е. официально сказал, что через 3 с половиной месяца. Отъезд из Москвы был легкий. Как Вы знаете, мне дали паспорта на редкость легко (кроме

Миши, значит). Вообще выпускают трудно, как никогда. Относительно Ольги Аполлоновны[1]) я начал хлопотать в марте, потом в начале мая, наконец в конце. Я послал Михаилу Львовичу[2]) адрес того лица из власть паспортную имущих, к которому он должен обратиться и которое мне обещало. Лужских не выпустили. Оба совсем больные. Я сильно подозреваю, что меня выпустили из опасения, что в противном случае это произвело бы на Станиславского такое впечатление, что он не вернулся бы в Москву. Хотя вернется ли он и теперь? Сомневаюсь. Но не знаю, как он обойдет необходимость возвращения. Он ведь продолжает получать жалование полностью (1800 руб. в месяц с пенсией) и получил еще валюту и переписывается с Рыковым и Бубновым.

Я несмотря на колоссальную работу, физически чувствовал себя все время, и до конца, даже лучше, чем раньше. Правда, я себя очень берег. Сезон еще продолжается. На Большой сцене идут «Три толстяка» и «Наша молодость», а на Малой только «Квадратура круга». «Отелло» окончательно слетел после смерти Синицына (говорят прекрасный Яго). Не помню, писал ли я Вам об этой смерти. В последнее время он опять сильно пил. Вообще у него было странное тяготение к высотам. Раз он у Качаловых сорвался в пролет с 3-го этажа, в другой у Кузнецовых с карниза, всегда был уверен, что это будет благополучно. А тут сорвался с 4-го этажа в Шереметьевском переулке и разбился на смерть. А был он только что развернувшимся. Блестяще сыграл в «Дядюшкином сне», Яго, заменил Качалова в «Блокаде» и только что сыграл героя в «Трех толстяках».

«Три толстяка», кажется, удачно заменят «Синюю птицу», хотя по таланту поэта не стоят и десятой доли. Но Борис Эрдман сделал замечательную постановку.

С коллегой моим Гейтцем мы расстались дружески, при чем я ему не верю ни слову и считаю его старомоднейшим авантюристом в новой обстановке, лгуном и предателем, а он льстит мне до приторности и если не борется со мной, то только потому, что испытывает на себе и на своей карьере большую силу моего авторитета. А мой авторитет во всех отношениях очень вырос. Кажется он никогда не был так высок.

Прежде чем перейти к вопросам для меня сейчас важнейшим, о чем я не мог писать из Москвы, покончу с Вашими вопросами. Все письма я получил. Спасибо еще раз. Читал со вниманием. Екатерина Николаевна тоже читала со вниманием. Телеграмму от Геста о «Воскресении» я не получал. И здесь у Леонидова ее не было. Не думаю, что из этого выйдет что-нибудь. (Катюша-Лилиан Гиш?). Хотя ее, повидимому, тянет больше на женщин «загадочных» со скрытыми страстями. Я потому и думал когда-то о Таракановой (кстати, уже идет в Париже фильм «Тараканова»). О «Северном ветре». Спектакль берет своей драматической насыщенностью, которой очень много

---

[1]) Ольга Аполлоновна Бертенсон, мать Сергея Львовича.
[2]) Михаил Львович Бертенсон, брат Сергея Львовича.

помогает Книппер, большой новизной формы и отличной, реальной игрой Владимира Ивановича в лице всех исполнителей. Тема о расстреле комиссаров, в данном случае не может отталкивать даже ярых контрреволюционеров (Притом же это не от гражданской войны, а от интервенции англичан, охотившихся за русской нефтью). Но спектакль просто очень тяжелый по трагической насыщенности и несмотря на единодушные похвалы всех классов публики, сборов не делал, что мною было точно предсказано. Конечно без Вас Книппер не скоро бы попал в Музык. театр. Сейчас он там первый друг нашего красного директора, имеет на него огромное влияние, вообще крупная шишка.

Ваша рекомендация Майльстона очень тянет меня к нему.

Номер «Искусства» с моей статьей был изъят из обращения за какие-то намеки на кого-то...

Литовцева как режиссер? Из всех трех женщин лучше всех Котлубай. Недавно я дал ей задачу сделать Кармеситу из Бацофен. Я дал ей один портрет Гойа, немолодой и некрасивой Кармен, но замечательный по силе привлекания. И объяснил как сделать. И Котлубай сделала. Хорошо приготовила Орлову для Периколы.

Телешева работает просто и грамотно, помогает. Литовцева, в лучшем случае, репетиторша.

В Ваших письмах все. Остается только о Вашем паспорте. Вы помните? Обратили внимание? Я писал Вам, как необходим Вам климат Калифорнии? Да, так и должно быть. Не Калифорния, так Германия, Франция. Как Вам думать о возвращении, когда теперь еще труднее найти комнату, чем было два года назад. И на какое дело? За последние годы Вы откатились от московской жизни еще дальше, чем чувствовали себя два года назад. Да и самый театр откатился дальше. Оба театра! Вам многое стало бы еще более чуждым. Долго писать, да и ничего нового я не скажу... Я сейчас оторвался от письма на несколько минут, сосредоточился на этом вопросе и не мог найти ни одного довода (кроме Ваших в Ленинграде), за возможность Вашего возвращения. Если бы даже мне пришлось отвечать за Вас, я сказал бы прямо глядя в глаза: а зачем он вам нужен? Горячим коммунистическим работником он стать не может, а как спецу по театральной или музыкальной части, как хорошему театральному работнику, вы не можете дать ему гарантии, что через месяц же какой-нибудь секретарь месткома или выдвиженец, или красный директор не постараются спихнуть его. Вот если бы жизнь изменилась, даже вовсе не очень круто, хотя бы по линии, по какой она пошла было три года назад, — было бы больше уверенности за завтрашний и послезавтрашний день, я мог бы опираться на планы разработанные мною и на людей, на которых я могу полагаться. Но на эту перемену надежды мало!

Вот я и подошел к письму о моих мыслях и планах сложных и трудных... Пока, как говорят у нас.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

19 июня 1930. Милый Сергей Львович!

Сейчас пошлю телеграммы, о которых Вам телеграфирую.

Толбергу: Революция вашего кино не оставляет меня в покое. С интересом наблюдаю эксперименты звуковых фильмов. Собрал много оперет, опер и лучших русских пьес, которые могут быть использованы для говорящих и поющих картин. Теперь я хочу осуществить мои идеи. Два года тому назад вы предлагали мне остаться в Холливуде. Ваша современная индустрия более мне подходит, чем раньше. Никогда не чувствовал себя более близким к ней. Я не предлагаю вам, как лучше меня использовать. Вы знаете это лучше, помня мои желания работать под вашим любезным руководством. Большой привет вам и вашей жене. Данченко.

Левину: Телеграфировал Толбергу, что хотел бы опять приехать в Холливуд. Надеюсь на Вашу дружескую поддержку. Не раскаетесь. Большой привет. Данченко.

Я Вам писал зимой, что написал Толбергу письмо, оно было другого характера и тона. Я его не послал. Приехав в Берлин, думал несколько дней, письмо или телеграмма. Нашел так лучше. Если из этого ничего не выйдет, сделаю и эту, по моему очень странную и на 99% безнадежную попытку, — напишу Консидайну, как Вы советовали. И если после этого не поставлю на Америке крест, то только по натуре всегда оставлять щель для возможностей.

По моей арифметике один процент (из 100) представляет из себя гораздо более крупную величину, чем одну сотую возможностей.

В сущности, раз телеграммы уже посланы, настоящее письмо имеет только информационный смысл. Но попробуйте использовать его на разные случайности, когда Вам пришлось бы, более или менее вмешаться в мои переговоры или поработать для меня. Ведь, м. б. это не Толберг, не Консидайн, а Парамаунт, Цельник, Майльстон, я не знаю. Вот здесь в Берлине, не то чтобы охотились за мной, это было бы преувеличено, а как бы присматриваются и вот-вот готовы заключить какой-то контракт. По части фильма... одно, другое, третье общество, один, другой директор. Я их путем и фамилий не знаю. И сейчас к чаю ожидаю предпринимателя. Всякому, конечно, хотелось бы уяснить, что я хочу и главное, что я могу. То что я видел до сих пор из картин говорящих и поющих, неизмеримо ниже моих ожиданий. То что я видел в **работе,** даже здесь в Берлине, мне казалось, я сразу могу начать исправлять или направлять. Я испытываю точь в точь такое чувство, как когда я прихожу на приготовленные для меня сцены или акты или целые пьесы, когда я посмотрев сначала первые 10 минут говорю: да, ничего, все в порядке, кажется мне нечего сказать... попробую выразить, чего мне не достает... и через десять минут начал, и пошло и пошло. А в конце концов, через несколько репетиций вещь становится неузнаваемой. И я сам недооцениваю, насколько вырос и углубился спектакль. Вот то же я испытываю, начиная думать о виденном. То же мог бы сказать о замыслах.

Или мне надо предоставить очень большой простор и только корректировать и направлять с хозяйственной и технической стороны или меня надо связать с режиссером. Из всей нашей с Вами практики я был ближе всех к осуществлению, когда Скэнк свел меня с режиссером Барримора. Помните, когда я писал «Грозу». Вы переводили, читали ему, он советовал и т. д. И если бы тогда мы встретили больше доверия от Барримора и если бы не вмешалась Де Грезак, может быть, мы бы достигли прекрасного. Приблизительно к этому же шел Толберг с «Иллюзией мира». Толберг должен был бы под своим наблюдением свести меня (поженить, как мы выражаемся в Худ. театре.) с хорошим техником-режиссером. Что я такое буду? Режиссер? Консультант? Сэпервайзер? Руководитель и учитель или наоборот исполнитель и помощник? Нельзя сказать. Я знаю, что я был бы через две, а может быть через одну постановку. Выражаясь по нашему — «Художественный директор». А пока не знаю, м. б. пока художественный товарищ директора.

Но кто решится заключить со мной определенный контракт, т. е. условия на определенную постановку, как это могли бы сделать с любым режиссером, уже ставившим картины? Конечно, никто. Это надо задумать как это сделал Скэнк, пока его не отравили насчет меня. Или как в это поверил Толберг. Надо нюхом почуять, что из этого может выйти нечто очень сильное. И уж не одна определенная картина, а несколько их, с разными даже режиссерами.

И сейчас чего бы я мог ожидать от Толберга? Какого-нибудь возвращения к старому положению, причем я стал опытнее, спокойнее, т. е. увереннее и могу кое-как объясняться по-английски (еще лучше писать и читать). Телеграммы я сочинял совсем сам. Ек. Ник. поправила не более трех мест. Если Гест хотел устроить какую-нибудь определенную постановку (Речь шла о «Живом трупе»), то понятно недоверие Толберга. Теперь если бы мы встретились я бы начал спрашивать, что ему надо? Роль для Гарбо? Для Наварро? Для пения? Кому, баритон, сопрано? Интимная драма? Комедия? И т. д. и т. д. Мне все равно! Вот что важно. Я одинаково развернусь и в большой постановочной картине, и в опере, и в оперетке, и в фарсе. Но я умею повести основную линию, наметить актеров и следить за темпом развития и эффектами... Моррис Гест это понимал замечательно. И умел убеждать.

Художественный содиректор. Со-продюсер. М. б. сначала только на одну картину. Что-нибудь в этом роде. Входящий во все части постановки.

Потом, кто это пустил, что я дорогой? Т. е. мои постановки разорительны? Посмотрели бы, что я делаю два года в Худ. театре. «Отелло» стоит вчетверо больше «Воскресения». Я берегу каждые 100 руб. Правда не скуплюсь на актеров и, конечно, на себя лично.

Но вообще делать все эти планы заочно, на расстоянии полушария! Ничего не поделаешь. Стало быть так лучше. Судьба сама работает за меня. Письмо не кончаю.

24 июня 1930. Милый Сергей Львович!

Леонидов приехал. Дела его были хороши, но под конец подпортились. Старается наладить постановку мною «Воскресения» у Рейнгардта. Последний очень заинтересовался этим еще зимой.

Смотрел я «Голубой ангел» Янингса. От «звуковой» части картины пришел почти в отчаяние, так это грубо, неправдиво, даже просто неприятно. Партнерша Янингса очень славная актриса, забыл фамилию. Говорят, она уже у Вас в Холливуде. Очень привлекательная.

Берлин прекраснейший город. Но опять переживает финансовый кризис, как помните? в 25-м году.

Я понемногу отхожу от усталости. Жду ответа от Толберга, но заранее ничего об этом не думаю, т. е. не делаю ровно никаких предположений.

Жара в Берлине самая Холливудская.

Обнимаю Вас крепко. Ек. Ник. сердечно кланяется.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

26 июня 1930. Четверг. Милый Сергей Львович!

Я все еще получаю от Вас письма в ответ на мои московские. Вчера — от 11 июня. «Фигаро» не сходит с репертуара и долго не сойдет.

В Берлине жара. Сегодня впрочем спала.

Постановка мною «Воскресения» у Рейнгардта возможна. Леонидов относится к этому с большой верой.

От Толберга никакого ответа. Я думаю так: я подожду, пока по моему расчету Вы получите мое письмо с копиями телеграмм, чтоб Вы были в курсе. Это будет числа 3-го, 4-го. Тогда я пошлю Толбергу новую телеграмму примерно такого смысла: Прошу назначить свидание Семену Гесту. И в то же время Вам телеграмму, чтоб Вы попросили Геста пойти к Толбергу.

Может быть с моей стороны это слишком напористо, но я хочу идти до самого конца.

Обнимаю Вас крепко.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Напрасно Вы тратитесь на беспокойные мысли о Вашем будущем. **И через три месяца, с окончанием настоящей визы, у Вас все будет вполне хорошо.**

Верьте мне.

Вл.

ИЗ ДНЕВНИКА Л. С. БЕРТЕНСОНА

24 июня 1930. Фокин уехал в Нью Йорк, так ничего и не добившись. До последнего времени его все еще морочили и кормили обещаниями.

30 юиня 1930. С Эйзенштейном носятся как с писанной торбой и сама Луэлла Парсон превозносит его до небес, особенно после банкета в его честь в «Амбассадоре». Лон Чаней заболел гор-

ловой чахоткой и принужден был прекртить всякую работу. Его спешно увезли в Нью Йорк в клинику. С его уходом исчезает в кино единственный актер, который в каждом фильме хотел уйти от самого себя и быть иным. А здесь ведь такая тенденция, что известный актер не может усов приклеить, т. к. публика «может не узнать его».

М. М. ФОКИН — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

2 июля 1930. Дорогой Сергей Львович!

Шлю Вам привет из чудного Yellowstone. Очень красиво, природа чудесная. Ехали по 200-300 миль в день. Здесь двигаемся медленно. Все осматриваем. Масса впечатлений. Таля[1]) в экстазе. Я снимаю чудеса природы. Вера Петровна[2]) устает. Все трое желаем Вам всего лучшего. Передайте приветы тем, с кем мы не успели попрощаться.

Ваш М. Фокин.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

8 июля 1930. Милый Сергей Львович! Подумайте, все еще Берлин! Как это случилось? Была такая жара, и я был так утомлен,что не только не хотелось ехать, лечиться, о чем-то заботиться, но даже думать об этом. И... а нельзя ли обойтись без Карлсбада? Пошел на диагноз к Альтшулеру, я у него был в прошлом году перед возвращением. Диагноз оказался исключительным. Никогда я такого не имел. Право, чем старее становишься, тем все органы здоровее. Альтшулер искренне говорил, что не находит слов убедить меня, что я не нуждаюсь ни в каких лечениях, даже в сущности не нуждаюсь в отдыхе. Ну вот! И Карлсбад по боку, а ждем визы в Швейцарию. Вы милый, часто пишете и присылаете разные штучки...

Мельница[3]) еще нет. Майльстон скрывается, живет инкогнито. Но я написал ему:

Рейнхардта не видел, он в Зальцбурге. Хочу непременно туда поехать. Перевод «Воскресения» (инсценировки) на днях будет готов и передастся драматургу Рейнгардта.

Затевает такую же постановку в Америке Юрок. Он приехал из Америки с тем, что там много слышал и читал в № 8 «Таймса» призыв к американским импрессарио показать. Я втянул Леонидова. Пошли переговоры, счеты-расчеты. В конце концов Юрок уехал в Париж искать для этого денег. Он сильно увлечен и верит. Вчера телефонировал Леонидову, что уже возвращается из Парижа. Нашел ли денег, не знаю. Это сводится к тому, что я готовлю экземпляр применительно к американским вкусам и обычаям, заказываю художникам, беру себе помощников (думаю о Булгаковых и Успенской), месяца полтора

---

[1]) Сын Фокиных.
[2]) Жена Фокина.
[3]) Кинопродюсер.

перепискáми, а потом еду в Нью Йорк и там репетирую недели 4-5, сдаю спектакль (Юрок хочет открытие в Филадельфии) и кончаю свои обязанности. Я был бы доволен, если б вышло.

Где-то я прочел, что «Воскресение» будет снова сниматься с Дель Рио. Так ли это? Неужели, если это будет говорящий фильм — не убедят взять меня?!

Милый Сергей Львович! Вы пишете о высылке в Ленинград Вашим 1 000 руб. Хм! Очень ценю, если это деликатно придумано. Да и кстати.

Пока! Как говорят презираемые Вами москвичи. Обнимаю Вас.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

М. М. ФОКИН — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

15 июля 1930. Дорогой Сергей Львович!

Шлем Вам привет все трое почти из Нью Йорка. Остановились в Леквуд под Нью Йорком, чтобы отдохнуть. Очень устали. Много проехали, много повидали интересного, но отдыхать не приходилось. Шум от автомобилей и радио. Наконец здесь тишина. Завтра в Нью Йорк. Хлопоты, заботы, шум. Напишу Вам из Нью Йорка. Всего хорошего.

Ваш М. Фокин.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Среда, 16 июля 1930. Милый Сергей Львович!

Увы, до сего дня не имею никаких и ниоткуда слов в ответ на мои телеграммы! Раньше я думал, как и писал Вам, в случае неполучения ответов телеграфировать, но получив от Вас, что Толберг в Чикаго, жду...

Тем временем смотрю немецкие тонфильмы и прихожу в ужас, в полное отчаяние. Не может же быть, чтоб американские так ужасно звучали! Не может быть, потому, что тогда не было бы речи о том, что голос Гильбера не подошел, да и вообще чей бы то ни было. Тут все дивы говорят хриплым басом и только в самые нежные минуты баритоном! Вообще же все говорят одним голосом, только старающимся меняться. Полная иллюзия, что показывается картина, а один сидит тут где-то за ширмой и за всех говорит. Американских картин здесь, пока, нет.

Одна здешняя небольшая фирма готова заказать мне сценарий, совсем почти сговорились. На книги мои нашлись лучшие издатели. Как видите, я мог бы уже обеспечить себя на довольно длинный срок. Но мне так жаль тратиться на все эти дела, потому что так хотелось сосредоточиться на американском фильме. Появилось здесь в газетах, что 24-го приезжает сюда «Шенк», т. е. Скэнк. Мелькнула у меня мысль повидаться с ним или нет, но мелькнула и потухла. Тем более, что послезавтра мы уезжаем в Женеву.

Мельниц приехал, но на мой телефон я до сих пор ответа не имею.

Когда что-нибудь «оформится» напишу Вам подробнее и пояснее.

Майльстон тоже здесь скрывается, я написал ему письмецо и тоже не имею ответа. Вот какие дела! Пишите. Живу экономно, Вы бы порадовались глядя на меня. Например, в кафе на чай даю 25 пф. Шоферу прибавляю 20, даже 15. В кино беру билеты по 3,50, когда там лучшие места по 5 м. В эту минуту телефон от Мельница, что он просит меня сегодня в 4 часа.

Будьте здоровы! Пишите. Обнимаю Вас. Очень часто вспоминаем Вас с Ек. Ник.

Ваш ВНД.

22 июля 1930. Женева. Каково? Целых две недели Вы мне не писали. Милый Сергей Львович! Вы недовольны моими письмами. «В них Вы ничего не пишете, кроме своих размышлений о кино». Вы называете это «своими размышлениями о кино»! **Голубчик, это же самая важная тема данного времени, самая большая моя забота всей зимы.** Неужели же Вы это не почувствовали? Какое «разочаровательное» недоразумение. А я в письмах из Москвы думал, что Вы догадаетесь. Правда практически это ничего не испортило: Вы добросовестно делали все, что могли.

Я не размышлял о кино, я хотел напичкать Геста на случай беседы с Толбергом, или с кем другим. Я хотел, чтобы мое предложение вернуться в Холливуд не было бы ни на чем не основанным. Боюсь, что в данном случае мои желания не совсем дошли. Увлечь Толберга — **вот в чем** задача. В то же время я внимательно продумаю, **что я могу.** Я вовсе не хочу надуть, сорвать, как выйдет — так выйдет. Я хочу «в серьез и надолго». Это не значит, что я непременно хочу длительный контракт, пусть будет пробный, 6-месячный, но тогда тем более надо приготовиться, доказать свою полезность. И ведь месяц в Берлине я в сущности работал для кино. То, что Толберг ничего не отвечает, не обезнадеживает меня. Если Вы припомните, в мою бытность в Холливуде два раза были такие случаи с Толбергом, оба оказались для нас сюрпризом. Он так же ничего не отвечал и оказалось, что он за это время думал обо мне очень выгодно для меня. Почему бы и теперь это не случилось? Я представляю себе, как его голова и время набиты миллионами дел. Ну, а насчет, так сказать, простой воспитанности — мы к этому привыкли.

И самое главное — ни Рейнгардт, ни Юрок, ни Гилд[1]) меня не устраивают. А уж о книгах и говорить нечего. Я разобрался в этом. Книги могут хорошо обеспечивать **потом,** при очень большом успехе, примерно через год после того, как они написаны. Но ведь, чтоб их писать надо уже быть обеспеченным, да пока будут переводиться, да печататься. Немецкие издатели по-

---

[1] Американский драматический театр в Нью-Йорке.

немецки, по-английски и по-русски отнеслись к моей мысли с темпераментом. Даже об авансе говорили. Но это гроши, которых не хватит на месяц, на два. Нет, надо добиваться Холливуда!!

С Мельницем я говорил. Он был любезен. Но говорил, что для предстоящего года наши переговоры опоздали, а для будущего преждевременны. Предложил возобновить беседы в конце августа. Однако я, во-первых, очень мало доверяю Мельницу, как стоящему во главе дела. А во-вторых, Берлин меня вообще... слишком близко от Москвы.

Телеграмму Толбергу, пока, не посылаю. Думаю написать письмецо, в котором и попрошу принять Геста. Если и из этого ничего не выйдет... не знаю как быть потом. Очень не хочется ставить на Толберга крест. Конечно Консидайну писать не к чему. Мельниц предлагает мне подождать приезда Скэнка. Но ведь это ему кажется, что Скэнк мне нивесть как обрадуется.

В ближайшей моей работе я собираюсь написать несколько коротких синопсисов, чтоб перейти к реальности.

Обнимаю Вас, желаю успехов! Ек. Ник. очень кланяется.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

1 августа 1930. Женева. Милый Сергей Львович! Получил Ваше письмо от 21 июля на мое от 17 июня!

А я стал забывчив на то, что сам сказал или сделал. Вы пишете относительно «Воскресения» — вызовите Геста и сообщите ему. А что я предлагал? Ну пойму из Ваших дальнейших писем. И вот не помню, писал ли Вам, что послал Толбергу короткое письмецо о назначении апойнтмента Гесту. Так и сделаем. Я уже ему писать не буду. А Гест пусть делает, если найдет возможным, что хочет...

Знаете, пример практических людей учит, что рвать никогда не надо. Вот Мих. Чехов первый год еще писал Луначарскому, что через год вернется. А потом, хоть и не возвращается и не пишет, что не вернется, но и не рвет до конца. То же, повидимому, хочет делать и Константин Сергеевич.

А Майльстон мне не ответил на письмо! Какая у них странная манера.

Ек. Ник. очень растрогана Вашими строками к ней и желанием нас видеть. Просит Вам очень, очень кланяться.

В Зальцбург мы, т. е. я и Леонидов, едем 22-23 августа.

О японском предприятии Геста поговорю, когда (если) вернусь.

У Вас была тропическая жара? Была она и в Берлине. Но я уже не выношу ее.

Крепко обнимаю Вас.

В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА Л. С. БЕРТЕНСОНА

5 августа 1930. Более чем годовая работа над «Токис» показала, что большинство авторов, актеров и режиссеров, бросивших Нью Йоркские театры ради Холливудского кино, соблазненные

заманчивой надеждой нажить большие деньги на экране, вернулись в Нью Йорк разочарованные. Они убедились, что тот факт, что экран заговорил, еще не уровнял кино с театром. Техника кино, настолько отлична от сценической, что только очень немногие сумели приспособиться к новым требованиям.

Все мои попытки устроить себе постоянное, легальное правожительство, не привели ни к чему. Опять надо возобновлять хлопоты о пролонгации временной визы.

6 августа 1930. В журнале «Скрин Уорлд» появилась заметка, что из «Воскресения» предполагают сделать картину с музыкой. И это очень хорошо, т. к. Толстой сам музыкант, ибо как известно он написал музыкальное произведение «Крейцерову сонату».

12 августа. Смотрел пролог в новом театре «Пантэджэс», который кстати сказать, по архитектуре и «роскошному» убранству превосходит всякое безобразие («Аида», Мавританские бани, «Тайны гарема», всего понемножку). В прологе есть такой момент: Сцена изображает лес и две «кабины», в которых живут ковбои. И вот эти самые ковбои становятся в ряд перед рампой и поют хором... второй прелюд Рахманинова, после чего начинается бешеная акробатика, все крутом скачет и кувыркается под разухабистую музыку.

М. М. ФОКИН — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

15 августа 1930. Дорогой Сергей Львович! Благодарю Вас за Ваше милое письмо, которое я получил по приезде в Нью Йорк. Отчего я не писал Вам несколько недель? В мрачном настроении! Не хотелось отсылать жалобное писание. Сейчас ничего к лучшему не изменилось, но я пишу Вам, чтобы у Вас не было такого чувства, будто письмо Ваше кануло в вечность, а главное, я хочу еще от Вас получить весточку. Писатель я плохой, но за то читатель хороший. Итак, Сергей Львович, по своему обычаю, получив это письмо откликнитесь сейчас же и с сознанием, что конверт Ваш будет вскрыт с интересом и письмо прочитано многократно.

Со дня приезда мы проводим время в поисках студии, ходим с агентами, мерим шагами танц. залы и т. д. Что может быть скучнее?! Похоже на то, что я продолжаю свою холливудскую «должность». Пока ничего не решили. Опять та же проблема: соединить несоединимое. Что хорошо для «бизнеса», мучительно для вкуса. «Коммерческое место», «деловая часть города», «хорошо для рекламы» и пр. и пр. при этом непременно безвкусно, противно, шумно, сарайно, фабрично... Но не буду жаловаться. Лучше скажу Вам про наши автомобильные подвиги.Проехали 4436 миль. Впечатления самые разнообразные. Местами было скучно, слишком длинно, слишком жарко и сухо, но было много красивого, были волнующие, грандиозные картины, ради которых стоило претерпеть. А главное удалось за-

быть о делах, удалось о них совершенно не думать. И это три недели. Вы назвали меня энтузиастом. Что бы Вы сказали, если бы видели, как мы с Талей, остановив в лесу автомобиль, бежали за медведем, как два охотника вооруженные... я мувисом, а Таля кодаком! В Yellowstone и в Yosemite парках зверье выходит прямо из лесу. Людей не боятся. Мы кормили всякое зверье: медведей, оленей, норку и пр. и чувствовали себя как праотцы в раю. Еще большее впечатление произвели на нас гигантские деревья. Некоторым из них более 3000 лет! Величина сказочная. Вот декорация! Таля особенно был взволнован гейзерами в Yellowstone. Горячие фонтаны, водопады, пар из пропастей, серный запах, вулканическая почва, глубокие сине-зеленые бассейны. Я снял Талю мувисом в сцене Орфея, опускающегося в ад. Сыграл он лучше Собинова, потому что в лицо ему из преисподней бил пар и плевала горячая вода. Жаль, что не сможем показать Вам три фильма-шедевра нашей студии. На них каждый момент или что-нибудь невиданное или удивительно красивое. Здесь мы просматривали фильму с Вашим изображением. Ну разве это не чудно? Ходите перед нами, с собачкой играете, обходите Веру Петровну, чтобы быть с левой стороны, как полагается. Я очень рад, что имею Вас среди «стар» моей студии.

Забыл Вам сказать, что перед самым отъездом из Холливуда мне удалось получить и прочесть книгу Карсавиной. Ученица мне ее одолжившая отобрала назад. Поэтому я не мог ее показать Вам. Книга написана неглупо. Использованы все имена, с которыми Карсавиной приходилось встречаться. Каждому имени отпущена та порция авторского внимания, которая соответствует известности этого имени в Лондоне. Вообще книга на лондонского читателя. Нельзя сказать, что она неодоценила себя в этой книге. Но сделано это ловко. Например такая фраза (приблизительно): «Когда Карсавина и Фокин встретили Дягилева, родился новый русский балет». Такую неправду она предоставила формулировать на обертке книги какому-то дяде, сама же в книге давала это понять так тонко, что избегала возможности быть обвиненной в неправде. Но трудно писать историю, когда автор сам так в ней заинтересован.

Жалею, что не прочел Вам свои писания. Зная как трудно писать историю было бы мне, и какой был бы соблазн преувеличить свое значение, я выбрал тему такую: обсуждение всех вопросов связанных с балетом — балетная музыка, право пользовать для балета симфонии, о декорациях, о ритме, отношение публики к новшествам, стилизация и реализм в балете, дилетантизм, классика и модернизм. Все это я начал излагать в форме разговоров. Многие разговоры явились развитием споров, имевших место на самом деле в моей жизни (мои споры с С. Волконским, Безобразовым, Левинсоном, Павловой, с родственниками композитора и пр.), многие были созданы из обсуждения книг (Г. Крега, Мейерхольда, Евреинова и пр.). Начал я свое писание в 1920 г., когда испортил ногу и слег в кровать. Тогда же написал несколько разговоров, но потом забыл о них.

Мне кто-то высказал мнение (когда я говорил о писании книги), что такая разговорная форма не серьезна. Перед отъездом из Калифорнии я прочел и пожалел, что с Вами не посоветовался. Что Вы думаете о такой форме и о таком содержании?

Шлю от Веры Петровны, Тали и меня Вам наш сердечный привет.

Еще раз всего лучшего. Ваш М. Фокин.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

(Без числа). Берлин. Милый Сергей Львович! Я стал очень беспамятен, писал ли Вам о вечере у Цельника? Нет, не писал. Было приглашение к 5-ти часам «и дальше». Кроме меня и Ек. Ник. были: Парижский представитель Скэнка (Помните?), новый заместитель Мельница у Скэнка, молодой человек, румын, с женой. Больше никого. Был великолепный ужин (обед) со всякими онерами, т. е. и с шампанским. Ухаживал за мной Мельниц чрезвычайно. Как никто заграницей. Конечно, решили мы с Ек. Ник. — это Ваша работа. О Вас вспоминали очень много раз. Она нам очень понравилась, проста, шармантна. Ухаживания за мной Цельника, конечно подогреты желанием, чтоб Кармен играла (и пела) она — его жена. Он этого и не скрывает. Завтра-послезавтра буду слушать ее голос.

Предложение денег (банки) принимает все более реальные линии. Жду Мельница, он уехал в Лондон на несколько дней.

Итак, я или ставлю картину с Терра-фильм, или ставлю «Воскресение» с Юроком, или то же у Гилда, или все это распыляется, и я доканчиваю запроданный сценарий Кайзерману и уезжаю домой, или просто уезжаю домой ни с чем. Ко всему этому неразрешенному присоединяется вопрос о разрешении Мише приехать сюда. Этого разрешения все еще нет. Но оно должно быть. Хоть недели на две, а надо ему здесь побыть. И с докторами, и приодеться. Соответственно со всем этим не ясно и мое материальное положение. Причем легко может оказаться, что у меня здоровая недохватка: если все распылится и Ек. Ник. не удастся вовремя продать совершенно ненужный ей мех (многие подобные вещи все равно оставим заграницей), а возвращаться уже будет надо. Могу ли я тогда занять у Вас? Ах, как не хотелось бы у Леонидова! Вы понимаете? Ну, конечно, могу, напрасно и спрашиваю. Я Вам протелеграфирую во всяком случае. Даже если еще останусь и получу аванс. Вообще протелеграфирую в каком положении дела, зная как Вы интересуетесь.

Обнимаю Вас за себя и Ек. Ник.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

На днях просидел вечер с двумя английскими актерами и одним американцем, молодежь интересовавшаяся мною. Из трех часов более двух говорил я. Никакого другого языка, кроме английского не было.

Ваш ВНД.

Берлин, 30 августа 1930. Дорогой мой Сергей Львович! Не писал Вам целую вечность. Не разберу почему. Ничего не делал, лентяйничал. А матерьялу бездна.

О Толберге и Ко. Вам известен его ответ мне или нет? Очень умный и благородный «Дорогой друг! Положение слишком сложно, чтобы я мог себе позволить ввести Вас в него.» И от Левина подлиннее. Сначала извиняется, что не отвечал, перенес тяжелую операцию. Потом, что Толберг боится «языка» для токиса и считает «несоветуемым» или «неблагоразумным» мой приезд. Я буду им писать. Все еще не собрался. Я оружия не складываю. **Я преодолею это препятствие.** Ведь я непрерывно занимаюсь языком. Где бы ни был. В Москве, приехал в Берлин взял какого-то славного индуса из Америки. Переехал в Женеву со второго дня со мной была американская лэди. Послезавтра уже ко мне здесь кто-то придет. Такие нетрудные вещи, как пьесы Оскара Уаильда, читаю, редко прибегая к лексикону. С Ек. Ник. в обиходе говорю только по-английски. У Рейнгардта все время говорил с женой знаменитого Сноудена (министр финансов Макдональдского правительства). Но, конечно, понимаю, что с таким языком работать в токисе еще нельзя. Ладно...

Вы правы, что постановка в Нью Йорке может оказаться отличным мостом для Холливуда. А это дело обстоит так. Конечно поставить у Гилда «Воскресение» было бы как-то благороднее, да и легче, хотя и гораздо менее выгодно. Но Юрок идет на все, что я ни предложу. Во всяком случае вопрос с ним решится скоро. Я ему поставил срок. А он сам зависит от денег в Нью Йорке. Хотя мне неудобно начинать переговоры с Гилдом, ведя их с Юроком, однако я на днях пошлю через Булгакова[1]) подробное изложение и вообще все данные. Юрок уже предлагал мне аванс, и то я не соблазнился (Ваши 400 долларов помогли моей твердости) .Так я и не знаю, как будет с Америкой. А от этого в огромной степени зависит мое возвращение в Москву, т. е. его срок.

С Рейнгардтом же вопрос еще, по моему, не решен окончательно. Хотя он вел себя со мною так, как будто это решено. Но последнее слово не было сказано. Вчера я ему послал телеграмму, прося назначить срок, когда я могу знать окончательно ставит он или нет. Он влюблен в Чехова и очень хотел, чтоб Чехов участвовал или как лицо «от автора» (Качалов) или как моя правая рука в режиссуре. Но Чехов уже начал «свой театр в Париже» и, соблазнившись предложением работать в «Воскресении» у Рейнгардта, сказал, что готов отложить свой театр, но чтоб для этого уплатили все понесенные им расходы. Это оказалось неприемлемым. Во всяком случае это дело у порога разрешения. Уже сговаривались с Добужинским. Уже перебирали немецких актеров, которые могут играть...

Да, был я в этом Леополдскрон, но Ваших впечатлений совсем не пережил. Большую психологию сыграло тут, конечно и

---

[1]) Бывший артист МХТ'а.

разница в настроениях, как Вы туда приехали со Скэнком и как я с Леонидовым. Помимо Вашего собственного тогда самочувствия — перехода от столовой у Книппер к надеждам у Скэнка, Рейнгардт имел выгодные перспективы со Скэнком, тот тоже, а тут еще Лилиан Гиш... За Вами великолепно ухаживали и пр. У нас же с Леонидовым началось с того, что нас ни только никто не встретил на вокзале, но на телефон Леонидова секретарша Рейнгардта сказала, что замок так переполнен, что нет для нас ни одной комнаты. Это несмотря на очень точную переписку Леонидова с секретаршей и точное указание дня нашего приезда. Если какое-то чувство обиды и можно было притушить (мне это далось очень легко, я больше потешался над нашим положением, а Леонидов пылал), то хуже было, что не только в отеле, но во всем городе нельзя было найти ни одной комнаты. Погода плохая, ветрило, то пыль, то дождь, мы с вещами на вокзале проводим часы, причем я прохаживаюсь и разглядываю, что это за город знаменитый Зальцбург, а Леонидов не отходит от телефона. Как это случилось, что секретарша Рейнгардта оказалась так невнимательна и забывчива, я до сих пор не понимаю. Случайно узнал об этом, бывший там же в замке, Герцберг и стремительно прилетел на вокзал, снова полетел в замок и т. д. и т. д. В конце концов для меня во флигеле была устроена очень хорошая комната, а бедный Леонидов только к ночи нашел комнату у какого-то полицейского чиновника. Рейнгардт, можно поверить Герцбергу, ничего об этом так и не знал.

Лично он и она принимали меня как следует. Я на всех обедах был у нее справа. Самый замок, парк великолепны (на другой день стояла дивная погода). Лакеи, горничные, весь тон приема, это все дворцово. Еда отличная... Но ... Я не мог ни на минуту отделаться от чувства неловкой улыбки. Замок архиепископа, библейские картины, фамильные портреты, причем тут знаменитый режиссер Макс Рейнгардт! Не он строил этот замок, не его предки, даже не его религии эти картины, не он собирал эту изумительную библиотеку. А держит он себя совершенно как король, император. Такой большой художник и такое сходство с парвеню или с мещанином во дворянстве! И все кругом держится тона не как перед любимым артистом, а или перед великорожденным или как перед азиатским сатрапом. Нет, не хорошо! Это даже самым отдаленным образом не напоминает очаровательную жизнь у состоятельных или богатых русских помещиков. И какая же тут «культура»? Самая примитивная, легко покупаемая, если есть деньги или если знаешь, где их найти. В дальнейшем я убеждался, что не сам Рейнгардт такой, а его делают таким рабы. А его медлительно императорский тон не от того, что он так хочет, а от величайшей усталости. Он работает совершенно сверх сил. Он должен оправдать положение кумира в Зальцбурге в сезон, когда каждая щель занята какой-нибудь знаменитостью или знаменитым туристом.

Нет худа без добра: Рейнгардт так занят, что у него не мо-

гут по неделям получить деловую аудиенцию. Но т. к. Леонидов по настоящему озлился и на первое приглашение к ужину не пришел, то Рейнгардт искренне заволновался. Зато на другой день у нас состоялось деловое заседание, и они помирились. На этом заседании я демонстрировал спектакль «Воскресение», показывал фотографии и пр. Я пробыл там всего две ночи. Это удовольствие обошлось мне около 100 долларов. Во всяком случае я очень доволен, что съездил. Представьте, что здесь нашлись люди, которые устраивают мне крупные деньги через швейцарские банки, если я организую собственную студию для съемки. И это очень реально. Но вот немецкого языка я боюсь гораздо больше, чем английского. И плохо верю в прочность Берлина вообще, т. е. здесь легче вдрызг прогореть, чем в Холливуде.

Обнимаю Вас крепко. Ек. Ник. шлет Вам самый нежный привет. Думаю, что Мишу выпустят. С ним бедным случилась огромная неприятность. Его в Кисловодске на квартире до ниточки обокрали. Он остался без всего.

Ваш В. Немирович-Данченко.

7 сентября 1930. Милый Сергей Львович! Вы трогаете меня и своими письмами и вообще своим отношением ко мне. Я надеюсь, что мы в долгу не остаемся и не останемся.

В Берлине дела тоже плохи. Вообще. В частности театральные. У Рейнгардта настолько, что сама его дирекция ставит вопрос о закрытии «Немецкого театра»! Денег нет на новые постановки. Сам Рейнгардт в долгу как в шелку. Расчет на последнюю новинку, только что сданную, совершенно провалился. Это политический трактат о том, чья вина, называется «1914 год». Есть хороших несколько фигур, трактат слушается, но в результате какое-то недоумение: что это? Уже конец? Разве это спектакль? За весь вечер почти не было волнения. Я был на 3-м представлении, при далеко не полной зале и множестве контрамарок.

«Воскресение» у Рейнгардта не пойдет. Как и следовало ожидать. Рейнгардт прислал мне телеграмму: «Дорогой и высокоуважаемый друг.» Раз так начинается, можно дальше не читать. Он говорит, что сезон заполнен. Я сам в Москве говорю так множеству авторов. На самом деле, Леонидов распросил и разнюхал, нет денег и много страху, что я обойдусь очень дорого. Замечательный город Берлин. И по моему это не только для меня, а для всех иностранцев. Это город, который все продает и ничего не покупает. Я по совести могу сказать, что никогда не получил от него ни одного пфеннига.

Вот сейчас у меня завязались новые переговоры. Будто бы нашлись люди, которые готовы дать денег сколько понадобится на то, чтобы я делал картину. Все, что пока говорится, звучит настолько реально, что нельзя не договорить до конца. Понадобилось связаться с Терра-фильм, т. е. с Мельницем. Он идет навстречу полностью, т. е., раз мне дают деньги, он готов предоставить и свою фирму и весь свой аппарат. Мельниц и раньше

ко мне был очень внимателен, но на этот раз, когда появился какой-то намек, что я могу придти с деньгами, он буквально стелится. Вы знаете, как я не люблю карканья, но, увы, тут у меня надежд очень мало. Хотя переговоры идут в таком ритме, как будто действительно полмиллиона марок в швейцарском банке отложено специально для меня. Только и ждут моей подписи. Когда я пришел к Мельницу, я в лифте столкнулся с Цельником. Он только в этот день приехал. Сегодня я с Ек. Ник. будем у него (них) в 5 час. кофе пить. Мельниц, я и Цельник уже говорили о сюжете для моей съемки, и я с Цельником необыкновенно встретились мыслями. Ставить «Кармен». Музыку Бизе. Вы понимаете, почему я так выражаюсь? Не обычную оперу, но и не «Карменситу и солдат». Я о «Кармен» много думал и хотел предлагать ее Толбергу в первую голову. В этой постановке я хотел бы соединить все задания, какие можно сейчас предъявить к картине. Любимый популярный сюжет. До сих пор не избитый. Совершенно современный. В сегодняшних костюмах, только с намеками Испании. Любимейшая музыка. Яркость и глубина сюжета на страстной музыке. Пока техника вокальная и музыкальная гораздо выше говорильной, значит легче добиться ее совершенства. Толпа преимущественно молчащая или шумовая, да ее и не много. Главное все в интимной драме. Мельниц был подхвачен. Это по его мнению очень кассовая картина. Знаете почему я приостановился на этом? М. б. я найду форму, в которой все-таки устрою свидание Толберга с Гестом. Я ведь могу ему так телеграфировать: «Все-таки прошу Вас дать апойнтмент Гесту. Выслушайте его, это Вас ни чему не обязывает». А Гест бы ему сказал, что вот в чем моя мечта — «Кармен». Без поездки в Испанию. Интимная драма на страстной музыке Бизе. Вспомнить колоссальный успех моей «Карменситы» в Америке. Можно ли в этом случае говорить, что моего знания английского языка недостаточно? Сам Бизе знал свою музыку хуже, чем я ее знаю, а сюжет (да и слова) будут почти мною сочиняться. Да, наконец, по-немецки то я уж ровно никак не изъясняюсь, однако, вот мне не говорят, что это может быть препятствием. Тем не менее я, конечно, предпочел бы делать это с Толбергом, а не Мельницем. Так как здесь, в Берлине, средства для этого слишком ничтожны. Что можно сделать на максимум полмиллиона марок — 125 тысяч долларов! На это надо по крайней мере вдвое-втрое. Если брать отличных трех артистов: Кармен и двух мужчин.

И тогда я все здесь бросаю и еду к Вам. Вы получите это письмо числа 18-го. К этому числу я пошлю Толбергу телеграмму (или сейчас напишу ему и Левину). Сказать Вам по правде, когда я садился за это письмо к Вам, я не думал о таком плане. Так, что-то мелькало у меня в голове...

Если Вы внимательно прочтете Гесту все, что я тут написал... По дороге в Холливуд, я послушал бы многих Кармен и немецкую, и французскую, и американскую. Если у Вас нет уже настоящей?.. Здесь я, разумеется, не буду останавливать всех переговоров. Но повторяю, мало верю в них. У Терра-

фильм денег нет никаких. Скэнк, как полагается, наобещал и хотел сам приехать, но пока ничего не дал. Картина Рейнгардта «Парижская жизнь» Оффенбаха отложена, т. е. Рейнгардт не встает со стула и не произносит ни одного слова, пока ему на стол не положили аванс. Цельник очень много говорит о Вас. Конечно только хорошее.

Сегодня 7 сентября, а мы все еще ждем Мишу. Раньше конца сентября я, конечно, не уеду в Моску. А до этого, надеюсь, выяснится, вообще ехать ли и когда и как и пр. Но признаюсь Вам, сейчас мы живем только на Ваши 400 долларов. Тут у меня есть возможность написать «стори». Но мне это не очень хочется. Впрочем, во всяком случае, я тут могу задержаться надолго, только при полной уверенности в материальной обеспеченности. Юрок должен ответить о «Воскресении» в конце месяца. Я, однако, написал Булгакову подробно, чтобы он вступил в переговоры с Гилдом. Дня через два-три пошлю ему эскизы и фотографии (и Вам пошлю, лично для Вас), Юроку я сказал, т. е. поручил Леонидову написать ему, что я дольше ждать его решения не могу, я не могу отказываться от возможности устроить у Гилда, пока он там раздумывает.

Будьте здоровы, милый Сергий Львович. Обниваю Вас за себя и Ек. Ник.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Л. К. КНИППЕР — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 15 сентября 1930. Вспоминаю Вас, дорогой Сережа, и думаю, что всю жизнь мои воспоминания о Вас будут связаны с самой хорошей любовью и горячей благодарностью. Поэтому и сейчас пишу Вам. Благодарю Вас за то, что свели меня с Владимиром Ивановичем, что дали возможность научиться у него многому и этим дали косвенный толчок к рождению «Северного ветра». А «Северный ветер» и театр были тем пружинным трамплином, с которого я прыгнул в жизнь, где я шел по плоскости каменистой и тяжелой. Сейчас я стал «кем-то» и уже думаю только о следующих ступенях своего художественного роста. «Северный ветер» пойдет в этом году в Киеве, Баку, Иваново-Вознесенске, Саратове, Ташкенте, Свердловске, Чите, Хабаровске, Владивостоке и, возможно, в Одессе. Теперь я не гоняюсь ни за кем — ко мне идут. Это «Северный ветер»... Театр по-моему гибнет. Брона (без моего ведома, когда я летом лазил на Эльбрус и ходил по снеговым вершинам Сванетии) — ушли, взяли на его место еще более скверного и пошлого дирижера из Одессы, внутри управления театра произошли такие изменения, что ничего хорошего быть не может. Я ушел в Межрабпом-фильм на звуковую фабрику, заведующим музыкальной частью и буду делать (вернее уже делаю) картину с Пудовкиным.

Вот и перейдя со ступени на ступень, в область совершенно новую, где все страницы для художника чисты, на которых

надо писать что-то совсем новое, никому еще не ясное — благодарю Вас за ту страницу, которую уже перелистнул. Может быть, на этом мы с Вами когда-нибудь встретимся. Вы — генерал от администрации кино, я рядовой от ее художественной части.

Сердечный Вам привет и крепкий поцелуй от любящего Вас

Льва Книппера.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 16 сентября 1930. Сергей Львович, милый, как я перед Вами виновата! Не только тем, что вообще не писала Вам много месяцев, но тем, что еще в мае я получила из Об-ва драм. писателей Ваш расчет по авторским «Фигаро» и после этого так замоталась в поездке, что только сейчас, с началом сезона, нашла, к своему ужасу, этот расчет в папках.

Давно я ничего не знаю о Вас. И от Вас не имею писем и Владимира Ивановича не видела с начала мая. Переписываюсь с ним аккуратно, но он мне пишет короткие письма о самых насущных наших театральных делах.

В Театре съезд в этом году был объявлен 3-го, а начали сезон 6-го сентября. Открылись Вашей пьесой «Фигаро», заменив больного горлом, командированного за границу для лечения Ник. Афанасьевича[1]), в роли Базиля Хмелевым. Спектакль шел на редкость весело и радостно, имел большой успех. Но к сожалению дальнейшие спектакли пришлось заменить, так как из работы выбыл Завадский. Теперь будут вводить в роль графа — Ливанова.

Я начала работать в Театре с 3-го при заместителе директора Москвине. Владимир Иванович и Константин Сергеевич, как Вы знаете, вернутся к работе не раньше, чем в октябре. Вл. Ив. мы ждем, самое позднее в начале октября, а Конст. Серг. писал, что приедет в середине октября.

В театре самое огорчительное то, что множество больных. Это обстоятельство плюс то, что на сентябрь месяц мы послали художественную бригаду в один из промышленных центров, да плюс еще, что весной было произведено сокращение труппы, создает громадные трудности в налаживании ежевечернего состава исполнителей. Много работы по вводам в небольшие роли, в народные сцены.

Сейчас вся работа ведется по возобновлению, вернее по проверке тех пьес, которые постепенно входят в наш текущий репертуар.

Ник. Афанасьевич, в поездке, в первом же городе, Тифлисе, заболел горлом, совершенно потерял голос и принужден был отправиться в Москву. Он себя чувствовал еще в Москве в се-

---

[1]) Николай Афанасьевич Подгорный.

зоне очень плохо, не хотел ехать в поездку, чувствуя, что может ее подвести, но к его заявлениям отнеслись недостаточно серьезно и кончилось тем, что в Баку пришлось делать срочную замену. Комиссия, которая его свидетельствовала, признала необходимым поездку за границу. Были опасения не рак ли у него горла или туберкулез. С этими мрачными мыслями он отправился в Ригу, где показался врачам и лечился, поджидая остальные визы. 15 августа ему удалось выехать через Берлин в Париж.

Старики наши отдыхали так: Ольга Леонардовна[1]) в Гурзуфе, откуда вернулась бодрая и, как всегда, очаровательная. Но говорит, что чувствует неудовлетворенность, хотелось бы еще хоть недельки две отдыхать, очень уж она много работала в предыдущем сезоне. Москвин, как всегда, в Кашире, или под Каширой вернее. Лето только его не побаловало, до августа лили дожди. Василий Иванович[2]) был в городе и ежедневно ездил через Покровское-Стрешнево куда-то еще дальше, а потом шел в сторону от железной дороги три версты в конец — в ту местность, где жила Нина Николаевна[3]). Летом к наим приезжал Дима[4]) с молодой женой. Дима теперь заведует постановочной частью в Александринке. Лидия Михайловна[5]) была где-то в глуши Новгородской губернии и вернулась оттуда, несмотря на лившие там даже в августе дожди, загорелая, свежая, оживленная.

18 сентября 1930. В письме вышел перерыв. 16-го не смогла Вам больше писать, а вчера 17-го был у меня выходной, свободный день. Ведь теперь у нас пятидневка и мои свободные дни — двойки и семерки, т. е. все числа кончающиеся на 2 и 7. Василий Васильевич[6]) все лето провел в Москве. Он мечтал снова поехать на воды, как в прошлом году, в Бад-Эльстер, но не вышло.

Наши новые работы в этом сезоне будут: на Большой сцене «Хлеб» Киршона и инсценировка «Мертвых душ», которую по настоящему делают Сахновский и Булгаков, хотя считается, что работает и Смолин. Думаю, что это будет интереснейший спектакль, судя по тому интересу, с которым относится к нему Владимир Иванович. Он-то и будет его ставить и поэтому, я думаю, это будет замечательно. «Хлеб» ставит Судаков. Пьеса мне нравится средне. На Малую сцену у нас принята прелестная, молодежная, свежая и горячая пьеса молодого драматурга Погодина «Дерзость» из быта комсомольской коммуны. В ней будут заняты все наши лучшие силы из группы «серядняков».

---

[1]) О. Л. Книппер-Чехова.
[2]) В. И. Качалов.
[3]) Н. Н. Литовцева — жена Качалова.
[4]) Сын Качаловых.
[5]) Л. М. Коренева.
[6]) В. В. Лужский.

Видите, Вы довольно обстоятельно введены в курс наших дел. Мне хочется, чтоб читая это письмо, Вы бы почувствовали себя на какой-то срок у нас, с нами.

Будьте здоровы, милый Сергей Львович, и не забывайте меня, пишите о себе, о своей жизни и работе, все это мне очень интересно. Всего хорошего.

Ваша Ольга Бокшанская.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

18 сентября 1930. У нас в Студии совершилась «смена министерства»: Консидайн ушел к Фоксу и заменен Лессером. Какие это будет иметь последствия для меня лично, сказать сейчас трудно. Скэнк уехал в Нью Йорк.

Смотрел «На западном фронте без перемен». Впечатление незабываемое. Мне думается, что лучшей пропаганды против войны, чем эта картина, нельзя придумать. Картина сделана до того реально, что порой не можешь поверить, что это не снимки с натуры. Играют все превосходно. Режиссура блестящая, все логично, убедительно, трогательно. Превосходно найден конец, которого нет в оригинале романа: из окопа высовывается рука героя, который увидел среди моря смерти живое существо — бабочку в лучах солнца. Он инстинктивно тянется к этому олицетворению жизни, неосторожно выглядывает из окопа и в этот момент его убивает вражеская пуля. Видно лишь как его протянутая рука к бабочке немеет. Сам он не показан в момент смерти. Как всегда публика во многих трагических моментах дико гогочет только потому, что есть на лицо элементы, могущие вызвать примитивный смех.

3 октября 1930. Безработица доходит до того, что недавно в картине у режиссера Бреннона среди 400 статистов работали: два бывших известных режиссера, две «звезды», четыре актера, имена которых красовались раньше на световых рекламах, известный художник и журналист.

5 октября 1930. Сегодня около десяти вечера позвонили по телефону сообщив, что только что скончался от разрыва сердца Вавич[1]). Смерть последовала моментально, в то время, когда он ехал на автомобиле с Темкиным. Я сразу же поехал в полицию, где находилось тело. Там было уже много знакомых. Шла рутина протокола. Из полиции ушел около часу ночи, послав телеграмму Балиеву о случившемся с просьбой известить родных.

М. М. ФОКИН — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

10 октября 1930. Дорогой Сергей Львович!

Поражен известием о смерти Мих. Ив. Вавича! Вы недавно еще радовались, что он хорошо работает в Холливуде. Недавно читал в газетах, как плохо отражается работа в студиях на

---

[1]) М. И. Вавич — русский актер оперетты.

здоровье артистов, особенно на сердце. Неужели и Мих. Ив. потерял свое здоровье там же? Я давно его знаю. Хотя не был с ним близок, но он мне был очень симпатичен. Все о нем очень хорошо говорили. Очень, очень огорчен его смертью. Напишите, пожалуйста, подробности о его кончине. Как отнеслись к этому в Холливуде?

Вера Петровна очень благодарит Вас за милую телеграмму. Она доставила ей радость. Именины мы никак не праздновали. Переезжали в дом. Дом нам отделали. Все подчистили, починили. За наше отсутствие в дом два раза проникли воры. Украли бронзу из трех комнат и много всякой мелочи. Мы долго, почти два месяца, искали студию или другой дом и ничего не нашли. Теперь чувствуем себя «как дома». Если бы пошли дела, то все было бы хорошо. Если же школа пойдет неважно (вследствие долгого отсутствия), то, конечно, будем иначе относиться к роскоши нас окружающей. Хороша эта бронза и стильные завитушки, когда на душе спокойно. Из Вашего письма вижу, что Вы прокатитесь в Европу, значит по дороге туда и обратно повидаемся. Желаю Вам наладить визные и паспортные дела. Мне тоже надо будет как-то ограждаться. Сейчас конечно, не до того. Хлопочу по школе, даю объявления, печатаю каталоги, посылаю массу писем, которые летят очевидно в корзину под стол и пр. и пр., словом делаю самое для меня неподходящее дело. Вера Петровна занята домом, мебелью, хозяйством. Таля репетирует какой-то «акт». Работаем с раннего утра. К 12 часам ночи глаза закрываются. Посылаю Вам новый каталог, который мы с Талей составили. Не осудите за самохвальство. Необходимо для дела. Хотелось составить так, чтобы на американцев производило впечатление. Но трудно мне встать на их точку зрения. Все не попадаю. Скажите Ваше мнение о каталоге. При втором издании я его приму во внимание. Конечно, книга моя пока отложена, но как начну школу, то надеюсь за нее взяться.

Сейчас мне очень хочется написать, огрызнуться на тему о немецком «новом» танце. Пишут о нем всюду, пишут глупости, какие можно писать о танце. Но мне так сложно все это, писать, переводить, проверять перевод! Хотелось бы зазвать «новых танцоров» и их пропагандистов и предложить им потанцевать хотя бы в детском классе. Со всеми высокими словами и фразами они сели бы в калошу перед моими детишками. Во всяком случае назревает самая злая глава моей «книги».

Хотел помянуть о большом впечатлении, которое я получил на похоронах Ауэра[1]). Вам, как любителю музыки, будет это интересно. Знаете ли Вы, что рядом с гробом Ауэра стоял рояль? После православного (к большому моему удивлению) богослужения, после надгробного слова священника, Иосиф Гофман медленно, грустно подошел к роялю и сыграл Лунную сонату. До того у меня были некоторые сомнения. Какое впечатление произведет рояль, этот светский инструмент после духовного (хотя и фальшивого) пения? Не будет ли здесь элемента раз-

---

[1]) Л. С. Ауэр — скрипач, педагог и дирижер.

влечения, концерта знаменитости и пр. и пр.? Потом играл Яша Хейфец. Два еврея у гроба еврея в соседстве с православным духовенством. Все необычно. Но было прекрасно. Смысл музыки, благородство и глубина Бетховена, задушевность исполнителей... все это стало ясно мне как никогда. Какой контраст с «коммерческим искусством» Холливуда! Какая одухотворенность, какая духовность. Я никогда не уважал так искусства, как в этот момент, никогда не казалось оно мне столь серьезным, нужным, важным. Нет! я не найду слов, чтобы выразить свое впечатление.

Начал письмо с похорон и кончил так же. Следующее будет веселее.

Желаю Вам всего лучшего. Привет от нас троих сердечный.

М. Фокин.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 17 октября 1930. Дорогой и милый наш «Американский дядюшка»! Наконец приступаю к письму к Вам! И то спасибо какой-то дряни, где-то съеденной и заставившей меня сидеть дома. Теперь постараюсь рассказать Вам подробно обо всем. Я Вас даже телеграммой не поблагодарил. То ли я вдруг заэкономил, берег каждый доллар. То ли так устал, что не имел воли делать, что надо. Последние две-три недели в Берлине были испорчены, во-первых, и больше всего тем, что Миша так и не приехал, а мы истомились в ожидании. Во-вторых, Юрок. Я ему 20 раз сказал, что не могу ожидать его ответа долее половины сентября, а он все время вел себя так, как будто это я только «набиваю цену». Тут вскоре я получил от Булгакова[1]) телеграмму о том, что Гилд не очень горячо принимает предложение, однако, просит матерьялы. При этом Булгаков сообщает, что если бы я мог приехать в феврале, то было бы замечательно. Я не совсем понял — в феврале для Гилда или для постановки в «компании» Булгакова. Как будто, второе. Я ответил, что буду просить правительство отпустить меня в феврале. На это я пока получил письмо (здесь уже) от Сейлера: «Не могу выразить вам, в каком я восторге. Мы все полны желанием»... и т. д. Значит, вот как стоит дело! Буду проситься в отпуск после «Мертвых душ». Пока спишусь с Булгаковым обо всех деталях. Буду держать Вас в курсе. О чем забуду написать, Вы сами догадаетесь. Заламывать я не собираюсь. Мне бы только заплатить задолженные доллары и иметь на будущее лето.

Теперь вот об этом Таубесском деле. Вообразите, оно все-таки дошло до того, что я, Мельниц и Таубе были у хозяина банка. Небольшой, старый, немецкий банк с очень хорошей репутацией. Он уже был вполне подготовлен, заинтересован и хотел от нас — меня и хозяина Терра-фильм Мельница услыхать все подробности условий. Это было в день моего отъезда

[1]) Бывший артист Художественного театра.

из Берлина. Кончилось тем, что банкир обещал ответ дней через восемь. После этого мы с Мельницем сговорились, что все дело мы откладываем до весны, что зимой я сделаю сценарий, а он приготовит мне почву. Словом, тут дело не безнадежно. Таубе подготовил еще представителей банка, уже швейцарского. Но с ними мне не удалось повстречаться. Почему вообще банки? Да потому, что у Мельница есть фирма, опыт, аппарат, а денег нет, т. е. нет для меня, для моих работ. Впрочем, он и с Рейнгардтом разошелся, т. к. не оказалось денег для «Парижской жизни». А почему Таубе? Да просто у него оказался большой приятель, малый очень симпатичный и внушающий доверие, имеющий связи с банком. Что из этого выйдет, сказать не могу, не знаю. Цельник, который проявляет самое большое внимание ко мне, какое я когда-нибудь встречал за границей, продолжает предложение своих услуг. Речь шла все время о «Кармен». Я, Мельниц и Цельник сговорились, что он будет техническим директором и моим, я говорил «товарищем», он говорил «помощником». И даже, кажется, коммерческим директором, т. к. он славится умением делать фильмы дешево. У Цельника я обедал дня за три до отъезда. Она была нездорова, мы обедали вдвоем. Мы обо всем сговорились. После обеда я посидел у его жены. Однако, я даже не слыхал ее голоса. И если она Кармен, то вероятно очень легонького меццо. На всякий случай я ей надовал советов. Это все, если «Кармен» делать в Германии, но я не теряю надежды на Холливуд.

Чтоб не забыть... с невезением с письмами. Так я и не получил никакого ответа от Лилиан Гиш. Я ей написал еще одно письмо и все-таки без ответа. Очевидно у нее другой адрес. Не могу понять, почему бы ей не ответить.

Про наши-Ваши дела. «Женитьбой Фигаро» открыли сезон. После трех раз выбыл из состава Завадский, а его дублер Ливанов болен и никак не может приготовить. Теперь Завадский опять играет и «Фигаро» снова пошел. (Завадский из Театра совсем ушел ради своей Студии, но в «Фигаро» обязался играть до вступления дублера).

Ольге Аполлоновне[1]) чулки посланы. Михаилу Львовичу[2]) два галстука и жилеты. На днях получу для них кофе.

Музыкальный театр подготовляет... все еще «Тилля». Я уже начал работать. Книппер рассердился и отошел от дела. Еще не совсем, но уже на контракте в «Межрабпоме». Его уход не к его чести.

Худ. театр может быть поедет за границу весной. Очень много шансов, потому что и мой коллега Гейтц и даже наш нарком Бубнов за такую поездку. Федор, Вишневый сад, Воскресение и Бронепоезд. Немецкие города, Стокгольм, может быть Амстердам, Лондон...

---

[1]) Мать С. Л. Бертенсона.
[2]) Брат С. Л. Бертенсона.

В Зальцбурге я встретил Тат. Павлову[1]). Меня с ней познакомил Леонидов. Зальцбург мне очень понравился, необыкновенно лирический городок. Так понравился, что тянет еще туда. Там был съезд всех немецких звезд. С Моисси[2]) мы час ходили по улицам обнявшись. Он даже предложил мне свою комнату.

Брон[3]) ушел. В Киев. Говорит, не могу помириться с безголосицей. Дело не совсем так. Вступило два новых дирижера. Один опять из провинции — Столяров. Еще не видел его. Другой, чрезвычайно рекомендованный из консерватории, молодой, но уже со стажем.

Крепко Вас обнимаю. Ек. Ник. шлет Вам самый нежный привет. Миша целует.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

17 октября 1930. Был на спектакле Тангейзера, имевшем интерес потому, что дирижировал Родзинский. Конечно, оркестр, когда ему не мешали ужасные хористы и бездарность многих певцов, играл отлично. Но общее впечатление, опять вампукистое и халтурное. Нет, старую оперу надо окончательно и бесповоротно сдать в архив, т. е. старый, бессмысленный подход к ней. Единственный правильный подход к делу — это система Владимира Ивановича: «актер-певец» или «поющий актер».

Получил телеграмму от Оли Чеховой, что она выезжает в Холливуд.

23 октября 1930. Сегодня газеты сообщают о том, что Эйзенштейн уезжает, ничего не сделав и что контракт с ним добровольно аннулирован. Все мои предсказания сбылись.

18 ноября 1930. Опубликованы официальные цифры посещаемости кино в Америке в 1930 г.: 115 миллионов человек в неделю. В прошлом году было 95 миллионов.

У нас главным помощником Скэнка (т. е. тем, кем был Консидайн), назначен Сидней Франклин. Он сказал мне, что хочет состоять со мной в постоянном общении и соединить меня с одной англичанкой мисс Уэст, которая уже давно пишет для него. Она знает несколько языков, разносторонне образована и, по мнению Франклина, мы вместе можем образовать хороший союз. Разговор носил очень приятный и дружественный характер.

24 ноября 1930. За эти дни случилось вот что: после того, как мы стали отлично договариваться обо всем с Франклином и мисс

---

[1]) Русская актриса и режиссер. С 1921 г. работала в итальянских театрах.

[2]) А. Моисси, немецкий актер, исполнитель роли Феди («Живой труп» Толстого) на немецкой сцене.

[3]) Дирижер Музыкального театра.

Уэст и оба эти лица проявляли большую живость, свежесть мысли и все выглядело так, что началась отличная совместная работа, сегодня вдруг мисс Уэст сообщила мне, что Франклина больше здесь не будет, т. к. Скэнк продает свое дело Голдвину[1]), а у того будет, по всей вероятности, свой аппарат. Это, повидимому, значит, что скоро нас всех разгонят.

28 ноября 1930. В Нью Йорке зарегистрировано 20 тысяч безработных актеров. Все новые предприятия лопаются в самом же начале.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

28 ноября 1930. И это только мое второе письмо из Москвы, милый Сергей Львович!

Вот что приключилось: очередное в этом году отравление (третий год, каждый раз по возвращении) было особенно сильно, просидел дома дней 10, а потом, через два дня рецедив, и я так ослаб, что нахожусь на положении больного скоро месяц. И еще пробуду недели две.

От Вас получил и первый ответ на мое письмо отсюда и следующее вдогонку и одно посланное раньше в Берлин. И особенно тронула меня, нас Ваша телеграмма. Я Вам очень верю, милый Сергей Львович, продолжаю ценить Вас очень высоко и часто мечтаю о том, что мы еще будем вместе. А когда я даю отдых мозгу и фантазирую, то Вы всегда около меня. Все это я давно хотел написать Вам, но Вы знаете, как я скуп на ласки мужчине.

Значит «Кармен» — Толберг окончательно умерло. А я то! Жаль. Я не только с текстом, но и с музыкой надумал много нового, новейшего даже для съемочной техники. В Берлине в эту «Кармен» я плохо верю. Дорого для немецкого кино. То, что Вам говорит Чехова, когда бранит Холливуд и хвалит немцев, надо отнести к ее первым скучным впечатлениям, недовольствам, непривычке. Я посмотрел внимательно на берлинскую работу и много говорил о ней. Как бы ни снизилась работа в Холливуде, она выше немецкой и по-моему долго останется выше! Поверьте мне! Ольга Константиновна впадает в квасной патриотизм.

В банки через Таубе, я тоже не очень верю, вернее совсем не верю. Хотя, как Вам кажется писал, имел свидание с директором.

Вы пишете «теперь упор на драму, на серьезную умную комедию». У меня слюнки текут. Но, конечно, не на простой театральный спектакль. Мои планы: **драма обращенная в киноповесть.** Если рассказывают, как лихо катались, то надо это показать. То, что в драме было недостижимо и поручалось искусству рассказа, кино выполняет блестяще. Я, конечно, ничего нового не говорю. К этому, очевидно, стремятся и Ваши режиссеры. А слюнки у меня все-таки текут.

---

[1]) Сэм Голдвин — глава фирмы «Метро Голдвин Мейер».

С Нью-Йорком и Булгаковым (через Сейлера) дело ладится. Но теперь из-за моей болезни дело может или отойти на сентябрь или сорваться. Когда выяснится, напишу подробно. Я тоже очень верю Сейлеру.

От Гиш получил два письма. Ей не пересылали в Европу корреспонденцию. Ее бедную укусила собака. Успех «Дяди Вани» она называет «довольно удачным». Завадскому о «Машиналь» уже сказал. И, вообще, надо опять поднять вопрос о ней. С «Мертвыми душами» очень трудно. Сохранить Гоголя полностью пока не удается. Все еще работают над текстом.

А ведь вот опять покушаюсь на какие-то Ваши доллары. Я говорю о журналах и о Рождестве. И подарочки тем же. Ну а Вы? Опять Демуриной?[1]) Я не думаю, что очень отяжелю Вас этой просьбой. Правда?

Ек. Ник. и Миша целуют Вас.

Крепко Вас любящий

Вл. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

15 декабря 1930. Оля Чехова уехала, закончив картину в четыре недели и одну неделю прождав дальнейших решений своей студии. Ею остались очень довольны и есть все основания думать, что она еще вернется сюда.

Уехал Эйзенштейн со своими двумя адъютантами. При отъезде все о нем забыли и рекламной шумихи не было никакой.

31 декабря 1930. По приглашению Гилберта Роланда провел полтора дня в доме Нормы Толмэдж в Санта Моника. Дом прямо у воды и целый день слышен шум волн. В Студии тишина и угнетенно-выжидательное настроение. Старый год заканчивается в состоянии смутной неопределенности. Благослави Господи венец наступающего лета.

1 января 1931. Первый день Нового Года провел тихо дома до 6-ти часов вечера. Затем был на обеде у Баклановой, где собралось много гостей. Вечером был в симфоническом концерте. Программа была сплошь русская: Римский-Корсаков, Глазунов, Прокофьев, Балакирев.

12 января 1931. С 1-го января у нас восстановили полное жалование, без удержания 10 процентов.

Майльстон начал в нашей студии картину «Фронт Пэдж». Как жаль, что такой большой художник тратит свои силы на какую-то бульварщину.

---

[1]) Имеется в виду просьба С. Л. Бертенсона, вместо подарка ему, посылать деньги Е. Н. Рощиной-Инсаровой. Она играла Демурину в пьесе «Цена жизни».

12 января 1931. Милый Сергей Львович! Вот как давно не писал Вам! Мне было запрещено даже письма писать. Может быть, я преувеличил запрещение. От мнительности. Но я так напуган грудными жабами товарищей по возрасту, что предпочел быть более мнительным. Правда у меня не было никаких данных для такого страха, никаких страданий, никаких одышек . . . А все-таки! Все дело в том, что за лето я не только не отдохнул от чрезмерной зимней работы, но, как будто, даже усилил утомление. А тут два раза отравился, один раз за другим. Ну вот! Теперь я уже больше месяца гуляю, вообще вполне на ногах, но держусь на линии набирающегося сил, потому что знаю, что стоит мне пойти в Театр, как меня запрягут на большую работу. Поэтому принимаю дома. К счастью и в Театре легко обходятся без меня. т. к. прошлогодней работой я обеспечил огромный репертуар. При этом цены на места на «Воскресение» до сих пор повышенные, а вообще уничтожена так называемая, если вспомните, удешевленная «рабочая полоса». Т. ч. вообще сборы около 4 — 4.500, а «Воскресение» около 5.600. Без меня готовится пьеса Киршона «Хлеб». Я только «говорил» о ней. По выходе начну с «Тилля», который до сих пор не готов. И потом «Мертвые души» в обработке Булгакова. И это на нынешний год, пожалуй, все. Т. е. вся моя работа.

Константин Сергеевич, как только приехал, захворал воспалением почечных лоханок и еще с каким-то осложнением. И до сих пор болен. Так что Театр управляется одним Гейтцем. Он пока что на высоте и культурности, и дисциплины. Состоится ли поездка заграницу, до сих пор не ясно. Политический горизонт в этом смысле туманный. Кроме того, Леонидов прислал условия, до смешного неприемлемые. Должен Вам сказать, что Леонид Давыдович меняется заметно и к невыгоде его. С Сейлером по поводу «Воскресения» у меня идет переписка, **очень обнадеживающая.** По-моему на 75%, **но к осени.** Я только что послал ему большое письмо по-английски.

Теперь о Вас. Я твердо верю, что Вы уладите с визой и Вас не выпустят. Где им найти такого как Вы! А в Германии сейчас трудно. Между прочим, утверждению Ольги Константиновны[1]), что работа в Германии по кино во всех отношениях лучше, чем в Америке, я решительно не верю. Это ей так кажется, да и то пока. У меня убеждение определенное, что американское кино во **всех** отношениях вне конкуренции. Несмотря на все глупости.

Что я потребовал от Рейнгардта пять месяцев для постановки «Воскресения» это, как говорится у Островского, «Поздравляю его совравши». Он не мог же признаться Соколову[2]), что у него просто не было денег, катастрофически не было денег возиться со мной. Я говорил, чтоб главным трем актерам дать **роман** про-

[1]) О. К. Чехова.
[2]) Бывший артист Художественного театра.

честь месяца за два-три и поговорить со мной. А репетиций мне достаточно четырех недель. Это все равно как Буховецкий[1]) пугал Скэнка, что я обойдусь ему в миллион, помните? Когда я «Кармен» в Берлине в кино брался ставить за 500 тысяч марок! (Правда скрепя сердце). При чем, по моим соображениям, огромная оркестровая звучность достигалась 12-14 музыкантами! Конечно, при результатах **нового** звучания, не обычного.

С большинством новостей по Вашему Холливудскому кинокурсу знаком по журналам. Да, здорово Холливуд изменился!

Милый Сергей Львович, теперь буду писать Вам чаще.

Юбилей Музыкального театра отложен, телеграммы Вашу и Баклановой я сберегу.

Обнимаю Вас. Ек. Ник. и Миша очень, очень Вам кланяются.

Ваш ВНД.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

14 января 1931. Дни проходят медленно и томительно. В офисе решительно нечего делать, и я все время не могу отделаться от чувства тяжелой неловкости, идя туда. Мучительно стараюсь найти какой-нибудь роман или рассказ, но ничего под руку не попадается. Написал письмо Скэнку, прося его содействия о продлении визы.

19 января 1931. В Юниверсаль состоялся прием в честь профессора Эйнштейна, на котором ему демонстрировали картину «На западном фронте». Во время перерыва одна из «звезд» подошла к Эйнштейну и сказала: «Профессор, я очень счастлива с Вами познакомиться. Какая досада, что Вам не удалось режиссировать ,Американскую трагедию' . . .» Дело в том, что «звезда» спутала Эйнштейна с Эйзенштейном, о котором в газетах упоминалось, что он будет делать фильм «Американская трагедия».

Н. Д. ВОЛКОВ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

19 января 1931. Многоуважаемый Сергей Львович!

Посылая Вам в свое время книгу «Мейерхольд», я кажется писал Вам, что я предполагаю выпустить книгу памяти моей жены Бэлы Георгиевны Казарозы. Теперь эта книга вышла, и я включил Вас в число тех, кому я наметил рассылку экземпляров. Одновременно с этим письмом я и посылаю Вам книгу. Мне будет очень приятно, если ее прочтение доставит Вам удовольствие. Не откажите в любезности подтвердить получение ее.

Жму Вашу руку

Ваш Н. Волков.

П. С. Вас, вероятно, интересуют театральные новости. Они не очень обильны. В МХТ близится премьера «Хлеб» Киршона,

---

[1]) Русский режиссер в Холливуде.

потом «Мертвые души» (В «Душах» играют: Лилина — Коробочку, Леонидов — Плюшкина, Москвин — Ноздрева, Топорков — Чичикова, Качалов — чтеца). Ставят Сахновский и Булгаков. Ольга Леонардовна всю зиму прихварывает. И сейчас у нее приступ гриппа. В декабре она вместе с другими художественниками выступала в Ленинграде на Пушкинском вечере с громадным успехом. Сейчас у нас замечательная балерина **Семенова.** Явление в области классического балета — феноменальное. Моя ближайшая работа в области истории театра — большая статья для книги «100-летие Александринского театра». Мой период **1905 — 1917.** Но последние полгода я, подобно Вам, больше внимания уделяю кино, работая в области сценария для «Тонфильм». Много всяких и литературных, и кино-планов. Что выйдет — не знаю.

Еще раз приветствую Вас и желаю в Новом году хороших успехов.

Н. В.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

21 января 1931. Смотрел впервые испанские танцы в исполнении Аржентины. Впечатление очень сильное. Каждый ее номер совершенно законченное произведение. Лицо бесконечно выразительно и выражает самые тончайшие нюансы ее замысла. Руки служат ей не только музыкальным аккомпанементом, когда она играет на кастаньетах, но красноречиво говорят. Игра на кастаньетах доведена до высшего совершенства и дает целую гамму музыкальных оттенков. Все ее костюмы оригинальны и отличаются громадным вкусом. Все ее движения и позы скульптурны. Когда она кланяется публике, то делает это непременно в соответствии с настроением только что исполненного номера.

Публика принимала ее восторженно, и зал был набит до отказа.

Перед последним номером вышел на сцену администратор и попросил публику по окончании остаться на местах и выслушать очень важное сообщение. Как только Аржентина закончила последний номер, появился опять администратор и сказал, что артистка не может бисировать и даже выходить на вызовы, так как она только что получила известие, которое глубоко ее потрясло: скончалась Анна Павлова... Весь зал в молчании встал.

22 января 1931. Служили панихиду по Павловой в русской церкви. Аржентина со своим менеджером не знали точного адреса церкви и приехали в тот момент, когда панихида кончилась. Заплаканная, убитая, она имела такой расстроенный вид, что для нее священник специально отслужил краткую литию. Она стояла скорбная, пришибленная, такая одинокая и растерянная. С благоговением приложилась к кресту и сердечно благодарила за то, что ради нее служили вновь. «Вы не знаете, чем была

Анна Павлова для меня...» Глядя сейчас на Аржентину, не хотелось верить, что это та самая Аржентина, которая пленяет и завораживает со сцены тысячи людей. Еще только вчера я видел ее блестящей, радостной, опьяненной успехом, а сейчас...

25 января 1931. В последнем номере «Вараити» напечатана телеграмма из Гааги от 20 января. Павлова прибыла туда 17-го из Парижа, заканчивая свое кругосветное турне. В дороге она простудилась во время железнодорожной катастрофы. Спектакль, назначенный на 19-е, пришлось отложить. Впервые за 30 лет своей артистической деятельности она по болезни не участвовала в объявленном спектакле. Врачи уложили ее в постель, надеясь, что завтра она сможет уже репетировать. А на другой день она умерла.

Смотрел новую картину Штернберга, сделанную в Германии «Голубой ангел». В главных ролях Марлен Дитрих и Яннингс. Он изумителен. Сценарий средний и отзывает мелодрамой, но как великолепно все сделано. Его образ глубок и трогателен и, порою, просто потрясает.

М. М. ФОКИН — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

26 января 1931. Дорогой Сергей Львович!

Благодарю Вас за Ваше письмо. Конечно, и Вера Петровна и я потрясены смертью Анны Павловой. В искусстве мы так близки были с нею, что мне самому было бы трудно определить иногда, кому что принадлежит и безусловно взаимное влияние. Не будь меня, может быть, ее танцы были бы другими совершенно. Не будь ее, может быть, мои балеты были бы иными. Связь через искусство очень глубокая, связь и смерть в этом случае производит такое впечатление, как если бы из всего существа вытягивали бы нечто крепко в него вросшее. С Павловой я не только танцевал всю мою молодость, с ней я поставил все первые балеты. Сперва была она, потом уже Карсавина и потом Вера Петровна. Во втором моем балете (первый был «Ацис и Галатея») в балете «Виноградная лоза» она впервые стала «моей балериной». Мы вместе выступали в главных ролях. Потом пошли «Сильфиды». Я поставил сперва один вальс Шопена, мечту о Тальони. Из этого вальса вырос через год балет «Шопениана» (Дягилевым переименованный в «Сильфиды»). Потом она выступала у меня в «Евнике» (сперва вторую роль исполняла, а потом первую), потом «Египетские ночи», «Аврида». У Дягилева она прекрасно выступала в «Сильфидах», «Армиде» и в «Клеопатре». Для нее, в ее антрепризе, я поставил в Берлине «Прелюды« Листа и «7 дочерей царя Джинов» (Глупое название, но балет очень осмысленный). Поставил я ей много сольных номеров, из которых самая большая удача Лебедь. Сама она приспособила к себе мою «Вакханалию», «Осеннюю песнь». Вот факты нашей художественной связи. Более тонкие нити связывающие нашу работу, т. е. взаимное влияние уловить труднее, глубоко оно проникает в душу.

Вы спрашиваете: неужели я никак не откликнусь и пр. Хотя я и не писатель, но в тот же день, когда узнал о смерти А. П., написал статью. Ее Вам высылаю. Конечно, много бы хотел еще написать. «Кому же как не Вам написать» говорите Вы. Да, при совместной работе узнаешь своего партнера более, чем может узнать его зритель. Ставя для Павловой, я узнал и оценил ее. Другому показывать, как в открытую дверь стучаться, с Павловой не то. Но об этом можно много писать.

Итак это третья, похоронная тема в нашей переписке. Вернемся к жизни. Аржентина прекрасная танцовщица и, вероятно, отличная артистка. Я в разговорах с Вами ее рекламировал, но Вы тогда не хотели, кажется, ее смотреть. Есть у нее недостатки, но за достоинства в искусстве надо прощать недостатки, а достоинств у нее много.

Недавно написал статью о немцах, выйдет в мартовском номере «Dance Magazine». Прочтите и напишите отзыв. Куда Вы уезжаете? Не заедете ли к нам?

Привет от Веры Петровны и Тали. Искренне Ваш

М. Фокин.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

30 января 1931. Открылся новый грандиозный кино-театр «Лос Анжелос». Для открытия состоялась премьера Чаплинской картины «Огни города». Вот что пишут газеты о дне открытия: «Двести полицейских боролись вчера с толпой в 25 тысяч на открытии нового театра на Бродвее между 6-й и 7-й улицами. Разбивались окна, происходила настоящая баталия. После полуторачасовой борьбы полиция, наконец, овладела положением и урегулировала движение, которое совершенно застопорилось. Альберт Эйнштейн, личный гость Чаплина, на своем автомобиле, до половины десятого не мог пробраться к театру. Толпа, увидя его выходящим из машины, чуть не сбила его с ног. Даже начавшийся в половине одиннадцатого дождь не остановил пыла толпы. Женщины с детьми на руках, молодые люди и девушки, старики и старухи работали локтями,чтобы получше разглядеть подъезжавших фильмовых звезд. Улица перед фасадом театра была усеяна осколками стекла. Когда положение начало принимать угрожающий характер, были вызваны резервы полиции. Появились кареты скорой помощи. У некоторых дам, входивших в театр, разорвали платья, обрывки которых валялись на тротуаре. Когда, наконец, появились полицейские резервы, толпа была оттиснута на боковые улицы и движение возобновилось.

1 февраля 1931. Провел вечер в обществе скрипача Мильштейна. Он поразительно одаренный музыкант. Его тон, техника, все это поражает. Уграл он очень много, и серьезно и шутя, и на всем, что он делал, лежала печать большого таланта.

9 февраля 1931. Был на концерте пианиста Маазеля. Большой репертуар и блестящая техника, но полное отсутствие обаяния и индивидуальности.

Норма Толмэдж пригласила меня к себе в гости. Провел с ней целый день, с девяти утра до девяти вечера. Она была удивительно мила и гостеприимна. Много говорили про нашу студию. Она считает все дело сумасшедшим, говорит, что ничто ее больше в нем не интересует и она только мечтает сделать последние по контракту две картины и уйти навсегда из кино.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

11 февраля 1931. Опять давно не писал Вам, милый Сергей Львович! Дело все в том, что я имею очень мало времени. Вообще мало времени. Я совершенно не болен, я совершенно здоров, но после этой встряски я, вдруг, начал бояться заболеть. Я писал Вам, что со мной было. Я отравился, только-только выправился и снова отравился. От этого я потерял много сил. И вот возвращать их оказалось очень длительно. Для этого надо долго находиться в постели, не торопиться, часа полтора гулять (не выходим из 15° Р. морозов), вовремя есть, как можно меньше работать, а уж после обеда ровно ничего не делать. И вот это письмо уже противорежимное, потому что 8 часов вечера. Но так как я не чувствую решительно никаких минусов в моем организме, то постепенно возвращаюсь к своему обычному поведению. Хотя это письмо пишу, вытянувшись на диване. Оттого и почерк такой. А очень уютно! Передо мной целых четыре Ваших письма. Буду отвечать как попало. Хорошо? Театральные журналы? Видите ли, оправдываю Бокшанскую тем, что их или нет совсем, или не видно, или, это самое простое, никто их не читает, т. е. решительно никто! Я их совсем не вижу. Видел ли один-два номера, сомневаюсь. Вообще эта часть в нашей печати сведена к полному нулю, явление небывалое, по-моему, с тех пор как существует пресса. Все знают о достоинствах или недостатках того или другого спектакля, без всякого участия прессы. Конечно, появляются рецензии, но влияния они не имеют ни малейшего. Новость еще тут такая: коллективные рецензии. За двумя, тремя и более подписями.

Да, смерть Павловой и меня ахнула. Даже у нас в «Известиях» была строчка: «величайшая танцовщица современности». Когда-то я читал, что Гейне называл Фанни Эльснер «танцовщицей обоих полушарий». Вот уж кто был таковой, так это Павлова.

Вот Вы меня поразили! О «Голубом ангеле». Я, все-таки, представлял себе Ваши американские фильмы несравненными перед немецкими, но теперь, после Ваших дифирамбов «Голобому ангелу», я начал сильно колебаться. Я видел эту картину и поставил Яннингсу 4, Дитрих 5 с плюсом, а всей картине 3 с минусом. Что касается техники звуков, то если это удовлетворяет, то мне совсем не хочется работать для говорящего кино.

В Берлине же я видел картину «По крышам Парижа» или «С крыши Парижа». Там эта сторона куда лучше.

«Машиналь» Завадскому передана, но ответа нет. Я опять поставил о ней вопрос для Малой сцены.

Юбилей[1]) был отложен из-за моего нездоровья. А сейчас мне что-то его не хочется. Хотя, статьи были и еще будут. Пока назначено на 24-е. Но я думаю сдвинуть его совсем на осень. Статьи Сейлера у нас есть.

С нетерпением жду Вашего известия о визах и пр. М. б., Вы как-нибудь протелеграфируете?

А как я Вас понимаю, как Вам должно быть досадно, когда ставят вещь, которую Вы рекомендовали раньше. Знаете, во многих отношениях Скэнк напоминает мне Теляковского[2]). Всегда мы обвиняли кого-то из окружающих его, пока я не раскрыл, что путает то все он сам. Таков и Скэнк.

У нас в Худ. театре появилась новая современная пьеса, которая при чтении актерами произвела такое впечатление, что все назвали этот день «праздником». Я прочел и тоже вполне одобрил и не только сразу принял, но потребовал, чтобы к ней приступили немедленно, и сам буду ее ставить. Даже Станиславский, прочитав, сказал, что она должна быть в репертуаре Худ. театра. Тема — наука и политика. Прекрасные роли. Только сегодня распределил их. Главные роли у Леонидова и Книппер. Автор Афиногенов, крепкий коммунист. В прошлом году его пьеса «Чудак» имела больший успех во 2-м МХТ'е. Вот Вам какие новости.

Обнимаю Вас крепко. Ек. Ник., Миша и все шлют Вам привет.

Ваш В. Немирович-Данченко.

М. М. ФОКИН — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Февраль 1931 (Без числа). Дорогой Сергей Львович!

Письмо Ваше получил от 30-го января. Пишу Вам кратко. Очень устал и очень поздно, а откладывать не хочу, ибо тогда может затянуться дело с отсылкой. Относительно Русской Оперы в Нью Йорке: я не жду ничего хорошего. Меня приглашают, но в переговорах уже все возникают недоразумения. Все выходит, что «не так поняли», «не так сказали» и пр. А дело в том, что денег нет никаких. Вертятся. Хотят из ничего что-то сделать. Не верится. Зилоти сказал, что он дирижировать не может, но так придет помочь советом. Вероятно, и я ограничусь советом.

Постановки в Париже меня не радуют. Слухи идут, что не очень хорошо выходит. Досадно, что все мои постановки портят. Авторские должен бы получать.

---

[1]) Музыкального театра.

[2]) В. А. Теляковский, директор Императорских театров с 1901 по 1917 г.

Шлю Вам сердечный привет от нас троих. Желаю устроить визу.

Искренне Ваш М. Фокин.

О смерти Цукки[1]) я не знал. Вот тоже была большая артистка и ушла из жизни так незаметно.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

13 февраля 1931. Была у меня мадам де Грезак, недавно вернувшаяся после долгого путешествия по Европе. Говорит, что хотя там очень интересные достижения в области кино, но до того мало на все денег и общее положение до того удручающее, что просто берет отчаяние. В смысле же художественном, впереди других идут картины русские и немецкие.

Ездил в Лонг Бич на концерт квартета Кедровых. Больно было видеть выступление таких больших художников в громадном деревянном сарае громко называемом «Аудиториум». Шел сильный дождь, барабанивший по крыше. Но, несмотря на такую обстановку, впечатление от концерта было чудесное. Пение квартета напоминает звук лучшего органа. Слитость звука поразительная. Во всем их выступлении полное отсутствие дешевки. Репертуар их очень обширен, от народных песен и русских классиков до Штрауса.

17 февраля 1931. Половину дня субботы и все воскресенье провел на берегу океана у Нормы Толмэдж. Она очаровательная хозяйка, проста, искренна, без малейшей рисовки, что большая редкость среди экранных знаменитостей.

В понедельник, в самом прекрасном настроении после приятно проведенного времени, я пришел в офис и был ошеломлен кошмарным известием: в ночь на 25-е января мой брат Миша был арестован. Где он сейчас, что с ним и какие предъявлены ему обвинения, разумеется неизвестно. Живо рисую себе картину того, что делается сейчас дома. Послал телеграмму Владимиру Ивановичу, прося его помочь маме, чем можно.

Вечер провел у Баклановой. Читали вслух перевод «Мечта любви», которую она хочет поставить. Я лично в успех этой затеи совершенно не верю. И пьеса мало интересна, и времена плохие.

23 февраля 1931. Получил от Владимира Ивановича ответную телеграмму. Просит меня не волноваться и говорит, что нет ничего угрожающего. Но я не знаю, насколько можно этому серьезно верить.

Воскресенье опять провел на море у Нормы.

Чаплину было предложено 650.000 за 26 выступлений перед публикой по 15 минут каждое. Чаплин отказался.

---

[1]) Вирджиния Цукки, итальянская балерина выступавшая в Мариинском театре с 1885 по 1888 г.

25 февраля 1931. Скэнк предложил мне повидаться с Голдвином, сказав, что он думает, что я могу быть ему полезен. Дело в том, что Норма устроила Скэнку хороший скандал за то, что он прозевал «Мата Хари», которую я рекомендовал год тому назад и советовала ему больше прислушиваться к моим словам. Повидимому, в результате этого он и позвал меня.

Свидание с Голдвином продолжалось всего несколько минут. Он был очень любезен, познакомил меня с Хорнбло и просил завтра же повидаться с ним и обо всем потреговорить.

По телефону меня уведомили, что виза мне продлена до 1-го августа. Почему-то сократили срок на шесть недель, но я и этому рад.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

28 февраля 1931. Милый Сергей Львович!

Давно не писал Вам и вот подумал, а вдруг Вы, в самом деле, уедете 20-го. Тогда это письмо едва застанет Вас. Хотя я совершенно уверен в том, что Вы останетесь.

Я Вам ничего не пишу о Ваших. Вы должны просто верить, что во 1-х, я все сделаю, что во 2-х, действительно, нет ничего угрожающего и что в 3-х, в случае чего экстренного, я бы дал Вам знать.

А я только что начал выходить и снова застрял в комнатах: в сущности легонький бронхит, но теперь так гуляет злокачественный грипп, что высиживаю дома. Так и не работал в Театрах. По «Тиллю» едва успел набросать необходимые переделки. Его сыграли один раз закрытым, проданным организации спектаклем. Кажется, с успехом. Это было третьего дня, а вчера Музыкальный театр уехал в Ленинград на полтора месяца. Вопрос о дальнейшей форме существования Музык. театра все еще в воздухе. Теперь уже все власти стоят за объединение его с Оперным театром Станиславского. И сейчас только сам Станиславский и его приспешники против. А он еще все болен и все плохо болен: у него в крови присутствие гноя, поэтому температура всегда повышенная.

По Художественному театру пришлось начать репетиции «Страха» (новая пьеса Афиногенова) без меня. Но на днях я вступаю. «Фигаро» идет постоянно. Гонорар в порядке: Ольга Сергеевна[1]) в контакте с Ольгой Аполлоновной[2]). Вообще материальная сторона там обстоит вполне благополучно. «Машиналь» затребовала, по моему совету, Коонен.

Если будете уезжать из Холливуда, сделайте все, что можно, для сохранения связей. Что-нибудь прочное.

Вот был бы пассаж, если бы Вы опять вернулись, но уже со мной! Чего на свете не бывает!

На днях я написал Цельнику о своей мысли делать «Кармен» не оперу, а драму, говорящий (и поющий) фильм. Частью по

---

[1]) О. С. Бокшанская.

[2]) О. А. Бертенсон.

пьесе Липскерова, частью по собственному плану... Спрашивал его совета.

Если Вы уедете из Холливуда, то в Берлине мы с Вами сразу сядем за работу. М. б., это даст великолепный толчок (я чувствую, что начинаю хотеть для себя, чтоб Вы уехали. Но не для Вас, нет!).

Если не получу от Вас телеграмму, что Вы уехали, буду писать по тому же адресу.

Обнимаю крепко. От Ек. Ник. и Миши привет самый нежный.

Ваш В. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

2 марта 1931. Был у Хорнбло. Он произвел на меня очень приятное впечатление. Культурный, вежливый, спокойный. Я ему говорил про «Сивцев Вражек». Говорил на эту тему и с Майльстоном, который мне сказал, что как только он вполне освободится от текущей работы, немедленно придет ко мне обсудить этот вопрос.

Уикэнд провел у Нормы. Там была мадам де Грезак, очень много болтавшая на всякие холливудские темы.

Получил отчаянное письмо от мамы от 11 февраля. Оказывается, Миша[1]) увезен в Москву. В чем дело, конечно, не известно. Опять телеграфировал Владимиру Ивановичу.

М. М. ФОКИН — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

3 марта 1931. Дорогой Сергей Львович!

Получил Ваше письмо с печальным известием о Вашем брате. Я от души Вам сочувствую и очень хорошо понимаю, что Вы испытываете. Надеюсь, что Вы уже получили или скоро получите известие о его освобождении. Это там часто бывает, что забирают без причины и потом выпускают.

Сообщите, когда выяснится вопрос с Вашей визой.

Я последнее время был безумно занят. Помимо моих нормальных занятий, очень много писал. Написал громадный доклад, который прочел в Кружке Духовного Общения. Он не напечатан, и я жалею, что не могу Вас с ним ознакомить. Доклад был о Павловой. Кроме того я написал статью в «Новом Русском Слове» о модернистическом искусстве танца. Статью эту Вам посылаю. Может быть, Вы ее прочли уже. Там были опечатки. Посылаю ее Вам с поправками. Хотел бы напечатать ее на английском языке. Пока еще ничего не предпринял. А надо бы. Думаю, что это бы открыло глаза американцам.

В субботу 28-го февраля читал доклад в Кружке Духовного Общения, а в воскресенье 1-го марта днем должен был читать в церкви на английском языке. Тоже о Павловой. Встал в 7 ч.

---

[1]) М. Л. Бертенсон.

в воскресенье, писал до 11. Потом Таля переводил. Потом я поучился читать и в 5 ч., благополучно, прочел.

Чтобы закончить перечисление моих литературных подвигов, укажу на мартовский номер «Dance Magazine». Там они испортили статью названием и кроме того тем, что не поместили фотографии. У меня статья была построена на десяти фотографиях. Она была бы гораздо яснее, если бы поместили снимки. Больше того: они, черти, под двумя снимками написали нечто совершено противоречащее моей статье. Но зато нет там стольких опечаток, как в Н. Р. Слове. Пожалуйста прочтите и мне напишите. Конечно, со всем этим писательством запустил более важное — школу, которая и без того хромает.

Недавно узнал, что Больм ставит балет «Сильфиды». Конечно, очень этим огорчен. Пожалуйста, напишите, что знаете.

Все трое шлем Вам наш привет и самое искреннее душевное сочувствие.

Ваш М. Фокин.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

5 марта 1931. Два раза слушал молодого испанского пианиста Джозе Итурби. Он поразил меня. Я давно не испытывал такого молниеносного обаяния таланта. В его исполнении есть нечто необыкновенное. Тут и техника, и тушэ, и внешняя манера, все захватывает. Когда он играет, то кажется, что творит какое-то таинство. При этом ничего показного.

Имел две беседы с Хорнбло очень меня удовлетворившие. Он предложил мне держать постоянный контакт с его личной секретаршей мисс Робсон, приятной, культурной молодой полькой. Пока что, Хорнбло и весь стиль его офиса мне нравится.

13 марта 1931. Смотрел первый французский «токис» «Под крышами Парижа». Очень артистично сделанный пустячок, своего рода модернизованная «Богема». Превосходны снимки и все мелочи режиссуры. Успех очень большой. Насколько хороша эта картина, настолько безнадежно плоха оказалась немецкая «Два сердца в ритме вальса». Все ужасно: и сценарий, и актеры, и постановка.

Уикэнд провел опять у Нормы.

Хорнбло предложил мне сделать схему картины «Сивцев Вражек». Я мучительно работаю над этим несколько дней, пишу, переделываю. Схема хотя и вырисовывается, но меня она абсолютно не удовлетворяет. Очень помогают мне беседы с мисс Робсон, у нее свежие и практические идеи. Я предложил ей воспользоваться моей схемой и набросать свой план.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

14 марта 1931. Милый Сергей Львович!

Я уже 2-й раз телеграфировал Вам, чтоб Вы были спокойны относительно Вашей мамы. В особенности по материальной ча-

сти. Я снесся с теми, кто ее окружает. Вчера отправил ей, только что полученный из Берлина, кофе. Все еще не могу наладить сношения с ее сыном, который в Москве, но и это удастся. Словом, по возможности будьте спокойны.

Теперь вот что: посылаю Вам план «стори» для Нормы Толмэдж. Вы написали мне, что она нуждается, я подумал-подумал и выбрал из приготовленных мною. По-моему, замечательно для женщины в 25-26 лет, энергичной, красивой.

Не думаю, чтоб Вы помнили мою пьесу «Счастливец» — Вы были ребенком. В Петербурге ее играла Савина с блестящим успехом. А у Федотовой это была первая гастрольная роль. Куда бы она не приезжала, она начинала гастроли «Счастливцем». Я знал антрепренеров, которые любили начинать сезон этой пьесой, считая ее очень счастливой. Даже Константин Сергеевич, когда был любителем, играл эту пьесу в своем домашнем спектакле с Федотовой же. Этакий богатый купечески-любительский спектакль. Многие актрисы выпускались из школы в этой роли. Это действительно настоящая «Комедия высокого качества». Бодрая, светлая, драматически-комедийная. Но такой, какой она была, теперь ее ставить нельзя. Как-то я набросал переделки для «токис», и вот посылаю Вам изложение. Оно сделано чрезвычайно подробно. Я нарочно не сокращал. По посылаемому Вам матерьялу можно не только иметь полное представление, но даже уже делать работу.

Рекомендую Вам предложить эту вещь так же быстро, бодро и весело, как это сделал сейчас я, и как она писалась и ставилась. Потехин ставил ее, как только я принес, вне всех очередей. У меня убеждение, что если не Толмэдж, то другая хорошая актриса возьмет вещь. Любая из тех, кто имеет вид жены. Если наладится, телеграфируйте.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Надо ли прибавлять, что все это должно происходить сегодня, в Нью Йорке или в Чикаго. Я думаю, что за исключением переделки имен, ничего не придется переделывать. Так это современно и близко всем современным женам, той же Мэри[1]). Она бы тоже могла взять эту «стори» . . .

17 марта 1931. Дорогой Сергей Львович!

Получил Ваше письмо. Еще раз спешу Вас успокоить. Делаю все что надо. Поручил кое-кому сноситься с Ольгой Аполлоновной[2]). Сейчас Музыкальный театр гастролирует там. Наш Миша не поехал, он нужен здесь дома. Ольга Аполлоновна писала, предлагала Мише комнату.

На днях я отправил Вам матерьял для Нормы Толмэдж. Я спешил и не договорил. Мне казалось, что предлагая свою пьесу, я помогаю Вам в поисках. Если не выйдет с Толмэдж, можно было бы рекомендовать другим. И надо, ведь, немедленно где-то юридически закрепить. Потом уже встанут вопросы: я ли сам

---

1) Пикфорд.

2) О. А. Бертенсон.

должен полностью сделать пьесу, или у меня только купят права, а делать будет кто-то другой? Мне все равно. Может быть, Вы найдете необходимым все-таки передать Гесту. Все это шкура медведя, конечно, но пишу на всякий случай. «Подайте» бодро и весело, милый Сергей Львович.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Надо ли прибавлять, что если будет удача, то Вы должны в ней участвовать.

20 марта 1931. Милый Сергей Львович!

Память что ли у меня отшибло? Вдруг ночью подумал, что фразы об адоптации на американскую жизнь у меня в пересказе выпали. Могло ли это быть? Я говорю о том, что, конечно, вся пьеса должна быть переделана на сегодня и на Америку. Очень может быть, что это письмецо идет напрасно. Но на всякий случай.

Сейчас я начал думать и о других моих собственных пьесах. «Последней воле», «Золоте»...

Худож. театр с конца мая переезжает в Ленинград, весь в полном составе со всем репертуаром. Константин Сергеевич[1]) протестовал против перевоза «Фигаро» ввиду того, что это может портить Головинские декорации. Но это не прошло, «Фигаро» поедет все-таки.

Я надеюсь, что Михаил Львович[2]) к концу мая будет уже дома, но если бы этого еще не случилось, я сорганизую такой кружок из Бокшанской, Кореневой и других, который занялся бы специально устройством Ольги Аполлоновны и совершил бы все, что надо, в течение мая и июня. Кроме того, если Михаила Львовича еще не будет, то его комнату займет кто-нибудь из нашей труппы.

Обнимаю Вас. Будьте покойны.

Вл. Немирович-Данченко.

Почему Вы думаете, что визу не продлят после 1-го августа? Вы не готовите себе нового места, если расстанетесь со Скэнком? В Германии, ведь, много-много хуже.

Писал ли я Вам, что хочу делать «Кармен» по драме Липскерова (очень сильно переделываю) с небольшим количеством пения, напевания. Словом драму «Кармен». Не говорите пока никому. Разумеется для «токис».

Ваш ВНД.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

23 марта 1931. Сообща с мисс Робсон выработали сценарий «Сивцева Вражка». Работали два дня сряду. Попутно ездили в Публичную библиотеку за справками. Мы так спешили с нашей работой, а теперь рукопись лежит уже несколько дней на столе у Хорнбло, и он не торопится просмотреть ее.

---

[1]) К. С. Станиславский.
[2]) М. Л. Бертенсон.

Обедал у Грезак, где была и Норма, которая по секрету сказала мне, что она хлопочет о расторжении своего контракта, чтобы совершенно уйти из кино.

Во время поездки на автомобиле в Санта Барбара разбился на смерть Мурнау. Хотя заслуги его в искусстве громадны, газеты отвели его памяти более чем скромное место.

27 марта 1931. Пригласил Норму и Гильберта[1]) в симфонический концерт. Оба они остались очень довольны. Последний уикэнд провел с ними, а затем на этой неделе Норма два раза навещала меня в офисе. Ей хочется, как можно скорее, отделаться от контракта в нашей Студии, где стало похоже на кладбище, и никто не знает толком, что надо делать. По словам Нормы, сам Скэнк потерял всякий интерес к делу.

Хорнбло свел меня с приехавшим из Нью Йорка продюсером и режиссером Шумлиным. Он прославился своей постановкой «Гранд отеля» Вики Баум, пьесы сделавшей сенсацию в Нью Йорке и имя Леонтович, игравшей роль русской танцовщицы. Шумлин должен что-то делать у Голдвина. На меня он произвел прекрасное впечатление умного, мыслящего и глубокого человека. В кино ему все чуждо, и я толком не понимаю, для чего его пригласили. Он держится того же мнения, что и я, что нельзя ставить картины для определенных «звезд», а надо искать хороших сюжетов и под них подбирать актеров.

«Фронт Пэдж» Майльстона побивает все рекорды кассы в Нью Йорке и в один день делает столько же сбора, сколько «Кики» Пикфорд за целую неделю.

Из России у меня нет никаких утешительных вестей. С братом все,видимо, так же, т. е. продолжает сидеть в заключении в Москве. Когда я задумываюсь над его судьбой, мне делается мучительно стыдно — как хорошо мне лично живется, хотя в сущности моя жизнь проходит без всякого внутреннего удовлетворения, но зато физическое благополучие до свинства полное. И я мучаюсь беспомощностью что-либо сделать и стараюсь примирить себя с совестью тем, что по мере сил помогаю и делаю одолжения тем, кто в этом нуждается.

Н. Д. ВОЛКОВ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

27 марта 1931. Дорогой Сергей Львович!

Я был бесконечно рад получить от Вас письмо. То, что книга о Бэле Георгиевне[2]) дошла до Вашего сердца — меня глубоко взволновало. Это именно то, чего я хотел, издавая и составляя сборник. Чтобы строки шли к сердцу.

Сообщаю Вам новости о родном Вам Художественном театре. В театре репетируют «Страх», новую пьесу Афиногенова и «Мертвые души». «Страхом» занимается Владимир Иванович, «Мертвыми душами» Константин Сергеевич. Оба еще в театре

---

[1]) Норма Толмэдж и Гильберт Роланд.

[2]) Казароза — жена Н. Д. Волкова.

не появляются и ведут репетиции и беседы дома. Годы берут свое.

С 1-го июня по 15-е июля Театр играет в Ленинграде. Ольга Леонардовна[1]) озабочена большой ролью в «Страхе». Это роль старой коммунистки, соединяющей в себе молодость души, жизнерадостность и высшую совесть. Образ романтический и, по-моему, очень в средствах Ольги Леонардовны.

Вы, вероятно, уже слышали, что 24 февраля на Гоголевском бульваре появился новый жилец. У Льва Константиновича[2]) родился сын, Андрей, который и ведет себя как полагается в этом возрасте. Спит, сосет и кричит, когда ему скучно или голодно. Мы уж, как Пушкин, можем смело сказать, смотря на Андрея: «Мне время тлеть — тебе цвести».

В этом году у нас очень процветает Большой театр. Замечательная танцовщица — Семенова. 23 года. Совершенная техника. Подлинное явление классического балета.

Я всю зиму работал в кинематографии в области звукового сценария. Вам, конечно, кино надоело, но мне внове и интересно, и многообещающе.

Собираетесь ли в Европу? Я слышал, что Вы должны были быть в феврале. Но, видимо, это оттянулось. Если соберусь и я, было бы приятно повидаться.

От Вашей матушки имею известия. Ольга Леонардовна, в бытность ее в Ленинграде — навещала ее. Если я могу быть чем-нибудь полезен — я всегда сделаю с удовольствием. В мае думаю и сам съездить в Ленинград в связи с моей работой по Александринскому театру. В букинистических магазинах иногда попадается Ваш «Дед русской сцены»[3]). Я видел недавно два экземпляра.

Если Вам что-нибудь понадобится из книг, я постараюсь Вам выслать. Посылаю Вам в знак привета, одновременно с этим письмом прелестную книжечку «Пушкинский Петербург». Я подумал, что Вам будет приятно. Она по Вашей части.

Видите, как я расписался. Поэтому позвольте поблагодарить Вас за сердечное и дружеское отношение, которое взаимно.

Жму руку и буду очень рад, если Вы мне напишете.

Ваш Н. Волков.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

31 марта 1931. В это воскресенье поехал к Норме с раннего утра. Там познакомился с Кингом Видором, который произвел на меня очаровательное впечатление своей бесконечной простотой и скромностью. Я сказал ему, что, зная его режиссерские работы, я думаю, что ему следовало бы заняться Достоевским.

---

[1]) Книппер-Чехова.

[2]) Книппер.

[3]) «Дед русской сцены» — книга об актере Сосницком, написанная С. Л. Бертенсоном в 1913 году.

Он с этим охотно согласился. Между прочим, он рассказал мне, что «Аллилуйя» он мог делать только потому, что отказался от жалованья и этим самым уменьшил расходы по постановке. Матерьяльно фильм провалился.

Провел несколько часов в разговоре с Майльстоном. Он все еще ничего не решил с «Сивцевым Вражком». Недавно ему прочли рассказ Сирина «Картофельный эльф», который ему так понравился, что он хочет рассказ обратить в пьесу. Он даже хочет выписать сюда Сирина. На меня этот рассказ производит впечатление искусственной надуманности.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

5 апреля 1931. Милый Сергей Львович!

Получил Ваше письмо от 17-го марта. Посылаю Вам телеграмму. Не очень беспокойтесь о Михаиле Львовиче. Не так страшен чорт как его малюют. Он совсем здоров. Не нуждается. Ольгу Аполлоновну я часто успокаиваю. Около нее не мало дружески расположенных душ.

Коонен о «Машиналь» что-то стихла. Я думаю потому, что Камерный театр не играет всю зиму из-за перестройки театра.

На днях напишу Левину. Именно по поводу моей пьесы «Счастливец» или «Жена». Я ему напишу, что если Вы не используете ее, то чтобы он у Вас спросил ее и прочел и т. д.. **Я надеюсь, что Вы сделаете все формальности, чтобы пьесу или сюжет вообще не украли.** Не могу отделаться от мысли, что это прекрасная «стори», удовлетворяющая всем требованиям.

Я думаю, что в Берлине мы встретимся.

Майльстон ставит «Фронт Пэдж»? Эта пьеса под названием «Сенсация» идет в Вахтанговском театре со средним успехом.

Музыкальный театр играет сейчас в Ленинграде в новых домах культуры, громадные театральные залы. Говорят, с отличной акустикой. Театр имеет, как всегда в Ленинграде, большой успех. Положение в Москве, пока, остается прежнее. Очень досадно, что Константин Сергеевич упрямится, потому что оба наши музыкальные театры обходятся правительству очень дорого.

В пригодность французских оперетток для моего Музык. театра никак не могу поверить. «Луизу» я порекомендовал еще в прошлом году. Но **идеологически** ее надо переработать. Богема для нас явление отрицательное. «Тилль» сдан в одной, первой, генеральной. Когда театр вернется, а это будет в половине апреля, дорепетируют, и около 10 мая сдадут премьеру. Я занимался немного, старался в нескольких репетициях вложить как можно больше. Кажется, выйдет хороший спектакль. Новый и сильный. Но текст совершенно переработан. Художественный театр уедет в конце мая и будет играть в Ленинграде одновременно на двух-трех сценах. Громадная поездка на полтора

месяца. Труппа на двойном окладе плюс квартира. Все очень довольны. Вот все новости.

Обнимаю Вас. Сердечный привет от Ек. Ник. и Миши.

В. Немирович-Данченко.

Таких сюжетов как «Счастливец» у меня несколько. То есть, которые меня самого увлекают.

ИЗ ДНЕВНИКА Л. С. БЕРТЕНСОНА

6 апреля 1931. Состоялась «стори-конференс» у Голдвина, на которой я сидел и молчал, ибо мне нечего было сказать. Мое первое и единственное замечание об одной пьесе оказалось неудачным, т. к. я позволил себе сказать, что хотя произведение это несомненно принадлежит к кассовым, но сорта оно второго. На это Голдвин довольно мрачно заметил мне: «Давайте условимся на том, что нам нужна не литература, а касса.»

Смотрел картину Оли Чеховой «Девушка из Риппербана». Сюжет дешевый и устарелый, но Чехова играет изумительно глубоко и сильно, с самой искренней простотой.

Владимир Иванович прислал сценарий, сделанный по его старой пьесе «Счастливец». Не считаю его удачным: нет действия, нет ничего такого, что развивалось бы динамично. Нет никаких событий, которые захватили бы зрителя. Между тем, сам он, видимо, очень доволен.

Уикэнд опять провел у Нормы. Вместе с нею ездили в Вербную субботу в нашу церковь. Она осталась под большим впечатлением православной службы.

8 апреля 1931. Теодор Дрейзер заявил, что он готовится подать заявление в суд по поводу того, как искалечили его «Американскую трагедию» в Парамаунте. Пока что все его замечания в Студии не принимаются во внимание. Если их примут, то он заявление не подаст. Он сказал, между прочим: «За права мне заплатили 150 тысяч. Это было в 1926 году. С тех пор в Студии спали. Потом они проснулись. Когда я прочел их рукопись, то впал в транс. Потом я очнулся и пытался протестовать. Я негодовал, кричал, рыдал, посылал письма, телеграммы... Потом меня вызвали в Холливуд. Я приехал. Они смеялись надо мной, говорили, что я устарел, что Холливуд не нуждается в советах покрытых мхом авторов»... Драйзер заручился лучшим адвокатом и собирается поднять общий вопрос о правах авторов на охрану своих произведений.

12 апреля 1931. Из нашего нью-йоркского офиса пришло сообщение, что к картинам Нормы[1]) нет больше никакого покупательного интереса. Этим, вероятно, и объясняется ее настойчивое желание, как можно скорее развязаться со Студией. Тоже самое ожидает в ближайшем времени Мэри Пикфорд и, вероятно, Дугласа[2]). Вообще в Студии такое настроение, так замерла

---

[1]) Толмэдж.

[2]) Фербенкс.

жизнь, стольких посократили, что кажется не сегодня-завтра все лопнет. Во всяком случае, долго так продолжаться не может.

На Пасхальной заутрене были с Нормой в нашей церкви. Пел отличный хор, церковь была убрана цветами, все было трогательно и торжественно. Норма разговлялась в нашей компании.

22 апреля 1931. В довершение к прежним, случилось новое для меня несчастье: «делец», которому я, как и многие другие, доверил свои деньги для, якобы, очень выгодного предприятия, растратил все, что сумел собрать — примерно 250 тысяч. Таким образом, я потерял все свои сбережения, все что сумел скопить за три года.

В довершение моих бед, в конторе мне сообщили, что в связи с общим сокращением жалованья мне будут платит на 50 долларов в неделю меньше.

Все это вместе взятое, плюс ожидание перемен в Студии, в связи с чем очевидна потеря службы, неуверенность в продлении моей визы, это все слишком сильно отражается на моем нервном состоянии. Не очень ли много для одного человека за такой короткий промежуток времени?!

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

28 апреля 1931. Милый Сергей Львович!

Получил Ваше письмо от 7-го апреля, тотчас по получении от меня рукописи, писем и телеграммы.

И я тоже прежде всего о Вашей маме. Она немножко успокоилась. Когда наша труппа поедет в Ленинград, Бокшанская займется ее положением, но весьма возможно, что в этом и не встретится необходимости.

А теперь о «Жене». Я остаюсь при убеждении, что это на редкость удачная штука для комедии. Вы пишете об отсутствии «быстрого действия», но, во-первых, Вы писали мне, что ищете для Толмэдж «умную, серьезную комедию и с психологией доступной американцам». Я думаю, что пьесы, построенные на быстрой смене действия, вряд ли могут попасть в разряд такой характеристики. Но вот что очень важно. Настолько важно, что я прошу об этом говорить при рекомендации. Я давно-давно наблюдаю, что занимающиеся репертуаром пьес для кино, мало учитывают и большей частью не понимают того, что движение на картине в величайшей степени в руках режиссера. В величайшей степени. До режиссера громадная часть судей понимает движение только как внешнюю смену фактов. Судьи не умеют нюхом учесть, что в развертывании психологического движения и заключается сценическое. Разумеется должна быть смена движущая вперед, смена места встреч и т. д. Плохие режиссеры и актеры базируются на своих внешних аттракционах и потому невнимательны к внутренним переживаниям и, конечно, не замечают сущности, театральной сущности «умной, серьезной» комедии. Режиссер хороший, чуткий и владеющий

техникой, сумеет из фактов психологии в разных моментах живописных, в темпе отдельных кусков, найти настоящее «действие». А какое же «быстрое действие» в «Камилле»? Да и во всякой имевшей успех пьесе? Но внимание публики растет...

Отчего же я и стремился на время приехать? У меня таких (а есть и более блестящие) комедий или музыкальных вещей собрано много. Но для того, чтобы крепко понять, что я вижу от этого на экране, я должен раскрыть как режиссер. Это не значит, что я хочу режиссировать. Нет, но я хочу раскрыть то глубокое или красивое или движущее, что не всегда сразу улавливается. Две,три беседы с режиссером и столько же с актерами и вещь станет сверкать.

И когда я думаю о судьбе этой «Жены» сейчас у Вас, я мечтал, что актриса должна увлечься ролью, очень разнообразной, насыщенной. А главное быстрый напряженный темп всего (но не комканье). И здоровая мораль. Думаю, что для режиссера интересна работа и внешняя в конце (выстрел и проч.) и умиление финала.

Гесту за перевод, конечно, надо заплатить. Вы очень хорошо распорядились; «Воскресение» интересно только, если я сам ставлю.

Между прочим «Воскресение» делает не только полные сборы по повышенным ценам, но и по утрам тоже (5.600 р.) в будние утра.

С «Мертвыми душами» очень медленно и как-то коряво. Я, впрочем, передал их Станиславскому, который работает с актерами и режиссерами дома.

Что же это с Холливудом!? Раззор? Или это только с прежними звездами и вообще с прежними фаворитами? Судя по журналам, которые я читаю, такого краха не чувствуется.

До свиданья! Обнимаю крепко. От наших привет.

Мы думаем уехать в самых первых числах июня. Я Вам пришлю телеграмму, впрочем, Вы ее получите раньше этого письма.

Ваш В. Немирович-Данченко.

10 мая 1931. Милый Сергей Львович!

Накопилось много матерьяла для письма Вам, но боюсь, что не на все темы отвечу. Сегодня посылаю Вам телеграмму, что мы собираемся выехать 9 июня. Значит, рассчитываем быть 11-го в Берлине. Если по пути хлопот и обещаний все будет как до сих пор, то и Миша едет. Ему необходимо заняться ухом. Актер Музыкального театра и глохнет все сильнее! А здесь не удастся его вылечить. Я думаю, что ему нужен Карлсбад.

По телеграмме Вы, конечно, рассчитываете, что в Москву напишете последнее письмо. Я буду иметь в виду все, что надо сделать и Ольге Аполлоновне[1]), и Михаилу Львовичу[2]). И буду иметь в виду, что до моего возвращения у них никого здесь не

---

[1]) О. А. Бертенсон.

[2]) М. Л. Бертенсон.

будет. Если есть еще что-либо по Вашим личным делам, то думаю получу от Вас в последнем Вашем письме сюда.

Если У Вас будут заботы с Вашим советским паспортом, то мы это устроим в Берлине при встрече. Или увидемся с полпредом или я напишу нашему наркому А. С. Бубнову, его попрошу.

Ваше полное разорение, конечно, беда большая. Но не трагедия. Вы молоды, сильны, Вам не много надо, чтоб перебиться, т.к. Вы скромны в своих требованиях. И везде Вы можете быть нужным человеком.

Нет худа без добра: Вы по крайней мере избавитесь от дружеских, полудружеских и совсем не дружеских просьб — помочь, одолжить, войти в компанию и т. д.

Как ни трудно теперь жить за границей, но я верю, что Вы устроитесь.

Я очень много думал в последнее время о том, чтобы выписать Вас для работы в Музыкальный театр, там Вы были бы очень полезны, но увы, комнату все-таки не можем Вам обеспечить, а жить в чужой столовой, как это было с Вами в прошлый приезд, на это я Вас тянуть не хочу. Подождем! Екатерина Николаевна, как Вы знаете, чувствует к Вам особенную нежность и потому особенно чувствует и все Ваши беды. Во всяком случае держите себя в руках.

Вот если бы Вам удалось хорошо устроить «Жену»! Теперь как раз она помогла бы и Вам. Остановлюсь опять на ней. Не столько даже для самой «Жены», сколько для других моих планов подобного же рода. Их много, как я Вам писал. «Жена» даже не из лучших. То Вы писали мне о «быстром действии», теперь опять сюрприз: «смущает меня, что один акт написан как пьеса. Здесь диалогом не интересуются» и т. д. Вообще паки и паки, если бы это было **при мне,** то надо только решать принципиально — нравится сама стори? Увлекают актрису? Увлекают режиссуру? А потом — теперь давайте сделаем эту «стори» стройнее, Цельнее, сообразно со всеми нашими переговорами. При мне на это ушло бы три-четыре дня. А со всеми переговорами уж самое-самое большее неделя. Без меня дело обстоит иначе: режиссер, актеры, должны сноситься с новым писателем, который придет эксплуатировать мой труд. Или мне напишут: то-то и то-то очень хорошо и надо сохранить, а то-то и то-то мешает или недостает. Через неделю я пошлю то, что надо. Но конечно это не будет так хорошо, как если бы я участвовал в переговорах. И главным образом потому, что я натолкнул бы на новые мысли, образы, мизансцены и т. д. и режиссера и актеров.

Следующие вещи (а также «Жена»» для Берлина) я делаю так: все будет только «стори», но с большими вставками тех диалогов, которые характерны или остроумны, и которые следовало бы сохранить. Ах как бы это облегчило, если бы я мог подробно рассказать, а потом уже делать. Или давать читать и тут же разъяснять, оговаривать и т. д. Есть ведь и просто темы, идеи...

Все это можно было бы проделать в три месяца и до свидания!..

Если бы Вы нашли возможным растолковать это, кому ведать надлежит: Левину или совсем из другого лагеря. Привлечь их внимание к Вашему точному, внимательному растолковыванию. Не запугивая ни цифрами, ни требованиями какого-то длительного моего участия.

«Тилль» сдан. Занимался я им все-таки очень мало, только чистил, углублял, много менял в смысле очищения от Баратовщины[1]). Но главного уже не мог сделать — перемена ролей, дикция... Странный успех получился. Некоторым очень нравится, многие очень равнодушны. Большая публика совершенно не заинтересована. Правда, театральный сезон в этом году очень тусклый. Никакая вещь не привлекла внимания. Сильны только Большой, Художественный, Малый, как сами театры. Но Лотар[2]) нравится. Он мне прислал свою новую оперу.

Не размазываюсь, потому что чувствую, что Вам теперь не до таких подробностей, какие с удовольствием читаются в покое. Ну и сообщу об остальном из Берлина.

Обнимаю Вас. Привет от моих.

В. Немирович-Данченко.

3 июня 1931. Милый Сергей Львович!

«Женитьбу Фигаро» я на днях смотрел с новыми участвующими: Граф — Ливанов, Графиня — Степанова, Фигаро — Прудкин, Сюзанна — Тарасова и т. д. Все они не хуже, или большинство лучше, предыдущих. Очень досадно, что Константин Сергеевич уперся против поездки «Фигаро» в Ленинград, вместе со всем другим репертуаром. Потому де, что декорации Головина рассыпятся в красках (как будто их писал сам покойник Головин, а не Гремиславский). Просто напустил форсу в защиту за высокое искусство перед доверчивым новым управлением.

Ах, как Вы меня огорчили сообщением, что Пола Негри заявила «Кармен» как драму. Какая-то тень тут виноватости есть и на Вашей стороне. Вы мне так категорически написали, что эта идея не может иметь успеха у американцев, что я не послал, совершенно приготовленное уже письмо к Левину об этой идее. Между тем, месяца два назад был у меня тут писатель из Холливуда (из Метро-Голдвин) Картнер, кажется. И когда я ему сказал «Кармен» — драма, он не мог скрыть огромной заинтересованности. И при следующей встрече говорил, какая это блестящая идея. А, может быть, можно еще дело поправить? Конечно, было бы хорошо, если бы Вы при первых слухах сказали Пола Негри о том, что эта идея у меня имеется... но и теперь, может быть, не поздно, вот на какой почве. Ведь она будет делать сценарий очевидно по Мельяку и Галеви? Но ведь это будет дребедень. А у меня специально

---

[1]) Л. В. Баратов — режиссер оперы.

[4]) Марк Лотар — автор оперы «Тиль Уленшпигель».

для драмы написанная «Кармен», неизмеримо интереснее оперной. Особенно первый и последний акты. Середину я еще должен делать. Причем в моей драме нет ни боя быков, ни народа в таком количестве, что было бы для постановки слишком дорого. Вернее сказать, бой быков есть, но я легко могу его не показывать. Вообще я заботился о том, чтоб картина не обошлась чересчур дорого.

Вот пока все. Крепко Вас обнимаю. Надеюсь писать следующее письмо уже из заграницы.

ВНД

21 июня 1931. Милый Сергей Львович!

Вчера мы все трое приехали в Берлин. Все путешествие было вполне и во всех отношениях благополучно. Но сначала о Вас и о Ваших.

Вы угадали: я скрывал от Вас положение Михаила Львовича. Я ничего не мог сделать. Хотя приложил все силы, внимание и связи. Ничего! Два визита и до полусотни телефонов! Несмотря на то, что после первого же визита, мне, из уважения ко мне, посоветовали не вмешиваться в это дело. Я даже не знаю, в чем дело, совсем не знаю. Его бывший начальник был арестован и в чем-то уличен. Некоторые из его подчиненных, друзей заступились. В чем был уличен тот, и в какой мере заступились эти — ничего добиться не мог. Хлопотала и Екатерина Павловна Пешкова (б. жена Горького). Замечательно, что и при свидании со мной Михаил Львович не объяснил мне, в чем дело было.

Уже осужденный и отпущенный на несколько дней Михаил Львович переночевал у Кореневой, а на другой день звонил ко мне. Я его увидел в настроении очень бодром, может быть немного взвинченном. Он рассказал, значит, что ссылается в Иркутск, а оттуда, куда пошлют. На три года. В эти «три года» он не верил, но я привел ему несколько известных мне лично примеров — полностью три года и несколько менее трех лет. А о переводе с трех лет на бессрочность, как думал Михаил Львович, я не слыхивал. Мне кажется я немного убедил Михаила Львовича в том, что и вообще три года для его возраста, пройдут легко, если он будет беречь и здоровье, и веру. Вообще же, повторяю, он совершенно не был угнетен. Он был занят ожиданием разрешения съездить в Ленинград (А Екатерина Николаевна уже приготовила ему валенки, кашне, заказала пирожков, курицу и т. д., думая, что он едет прямо в Иркутск). Денег я ему «навязал» 800 с чем-то рублей. Я предлагал ему еще, но он решительно отказался. И, однако, уже из Иркутска он запросил еще. Больше я его не видел.

Пишу теперь вовсе не для того, чтобы утешать Вас, но я очень знаю, что посылают теперь не просто в ссылку, как можно похуже, а в такие места, где есть нужда в работнике, в данном случае в интеллигентном. Всеми ссыльными пользуются, чтобы дать местечку или городку или городу, недорого оплачиваемого работника. В расчеты ссылающих вовсе не входит посылать на

медленную смерть. Я знаю одного инженера, приговоренного к ссылке и сосланного, но на завод, и потом вознагражденного особо за его работу. Вот этой огромной нуждой в людях в далеких углах, где рождается новая жизнь, этим и объясняется не только уцеление людей, но и устройство.

Денег у Ольги Аполлоновны достаточно. Я дал распоряжение выдать еще, если понадобится, из моих, которые имеются в Театре. Вы уж очень высчитываете. А если бы Вы и задолжали мне несколько сот рублей, я не ждал бы их от Вас теперь же. Пока мы с Вами, по-моему, в расчете.

Беды действительно навалились на Вас за год! Но всякой плохой полосе бывает конец. Затем начинается постепенно рассвет и хорошие дни. Я уверен, что Вы устроитесь и одна из гнетущих Вас забот — материальная — скоро отпадет.

Конечно, я не буду усугублять Ваше самоистерзание за доверие проходимцу. Я что-то припоминаю, когда мы были вместе в Холливуде, он искал со мной свидания. Или в Нью Йорке?

Отправлю Вам это письмо, а потом напишу еще.

Я не посылаю сейчас же «Воскресение» английский экземпляр, т. к. жду еще писем от Сейлера-Булгакова. Они должны быть в Берлине, завтра-послезавтра получу. Запрошу телеграммой в каком положении дело. Ведь мы почти покончили, что осенью я еду в Нью Йорк ставить.

Обнимаю Вас крепко. Ек. Ник. и Миша целуют Вас. Очень, очень сочувствуют. Надеюсь скоро уехать в Карлсбад.

Ваш неизменно Вл. Немирович-Данченко.

23 июня 1931. Милый Сергей Львович!

Сейчас отправил Вам телеграмму о том, что Сейлер должен выслать Вам и скрипт и мои подробнейшие и тщательные объяснения. Булгаков и Сейлер денег пока не достали. Таким образом и ничего не сделали и развели меня и с Юроком, о чем я правда не слишком уж жалею, и с Хилдом разорвалась по этому делу связь. Ну, что делать. Не плакать же!

Мои объяснения чрезвычайно важны Во-первых то, что в нашем московском виде это представление для Америки слишком длинно, — 4 часа. В моем объяснении я указываю на «или-или», от чего надо отказаться. Т. к. я рассчитывал сам режиссировать, то я не делал подробных указаний. Вопрос о купюрах самый важный. Во-вторых, важная частность: в интерпретации московской («советской») Нехлюдов в сущности не «воскресает». Но и по Толстому и по предлагаемому мною экземпляру воскресение Нехлюдова на лицо. Наконец, у меня есть еще вариант финала. Если принципиально дело выйдет, то я напишу все подробно. Здесь экземпляр есть, я по нему смогу указать переделки и купюры. Впрочем, я именно предоставляю купюры «американским вкусам».

Насколько я понимаю, Шумлин сам будет ставить вещь. Я думаю, что если бы я приехал к Шумлину помочь ему в постановке со-режиссерством, то ли по части обстановки, то ли особенно по актерской... Может быть не надолго, недели на

четыре? Это было бы и мне выгоднее и думаю, сенсационнее для него. Очень хотелось бы, чтоб было сделано все наилучшим образом, для настоящего сенсационного, художественного и кассового успеха. Может быть, с этим делом, наконец, подвезет мне с Вами в компании?

Что с «Женой» дело плохо, меня прямо сбивает с толку. Не понимаю! Вы пишете, что молодой писатель «внимательно и вдумчиво» прочел... А я вот сомневаюсь именно в этом. Опять таки, если бы говорили со мной, я бы спросил: чего не хватает? Мелодрамы? Перцу? И тотчас указал бы, где это легко найти. Режиссерских трюков? Тем более, сколько угодно. Не понимаю!Я постараюсь в ближайшее время составить подробный синопсис заново. Дам его перевести и на немецкий, и на английский языки.

Здесь мы уже четвертый день, я еще не звонил к Мельницу. Еще отдыхаю. Здесь все куксятся от «дел» и еще больше от разговоров о делах. Но вчерашнее известие о шаге Хувера по поводу моратория, окрылило Берлин чрезвычайно.

Обнимаю Вас. Буду еще писать скоро.

Ваш В. Немирович-Данченко.

9 июля 1931. Милый Сергей Львович!

Паспорт Вам послан. Пролонгация оказалась, конечно, дороже, чем Вы думали. «Конечно» потому что на такие случаи теперь везде все хуже. Будем верить, дорогой Сергей Львович, что все наладится к лучшему. Ваша полоса бед слишком затянулась. Как полоса дождей. И все-таки за бедами непременно начинается полоса удач. Только терпение! А Вы на этот счет молодец.

Если бы Вы видели, как я экономно живу, Вы бы не поверили глазам своим. «Чаевые» кончились. Совсем! Живем в очень приятном пансионе, и нам троим обходится чуть ли не дешевле, чем в прошлом году двоим. Знаю все маршруты, не только унтергрунденов, но и автобусов, уже не говорю о трамваях.О такси почти забыл. Разве когда меня возят. Не был еще ни в одном театре и ни в одном кино. Ничего! Это не плохо. Настроение у нас троих очень хорошее. Ах, с каким бы удовольствием пили бы чай в 4 часа на балконе нашем с Вами!

Был у Цельника, обедал. Они начали работать новую картину. Оба хвастаются, что ее проба вышла очень удачно. Он просил искать в моих подготовленных замыслах стори для нее.

Разговоров и предложений без конца, но ничего ощутительно удовлетворительного. Еще раз написал Левину. Узнал, что Толберг в Париже, в первую минуту подумал, не съездить ли, потом раздумал. У меня сейчас до 60 замыслов. «Жена» далеко не из лучших («Женой» я все-таки займусь, поищу «киноизобразительности»).

Писал Левину скорее из добросовестности перед Судьбой.

Вы, наверное, уже знаете, что умер Лужский. На улице, на Арбате, днем. Его хоронили (после кремации) очень хорошо. И внимательно и трогательно. На государственный счет. С почет-

ным караулом, гражданской панихидой, официальными и частными речами и т. д. Судьба меня поберегла, что это произошло не при мне.

Обнимаю Вас за всех нас троих.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

14 июля 1931. Милый Сергей Львович!

Со вчерашнего дня Берлин в панике. Банки все закрыты на два дня. Биржа закрыта на неделю. Боятся и инфляции и борьбы политической, т. к. конечно и фашисты, и коммунисты захотят использовать плохую минуту. Паника, впрочем, наружу не проявляется, только говорят много. Однако получать по чеку неоткуда . . .

В Карлсбад думаем ехать в конце этой недели. Миша останется здесь. Из Карлсбада, конечно, в Женеву.

Здесь мои дела ни с места. Сколько ожиданий! Сколько разговоров! И ничего реального. Цельник без конца комплиментит, хорошо и со вкусом, даже определенно просит «стори» для Лиа Мара, но по моему сам не знает, чего хочет. Кроме Цельника были разговоры с другими обществами. Заезжали за мной, возили в какое-то кафе далеко. Там беседы с директором, режиссером, сценаристом. Все они одинаково запутались. Исходят не из того, что по их мнению (хотя бы по их мнению) хорошо, а из желания найти сюжет вроде вот такого-то, который только что имел успех. Хуже плохих американцев. А о том, чтобы делать хороший, вкусный, артистический фильм и верить в успех хорошего, и помину нет. Вообще, то в чем немцы преимуществовали перед американцами, ушло. И бедность и трусость.

Начались у меня еще разговоры о постановках, я уже кажется писал Вам — драм, теперь завязывается о постановке оперы.

А реального ничего еще! Да теперь и не до того.

Можете себе представить, что я не был ни в одном театре! Да и нечего смотреть. Вот все собираемся только на «Прекрасную Елену» Рейнгардта. Похвалы средние. Да, насчет «Воскресения». Вероятно, пока Вы получите это письмо, вопрос уже будет решен. Но на всякий случай пишу. Сейлер еще 29 июня телеграфировал мне: «Материал послан». Материал это значит рукопись, большая объяснительная моя записка, очень большая, еще два письма и фотографии. Очень важны мои объяснения о купюрах, о возможности новых сценок, о возможности заменить Качалова — Назимовой. Если у нее хватит темперамента. Лирическая сторона (рассказ о том, как Катюша бежала за поездом — всегда вся зала плачет), — у нее выйдет хорошо. А вот мудрость и сарказм? Но если бы я сам подзанялся с нею, может быть выйдет и это. Впрочем, это за отсутствием прекрасного актера, я бы сказал, с ораторским талантом.

Сейчас получил письмо из Ленинграда о «колоссальнейшем» успехе там «Воскресения».

Как ставить «Воскресение» на американской неглубокой сцене, портативно, у меня есть планы . . . Как обойтись с мень-

шим количеством людей, тоже понятно есть. Конечно, актерам придется играть по два и по три выхода.

Крепко целую Вас. Привет от наших!

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

17 июля 1931. Милый Сергей Львович!

Послезавтра 19-го я и Екатерина Николаевна уезжаем в Карлсбад. Миша остается для лечения уха, которое двигается более или менее успешно.

Берлин пережил панику изумительно сдержанно и дисциплинировано. И продолжает быть спокойным, хотя марок не выдают, а о валюте и думать нечего.

Вообразите, какой случай со мной. Почему-то в этом году, в **первый раз** за все эти годы, я не перевел денег на банк и не согласился на выдачу мне марками, даже заплатил кое-что за то, чтобы получить долларами всю сумму. Держал дома. Что бы я сейчас делал? Ведь все, кто думал ехать из Германии, кто имеет текущий счет или аккредитив, сидит и ждет, когда ему дадут хотя бы марками, а с ними может быть и не уедешь далеко. Что меня осенило? Это мне напомнило о другом моем «провидении», когда 12 июля после ультиматума Сербии, я телеграфировал Станиславскому в Мариенбад, чтобы все немедленно возвращались на родину.

Я живу здесь прямо сказать с удовольствием, но рассчетлив совершенно невероятно. Едем с Екатериной Николаевной в театр (конечно, по контрамаркам, совершенно бесплатным) и то не в такси, а в автобусе с пересадкой! И только назад, для шику, чтоб Леонидов не вздумал жалеть, в такси.

22 июля 1931. Продолжаю уже по получении Вашей телеграммы.

В Берлине среди интеллигентов такая же безработица, как и среди рабочих. Я, кажется, писал Вам о Цельниках? Они снимаются. Очень заняты. Он такой же фильмовой человек, занятый исключительно желанием матерьяльного успеха, как и все. Он только болтать умеет об искусстве. И так же, как и все, в погоне за успехом кассы, сам не знает, чего именно хочет.

Вообще в Берлине фильмовые дела на очень плохой линии. Сплошная халтура. В Карлсбаде погода плохая, холодно. Сезона совсем нет. Лет 10 не было такого плохого. Разогнало публику падение марки.

До следующего письма. Обнимаю Вас. Ек. Ник. нежно кланяется.

В. Немирович-Данченко.

6 августа 1931. Милый Сергей Львович!

Для упражнения в английском, переписываю Вам письмо Сейлера, в ответ на мою просьбу взять ему на себя хлопоты о книгах, которые я собираюсь писать.

Очень хорошее письмецо, не правда ли? Как все это выйдет, зависит от многого.

Получил копию с письма Вашего брата. Будем надеяться на лучшее.

Обнимаю Вас. Ваш Вл. Немирович-Данченко.

17 августа 1931. Женева. Милый Сергей Львович!

В Женеве нашел Ваше письмо от 25 июля. Мы приехали сюда 1-го. Курс лечения прошел отлично. Как я Вам уже писал, я сильно повернул на экономию. И Карлсбад провел процентов на 40 ниже моих прежних затрат. Сейчас берегу каждый доллар, чтоб продлить возможность добиться чего-нибудь за границей.

По моей арифметике я Вам должен не 295 долларов, а 315.

Я обдумываю отсюда письмо Ягоде об Ольге Аполлоновне. Надо мне уловить тон, тогда я напишу. Сейчас хорошая полоса для этого.

От Гайдарова, который действует как мой посредник, получил письмо, что Шарлоттенбургская опера очень хочет вовлечь меня в свои работы...

Чтобы покончить с Толбергом, Левиным и вообще Метро-Голдвин... Может быть Гест начнет меня сватать в «Парамаунт»? Не как режиссера непременно.

Я написал Левину в последний раз, что с их стороны был бы небольшой риск пригласить меня на короткий срок. Только для того, чтоб познакомиться, что у меня есть, что я могу. Ну, ничего нет, и ничего не могу, — они не много потеряют. А найдется «стори» или работа, жалованье пойдет в погашение, или как-нибудь в этом роде. Опять для упражнения в английском перепишу Вам, что я написал Левину. Покажите Гесту.

Обнимаю Вас крепко

Вл. Немирович-Данченко.

Ек. Ник. как всегда шлет Вам нежный привет. Миша в Берлине.

Нет не переписываю письмо к Левину и не посылаю Вам. Коли что можно сделать, то сделается и без этого.

ВНД

А что мне делать с моей полусотней замыслов, собранных за две зимы?

ВНД

Лучше пишите по адресу Леонидова, т. к. я, по всей вероятности, в конце августа уеду в Берлин. Может быть, оставлю тут Екатерину Николаевну.

19 августа 1931. Милый Сергей Львович!

Вчера только послал Вам письмо и получил Ваше от 6-го августа. «Правосудие» отправляется Бокшанской в конце этой недели. Я Вам уже писал. Ах, эти фотографии «Воскресения»! Я бы послал их сам, но не знаю адреса Шумлина.

О Музыкальном театре я, как будто, уже писал Вам. Первой постановкой будет «Сорочинская ярмарка» Мусоргского., восхитительно восстановленная редакция молодым, очень талантливым композитором, по письмам, документам, этюдам Мусоргского. Причем оказалось, что «Ночь на Лысой горе» принадлежит этой же опере... Сон парубка... Потом возобновляется «Девушка из предместья» плюс «Джонни Скикки», помните? Одноактная Пуччини... Потом «Корневильские колокола» с новым текстом.

«Шванду» я давно знаю. Но вообще мы не можем пользоваться уже новыми заграничными операми, нет валюты для приобретения матерьяла!!

Да, вот что: Вчера я писал Вам, чтоб Гест устраивал меня к Парамаунту, а написавши целый день думал, что пора бросить все эти старания. Поставить крест! Надоело. И разумеется ничего из этого не выйдет, не стоит и начинать.

Вы пишете, чтоб я Вам прислал что-нибудь. Может быть, я это сделаю. Может быть! Ведь для этого надо написать в **заключенном виде.** Не так, как я Вам послал «Жену». А писать на удачу, для этого надо иметь свободное время. Я потому и хотел делать это все **на месте.** Я бы **рассказал,** а мне поручили бы написать вот эту или эту. Вот тому же Майльстону предложил бы десяток другой тем, узнав от него, **чего он ищет,** в каком характере. И тут же сговорились бы перестроить сюжет в одну сторону или в другую. И так дальше.

Может быть, сойдусь в таком плане с каким-нибудь европейским предпринимателем. Обнимаю Вас. Ек. Ник. шлет Вам привет.

Ваш В. Немирович-Данченко.

25 августа 1931. Милый Сергей Львович!

Очень досадно, что Вы так и не получили моей «реакции» на Вашу пьесу.[1]) Я написал самое позднее через два дня по получении. Это было в Карлсбаде. Завтра я высылаю экземпляр Бокшанской с инструкциями по переписке и дальнейшему продвижению. Если на Малой сцене сезон уже забит (я не знаю судьбы целых двух постановок Малой сцены), то в первую голову Марджанов.[2]) Он может заинтересоваться. Это в его духе. Это быв. Корш. Я пишу Бокшанской, чтоб у нас пьеса никак не залежалась. Сроку две недели.

Мое мнение таково: Пьеса должна захватить внимание зрителя. Это ее самое главное, да пожалуй и единственное, достоинство. Но крупное, сценическое. А по форме — мало актерского матерьяла. Перевод выходит хороший. Я очень немного выправил.

Маркову специально не пишу, чтоб не наводить течение его мыслей на критику. Просто через Бокшанскую рекомендую пьесу, находя ее и сценически, и социально интересной.

Обнимаю Вас

Вл. Немирович Данченко.

Правда ли, что Сесиль де Миль[3]) едет в Москву?

5 сентября 1931. Милый Сергей Львович!

Я уже написал отсюду самому Ягоде. Почему-то я тоже надеюсь, что Ольге Аполлоновне дадут разрешение выехать. Между прочим, я написал, что расходы по паспорту (220 рб.) и выезду, скажем еще 80 р., всего 300, будут высланы Вами отсюда **валютой**

---

[1]) Речь идет о пьесе Джона Голдена «Правосудие», переведенной на русский язык и переработанной С. Л. Бертенсоном.

[2]) К. А. Марджанов — режиссер.

[3]) Известний американский кино режиссер.

т. е. 150 долларов. Это довольно важно, валюта там так нужна, что это может чуть подтолкнуть на разрешение. Если дело начнет налаживаться, я Вам протелеграфирую как поступать.

Пьесу Бокшанской я уже отослал. Маркова заинтересовал. Бокшанской я сказал, чтоб она вообще хлопотала и что будет получать комиссионные. И чтоб запросила у Коонен результаты о «Машиналь».

У меня ничего определенного. Есть еще и еще новые разговоры, но все разговоры. Не хочется даже писать.

Вот когда мне надо зацепить тысячи две, — две с половиной долларов. Я бы устроил Екатерину Николаевну с Мишей в Берлине, а сам уехал бы в Нью-Йорк и там сделал бы все дела и с издательствами и с «Воскресением», а может быть и с моими сценаристскими замыслами.

Тут в Берлине с оперой что-то затевается, я Вам писал об этом... У меня в плане не книга, а пять книг! Да, и мне жаль что не с Вами! В Женеве погода не задалась.

Екатерина Николаевна и Миша чувствуют себя отменно. Миша продолжает лечить ухо медленно, но успешно.

Обнимаю Вас. Привет от наших самый сердечный.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

24 сентября 1931. Милый Сергей Львович!

Как давно я не писал Вам! Даже забыл о чем писал и о чем нет. Начну с главного: Писал ли я Вам, что подписал контракт на две книги, на отличных условиях с авансом в 900 долларов. Сейлер устроил. Он и агент мой. Аванс в сущности 1000 долларов, но 10% поступает Сейлеру. Вместе с этим он спрашивает подробно и точно, на сколько времени мне хватит 900 дол. сколько времени я должен писать первую книгу, сколько вторую и сколько минимально мне надо, чтобы работать непрерывно.

Я ему ответил очень скромными расчетами, невероятно скромными. Но и не останавливаясь на этом, я начал закидывать удочки куда мог. Тут случилась приятная неожиданность. Еще в прошлом году в Зальцбурге я наткнулся на Татьяну Павлову, которой тогда же пришла в голову мысль включить в свой репертуар «Цену жизни». А тут она появилась в Берлине, захотела осуществить эту мысль. И мы с ней заключили условие, еще не подписанное, но очень горячо ею воспринятое. Ею и ее друзьями бывшими с ней. Среди них лучший, как говорят, критик Амико. Он у меня был, интервьюировал. Ставить будет Шаров.[1]) Я уже его напичкал. Но для успеха и для усиленного аванса я должен съездить на последние репетиции в Геную. Это должно случиться в первую неделю ноября. В ближайшие дни должен быть аванс...

Но и этого мало. У меня завязались очень интересные переговоры с фирмой «Гаумонт» через Ермольева. Предложение сделать определенный сценарий уже есть, от меня зависит подписать условие. Было еще много разговоров, но это были только разго-

---

[1]) П. Ф. Шаров, быв. артист Художественного театра.

воры. Реальное возможно еще — постановка «Бориса Годунова» или «Травиаты» в Шарлоттенбургской опере. И то и другое я поставил бы с удовольствием, даже в особенности «Травиату», но цифра предложенная мне так ничтожна, что я пока почти отклонил. Не пишу о, пожалуй реальных и даже выгодных, разговорах с Астой Нильсен, потому что думаю, что не заинтересуюсь. Она очень хочет делать со мной то или другое, обеспечивая меня на несколько месяцев (2—3) «со всеми моими привычками».

Вот видите, что делается! И это несмотря на ужасающую экономическую коньюнктуру. А все-таки вопрос о том, останусь ли я и на сколько времени, еще мною не решен. Вот-вот решу.

Спасибо за предложение денег. Я воспользовался немедленно, потому что и тот аванс и другой придут еще, пока их нет... Вы опять кстати предложили!

«Сорочинскую ярмарку» восстановил Шебалин. Очень славный музыкант. Он же взялся заново оркестровать «Колокола».[1]) Сюжет «Колоколов» мой. Но делать его будет... Гальперин. Держусь его, потому что приносит счастье. Два акта он уже прислал, но я их отправил обратно с жесточайшей критикой...

В Художественном театре Станиславский директорствует, повидимому, с рвением. И должен сказать очень хорошо. К счастью в области театра там очень сильное и умное поправение. Джанни Скики будет Саратовский.

Ну, вот ответил на все. Как что решится, напишу.

Ваш ВНД

27 сентября 1931. Милый Сергей Львович!

300 долларов получил. Спасибище! как выражался Дарский, помните в Александринском театре? (Я теперь всех припоминаю, ввиду книг).

Прилагаю Вам интервью с Рамон Наварро. Вот для чего: Хотя я и поставил крест на Холливуде, но не упускал бы случая напомнить о себе. Вы могли бы написать такую записочку Р. Наварро: Что, мол, мой друг Влад. Данченко, знаменитый русский режиссер, известный писатель, автор нескольких блестящих пьес, прислал мне эту выдержку и прибавляет: «Такой прекрасный артист как Рам. Наварро жаждет романов из русской жизни, а я два года стучусь в то самое учреждение, где Рам. Наварро работает и получаю отказ. А ведь я столько лет изучаю кино и уже даже был в этой Студии несколько месяцев и пользовался очень большим расположением самого Ирвинга Толберга. Сильно подозреваю, что тут кто-то интригует. Вы не думаете, что Вам высказывающему такие взгляды, хорошо бы обратить внимание на Данченко».

В Берлинских театрах пока что провал за провалом. Был два раза только в оперетке и то плоховато.

Обнимаю Вас

Ваш В. Немирович Данченко

---

[1]) Оперетта Планкетта «Корневильские колокола».

27 сентября 1931. Милый Сергей Львович!

Сегодня послал Вам выдержку об интервью с Рамон Наварро, а сейчас не могу удержаться, чтоб не написать об уже совсем сенсационном сообщении: Сесиль де Миль был в Москве, смотрел «Квадратуру круга» **моей** постановки, пришел в восторг, решил ставить у себя в Холливуде и пригласил для этого Катаева!

Неужели Вы с Сем. Гестом не соедините эти два факта и не предпримете настоящую бучу с Левиным или против Левина, или в другом месте?

Значит даже такие вещи как «Квадратура круга» могут привлекать такого режиссера как Сесиль де Миль. И значит за такими и многими подобными вещами выгоднее ехать в Москву, чем пригласить меня к себе?! Вот какие дела! Все это я узнал от самого Катаева, который приехал сюда поставить «Авангард» и еще какую-то пьесу. Вторую я не знаю, первую же я не принял в Художественный театр. Она прошла с большим нажимом у Вахтанговских и жестоко провалилась здесь в Берлине, прошедшая только два раза! Все это ужасно! Катаев талантливый человек, но его так охалтурили!

Обнимаю Вас В. Немирович Данченко

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 12 октября 1931. Милый Сергей Львович!

Я получила Ваши письма и сделала по ним все, что нужно, но ответить Вам сразу не могла, т. к. очень была занята. И вообще, милый друг, Вы только так и должны рассматривать неполучение от меня писем — что я каторжно работаю и с трудом выкраиваю время для своих личных дел и корреспонденции. Поверите ли, своим, папе и маме, я уж не помню когда я написала закрытое письмо, так все отделываюсь открытками. Настоящие письма я пишу только Владимиру Ивановичу, больше никому. Ему пишу часто и очень много.

Теперь о «Правосудии» (Вл. Ив. я написала об этом в свое время подробно). Пьеса во Всероскомдраме закреплена за Вами, на основании моего официального туда заявления. Бродскому послан экземпляр при письме, в котором я передала ему Вашу просьбу о направлении пьесы в Александринский или Большой Драматический театр. Что же касается ее судьбы в Москве, то дело обстоит следующим образом. Переписывая пьесу и ознакомившись с ее содержанием, я пришла к мысли, что вряд ли она заинтересует один из наших центральных театров. Но не считая своего мнения компетентным я переслала пьесу для прочтения П. А. Маркову, в смысле ее приемлемости для нашей Малой сцены (как писал Вл. Ив.) и вообще для отзыва и совета. Он сказал мне следующее: для нас пьеса не представлят интереса, т. к. одной «Рекламы» (Рокси) на Малой сцене для пьес такого жанра достаточно. Правда «Реклама» легкая комедия, а здесь серьезная драма, но все же это примерно о том же — Америка, суд... Что же касается других театров, то Марков считает: для центральных — она не подходит. В большом зале, с большой

сцены она не будет звучать достаточно актуально в настоящий момент. Сейчас, главным образом, ищут современных пьес на наши, советские, темы, к этому сводится большинство заказов. Он посоветовал дать пьесу на рассмотрение Студии Завадского или Каверина (Студия Малаго театра, в быв. Летучей Мыши в Гнездниковском)... Я жду ответа от Завадского и потому к Каверину пока не обращалась. Кстати: по словам Маркова, в прошлом году без особого успеха в Театре Революции прошла чрезвычайно схожая с «Правосудием» пьеса «История одного убийства», поэтому Марков считает, что эта тема опять таки вряд ли увлечет театры, помнящие о сравнительно холодном приеме той пьесы и вялом к ней интересе.

Вл. Ив. советует в своем письме предложить ее Марджанову. По моим сведениям Марджанов приезжает (если не приехал) в Москву ставить постановку у Корша. Если это подтвердится, я непременно передам ему пьесу здесь, если же у него с Коршем дело не сладится, я разузнаю об его местопребывании в Тифлисе и направлю пьесу туда.

Вл. Ив. советует мне также снова напомнить Коонен о пьесе «Машиналь», которой она весной вновь заинтересовалась. Это я сделаю непременно. Я звонила раза два но не застала ее дома. Если бы не такая дикая моя занятость, я бы, конечно, могла проявить больше энергии. Но, Боже мой, сколько мне приходится работать! Ведь каждую свободную минуту приходится отдавать работе сверхурочной, т. к. без этого прожить совершенно невозможно. Если можно с трудом уложить свой бюджет в скромное наше жалованье, то всякое нарушение бюджета ведет к большим финансовым сложностям. А Вы же знаете, что экипировка у нас чрезвычайно дорога, никаких моих запасов из прежних поездок с Театром на гастроли уже не осталось, вот и приходится всячески выкручиваться. А носить красивые вещи я люблю, Вы это тоже знаете. И для них приходится мне до глубокой ночи сидеть за машинкой, переписывать все что только ни дают — сметы, пьесы, статьи... И так как все эти работы всегда срочны, приходится иной раз работать до 3—4 часов ночи. При этом, ведь, не могу всегда быть уверена, что вечер полностью у меня будет свободен от Театра — то заседение, то другая какая-нибудь театральная работа. Вот почему, несмотря на отсутствие Вл. Ив. и уход нашего партдиректора, у меня все же достаточно дела.

Театральные наши дела в двух словах не расскажешь, а написать много — времени нет. Каждодневная работа — репетируем «Мертвые души» и «Страх», последний выпустим месяца через полтора-два, а первые — поезднее. Константин Сергеевич работает чрезвычайно много у себя на дому и бывая в Театре. На него сейчас свалилось все управление. Только бы хватило у него сил! Это дало бы возможность и Вл. Ив. подольше побыть на отдыхе и набраться сил. Старики все благополучны, за исключением Грибунина, который летом сильно болел, а теперь поехал отдыхать в Кисловодск. Он очень стал слаб и вряд ли ему позволят из-за сердца играть.

Милый Сергей Львович, желаю Вам всего хорошего. Буду очень рада, если Вы мне напишете о себе, о своих делах и настроениях.

Ваша Ольга Бокшанская

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

17 октября 1931. Милый Сергей Львович!

Получил Ваше письмо от 3-го октября, с грустным известием и думаю: а нет ли тут какой-то режиссерской работы Судьбы? Я приступаю писать книги, дело это налаживается. Вы всегда не только толкали меня на это, но и мечтали быть при этом со мной. Надо же, чтоб в это же время Вы освободились от Холливудских обязательств! И намечали бы поездку в Берлин, где я нахожусь и где собираюсь писать книги... Не одну книгу, а несколько. Реально: я доволен предоставить манускрипт на русском языке. Перевод и оплата его меня не касается. Значит Вам пришлось бы иметь дело через Сейлера с фирмой. Но разумеется, все мы выиграли бы, если бы переводчик был около меня. Я во всяком случае очень выиграл бы. Но и для фирмы и для агентуры, в лице Сейлера, Ваше пребывание около меня в качестве переводчика было бы выгодно. Не знаю совсем как дело оплачивается. Не знаю кого Сейлер и фирма имеют в виду для переводчика. Но подумайте. Может быть перекинетесь с Сейлером. Тем более, что раньше января, может быть, Вам и не надо быть со мной. То есть мне то приятнее хоть сейчас, но можно обойтись.

Я, вероятно, в конце октября поеду в Милан дней на 10, поставить у Татьяны Павловой «Цену жизни». Это может дать мне кое-что (обеспечив мою поездку и гарантировав некоторым авансом). А с половины ноября я уже собираюсь так отдаться книге, как бывало отдавался пьесе, роману. Жить совершенно уединенно, скромно и писать. Сейлер требует, чтобы я работал непрерывно, обещая сделать все, чтоб и авансирование меня шло непрерывно.

Конечно, это все «мысли вслух». Надо надеяться, что Вы еще удержитесь в Холливуде и впредь, но кто знает! За последнее время я столько раз убеждался в неожиданностях, что поверил в Судьбу.

Вообще в Берлине подавленное настроение, особенно хмуро относятся к чужим. Однако русское и тут имеет преимущественный успех. Картина «Путевка в жизнь» с Баталовым имеет успех, какого не имеет ни одна ни американская, ни немецкая. Настоящий успех, не раздутый коммунистами.

Катаев провалился с «Авангардом» в одном театре, но через две-три недели поставил другую свою пьесу в другом театре и имел очень большой успех (пьесы по немецки, обе плоховатые, я их в Художественный театр не взял).

Огромный, потрясающий неуспех имела картина Буховецкаго с Конрадом Вейдт и Чеховой. На премьре свистали. Пресса отчаянная.

У меня, было, совсем завязалось нечто недурное с Ермольевым, но расплылось. Вашей матушке распорядился выслать опять (300 р.), ждал Вашего приказа. О пьесах Ваших ничего не слышно.

Обнимаю Вас. Очень вхожу в Ваше положение, очень.

Ваш В. Немирович Данченко.

М. М. ФОКИН — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

20 октября 1931. Экватор. Дорогой Сергей Львович!

Очень был рад получить Ваше письмо в Буэнос Айресе, но был огорчен его содержанием. От души сочувствую Вам и Вашему брату. Сердечно желаю Вам, чтобы все к лучшему изменилось.

Я еду с Верой Петровной домой. Поставил в Буэнос Айресе 8 балетов. Поработал с большим удовлетворением. Душу отвел. Поставил главным образом балеты, которые до меня ставили в «усовершенствованном» виде Больм, Нижинская и Романов. Шехеризада, Карнавал, Сильфиды, Спектр Розы, Игорь; все это было уже сочинено в Буэнос Айресе другими. Жар Птицу не успели еще сочинить. Этот балет я поставил с Билибиным. В некоторых деталях вышло еще лучше, чем у Дягилева, но декорации значительно уступают Головинским. Постановка в деталях новая (я многое забыл за 18 лет), многое лучше, чем при первой. Согласованность некоторых чудищ, движения с костюмами, гораздо большая, чем при оригинальной постановке. Кикиморы, поганцы, кошки, собаки, духи... все это очень фантастичные господа, но вместе с тем живые. Я окончательно в них уверовал.

Из новых постановок (относительно новых) «Ученик чародея» и «Приключения арлекина». Оба балета меня увлекли. Когда то я ставил «Ученик чародея» в Петрограде, а «Приключения арлекина» в Нью-Йорке. Но это было наспех. Теперь постановки отшлифованы до последней точки... Ставил упиваясь. «Приключение арлекина» это гротеск в стиле итальянской комедии. Смешно невероятно.

В «Ученике чародея» особый трюк: вода танцует на вертящейся сцене. Таким образом она все время течет в комнату, а в конце утекает. Получилось нечто совершенно новое. Трудность заключалась в том, что я сочинял и ставил на обыкновенном полу и мне приходилось иметь в голове отношения артистов к вертящейся сцене. Конечно, я никак не мог объяснить артистам, что получится, когда сцена завертится. Они узнали уже на последней репетиции в театре. Я не ошибся в своих планах и все вышло, когда завертелось.

Надеюсь на будущий сезон поставить целую серию новых балетов. Это все же интереснее, чем защищать от плагиаторов свое давнишнее творчество. Дирекция соглашается на несколько постановок с русскими художниками. Это опять будет праздник для меня.

В двух балетах главные роли играл Таля.[1]) Он удивительно

---

[1]) Сын М. М. Фокина.

танцевал в «Приключении арлекина». Весь балет построен на нем. Но прыгая из окна венецианского дома, он испортил себе ногу и потом по примеру папаши танцевал на одной ноге. У него еще на 6 недель контракт, так что он не едет с нами. Будучи в Буэнос Айресе я получил опять приглашение из Ленинградских Государстенных театров. Большой, большой соблазн поработать с русскими, побывать еще раз в Мариинском театре . . . но!

Перед отъездом из Нью-Йорка мы с Верой Петровной и ученицами снимались в «мувии». Она танцевала, а я говорил о разнице между Новым и Старым балетом. Говорил, сидя за столом. Надеюсь, что меня сократили, я очень себе не понравился. Быть может, Вы нас уже видели на экране? Мы еще себя не видели.

Примите от Веры Петровны и меня наши наилучшие пожелания. Крепко жму Вашу руку.

Ваш М. Фокин

Так как Вы ценитель моих литературных талантов, то посылаю Вам журнал с докладом моим о Павловой, который я читал в церкви.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

17 ноября 1931. Берлин. Милый Сергей Львович!

Не писал Вам давно, т. к. только третьего дня вернулся из Торино, где состоялась премьера «Цены жизни». Вернулся настоящим триумфатором. Успех был во всех отношениях ошеломляющий. Павлова молодцом приготовила спектакль. Интервьюеры дали блестящие статьи. Но спектакль превзошел все ожидания. Изумительное внимание. Принимание малейших исключительных или характерных деталей, подчинение моему искусству как гипнозу, великолепный прием сразу, после перваго акта, после второго, особенно интимного и сдержанного, всем залом экзальтация, а когда я появился овация, после третьего буря аплодисментов, потом венки, цветы, речи. По окончании бесконечные овации. После спектакля банкет. Пресса триумфальная. Пьеса идет каждый день с полными сборами. Потом поедет в Геную, Милан, Рим и т. д. пока старшим козырем репертуара Павловой. Она умоляет приехать в Милан и Рим. Кроме того поставить у нее еще и еще . . . Актеры у нее старой школы, но так самоотверженно отдались мне. Работали с такой прямо влюбленностью в меня и в пьесу, что удалось достичь в самом деле прекрасного спектакля.

Вот не хотели такого спектакля в Америке! Я теперь убежден 100 на 100, что в Америке такой спектакль имел бы громадный успех. Надо только **поверить** мне! Старая песня. И никаких «адаптаций». Итальянцы играют Демурина, Клавдию, Анну и не только современны, но после генеральной я даже снял все парики. Современные брюки, без грима . . . Такой же успех имело бы и «Воскресение». По-моему надо найти в Америке менеджера именно на эти **две** постановки со мной! Громадное дело, держу пари.

Итальянский климат изумительно повлиял на меня. Сильно думаю о переезде в Сан Ремо.

Конечно, если бы Вы были около меня, то помогли бы, как Вы выражаетесь «памятью» о последнем десятилетии (хотя я к нему не скоро подойду), помогли бы и как толкач и в освещении фигур.

Сейлеру я уже писал о том, как было бы хорошо, если бы Вы были переводчиком. Но думаю, что из этого и потому не выйдет ничего, если я уеду в Италию, что Вам надо быть в центре, в Берлине, в Париже . . .

Я сейчас очень настроен против Берлина. Я не раз говорил, что вот город, который никогда не дал мне ни пфеннига, а взял от меня все мои заработки. Но и это не все. Теперь это все рвачи, халтурные рвачи, об искусстве только болтающие, за душой ничего не имеющие или все растратившие из духовного; не имеют и матерьяльного, но чванно разыгрывающие из себя богачей. И автомобиль ему нужен, и жене меха нужны и вот все время пыжатся, а для удовлетворения нужд рвут клочьями, нагло, халтурно, где только можно урвать. Самые глубокие заветы искусства продадут за гроши, не моргнув глазом! То же и в опере. По всему театральному фронту. И вдруг мне противны стали и Курфюрстендам, и все эти сверкающие рекламы, и вся фанфаронада . . .

Ермольеву я не могу Вас рекомендовать. Два дня он со мной носился. Вот-вот из рук в руки аванс будет дан. Он должен был уехать в Париж, окончательно договориться и прислать мне контракт через два дня. Через неделю я запросил его телеграммой, нет ли недоразумения, что я не имею ответа и не знаю продолжать ли заниматься сценарием или бросить. Получил ответ, что письмо будет на-днях послано. И конец. Ни письма, ничего!

К Цельнику я вернувшись из Женевы еще и не заглянул. И по телефону не звонил. Его картина прошла, кажется, дня четыре, даже недели не дотянули . . .

Пансион великолепный. Хозяева ухаживают за мной чудесно. Живем как дома. Кормимся прекрасно. И так дешево в Берлине я никогда не жил.

Стоковский все это почерпнул только в «Северном ветре». Он видел это и один акт «Пиковой дамы». Напишите ему письмо, что он непременно должен начать новую Музыкальную сцену в Америке, но для этого пригласить меня в качестве содиректора. Я не шучу. Напишите . . . Умно, серьезно, убедительно . . .

Кланяйтесь Баклановой! Скажите, что я продолжаю считать ее самой талантливой актрисой МХАТ'а.

Павлова отличная актриса типа Ермоловой, а в жизни типа Савиной.

Искать Сесиль де Миля и не подумаю! Довольно я их искал! А Стоковского подбейте. Я напишу Ягоде о Мише,[1]) Вашем.

Я пробыл в Торино две с половиной недели.

Обнимаю Вас крепко Ваш В. Немирович Данченко.

---

[1]) М. Л. Бертенсон

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

28 ноября 1931. Уже полгода минуло со времени моей последней записи в дневнике. Настроение было настолько подавленным, что не хотелось записывать то, что я переживал и перечувствовал. Вся моя жизнь обратилась в непрерывную цепь неудач. Потеря всех сбережений, ссылка Миши и, наконец, 3-го октября потеря места. Все это далеко не располагает к веселому настроению, наоборот, дает большие основания впасть в полное уныние и отчаяние.

Во всяком случае, сейчас, начинается новая полоса моей жизни. Вчера вечером я уехал из Холливуда, сперва в Нью-Йорк, а затем, вероятно, в Европу, т. к. необходимо ловить Майльстона, который, по слухам, назначается директором в «Юнайтэд» и, будто бы, высказывал желание взять меня к себе. Я слишком хорошо изучил Холливуд, чтобы выяснять это письменно или тем более ожидать возвращения Майльстона. Делать это надо лично и немедленно. Кроме того, мне нужно возобновить мою визу, срок которой кончается. Перед отъездом я виделся со Скэнком и просил его содействия в том, чтобы он повлиял на Берлинского консула для выдачи мне визы. Скэнк хотя и обещал, но с таким кислым видом, что на его помощь надеждой себя не обольщаю. Нервы мои напряжены до предела. Если с Майльстоном ничего не выйдет и мне не удастся вернуться в Америку, я решительно не знаю что делать. В Россию мне возвращаться невозможно, в Европе же в настоящее время, рассчитывать не на что.

Уезжал я вчера с тяжелым чувством, невольно переживая те ощущения с какими я полный веселой бодрости въезжал в Холливуд три года и четыре месяца тому назад. Сколько было тогда надежд... и с каким разочарованием я уезжаю. Сел я в поезд до того измученный физически и нравственно, что почти тотчас же после обеда лег спать. И в первый раз в жизни я прекрасно спал в поезде, даже лучше, чем дома, не чувствуя обычных неудобств вагона. Было тихо, покойно и уютно. И сегодня утром я встал освеженный и успокоенный. В окна глядят занесенные снегом степи и леса Аризоны, немного напоминающие Россию. Весь путь через Новую Мексику был густо засыпан снегом и морозило. Безбрежные степи, окаймленные кирпично красными горами, производят унылое и тоскливое впечатление. Время тянется бесконечно долго.

30 ноября 1931. Вчера после полудня снег стал уже исчезать и пейзаж превращаться в осенний. В половине десятого приехали в Чикаго. Обычный переезд на другой вокзал. После обилия растительности Холливуда и «загородной» там обстановки Чикаго подавил меня, и я задумался о том каково будет жить без дачной простоты Калифорнии. Ведь обаяние Калифорнии — это беспрестанная близость к природе. Живя там, этого как будто не замечаешь, а как только попадаешь в большой город, как Нью-Йорк или Чикаго, сразу становится душно.

В новом поезде такая же скука, как и в старом.

1 декабря 1931. В 9 часов утра приехали в Нью-Йорк. Суета, шум, толкотня, бесконечно медленное движение такси с постоянными задержками на углах . . .

Поехал прямо к Зилоти. Александр Ильич мало постарел, только похудел сильно и немного осунулся. Съездил к Сейлеру и Шумлину. Сейлер посвятил меня во все подробности дела с книгами Владимира Ивановича . . . Сейчас контракт есть только на его мемуары и до тех пор, пока он не пришлет первой главы и содержания всей книги, нельзя и думать больше об авансах и о возможности продажи прав в журналы.

Шумлин был страшно мил и предложил мне места на «Гранд отель», который закрывается через неделю и переезжает в Чикаго. Пьеса могла бы идти еще очень долго, но скоро выйдет фильм, который убьет интерес к пьесе, а потому надо торопиться ее показывать.

В 4 часа поехал к Норме,[1]) которая была бесконечно мила и послала, по моей просьбе, телеграмму Скэнку, прося поддержать мое ходатайство о визе. Норма говорит, что превесело проводит время и в Холливуд поедет лишь к Рождеству.

Вернувшись в отель, я получил телеграмму о том, что Майльстон, будто бы, выехал уже в Европу. Рекомендуется мне проверить это. Я позвонил в несколько мест, разослал телеграммы, в том числе и самому Майльстону в Париж, на адрес Юнайтэд. Спрашиваю как мне быть, выезжать ли в Европу или выжидать здесь? Договорился с пароходством о возможности перемены билета.

Вечером смотрел «Гранд отель». Леонтович не играла. Ее заменяла какая-то неведомая дублерша. Спектакль мне совершенно не понравился. По-моему все плохо, все смехотворно провинциально, за исключением недурно схваченного быстрого темпа начала, в коротких телефонных разговорах. Очень сожалею, что этот спектакль—работа Шумлина, который сам мне бесконечно приятен и симпатичен. Он сказал мне вчера, что новой пьесы он так и не нашел, и пока будушие планы его неопределенны.

2 декабря 1931. С утра пошел к Сейлеру, а затем в оффис Юнайтэд. О будущем Студии там тоже ничего ясного не знают. О Майльстоне оффис запросил телеграммой, но ответ не получен. Значит надо ждать и ждать.

Погода ясная, солнечная и резкий ветер. Настроение в городе подавленное. Масса безработных. На улицах часто люди подходят и просят милостыню . . . Страшно. Получил ответ из Холливуда о том, что Майльстон раньше Рождества туда не ожидается. Я решил подождать до 5-го и отправиться «Бременом» в Европу.

3 декабря 1931. От Майльстона телеграммы нет. Позвонил Фокину. Тот очень обрадовался и просил меня приехать сейчас же. Вера Петровна оказалась больна, и мы беседовали одни. Он с энтузиазмом рассказывал мне про свои спектакли в Буэнос-

---

[1]) **Толмэдж.**

Айресе. Показал мне письма полученные из Петербурга от Директора Государственных театров и от Вагановой.[1]) Его зовут руководить балетом и предлагают все, что он захочет. Конечно, для Михаила Михаиловича это большой соблазн, и ему хотелось бы работать в родном ему театре, но... вряд ли кто-нибудь сможет уговорить его поехать в теперешнюю Россию. Он боится ее.

Весь вечер тихо и приятно провел у Зилоти. Сидел и слушал как он играл упражнения. После обеда мы с ним немного гуляли по Бродвею.

4 декабря 1931. Вечер провел у Саниных.[2]) Александр Акимович мало изменился, лишь только поседел и больше сгорбился.

Но так же полон темперамента, энергии, интереса к жизни и к искусству. Про Метрополитэн говорит с большим энтузиазмом, уверяя, что ему удастся пробить брешь косности этого учреждения. Контракт у него на четыре года, по 25 недель в каждом году. Пока что он должен поставить 4 итальянских оперы, все старье и хлам и подчистить 12 чужих постановок. А в будущем году он рассчитывает протащить уже или «Салтана» или «Китеж». Наш разговор вертелся главным образом вокруг воспоминаний о Художественном, Малом и Александринском театрах, причем говорил почти исключительно он. Рассказывает он попрежнему «вкусно» и сочно, по актерски и по свойственному ему обычаю немножко «раскрашивает». Я с наслаждением его слушал и с неохотою ушел около двух часов ночи.

5 декабря 1931. Утром получил телеграмму от Майльстона из Рима, извещающую, что адрес его—Отель Крийон в Париже, и что выедет он из Европы либо 17-го, либо 27 декабря. Таким образом я решил ехать сразу же в Париж, а не в Берлин. Сообщил Майльстону, что 12-го я буду в Париже специально для того, чтоб его видеть.

Днем ходил к Фокиным проститься. Сегодня Михаил Михайлович получил длинное новое письмо от Гончарова и адрес, подписанный почти всей труппой, с мольбами вернуться в Мариинский театр. Я попробовал было заикнуться о том, что может быть ему следовало бы вернуться, но он говорит, что боится всего: не арестуют ли его, не придется ли ему стоять в очередях за хлебом и т. д.

На пароход отправился рано. Он меня сильно разочаровал, и сравнения нет с теми, на которых мне приходилось ездить раньше.

10 декабря 1931. Обычное пароходное времяпрепровождение. Еда отличная, обслуживание и прислуга тоже. Стараются всячески развлекать пассажиров. То кино—невероятно старая картина с Гретой Гарбо, то какие-то скачки с игрушечными лошадьми, то «бок-бир фэст», выражавшийся в том, что все в бумажных дурацких колпаках пили пиво. К сожалению, нет абсолютно инте-

---

[1]) Балетмейстер Мариинского балета.

[2]) Александр Акимович Санин, быв. режиссер Художественного и Александринского Театров.

ресных пассажиров, с которыми приятно было бы провести время. Заметил двоих молодых людей с советскими паспортами. Трудно определить, кто они такие. Стараюсь держаться от них подальше.

Получил телеграмму из Холливуда о том, что Майльстон в Париже и уезжает оттуда 17-го декабря.

Ни разу не помню такого нудного парохода. Время тянется бесконечно долго. А вместе с тем я еще ни разу не плавал на таком быстроходном пароходе. Вывешено объявление, что завтра в половине шестого мы приходим в Шербург. Значит завтра днем я смогу быть в Париже.

11 декабря 1931. Около 7 часов стали спускать на маленький пароходик, который должен был нас доставить в Шербург. Картина была очень живописная: темное небо, чуть пробивающиеся лучи рассвета, прожектора с «Бремена», вся колоссальная громада парохода, иллюминаторы которого светились как тысячи глаз, рев гудков, гортанная и быстрая речь французов, бесконечная суетня и толкотня... На берегу сумятица и беспорядок с выгрузкой и досмотром багажа, типичные для французов. После полуторачасовой неразберихи мы, наконец, садимся в специальный поезд Норд-Дейтшер Ллойд. Я успеваю послать Милли (Майльстону) телеграмму о своем прибытии и что буду у него около пяти часов.

Проезжаем живописные пейзажи Нормандии. У меня, как и при всяком возвращении в Европу, такое ощущение ласки к старому свету, что земля кажется своею, родной... Около трех часов приезжаем в Париж. Меня встречает Саша Зилоти и отвозит в нанятую для меня комнату в «Гранд Отель де Нис», а помоему полупритон, на Монмартре. После Америки поражает убогость комнаты и неопрятность. Переодевшись, немедленно лечу в Отель Крийон к Майльстону. Там мне спокойно сообщают, что его еще нет в Париже. Я звоню в Юнайтэд и узнаю, что он в Сан Морице, откуда вернется накануне отъезда в Америку. В полном отчаянии я посылаю телеграмму в Сан Мориц и в состоянии совершенной подавленности возвращаюсь в свой неуютный номер. Вдруг минут через пять звонок по телефону, у аппарата сам Милли. Оказывается он преспокойно в Париже, только в другом отеле и, зная о дне моего приезда, сам разыскал меня. Предложил тотчас же приехать к нему. Радости моей нет границ. Встретил он меня очень ласково. Сказал, что действительно назначен главным директором в Юнайтэд и предлагает мне работать с ним. Говорил о своих планах работы не со «старами», а просто делая хорошие картины, для которых будем искать подходящих артистов. Соединяет меня по телефону с Туржанским и Федей Шаляпиным,[1]) которые оба хотели меня видеть. Федю я пригласил к себе на следующее утро, а с Туржанским условились вместе идти обедать. Милли крикнул ему в телефон: «Надо же покормить Бертенсона». Втроем мы отправились в русский ресторан «Московский Эрмитаж». Там—водка, икра, отличные закуски, пение

---

[1]) Федор Федорович, сын Федора Ивановича.

Вертинского, который потом присоединяется к нам, и мы сидим до четырех утра.

16 декабря 1931. Начал хлопоты о визе. Оказалось, что я ее должен получать в Берлине. Все время провожу с Милли... и большей частью по ресторанам. Опять обед в Эрмитаже, и с нами Федя Шаляпин, затем вечером в «Казанова», где к нам присоединяется Мозжухин с женою. На другой день ужин до утра в «Доме артиста», который держит Муратов.[1]) Сам он из Кишенева, так же как и Майльстон, в связи с чем вечер превращается в чествование Милли. Там же жена Муратова-Маршева, Юрий Морфесси, Павел Троицкий... Я возвращаюсь домой в пятом часу утра в ужасе от подобного образа жизни.

Париж по прежнему прекрасен, даже лучше, потому что его красоты, как фонтаны на Плас де ла Конкорд, фасад Мадлэн, Отель Крийон и др. освещены прожекторами. Гулял несколько раз с Милли по Шанз Элизэ и по бульварам. Раз долго просидели с ним в каком-то кафэ, пили портвейн, и я много рассказывал ему про Императорские театры, про мою прошлую работу в России, про театральных деятелей, с которыми мне приходилось встречаться. Все это Милли слушал с большим интересом... Федя Шаляпин рассказал мне, что ему удалось организовать кино-общество в Англии, которое будет делать картину с его отцом. Первая съемка должна скоро начаться. Сценарий написан Чарли Чаплиным. По словам Феди сценарий плох и банален, и это очень волнует Федора Ивановича. Сейчас Федор Иванович поет в Опера Комик «Цирюльника» и «Дон-Кихота» и имеет большой успех.

17 декабря 1931. Рано утром поехал на вокзал провожать Милли, который уезжает в Америку. На вокзале встретился с Фербенксом, который спросил меня: — «Ну, а когда же Вы обратно?» Я ответил, что как только получу визу. Он немедленно же предложил мне свою помощь и просил в случае затруднений телеграфировать ему, и он обратится за содействием к сенатору Бора. Я прекрасно знаю, что все это одни слова, правда, всегда продиктованные добрым его желанием.

Завтракал у Шаляпиных. Сам Федор Иванович, по случаю вечернего спектакля, целый день лежал и ему носили еду в спальню. Познакомился с Марией Валентиновной, которая мне очень понравилась: умна, проста и с чувством юмора. Дом у них чудесный. Отличные вещи, старинные картины, фарфор, бронза. Все устроено с большим вкусом. В витрине с ценными вещами хранятся часы с бриллиантовым орлом—царский подарок. После завтрака Федя провел меня к отцу. Федор Иванович лежал в постели как громадный величественный лев. Именно это сравнение мне пришло в голову. Голова его сильно поседела, но в общем он очень мало изменился. На нем была шелковая рубашка, вышитая цветным русским рисунком. Он не признает пижам и всегда спит в таких рубашках. Федор Иванович меня сразу узнал.

---

[1]) Известный русский артист.

Вспомнил моего отца и первый свой визит к нему, и как после пил у нас чай и рассказывал про свое увлечение «Моцартом и Сальери».

Я сказал, что мечтаю о том, чтобы он сделал с Майльстоном фильм «Тарас Бульба» или что-либо другое, что больше по сердцу Федору Ивановичу. Он ответил, что ему очень хочется сыграть на экране роль Мефистофеля, создав сценический образ по Гете и по опере Бойто. Рассказал, как ему представляется мистика этого образа, ужас Гретхен перед ним, когда в момент молитвы она вдруг вместо иконы видит лицо Фауста и чувствует, что это наваждение дьявола. А Мефистофель при этом все время стоит за нею. Музыка, по его мнению, должна быть так же таинственна как в «Коппелии», когда Франц попадает в дом Коппелиуса, в страхе осматривается, видит фигуры людей и убеждается, что это только куклы. Он говорит, что с ранних лет у него осталось мистическое впечатление от этой музыки. Он ее немного напел и... у меня мурашки пошли по спине. С обычным своим юмором говорил о том, что дешево сниматься он не может, т. к. сильно рискует провалиться и пусть тогда хоть деньги останутся от такого позора.

Сейчас журналист Литовцев (Поляков) пишет с его слов его «духовную биографию», т. е. книгу, в которой рассказываются факты не внешней жизни Шаляпина, а его мысли об искусстве, его взгляды на творчество актера и режиссера, его критика, его теории и пр. Федор Иванович страшно увлечен этой работой и в восторге от Литовцева, считая, что тот идеально излагает его мысли. Разговор с Федором Ивановичем был так интересен, что я бувально заставил себя уйти, памятуя об его сегодняшнем выступлении.

Остаток своего пребывания в Париже, я почти весь провел с Туржанскими, с ними и обедал и ужинал... Вообще от Парижа у меня на этот раз остались впечатления главным образом «обжорные». Какой-то сплошной ресторан или кафе.

19 декабря 1931. Ехал я в Берлин в международном вагоне, идущем до Русской границы и, когда я подошел к вагону и увидел надпись «Столбцы», мне стало жутко. Какое счастье, что я могу вылезти из этого вагона в Берлине.

День в поезде тянулся томительно длинно. По дороге появились зимние пейзажи, и чем ближе к Берлину, тем более холодно. В 6.10 прибыли на Фридрихштрассе, и я прямо попал в объятия Миши Немировича, который приехал меня встречать. Поехали в пансион «Баеришер Плац», где мне была приготовлена комната, и где Немировичи ждали меня с ужином. Наша встреча была очень радостной. Владимир Иванович ничуть не изменился и лишь немного больше побелел. Все такой же бодрый, моложавый, элегантный, веселый. После ужина мы с Мишей съездили на вокзал за моим багажом, а затем в двенадцатом часу ночи с Владимиром Ивановичем зашли в соседнее кафе поболтать и выпить пива.

20 декабря 1931. Весь день мы беседовали с Владимиром Ивановичем. Он много рассказывал про Москву, о том что жизнь там

становится с каждым днем все тяжелее. В театральной жизни, однако, началось некоторое поправение. Краснаго директора Гейтца убрали из Художественного театра, главным образом благодаря настойчивости Константина Сергеевича. Сам Владимир Иванович большую часть года проболел и провел дома. Все тяготы существования в советской России, постоянная борьба, весь уклад жизни, все это ему страшно надоело и потому, если удастся работать за границей, в Москву он не поедет, чтобы остаток жизни прожить в спокойствии.

Полное содержание своей книги и одну главу, посвященную Горькому, он написал и уже послал этот матерьял Сейлеру. Я прочел и боюсь, что все это для американцев, может быть, суховато, вернее чересчур глубоко. Кроме того, слишком мало внешних событий, слишком мало о себе самом в связи с Художественным театром. Он старается быть скромным и меньше говорить о себе.

Во Владимире Ивановиче меня поразила необыкновенная терпимость к чужому мнению и к недостаткам. Очевидно он дошел уже до такой степени жизненной мудрости и понимания, когда всему можно найти известное объяснение и оправдание.

23 декабря 1931. Все эти дни хлопочу о визе. Волокита это порядочная, и я провожу в консульстве массу времени: целый ряд допросов, фотографирование, медицинское освидетельствование, новые засвидетельствованные копии с различных документов... Но все же у меня такое чуство, что дело мое уладится. Вопрос теперь только в том, чтобы получить из Гельсингфорса ответ о том, что имеется свободный квотный номер по Финляндии (т. к. я родился в Териоках).

24 декабря 1931. В городе сильно чувствуется ожидание праздника. Суета, но очень все «гемютлих».[1]) Мне, по крайней мере, все это страшно нравится и напоминает свое, родное. Заходил в консульство узнать нет ли ответа из Гельсингфорса, но, конечно, его еще нет и не будет в течение трех праздничных дней.

В 7 часов у нас зажигается елка и всем нам хозяйка делает маленькие подарки. Мы в свою очередь одариваем ее. Затем идем на елку к Леонидовым. Но сам он в отъезде, и потому в доме нет того оживления, какое бывает при нем.

27 декабря 1931. Утром иду в консульство, где мне сообщают, что финская квота для меня получена. Через час я заканчиваю все формальности и ухожу с визой в кармане. Сразу же отправляюсь в пароходство и заказываю себе билет на 14-е января, телеграфирую Майльстону, еду заказывать себе платье (нахожу того же портного, который работал на меня еще в 1927 году), покупаю бутылку шампанского и торжественно являюсь домой к обеду. Немировичи страшно радуются за меня.

31 декабря 1931. Время проходит быстро, приятно и разнообразно. Слушал в Городской опере «Проданную невесту». Все идет по

---

[1]) уютно (нем.).

старинке, но чисто, музыкально и с отличными солистами. Хор и оркестр безукоризненны. «Сказки Гофмана», — новейшая постановка Рейнгардта, меня не удовлетворили. Спектакль нарядный, и что называется «большой», но все очень старомодно и не чувствуется режиссерская рука Рейнгардта. Но несмотря на все недочеты, как приятно все-таки провести вечер в настоящем театре и на настоящем спектакле.

Мое приятное настроение омрачено письмом от сестры с выдержками из Мишиного письма. Берет отчаяние, когда читаешь это. Пишу Ольге Леонардовне,[1]) прося ее попытаться найти способ, чтобы вытащить Мишу хотя бы в Иркутск, где климат лучше. Проводил Владимира Ивановича в Рим на премьеру его «Цены жизни». Он рассчитывает вернуться числа 9-го января.

Новый Год встречал с Екатериной Николаевной и Мишей у друзей (Коганов). Там никого кроме нас не было. Принимали нас совсем по-русски, хлебосольно и непринужденно. Приятно просидели до половины третьего, после чего Миша еще пошел бродить по городу смотреть, как веселится Берлин.

1 января 1932. По поручению Майльстона ездил сегодня повидать Анну Стэн и выяснить желательность приглашения ее в Холливуд. Живет она в Груневальде, в прекрасном особняке, со своим мужем. Она очень молода, красива, но не той значительной русской красотой, которую я ожидал увидеть. По-английски она не говорит совсем и только что начала учиться. Говорит, что с удовольствием бы поехала в Холливуд, но не на долгое время. Говорит, что завалена предложениями. А мне говорили как раз обратное, и то что здесь она не нравится. Впрочем, сведения эти из кино кругов, а потому я им не особенно верю. Врут из зависти. Провел с ней полчаса и просил прислать мне побольше ее фотографий.

3 января 1932. Ездил к Леонидову, который вернулся домой совершенно больной. Повидимому у него запущенный грипп.

Ходил знакомиться с Набоковым (Сириным). Сказал о желании Майльстона привлечь его к писанию сценариев для Холливуда (вернее «стори», которые могут быть переработаны в сценарии). Он очень этим загорелся. Сказал, что буквально обожает кино и с увлечением смотрит фильмы. Дал мне рукопись своего нового романа «Камера обскура», который печатается одновременно по-русски в «Современных записках» и по-немецки отдельной книгой.

7 января 1932. Прочел «Камера обскура» Набокова. Вряд ли это пригодно для американского фильма. Чересчур эротично и нет ни одного положительного лица. Герой, что называется, «мокрая курица», а героиню, чтобы возвести ее в центр фильма, надо сделать хотя бы и отрицательной, но более значительной.

---

[1]) О. Л. Книппер-Чехова.

Сегодня завтракал у Набоковых и расстался с ним на том, что он пришлет мне пересказы тех своих вещей, которые он считает пригодными для кино.

8 января 1932. За эти дни побывал в нескольких театрах и кино.

Самое прекрасное впечатление произвел на меня фильм «Уфы», поставленный режиссером Эриком Шаррель, «Конгресс танцует». Если откинуть тот вздор, что в центре фильма поставлен Александр Первый в виде опереточного героя, то все остальное чудесно. Это образец того, как надо показывать на экране оперетку в грандиозном масштабе. Все музыкально, все ритмично, все вкусно и забавно. Превосходно использована музыка Штрауса, и вся она оправдана, а не просто пристегнута к картине. Костюмы и декорации—все богато, все похоже на подлинное. Ужинал в знаменитом кафе «Фатерланд». Я впервые попал в это поистине грандиозное учреждение Кемпинского. Под одной крышей в одном кафе соединены уголки Рейнланда, Вены, Баварии, Италии, Турции, Америки, Китая. Все обставлено реалистично для создания атмосферы подлинности. Например, Рейнланд и старая Вена дают действительно настоящую иллюзию. Рестораны устроены на фоне громадного горизонта и декорации-панорамы. Видны виноградники, Рейн, по которому двигаются пароходы, меняется освещение, меняется и погода. Вдруг темнеет, набегают тучи, молния, гром, ливень, Рейн темнеет. Потом постепенно выходит солнце. Конечно, все это дешевка, но нельзя отказать в большой искусности... На немецких провинциалов это действует ошеломляюще, и кафе всегда полно. Публика непринужденно веселится и, сидя тут, трудно поверить, что Германия переживает тяжелый кризис. Вообще на улицах ни в чем плохие времена не приметны. Одеты все хорошо, лавки завалены товарами, кафе и рестораны битком набиты. Правда поражает количество нищих, чего раньше не замечалось.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Рим, 9 января 1932. Милый Сергей Львович! Вот как вышло! Человек предполагает, а кто то другой располагает! Можно ли было когда-нибудь подумать, что невиннейшая пьеса «Цена жизни» -оптимистическая, будет запрещена самим министром! Как защищающая самоубийство!! До отъезда Вашего Вы уже будете знать результаты. А пока досадный результат, что я не увижусь с Вами. Прошу Вас вот о чем:

1. Оставить у меня письмецо по-английски на имя Геста о том, что я освобождаю его от занятий моими делами... или от полномочий, которые я ему давал по сей срок. Я подпишу и вышлю.

2. Сейлеру скажите, что я даже в Риме занимался часа по два с лишком. Я не знаю, конечно, еще его впечатлений о моем послании. Буду посылать ему теперь большими кусками.

И наконец, я буду очень добиваться постановки «Машиналь».

Не помню, писал ли я, что как только я очутился в гетто и около паллацев, так во мне все и всколыхнулось, что выковано,

когда я писал тот сценарий, помните? Действие в Риме. Папа и евреи... По моему всякий режиссер, раз попавши в эту обстановку, захочет ставить подобную вещь. И я почти надумал убрать религиозную часть, а сделать эту драму по другим поводам — исключительно любовным. Это я Вам пришлю. Постараюсь посылать Вам сжато, что найду подходящим.

Дудите Майльстону обо мне!!

Рим держит меня в непрерывном возбуждении! Своим воздухом искусства. Впрочем, и буквально своим воздухом.

Обнимаю Вас крепко

ВНД

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

9 января 1932. Москва. Как Вы близко дорогой Сережа!

Я так ждала Вашего письма, думала, что Вы меня уже вычеркнули из своей жизни. Я сейчас очень занята, бегаю на Всесоюзный съезд Всерабиса, куда меня выбрали делегатом вместе с Ив. Мих.[1]) Но хочется хоть немногими строками перекинуться с Вами.

На днях посылаю письмо Вашей матери, чтоб она написала заявление куда следует, приложила бы свидетельство врача и прислала бы мне, я также подпишусь и направлю бумаги к Ек. П.[2]) Я сама была у нее, и она посоветовала сделать так. Летнее наше ходатайство ни к чему не привело.

У нас все пока ладно. Лева[3]) сильно занят. Сдал свою оперу на сюжет Федина «Города и годы» в Мариинский, пишет балет для Михайловского и туда же дает свою Таджикскую оперу. Люба[4]) сильно занята службой и проектами, так что Андрей довольно мало знаком с мамашей, очень тяготеет ко мне. Он сдобный вкусный веселый мальчик, имеет уже шесть зубов; нянька хорошая.

Сейчас у нас идут 5 Бетховенских концертов с Фридом. Вчера я была с Николаем Дмитриевичем,[5]) слушали 4 и 6-ю симфонии.

У нас идет «Страх» с большим успехом, особенно для Леонидова — он великолепен. Я не играю пока: К. С.[6]) посоветовал мне пропустить всю премьерную шумиху, т. к. что простится Соколовской, то не простится мне. У нее готовый типаж, а мне все надо «делать». Было неприятно это переживать, но... может так лучше. Роль специфическая. Обидно, что мне не дали ни одной генеральной, я ведь всегда нахожу себя на генеральных. Владимир Иванович так бы не поступил. Хочу ему все написать, да мыслей не соберу.

---

[1]) И. М. Москвин

[2]) Екатерина Павловна Султанова, писательница, сотрудник Госиздата.

[3]) Л .К. Книппер

[4]) Жена Л. К. Книппера.

[5]) Н. Д. Волков.

[6]) К. С. Станиславский.

Сережа, я решила издавать переписку нашу с Антоном Павловичем. Как Вы на это посмотрите?

Мне очень хочется прокатиться в Америку, составить хорошую лекцию о Чехове и поездить—очень я засиделась. Мечтаем с Николаем Дмитриевичем. Что Вы на это скажете? Напишите к кому бы обратиться по этому делу—к Гесту или нет? Все наши шлют Вам сердечный привет. Я Вас обнимаю, помню, люблю и знаю как Вам трудно сейчас.

Ваша О. Книппер-Чехова

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

10 января 1932. Получил письмо из Ревеля от сестры, в котором она сообщает мне радостное известие о том, что ходатайство Мишиной службы увенчалось успехом, его возвращают в Петербург и даже дают место в Морской Академии. Боюсь всему этому верить, т. к. хорошо знаю, как там исполняются обещания. Телеграфировал Немировичу, прося его сделать распоряжение о высылке денег Мише на дорогу.

От Владимира Ивановича получил телеграмму о том, что «Цена жизни» запрещена цензурой во всей Италии. Вот сюрприз! Владимир Иванович поэтому задержится в Риме, чтобы добиться снятия запрета и вернется в Германию, когда я буду уже отплывать от Бремена. Как грустно, что мы с ним больше не встретимся. Не напрасно я все уговаривал его специально поговорить со мной об его темах для кино, на что он всегда отвечал: «Успеем еще». И вот в результате, не успели. Вечер провел с Леонидовым и Шаровым. Последний рассказывал много интересного про свои работы в Дюссельдорфе, где он провел три года в качестве главного режиссера. Одной из самых удачных постановок был «Ревизор», которого он ставил с Добужинским.

13 января 1932. С утра до пяти часов вечера носился по городу как угорелый, заканчивая последние дела и прощаясь с друзьями. Рад был, что смог повидаться с Олей Чеховой, которая только сегодня вернулась из Праги после гастролей. Она мила как всегда. На вокзал приехал проводить меня Цельник, с которым я виделся всего лишь два раза, т. к. он все время был в разъездах. Привез мне на дорогу бутылку коньяку. В 6.10 поезд отошел. С Берлином расстался я с большой грустью. Этот приезд принес мне только радости, и я отдохнул здесь душой.

В 12 часов приехал в Бремен. Выйдя с вокзала на площадь, я живо вспомнил последнее свое пребывание здесь, отъезд Музыкальной студии в 1925 году в Америку, гастроли Студии в Городской опере . . .

Переночевал в старинной гостиннице «Норддейтшес Хаус» и в 7 час. утра, специальным поездом Ллойда, выехал в Бремерхафен. Поезд подошел почти к самому пароходу «Берлин», с которого нас встречали звуками приветственного марша. После громады «Бремена», «Берлин» показался очень маленьким, но очень изящный и уютный.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Берлин, 15 января 1932. Милый Сергей Львович! Надо ли распространяться, как мне самому досадно, что мы разъехались!

Радуюсь за Вас во всех отношениях. Верьте, что этот высокосный год вознаградит Вас за все Ваши плохие переживания прошлого.

Мою «Цену жизни» Муссолини разрешил, но **не в Риме** и с купюрами. До сих пор не знаю, в чем дело.

По поводу «Машиналь» Бокшанская пишет подробно о больших шансах ее. Сахновскому очень нравится, на Малой сцене сейчас нечего ставить, и у Соколовой нет роли . . .

Весь Ваш Вл. Немирович-Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

16 января 1932. Ночью, как только мы вышли из канала, началась качка, которая к утру приняла сильные размеры. Качка килевая. Волны по виду очень большие, ветер тоже сильный. Постепенно он все усиливался. Иногда, в то время когда пароход поднимало на волну, под него подбегала другая волна и тогда нас сотрясало так, что можно было подумать, что мы налетели на камни. В моей каюте трещит настолько сильно, что ночью я, то и дело, просыпаюсь и думаю, что произошло несчастье. Самочувствие неуютное.

18 января 1932. Пятый день плаванья, а нас все еще сопровождают чайки . . . Сегодня ветер стал постепенно утихать и буря успокаиваться. Днем несколько часов чудесно сияло солнце, и я, лежа в кресле на верхней терасе, любовался замечательной картиной сине-зеленого океана, пенящегося волнами.

Вчера вечером показывали фильмы, в том числе немецкий вариант «Карамазовых» с Кортнером[1]) в роли Мити и Анной Стэн в роли Грушеньки. Разумеется от «Карамазовых» тут остались рожки да ножки. Простая уголовная пьеса, притом сделанная скучно и непонятно русским режиссером Оцупом. Игра Стэн совершенно беспомощна.

19 января 1932. С утра погода была недурная, порой проглядывало солнце, но с полудня подул ветер и к четырем часам разыгралась форменная буря. Что-то случилось с одной из спасательных лодок, нужно было работать над нею и потому машину нашу застопорили минут на двадцать. От этой неожиданной остановки стало вдруг на мгновение довольно неприятно: кругом ревет и шумит океан, а мы стоим на месте и только раскачиваемся во всю мочь . . .

Показывали старый фильм Греты Гарбо «Дикие орхидеи». Я видел эту вещь года три назад. И тогда уже мне показалось глупо, а сейчас просто невыносимо смотреть подобный вздор. За эти прошедшие годы фильмы все же ушли немного вперед в смысле

---

[1]) Фриц Кортнер — немецкий актер и режиссер

уклона в сторону здравого смысла, логики и жизненной правды. Дочитываю новые книги, присланные мне немецкими издательствами. Крупного нет ничего. Есть одна две неплохие вещи, но для наших целей совершенно не подходящие.

24 января 1932. Сегодня мы заканчиваем наше плавание, длившееся десять дней. Итак, я снова подплываю к Америке. Одиннадцатое мое плавание прошло так же благополучно, как и все предыдущие. Около девяти часов высадился в Нью-Йорке. Заехал ненадолго в отель, откуда сразу же отправился к Зилоти.

31 января 1932. Майльстон оказался в Нью-Йорке. Он занят работой над своей первой картиной «Дождь» и пробудет здесь неопределенное время, готовя скрипт. Меня он также оставил в Нью-Йорке и надавал мне разных книг для прочтения и рассмотрения.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Берлин, 3 февраля 1932. Милый Сергей Львович!

Вы застряли в Нью-Йорке?

Матерьял Вам выслан. Очень прошу принять во внимание следующее:

1. Авторские придется платить. То есть надо на этом пункте столковаться. Делать новую редакцию я мог бы, но мне неудобно будет перед Раскольниковым.

2. При постановке за границей, я сделаю Нехлюдова не с такой развязкой. «Воскресение» коснется и его. (Когда я рассказывал Рейнгардту, у меня мелькнула мысль кончить Нехлюдова концом из «Свет во тьме светит». Там герой кончает молитвой, смысл которой такой: «Сам я не знаю как быть теперь. Помоги мне найти как.»

3. Посылаю фотографии музейные. Если не понадобятся, т. е. если дело не сладится, пусть мне вернут их.

4. Булгаков мог бы сильно подготовить мне почву для репетиций (конечно, говорю так в случае если продюсер рассчитывает выписать меня). И не только подготовить, но и потом со мною, что называется в четыре руки, репетировать. Это очень ускорит работу. Пока я буду заниматься с одним, он, после работы со мной, с другими. Ну, Вы понимаете.

5. Сократить надо во всяком случае на 1/4. Я знаю уж как. Если вопрос будет решен, то это будет сделано очень быстро. Надо меньше народа. Актеры должны играть по две по три роли.

6. Я сговаривался с нашим московским художником давно, еще когда Булгаков затевал ставить. Он (Дмитриев) имеет план постановки для маленькой американской площадки, портативной. Возьмет не дорого. Если у нас дело наладится, я у него немедленно выпишу. **Надо ставить на сенсационный** успех.

Убедите их, что надо поставить и «Воскресенье», и «Цену жизни». Я выслал Сейлеру русский текст «Цены жизни». **Самый правильный.** Я писал Лилиан Гиш, может быть она заинтересуется? Письмо ей я послал через Сейлера, потому что, по изве-

стному мне адресу, она моих писем не получала. Милый Сергей Львович, может быть Вы обратите и на это внимание.

Посылаю Вам немецкое (театральное) издание «Цены жизни». Как бы это оградить мои права? Не возьмется ли агентировать Сейлер?

Сейлер мне ничего не пишет. Я ему послал конец «Горького». По-моему интерес должен быть огромный.

Письма наши к Вам все отправлялись в Холливуд. Кстати и рапортички о «Женитьбе Фигаро». Очень болен (теперь лучше) Качалов и болеет (зубы) Книппер, поэтому вместо «Воскресения» и «Дядюшкиного сна» ставится все время «Женитьба Фигаро». Сборы доходят до 6700 р.

«Сорочинская ярмарка» имела очень большой успех и артистический и матерьяльный и газетный.

Я пишу, пишу. Все время с удовольствием.

Обнимаю Вас

Привет от всех. В. Немирович Данченко

Берлин 6 февраля 1932. Милый Сергей Львович!

Писал я Вам, что «Сорочинская ярмарка» имела большой успех? Теперь там очередное выселение Музыкального театра из помещения куда-нибудь опять в Коляевский дом! Опять я писал длинные реляции. Опять наши бранят Константина Сергеевича. На днях я вышлю Сейлеру еще целый отдел из книги, самостоятельный. Я нигде не бываю, даже в кафе. Ек. Ник. и Миша ходят в кино. Миша переписывает! То, что отправлено Сейлеру, все переписано им! Ура!

Обнимаю Вас. Наши шлют Вам самый сердечный привет

В. Немирович Данченко

7 февраля. Милый Сергей Львович!

Сейчас получил письмо от Сейлера. Я бы хотел, чтоб Вы ему сказали, а то пока я напишу!

1. Я ведь и сам не собирался писать о себе много, т. е. о своей юности. Это они меня сбили, все время называя книгу «автобиографией». То что они пишут **совершенно** совпадает с моими желаниями. Даже то, что надо мне писать, не очень стесняясь тем, что Станиславский это уже упоминал в своей книге.

2. На-днях я ему посылаю «Молодость Художественнаго театра». Первая поездка за границу.

3. Я вообще думаю, что лучше всего посылать вот такими «отделами». Потом их соединить легко, раз я пишу по хорошо разработанному плану. Зато Сейлер может их печатать самостоятельно.

4. О Станиславском специального отдела, конечно, не может быть, но о нем будет все время говориться почти непрерывно.

Чем больше я пишу, тем больше верю в очень сильный интерес книги. Особенно там, где **я пишу с сегодняшней** точки зрения.

Вот дорогой Сергей Львович! Будьте здоровы, счастливы!

Ваш В. Немирович — Данченко

О Вас здесь вспоминают без конца, ежедневно!

Берлин, 27 февреля 1932. Милый Сергей Львович!

Получил одно за другим Ваши два письма из Нью-Йорка. Спасибо за высылку 200 долларов. (Пока их нет, жду)

Скоро я начну высылать порции «Чехов», их будет, может быть, три. Я уже набросал, начал писать (а Миша переписывает на машинке).

Сейлер сердился на меня, что я уехал в Италию! Если бы не «Цена жизни», от которой я все таки получил более 1000 долларов, да не Ваша поддержка, как бы я дотянул до настоящего времени?

«Цена жизни» должна дать мне еще. Я взял в Риме аванс (около 350 дол.), но с тех пор сыграли, после разрешения в Риме, всего два раза. (Павлова пишет: сбор битковой, успех огромный), но это спектакли общедоступные. Потом во Флоренции, очевидно, два раза с **великолепнейшими** рецензиями (Павлова пишет: слушали как в церкви). Но про Флоренцию Павлова пишет: «Театр здесь маленький». Надежда на Милан.

Я пишу Вам об успехах с тем, чтобы Вы непременно прочитали об этом Сейлеру. Я думаю, что **читающие** пьесу не представляют себе ее **исключительных** сценических качеств. Есть же в ней что то, почему она **всегда и везде** имела громадный успех. В рецензиях итальянских почти везде говорится, что в ней вопрос интересный для всех времен. Значит, и с этой стороны дело благополучно. Положительно она становится классической.

Не понимаю почему опять никакого ответа от Лилиан Гиш. Я послал ей письмо через Сейлера.

Да, я и не знаю до сих пор, получил ли он (Сейлер) пьесу порусски? Я ему послал лучший, **единственно правильный** экземпляр. Может быть он застрял в цензуре? Сейлер ничего не пишет мне об этом. И Лилиан Гиш я писал, чтоб она познакомилась с пьесой.

Вот милый Сергей Львович, сколько дел я Вам навязываю.

«Патетическую сонату» запросил, здесь нет. Как получу сейчас же вышлю. О «Машиналь» писал опять.

Мы живем по-прежнему очень тихо. Были два раза в «Скала» на одной и той же программе. Прелестная скрипачка со своим оркестром (я думаю венка) и акробаты, танцоры, гимнасты . . .

Все Вас целуем!

ВНД

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

28 февраля 1932. Я тихо работаю для Майльстона. Читаю, составляю отчеты о прочитанном, даю некоторые литературные советы и подбираю иллюстрационный матерьял по островам Полинезии нужный для картины. Работаю и дома и в Публичной библиотеке и ежедневно провожу с Майльстоном часа два. Он сам работает очень усердно. Получил известие, что 20-го февраля брат Миша вернулся домой бодрым и здоровым.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

17 марта 1932. Милый Сергей Львович!

Ваше письмо от 6-го марта на редкость богато интересными сообщениями. Должен Вам признаться, что самое большое впечатление произвело на меня Ваше мнение о посланных мною кусках книги. Здесь кроме Ек. Ник., похвалу которой я мог бы, понятно, заподозрить, никто не читал. Мне надо было проверить. Потому что сам я собой был очень доволен, и это меня начало пугать.

Сейчас я не шлю ничего, потому что в отдел «Чехов» входит чуть ни полкниги. Тут и **до** Художественного театра и **моя** писательская деятельность и Малый театр и начало Художественного и т. д. А как разбить на отдельные куски, еще не установилось.

Разумеется, очень заинтересовала меня возможность соглашения с Де Миллем. Я ответил Гесту.

Спасибо и по поводу «Цены жизни».

«Машиналь» я просил передать Станиславскому с соответствующими моими комментариями. Бокшанская пишет, что в то же время Марков сам опять вспомнил. Жду решения со дня на день.

Я надоел Вам с моими делами?

Все собираюсь написать Сейлеру сам, но об этом писать по-английски мне так трудно, что я лениво откладываю.

Т. к. Америка не входит в соглашение Европейских стран насчет издательства, то я боюсь, что как только где-нибудь появятся мои отрывки, их непременно украдут в Европе. Или этого не надо бояться?

Второе относительно издательства и тоже печатания отрывками здесь в Германии. Здесь, конечно, я сам не допустил бы печатания **раньше** Америки. Ведь я пишу для нее, для Америки специально. Но надо же мне продать издание и на немецком языке. Я тут начал переговоры, только-только начал и сразу предупредил, что условие смогу заключить только соответственно с моим американским контрактом, так сказать, с этим контрактом в руках. Словом, я не нарушу американского контракта, но как сделать, чтоб я при этом не потерял в Германии?

Крепко обнимаю Вас. Мои Вас целуют.

Вл. Немирович Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

5 апреля 1932. Весь март моя работа продолжалась так же интенсивно как и в феврале. Работать для Майльстона — Милли, как мы его называем, легко и приятно. К сожалению, он так занят, что нам трудно встретиться для серьезного обсуждения нашей литературной программы и рассмотрения всего того обширного материала, который я за это время подготовил.

Наконец, 3-го апреля мы выехали в Холливуд. Т. к. «свита» Милли состоит из 8-ми человек (включая троих слуг), то нам дали отдельный вагон, в котором мы едем прямо до Лос Анжелоса, без пересадки в Чикаго. С собою много вина и едем мы очень весело,

так что время проходит незаметно. Милли пригласил меня ехать с ним в одном купэ и, благодаря этому, мы можем с ним о многом переговорить. Если завтра мы благополучно приедем в Холливуд, то мое отсутствие продлится 4 месяца и 10 дней.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Берлин, 16 мая 1932. Милый Сергей Львович!

Наконец то я собрался написать Вам. Как это случилось, что я так долго не писал? Сначала все ждал от Вас из Холливуда. Беспокоился. Телеграмма написанная лежала на столе три дня. А потом у меня было вялое настроение. И погода угнетала—весна была холодная. Два дня назад еще было 7—8°, а теперь сразу жаркое лето. Дела мои: С книгой обстоит более чем хорошо. Ваш отзыв, который меня порадовал и ободрил, оправдался и дальше. Т. к. Вас книга интересует, я Вам послал первую часть «Чехова». Но попутного гонорара пока что нет и, кажется, нескоро предвидится. Мне пришлось прервать работу, чтоб попробовать другой источник. Взял свои записки по приготовлению сценариев . . . результат я Вам послал. Послал, чтоб узнать от Вас: «Ну что же? Вот такая форма подходящая?» Можно так писать «стори»? С некоторыми изменениями. Например, может быть не буду делить на части. Еще меньше, кое где деталей. Но отказаться от моего тона, т. е. от того тона, который мне хочется дать всей вещи, я не нахожу нужным, а отказаться от характерностей или от психологической правды, не умею. Я Вам расскажу, как написалась эта новелла. Когда я отвлекся от книги, я начал совсем другую. Проработав над ней дней пять я, вдруг, получил приглашение в одну здешнюю фильмовую компанию (я сейчас не помню название этой фирмы. Потом припишу), где довольно много русских, побеседовать. И вот там мне сказали, что нуждаются в сценарии для такой-то актрисы и в таких-то условиях, т. е. чтоб была еще роль женская не главная, но хорошая и т. д. Словом сказать, положение создалось как раз такое, какое я так хотел получить в Метро-Голдвин: чтобы мне говорили в каких сценариях, для каких индивидуальностей нуждаются, и я бы справлялся в своем багаже и предлагал тот или иной сюжет. С участием в режиссуре.

В данном случае, актрису, для которой нужна «стори», я никогда не видел, мне только показали одну ее фотографию. А с другой разговаривал. Она бывшая очень известная танцовщица, по-немецки говорит не идеально, еще никогда не снималась. Расчет на меня и как на учителя. Я попросил два дня. Это было, положим, в четверг, а в субботу я уже рассказал вкратце содержание. Успех был великолепный, исключительный. Потом началось как раз то, что мне все время мешает. Мой агент выставил условия, которые спугнули . . . «Он запросил холливудские условия» (Холливуд все еще слывет за гиперболическую единицу кино). И дело как бы заглохло. Я же решил написать эту историю вместо той, которую раньше начал.

Я дал прочесть, опять похвалы на все пять с плюсом. Я дал перевести на немецкий. Тут понадобилось здешней дирекции

ехать в Париж для переговоров, которых я не знаю, мои экземпляры и русский и немецкий поехали в Париж. Так пока это дело и стоит без движения. Сценарий имеет исключительный успех у одних, а что сказали другие, да и читали ли эти другие, от которых тоже что-то зависит, не знаю. Мне бы сейчас опять сесть за книгу, но боязнь остаться без денег побуждает меня приняться еще за сценарий. Но тут вот вечный вопрос: для кого? для какой индивидуальности? Напишу, может быть очень хороший, а девать его будет некуда, надо будет ждать случая... Вот Вам подробная история «Зверька».

Анна Стэн уехала внезапно, да и не обращалась она ко мне, они сами себе сочинили сценарий, а между тем я уже думал о сценарии для нее...

Может быть Вы мне напишете, для кого у Вас нужда в сценарии.

У меня сейчас в работе— для мужчины роль вроде Гарпагона. Мелодрама со счастливым, конечно, концом.

Милый Сергей Львович! Спасибо Вам за подробные письма. Очень, очень, очень рад, что Вам сейчас хорощо. У Ольги Сергеевны есть мое распоряжение, несколько раз повторенное, выдавать Вашей матушке, сколько бы она не потребовала.

«Воскресение» будет исключительно моим. «Машиналь» опять отложили. Обнимаю Вас крепко.

Ваш В. Немирович Данченко

Берлин 30 мая 1932. Милый Сергей Львович!

Прежде всего радуюсь, что Ваша рекомендация, наконец, имела успех. Майльстон мне все больше и больше симпатичен. Право, во всех незадачах Ваших (и моих) в прошлом главная вина была на самом Скэнке. Он своим предупредительно-внимательным поведением смазывал эту вину. Майльстон сначала много репетирует... Наконец-то! Помните сколько на этом ломалось копий? Недавно еще здесь, с дирекций вот этой фирмы, для которой я написал «Зверька», я много говорил, не только о необходимости репетировать предварительно, но и о том, что это просто выгоднее. На это только и слышал «Невозможно». Очень радуюсь, что у Вас с ним лады. Он Вас оценит еще больше, узнав ближе. Насчет «Воскресения»... Жаль что лопнуло. Но еще больше жаль, если лопнуло по недовнимательности читавшего пьесу. Если ему понравились только сцены суда, а уже монологи от автора в присутствии Нехлюдова, он нашел скучными, тогда другое дело. Но если это он принял, а разочаровался только в последних двух частях, то это досадно, потому что в моей объяснительной записке, я сильно подчеркиваю, что я их, во первых, сильно купировал, очень сильно, а, во вторых, большинство сцен заменил бы другими, какие в Москве ставить было неудобно: Катюша в больнице, Катюша с детьми и другой финал Нехлюдова (я беру из драмы «И свет во тьме светит»). Таким образом последние две части вдвое короче и вдесятеро интереснее... Но очевидно он объяснительной записки не прочел, а Вы

ее не знали. Досадно! Главный вопрос: принял ли он лицо от автора? А уж остальное тогда наверняка хорошо.

Насчет моего «Зверька». Здесь произошло следующее: Понравилось и тем и другим и третьим. Как вдруг, на самом верху, в Париже, оказалось, что там немного раньше заключен контракт на какую-то итальянскую пьесу для той же актрисы. И потому вопрос о «Зверьке» откладывается.

С каким бы удовольствием я «утер им нос», если бы вдруг от Вас пришло известие, что Вы устраиваете сценарий в Холливуде! Но это так, из области дамских мечтаний . . .

Боюсь, что Вы опять скажете, что мало динамики. Мне очень важно умное и точное мнение, т. к. я хочу все-таки постепенно использовать мой матерьял.

Кстати, об этой пресловутой динамике. Вот у меня последняя часть—концерт. Жду, что про это и скажут—мало динамики. А, между тем, я считаю, что именно эта часть насыщена самой настоящей, самой лучшей динамикой кино. Что в этом влиянии происходящего на сцене на зрительницу, заключается истинное напряжение. С одной стороны танец, пластика, мимика и музыка, музыка наростающая от лирики к вакханалии, с другой—великолепные переживания молодой героини. Теперь слушайте. Вчера я смотрел картину, где тот же эффект. Словно я даже стибрил идею. На сцене певец (поет «Богему», отличный тенор), а в зрительном зале девушка и ее подруги, собирающиеся освистать его. И вот постепенно их психология «переключается». Сцена сделана куцо, без актерского матерьяла, и, видимо, даже режиссер не чувствовал этой внутренней динамики, и однако эта сцена была самая захватывающая в картине. А если бы было искренне и выразительно сделано впечатление искусства на зрительницу, то было бы потрясающе!

Я хочу сказать, что это из тех театральных задач, в которых приходится **убеждать.** Все еще говорят, что динамика это вот пришли полицейские или автомобиль гонится за другим или тысяча первый дансинг и голые спины . . .

С большим нетерпением жду, что Вы думаете о сценарии и что сделали с ним. Крепко Вас обнимаю. Наши Вас целуют.

Ваш В. Немирович Данченко.

Берлин. Июня 16. 1932. Милый Сергей Львович!

Наконец-то я получил от Вас о «Зверьке». Отчего это рукописи идут в Америку так долго? Неужели читаются цензурой?

Спасибо за Ваш отзыв, хотя и такой сокрушительный. Разумеется Вы всегда должны быть откровенны вполне. Иначе ведь я не буду верить, когда Вы хвалите. Кстати, Ваше мнение о написанном мною для книги я очень ценю, оно очень подбадривает, доставило мне большую радость.

Тем не менее я Вас прошу все-таки моего «Зверька» двигать. Здесь дело стоит на мертвой точке. Актриса, для которой написано, крутится сейчас в другом фильме, а ведь Вы знаете, как у них в таких случаях: если сейчас, сию минуту не нужно, то не к чему пока и разговаривать.

Я бы вообще не думал об этой «стори», если бы у меня не было на нее матерьяльных срочных расчетов. Вы знаете каково мое положение.

Впрочем, не скрою, что я и после Вашего такого отзыва, смотрю на «Зверька» не так безнадежно как Вы. Очевидно я все еще не научился излагать, хотя и держался формы такой вполне сознательно. Теперь буду пробовать так, как присланный Вами стандарт. Хотя не знаю, смогу ли **убрать себя как режиссера.** Это очевидно надо. Я старался самой формой изложения дать тон всей вещи. Кроме того, я, очевидно, еще рассчитываю на слишком внимательного читателя и набрасываю черты тоньше, чем следует. Вообще Вы меня поймете, если я определю мои задачи так: Представьте себе, что я поставил на театре, на драматической сцене, такую пьесу как «Зверек», я с моими артистами, с моим аппаратом. Так вот я думаю, что если бы такой спектакль был, то его захотели бы фильмовать. А теперь объясню подробнее: Прежде всего, думаю, что роль для темпераментной молодой актрисы, не совсем обычная. Один здешний критик сценариев и всего этого дела (вроде Вас), у которого я попросил категорического мнения (и который более или менее заинтересован быть правдивым) пишет: «Может быть слишком спокойно, может быть слишком эпично, но красиво, а главная фигура прелестна и на 100 процентов дает матерьял для самых лучших возможностей актрисы».

Затем мне казалось, что в последней части, влияние таланта с эстрады на психику героини в зале, есть хороший матерьял для режиссера: добиться наростания звукового (оркестр), зрительного (пластика и мимика танцовщицы) и психологического (героиня) и этим получить возбуждение в зале. Мне казалось, что тут заложены настоящие художественные возможности кино.

Да, лягушки в саксафоне и соловьи во флейтах, это все уже не ново, но, может быть, композитор выдумает что нибудь вкусное.

О чем я в конце концов думал, когда писал эту «стори»? Об изящной, красивой, насыщенной темпераментом музыкальной комедии, настоящей комедии.

Тот же здешний Бертенсон, знаток сценариев, подсказывает развить конфликт, перенеся дальше действие в большой город . . . Может быть . . .

Вы пишете, что Вам нужны только большие вопросы и идеи. Очень и очень сочувствую но . . . очень много «но». Во первых, это в первый раз слышу. Когда то Вы мне написали «ищу хорошую серьезную комедию». Я кинулся к моему «Счастливцу». Через месяца два Вы писали мне «ничего серьезнаго нельзя устроить». Во вторых, все фильмовщики, говорившие здесь со мной, кричат: Только никаких проблем! Ради Бога, ни моральных ни социальных вопросов! Даже для такой актрисы как Елизавета Бергнер! В третьих, вот что важно: Насколько наличие большого вопроса не гарантирует его убедительности, настолько кажущееся отсутствие его может привести к самым настоящим проблемам. Это в величайшей степени зависит от широты мысли постановщика, а не от самой «стори». В «Трех сестрах» да и в

«Дяде Ване» нет никаких видимых проблем. Надо чтоб было талантливо, правдиво и благородно по мысли. Тогда и проблемы придут. Какие вопросы в «Наташе Ростовой»? Во всяком случае изящная, темпераментная комедия может и не претендовать на внимание такого режиссера как Майльстон и все-таки быть достаточно хорошей.

Простите, милый Сергей Львович, что я злоупотребляю Вашей любовью ко мне. Но почему-то мне кажется, что Вы не очень задумывались над тем, что фантазировалось автору «Зверька», и потому я Вас снова тяну к этому. Вы можете сказать: «И подумавши остаюсь при мнении, что это все и не интересно и банально»...

За эти два месяца, в погоне за матерьяльными ресурсами, я перебрал несколько сюжетов. Попробую изложить их сжато и объективно.

Наши «народные» все выезжают за границу. Качалов только в Ригу, Книппер сюда, Москвин куда-то, Станиславский с Лилиной и Подгорным в Баденвейлер через Берлин. Будут здесь в пансионе.

Крепко обнимаю Вас. Еще раз спасибо за отзывы восхищения и полного разочарования. Мои Вас целуют.

Вл. Немирович Данченко.

Берлин, 22 июня 1932. Милый Сергей Львович!

Получил Ваше «мучительное» письмо. Я уже писал Вам, что напротив, ценю Вашу искренность. Разве я похож на такого, перед которым надо «смазывать». Надо, однако, радоваться за американское кино, что его требования поднялись так высоко, как это кажется по Вашим последним письмам. Но может быть это только Ваша фирма такая? Ваша и еще одна другая? Неужели общий уровень таков? Не хотелось бы мне совсем возвращаться к «Зверьку» и, если я сейчас еще остановлюсь на этом, то так только, по дотошности, вовсе не для того, чтобы получить Ваш ответ. 1. Не надо забывать, что я писал скорее роль, чем рассказ. 2. Вообразите, что если бы была Комиссаржевская, то я только убрал бы некоторые мелочи внешности и считал бы, что это для нее отличная роль. Пылкий девический эпизод. Первые поцелуи. Не даром я вспомнил Наташу Ростову. Я в Ваших письмах совсем не уловил, что это до Вас дошло, но перебирая в памяти текст, себя не могу упрекнуть. Если эта точка зрения отсутствует, все должно казаться плоским. 3. Вы пишете, что фигура жены незначительна и трудно поверить в силу влияния ее артистической индивидуальности. Правда фигура мною сознательно недоразвита (чтобы не испугать первую актрису сильной конкуренткой), но я считаю эту фигуру и оригинальной и красочной. Оригинальна, во первых внешне: креолка, мулатка... Оригинальна характером: спокойствие, почти ленивая, вульгарная с точки зрения аристократизма. И большая сценическая заразительность, по смелости, силе и непосредственности. Вы правы насчет трудностей снимать танцы. Но я должен был делать роль для танцовщицы. Лучше было бы, и для экрана эффектнее, пе-

вица. Что касается силы ее влияния, то я Вас не понимаю: разве артистки производящие громадное впечатление со сцены, такие же и в жизни? Кто же это? Одна Ермолова! Даже не Дузе. Павлова что ли? Кшесинская что ли? Да все они в достаточной степени не исключительны в жизни. Вы так безнадежно пишете о возможности устроить «стори» в Холливуде, что перевернули многие мои замыслы. Я в первый раз слышу это от Вас, да еще в такой категорической форме.

И все-таки я Вам скоро пришлю еще один экземпляр из моей записной книжки. Мне сказали: Нет ли у меня роли для Крауса,[1]) а у меня есть для сильного драматического старика. И с «большим вопросом, проблемой».

Будьте здоровы, милый Сергей Львович. Екатер. Ник. тоже очень тронута Вашими мучениями говорить правду... Она Вам шлет нежный привет. Миша целует

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Берлин, июля 6 1932. Милый Сергей Львович!

При этом посылаю Вам опять синопсис. Я долго думал и с Ек. Ник. советовался—как мне быть: посылать Вам или нет. Мне хочется послать и потому, что хочется, чтоб Вы знали все, что я делаю и потому, что интересуюсь Вашим мнением, хотя бы и неверным, ошибочным. Но с другой стороны мне совсем не хочется ставить Вас в неловкое передо мною положение. Однако, взвесив то и другое, я нашел, что неловкое положение это «ненастоящее», а моя же линия «настоящее». Лучше вам победить неловкое положение, чем мне отказаться от моих желаний. И, наконец, Вы сами, даже если б я писал совершенный вздор, предпочтете прочесть этот вздор.

Посылаемая «стори» написана для Крауса. Никто мне не заказывал, а один сильно фильмовый человек сказал: ищут сценарий для Крауса, нет ли у Вас. А я продолжаю делать себе экзамен: должен уместь ответить из моего запаса на требование роли для всякого актера или актрисы. Вот я и написал.

На днях приехали в Баденвейлер Качалов и Л. М. Леонидов. Были у меня, ужинали у нас. Наш хозяин обрадовался, сделал им отличный ужин с обильной выпивкой. Они были очень довольны. Завтра приезжает Станиславский с Лилиной и Ольгой Леонардовной. Станиславский остановится у нас, пробудет два дня. Москвин уже третий день в Берлине, перед Мариенбадом, но у меня не был. Все они заняты одним вопросом: когда же я вернусь. Один ответ у меня есть: до ноября я должен кончить мою книгу и до тех пор не могу вернуться.

Правда ли, что Вы переезжаете во Флориду?

Обнимаю Вас. Мои шлют Вам нежные привети.

Ваш В. Немирович Данченко.

Я до такой степени осторожен говорить что-нибудь о моей «стори», что забыл написать Вам главное: я отдал переводить

---

[1]) Вернер Краус, немецкий актер

на английский и вышлю уже переведенное для того, чтобы избавить Геста от труда и расходов.

Ваш В. Немирович Данченко.

Берлин. Август 7-е 1932. Милый Сергий Львович!

В каком-то смысле я, вероятно, нахожусь в некоторой прострации. Работа не клеится. Как Чехов писал «Вишневый сад» по четыре строчки в день. Вероятно, от непривычки проводить так лето и такое лето. Как будто его и не было, и нет, и уже не будет. Погода—сплошь дожди, редко-редко дня на два сильная жара и безвыездно пансион. Усиленно заставил себя вспомнить, что я Вам давно не писал и не отвечал на письмо от 23 июня, полученное 3-го или 4-го июля. Здоровье наше у всех очень хорошо. Я хорошо сплю и все отлично. Ек. Ник. тоже. Выезды наши даже не удается делать загородными, погода не пускает. Вот три вечера были в Зоологическом саду, пили, закусывали и слушали музыку, то военный оркестр играющий «Марту», то симфонический — интермеццо «Сельской чести» и увертюры Россини.

Станиславские в Баденвейлере. Он нервничает, как пишет Мария Петровна[1]), от германских событий, она с тоской думает о возвращении. Качалов и Леонидов скоро поедут назад. Я уговариваю их (с Москвиным) составить при Дирекции Совет «Тройку». Старо, старо, старо... Все, все, все одно и тоже! Ольга Леонардовна бодра, но потускнела, не так бойка и весела, как обыкновенно... О каком браке Вы говорите? Вероятно, Вы смешали с браком Ольги Константиновны[2]) с ее режиссером. Да и тот, кажется, только в проекте. Нет, Ольга Леонардовна[3]) замуж не выходила. Впрочем, я ее не спрашивал. Спрошу. Здесь она одна. О поездке в Америку мечтает. Тут она произнесла имя Волкова, но как секретаря. Одна, мол, побоится ехать. Сейчас она поехала в Баденвейлер.

Паспорт Ваш давно продлен, все забываю написать Вам. Но пока пролонгируют только на полгода. Как и мои паспорта тоже.

Кризис в Германии продолжается по всем частям. К этому присоединилось решительное, даже официальное устранение всяких иностранных работников. Между прочим, и по фильмовым делам. От этого, будто бы, и полная остановка с моими рассказами. Да, вот кажется, я и не писал Вам, что английский перевод моего рассказа «Бешеные деньги» я отправил Левину. Чтоб избавить Вас от этой неприятности, а С. Геста от необходимости переводить. Я не предлагал в «Метро», я только просил мнения Левина, откровенного. Любопытно все-таки. Впрочем... Вы так убедительно пишете об 1% на сто, или даже меньше, устроить рассказ в Америке. Вообще я смотрю на эти мои попытки совершенно безнадежно. И если еще что-то делаю, с кем-то нет-нет разговариваю, и какой-то сюжет нет-нет разрабатываю, то просто

---

[1]) М. П. Лилина.
[2]) О. К. Чехова.
[3]) О. Л. Книппер-Чехова.

потому, что имею для этого время и все еще какую-то охоту. Но уже совсем не верю в результат. Матерьяльно я уже несколько месяцев живу благодаря Москве. Рвусь в Италию. Отчаянно хочется поехать в Сан Ремо и там дописать книгу. Но для этого нужна сумма, какой еще не имею.

Очень радуюсь за Вас, что у Вас хорошие отношения с Майльстоном. Вообще приятно думать, что Вы обеспечены. Тьфу, тьфу, тьфу!

Обнимаю Вас крепко. Нежный привет от Ек. Ник. Миша крепко целует.

Ваш Вл. Немирович Данченко.

С почтой с Америкой все непорядки. Ек. Ник. получила от Вас письмо почти через 1 1/2 месяца после того, как Вы его написали. Одно мое письмо к Вам, очевидно, пропало, т.к. Вы о нем совсем не упомянули.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Рига, 25 июля 1932. Милый Сергей Львович!

Я так долго и упорно не отвечала на Ваши письма, что Вы махнули на меня рукой мысленно и тоже перестали писать мне. Т.ч. Ваше последнее письмо, которое я получила перед самым отъездом в отпуск, было для меня приятной неожиданностью. Милый Сергей Львович, я не пишу Вам только потому, что мне приходится ужасно много работать, столько сколько до сих пор не доводилось. И вот почему, во 1-х, по Театру я работаю очень много — в очень обширной плоскости. Несмотря на отсутствие в этом году Владимира Ивановича, все же я была загружена сверх меры, т.к. обслуживаю двух активных зам. директоров (Сахновский по худож. чатасти и Егоров по административной) и всю дирекцию в целом, секретарствую на всех решительно заседаниях, идущих при дирекции и т. д. Это первая моя занятость. А вторая — я принуждена брать частную переписку на машинке, иначе я денежно себя не устрою. Жалование я получаю хорошее, сравнительно с нашими окладами, его вполне хватает на жизнь. Но без экипировки и всяких приятностей. А так как постепенно все, в свое время привезенное и приобретенное, пришло в ветхость, приходится себя всячески оборудовать. При такой нагрузке времени для себя остается так мало, что поневоле я оторвалась от личной переписки. Этой зимой я сохранила только две переписки: с Владимиром Ивановичем и с родителями, которым пишу обычно короткие, но частые открытки. Владимиру Ивановичу я писала чрезвычайно подробно, чем он был доволен.

Как Вы видите, я пишу Вам из Риги. После 4-хлетнего перерыва я решила снова просить о заграничном паспорте. Я так соскучилась по своим старикам, и они по мне, я так боялась, что смогу никогда их больше не увидеть, тем более, что папа был так серьезно болен, что даже в течение суток его положение было признано безнадежным, что я решила просить о паспорте даже безвалютном, в надежде на помощь здесь. С громадными трудностями мне удалось получить паспорт, я, было, совсем отчаялась. 20-го выеха-

ла сюда, через сутки была у своих и теперь счастлива без границ, без меры. Единственная забота — опять болен папа.

Милый Сергей Львович, я скажу Вам прямо: я поехала сюда без единого рубля в валюте с большой надеждой на Вас, с планом тотчас же написать Вам. Я прошу Вас, если это возможно, дать мне 100 долларов с тем, что я отдам деньги Вашей маме в сов. червонцах (других я не имею). Вы сами понимаете, милый Сергей Львович, что я назвала сумму, которая смогла бы обеспечить мое житье здесь в течение 2-х месяцев и при большой экономии дала бы, может быть, возможность купить что-нибуть самое необходимое, например ботики, которых у нас или нет, или они абсолютно не по средствам. Хотя сказать по правде, я предпочла бы ничего но покупать, а хотела бы иметь возможность отдать все, что у меня было бы, своим старикам, которые существуют на грошевую пенсию. Ведь прежде я их поддерживала ежемесячными высылками денег из Москвы, а теперь мне в этом отказали. Сначала все ограничивали сумму высылки, а с ноября прошлого года вовсе отказали, как впрочем решительно всем, кто пользовался правом переводов денег за границу. Словом, Сергей Львович, мне не нужно Вам все это объяснять. Вы знаете меня, знаете мои обстоятельства. Жду от Вас ответ с самым страстным нетерпением.

Милый Сергей Львович, заметка об Ольге Леонардовне поразила меня своей бесцеремонностью, правда, типичной для американской прессы. Н. Д. Волков очень близко принят в доме у Ольги Леонардовны. Я чужими делами интересуюсь мало, но слышала, что это действительно роман. Одно время по Москве пошел «достоверный» слух от «очевидцев», что они повенчались. Вероятно отсюда и заметка. Повторяю, и тут я не пыталась разузнать, так ли это. Я думаю так: если они нравятся друг другу, и слава Богу, пусть живуть как им нравится, и как им кажется лучше, за это можно только порадоваться. И вряд ли им так уж необходимо перевенчаться.

Милый Сергей Львович, желаю Вам всего-всего хорошего. Жду от Вас телеграммы и большого письма о Вашей жизни, настроениях и планах.

Крепко жму Вашу руку.

Ваша Ольга Бокшанская.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Сан Ремо, август 21, 1932. Милый Сергей Львович!

Мне переслали Ваше письмо от 11 августа.

Очень рад, если Вам в каком-либо отношении понравился мой рассказ. Должен сказать, что это дело не перестает меня волновать, как я не борюсь с этим чувством. Это становится чем-то вроде, когда-то бывшей во мне, страсти—карточной игры. Бывало, даже идеологически защищали мы эту страсть, мы игроки. А в конце концов тратили только на нее здоровье и деньги.

Жаль, что Вы не ответили мне на мой главный вопрос о форме: так это наконец? Или еще что-то не совсем так?

Английский текст я послал прямо Левину. Ответа пока не имею. Если он уже прочел возьмите у него. И, если можно, используйте «Бешеные деньги».

В Берлине я посылал Поммеру[1]). Получил от него ответ сравнительно быстро. Ответ очень любезный. Они все отвечают любезно, в особенности отказывая в приеме. Но ответ Поммера все-таки обстоятельный и похоже искренний. Он несколько раз подчеркивает интересность фабулы и «во многих отношениях великолепный рассказ». А мотив рассказа я еще плохо понимаю. **Проблему** он понял отлично. И называет проблему и «крупною» и «захватывающую интересом». Но находит, что у меня она проявлена в **отдельном случае,** а не в обобщении: ничтожная ценность денег.

В Вашей оценке, которая меня интересует не меньше Поммеровской, тоже как будто звучит превалирование «случая»: «картинка из жизни скупца». По идее Вы не скользнули, даже, как будто, игнорируете название «Бешеные деньги».

Так вот я и недоумеваю. Вас совсем не задела, а Поммера она так интересует, что ему даже хочется обобщения (синтеза что ли). Он очень определенно пишет, что главный интерес в теме: ничтожная ценность денег. Но находит, что отдельный случай («Блестящая картинка из жизнии скупца» — из Вашего письма) не убедителен, так очевидно я должен понимать?

Мое мнение собственное, что проблема эта громаднейшая, всемирная (капитализм, деньги) и настолько бьющая своей крикливой жестокостью, что и выражена должна быть в случае ярком, я сказал бы даже — художественно грубо. Материял этот и для режиссера и для актеров сильных резких мазков, умеющих философски схватить крупнейшие собственные мотивы.

Я, может быть, написал слабо, другой вопрос. Я хотел, чтобы и по форме это было «классически просто», просто как проста улица, как проста монета, магазин, как проста страсть тратить и неизбежная «антистрасть» — копить. Я хотел, чтоб и романическая часть была проста до банальности. Вообразите, я до сих пор не знаю получил ли Краус экземпляр. Вот как делаются дела в Германии теперь.

Читал, улыбаясь, Ваши мачты о театре, с находящимися за границей актерами Художественного театра. Нужна одна корректура: все это лет 20 назад! А теперь почти все рухлядь, хотя и мастера.

Обнимаю Вас от души

Да, как я очутился в Сан Ремо? Из-за матерьяльных перебоев Карлсбад рухнул. В Берлине стало невыносимо. Я с Екатериной Николаевной уехали в Женеву, а Миша в Лихтерфельде. Нуждаясь в прочном солнце, я поехал сюда. Кстати, хотел присмотреться к здешним пансионам. Тут много дешевле, чем там. Потом напишу Вам подробно и об этом.

Ваш Вл. Немирович Данченко.

---

[1]) Немецкий кинопродюсер

Сан Ремо, 22 сентября 1932. Милый Сергей Львович!

Наконец то от Вас долгожданное письмо, которое, как нарочно, пришло с опозданием. Прежде всего я Вам очень благодарен. Было бы в самом деле досадно, если б я не мог, хотя бы попытаться, принять какое-то участие в новой версии «Кармен». Считаю, вот уже три года, эту мысль очень богатой. К сожалению я не могу проделать сценарий с такой поспешностью, на какую Вы может быть рассчитывали. И Вам предстоит забота как-нибудь протянуть время. Но немного. Я думаю, от сегодняшнего дня, я Вам вышлю недели через две. А пока я Вам все-таки напишу несколько моих соображений, которыми Вы может быть, при случае, поделитесь с Майльстоном.

Почему я запрашивал о возрасте? Хотя и знание только возраста испольнительницы еще недостаточно, чтоб приготовить сценарий.

«Кармен» по драматическому содержанию, по великолепной чувственной напряженности, все еще представляет огромный интерес, но образ Кармен настолько уже перерос рассказ Мериме и настолько стал популярен, что уже сложился в классический женский тип, так что главный интерес всякой новой версии сосредоточится на индивидуальности актрисы.

Кармен может играть всякая талантливая актриса, обладающая следующими внутренними качествами: властью женщины, «притягательностью», жадностью к жизни и настойчивостью, глубоким суеверием и анархическим чувством свободы, доходящим до наглости. Может быть и молодая, и совсем молоденькая, и в зрелом возрасте. Может быть как «козленок» у Мериме, а может быть как один из портретов Гойа — даже пожилая. Может быть красивая, а может быть и просто некрасивая, но обаятельнее самой красивой. Может быть бойкая, подвижная, легкая, вострая в своих страстях, а может быть и медлительная как удав.

Драматическая коллизия этой «жизнерадостной трагедии», конечно одинакова для всякой индивидуальности, но не только обстановка и окружение, взаимоотношения разные, но и тон и даже содержание кусков разные для разных актрис.

У меня несколько версий. Конечно, совершенно современная! Конечно, драма, а не опера. Конечно, Кармен не должна быть оперной певицей, Боже сохрани! Но музыка Бизе должна все время всачиваться в содержание. Однако, преобразованная музыкантом сегодняшних дней. Можно точно указывать, где и какой мотив Бизе исполняется.

Признаюсь Вам, я в последнее время больше думал о Кармен не испанской, о Кармен, которую только так называли в обществе, но трагедия которой с фотографической точностью повторила Кармен Мериме. Действие этой версии в Париже, Берлине, Чикаго, где хотите. Даже музыка, по случайным обстоятельствам, все время наигрывается из Бизе . . .

Сейчас после Вашего письма я с удвоенной энергией примусь. Это время было жарко и трудно было работать. «Мозг прилипал

к черепу и пр.». Кроме того теребили меня необходимости текущих расходов, если разрешите так выразиться.

Между прочим, хотя С. Ремо и не Севилья и даже не Испания, а все-таки помогает мысленно блуждать в окружении Кармен...

Вероятнее всего, что я на этой недели выпишу сюда Ек. и Мишу. Моя версия без боя быков. Но не принципиально, а из «хозяйственного расчета». Но есть большая сцена толпы: чествование знаменитого матадора в его родном городке. На этом чествовании есть представление в его честь, народное. Даже подражание бою быков: мальчишки надевающие бычью голову (по Гойа). С комическими жестами, плясками...

Обнимаю Вас. Кланяйтесь Стэн.

Ваш В. Немирович Данченко.

От Левина я получил ответ насчет «Бешеных денег». Не посылал Вам английский экземпляр знаете почему? Чтоб Вы, получив пакет, не приняли его за манускрипт «Кармен» и не впали в досаду. Теперь пошлю, предупредив.

Вторник, 11 октября 1932. Милый Сергей Львович!

Вы, думаю, подбраниваете меня и ждете-ждете! А я вот только посылаю письмо. Меня успокаивает, что Анне Стэн еще нужно научиться хорошо говорить по-английски. А главное: я решил послать Вам такое, что действительно оправдало бы Вашу рекомендацию.

«Кармен» оказалась очень трудной. То есть трудной на высокое требование, Что-нибудь поординарнее можно было бы послать давно, но это было бы потерей времени. Я сделал много версий, ни одна меня не удовлетворила. Хотел уже ехать в Испанию, благо не далеко. Мне было необходимо «нюхнуть» **сегодняшнюю** Испанию. И вот недавно перебирал новейшие журналы и вдруг наткнулся на новое разрешение и, наконец, обрадовался. Теперь я уверен в отличной драме «Кармен». Можете ждать, подождите. Не можете, пришлите коротенькую телеграмму, вроде «поздно». Впрочем от Вашей телеграммы до моего окончания срок будет очень короткий.

Надо прибавить в мое оправдание, что я в матерьяльном отношении бьюсь, как рыба об лед...

Что книгу свою я к сроку не сдам, это уже ясно. Буду просить издательство продлить мне срок.

Удивляюсь, как Сейлер не воспользовался юбилеем Горького и не пустил в каком нибудь «магазине» мои воспоминания.

Обнимаю Вас. Екатерина Николаевна и Миша только несколько дней как приехали сюда. Шлют самые нежные слова.

Ваш В. Немирович Данченко.

Ноября 8-го 1932. Милый Сергей Львович!

Получил Ваше письмо от 24 октября с милой карточкой. Все мы нашли, что Вы очень молоды, чрезвычайно молоды и очень похорошели.

Ноября 10-го. Почему-то так и не написал письмо третьего дня...

Вернее всего, что я в декабре уеду в Москву. Власти настойчиво хотят моего скорейшего возвращения. А здесь... Вся беда в том, что у меня не было такого запаса, какой был у Станиславского. И я все кручусь. Вот даже этот синопсис «Кармен». Может быть, он дал бы мне денег. Но это «может быть» лишает меня всякой энергии. Синопсис будет, по-моему, исключительный и по выдумке и по изяществу образа. Но мне надо засесть крепко на одну неделю, на 5-6 дней, но крепко.

Шепнул бы кто-нибудь Стоковскому, что лучшего сотрудника чем я, ему не найти. Еще о «Кармен». Жаль, что Вы мне не написали о впечатлении от моих «мыслей» тотчас же, как Вы их получили. Это избавило бы меня от многих дней сомнений. Я иду все время от образа Анны Стэн и ее особенной лучезарной улыбки, сразу на ней вспыхивающей.

То что я задумал, совсем-совсем ново. Есть и Хосе и матадор и трагический треугольник, но и образы и события совсем новы. Вы всегда пишете: «несколько страничек». Да, я сам так и хочу, но для того чтобы возбудить фантазию режиссера и актера, я иногда дни трачу на какую-нибудь маленькую бытовую, психологическую или характерную деталь. Сколько журналов перерыл я!

Между прочим, начало у меня довольно своеобразное: просто образ самой Кармен. Это идет так: В городке ее родины (куда потом действие перекинется еще) Кармен на улице. Открытая голова, длинная светлая шаль, сапожки, гвоздики на голове. Ходит мягкая, ласковая и необычайно жизнерадостная. Точно вообще радуется жизни. Она так любит свою Испанию, вот это свое небо, вот этих своих испанцев. Она с двумя своими товарками привезла сюда в лавку контрабандный товар, по поручению. Но, сдав его, пошла навестить своего мужа, с которым разошлась. У него табачная плантация, он большой, сутулый, раздавленный неутихшей страстью к жене. У него несчастье, погиб табак. Кармен принесла ему денег. Он взял, поблагодарил, но в беседе не выдержал, кинулся «лапить» ее; она вырвалась, он швырнул ей ее деньги. Она ушла, но деньги все-таки поручила передать ему. Потом она идет по городу. Опять радуется жизни. Встречает компанию знаменитого местного матадора (будущий герой). Но встреча даже без знакомства. На берегу реки увидала, как играют дети и как одна девочка чуть не тонет. Быстро сбросила все и кинулась спасти... На вокзале со своими подругами в ожидании поезда... Тут же проводы солдатиков. Между прочими Дон Хосе. Его провожают мать, друг дома пастор и девушка. Ожидают поезда. Кармен с подругами в стороне посмеивается: «Какой славный, а какой... школьник! Чего доброго, невеста ему и набрюшник от простуды связала». Насмехается довольно громко. Обращает внимание. Пастор строго вмешивается... А когда поехали, в вагоне очутились солдаты и Кармен с подругами. Один из солдат начал ухаживать, приставать, слово за слово, он начал тоже «лапить». Кармен съездила ему

по физиономии. Он взбесился, хотел ее бить. Хосе заступился. Пошла ссора между Хосе и солдатом, перешедшая в драку...

«Чего Вы, Вл. Ив., рассказываете мне это, думает Сергей Львович, пришлите скорее, а не дразните»...

А может быть, у меня есть своя задняя мысль... Ну, будет!

Ваш Вл. Немирович Данченко.

Миша Вас обнимает. Ек. Ник. шлет нежный привет. В Сан Ремо чудеснейший климат. Миша скучает. Пансион у нас приятный и удобный. И, конечно, дешевле берлинского. Очень часто вспоминаем Вас.

ВНД

4 декабря 1932. Милый Сергей Львович!

А что если все-таки поднять мысль о поездке в Чикаго на выставку Музыкального театра? Что Художественный театр не поедет, это ясно. Константину Сергеевичу доктор запрещает море, этого довольно. Он будет налаживать свой оперный театр. А ведь Музыкальный во много раз интереснее. Теперь это уже не только «Карменсита».

Репертуар: «Карменсита», «Девушка из предместья», «Сорочинская ярмарка», «Корневильские колокола», «Джонни». Кому об этом написать? Сейлеру?

Рад за Лилиан Гиш. Ей Камилла очень подходит. Очень.

Издатели моей будущей книги любезно продлили мне срок.

«Кармен» все еще Вам не посылается. Меня очень подбадривает Ваша вера в этот мой манускрипт. Надо бы мне просто засесть минимум на две недели и все было бы приведено в ясный, сжатый, «добротный», как у нас выражается, вид... Думаю, что Ваше доверие к тому не будет обмануто... Милый Сергей Львович! Я Вас очень благодарю за Ваше отношение ко мне. Здесь часто играю в бридж с англичанами. Теперь сыграл бы со Скэнком. Между прочим, почти всегда выигрываю.

Мои шлют Вам нежный дружеский привет. Я обнимаю. О Ратове[1]) много слышал раньше.

Вл. Немирович Данченко

Среда, 28 декабря 1932, Милан. Милый Сергей Львович!

Я перед Вами бесконечно виноват, что так долго не отвечал Вам на такие яркие проявления Вашего беспредельного внимания ко мне. Все последние письма Ваши какая-то непрерывная цепь горячих, сердечных хлопот обо мне. То, что я не послал Вам ряд телеграмм, доказывает только мою «линию экономии». А то, что не написал сейчас же, конечно, не говорит о неблагодарности. Поверьте, что я очень и очень ценю все это.

Баклановой скажите, что я до глубины души тронут ее запиской. Какая она стала актриса? Вы давно не видели ее? Видите, как разно понимаются сценарии. Вам начало «Кармен» («Вольная птица») понравилось, а Мамуляну[2]) нет. Но я думаю

---

[1]) Известний русский актер и кинорежиссер.

[2]) Р. Мамулян — американский режиссер.

так: то что я Вам набросал, очищено и сокращено, сгущено и динамизировано. Да это, ведь, только первые две-три странички из 20-30. Я Мамуляну напишу, хотя сказать правду, не верю я в это. Вообще уже не верю в какую-то новую работу с американцами. Так только поддерживаю эту веру в Катер. Ник.... Ну, может быть, поддерживая, и себя чуточку заражаю. И к этой «Кармен» я как то особенно холоден, именно потому, что ничего у меня из сценария не выходит! Фатально то, что в мае, вместо того, чтобы работать над книгой, я заметался в поисках средств к существованию. И если бы Енукидзе, с которым я встретился в Берлине, дал мне сразу 3.000 долларов, о которых я ему сказал, как необходимые мне для окончания книги, а не растянул эту выдачу на 8 месяцев, я бы не писал сценариев. А он не мог. Он и то делал необыкновенные вещи, пересылая мне частями. Я же не ждал их, не надеялся на них. (Последняя тысяча только что переслана с телеграммами от Станиславского о том, чтоб я немедленно возвращался. А именно теперь я уже и не нуждаюсь в этой тысяче. Т.е. не нуждаюсь в текущих расходах. Без этой тысячи я не мог бы вернуться в Москву. Так вот я и говорю, что изменил книге. Занимался ею не так как надо. Из-за сценариев. Злился на Берлин, на людей, а больше всего на себя...

Да, так вот видите. Поддержка-то мне шла все-таки из Москвы! Ведь теперь с переходом Театра в ЦИК — наш непосредственный начальник Енукидзе. Енукидзе и Бубнов оба очень крепко настаивают на моем скорейшем возвращении и вот делают то, о чем, как говорит Константин Сергеевич, и молчать нечего. Думали, что дадут мне 500, ну тысячу долларов и конец делу!

Тем временем, я заключил условие с Павловой на постановку у нее «Карамазовых» или «Вишневого сада» и отказаться от этого обязательства никак не мог. Вот почему я сейчас в Милане. Начал репетиции в Болонье, оттуда кампания переехала в Милан. Эти первые дни праздников репетиций нет. Занят «Вишневым садом». Труппа носит меня на руках и проявляет очень большие возможности для Чехова. Влюблены в пьесу. А итальянцы!

Екат. Ник. и Миша остались в Сан Ремо. Приедут сюда к 15-му, потом вместе в Берлин. Хотя я и обещал уже вернуться в Москву в конце января, ну в половине февраля, но я скажу Вам на ухо через океан, решил остаться в Берлине. Закончить книгу и тогда уже решать время возвращения... Т. е. к весне. А там, если бы у меня к тому времени (к концу марта) оказались деньги, конечно, не стоило бы ехать: весна, лето, Карлсбад... И уже в конце августа окончательно... Москва... Но, пока, в Москве меня усиленно ждут в конце января. Даже уж не знаю где сильнее — в театре Горького или в театре имени Немировича-Данченко, т. е. в Музыкальном.

Между прочим, мне прислали пьесу Горького «Егор Булычев и другие». Очень хорошая вещь. Пленительная, как его первые вещи. Вообразите!

Вы по поводу моих планов в письмах мне не распространяйтесь. В Берлине вообще писать надо осторожнее. Но милый Сергей Львович, не теряйте энергии в искании возможностей моего пребывания заграницей. Не взирая ни на мой холодок по отношению к «Кармен», ни вообще на мое недоверие к тому, что из этого всего что-либо выйдет. Чего не бывает! Сам же я все проповедую: стремись и верь! Будем стремиться и верить!

И в меня еще верьте. Вот я здесь репетирую с иностранцами, посмотрели бы Вы. Право сам собой иногда любуюсь: и в свежести мысли, и в свежести краски, и мастерству. Вот как! Не похоже на меня хвалить себя. Но ведь это я только Вам... В С. Ремо было очень хорошо по солнцу, но скучно. Миша там умирал с тоски. Впрочем, когда он переписывал мои записки он не думал ни о Москве, ни о «своих» женщинах. Ек. Ник. очень не хочется возвращаться в испоганенную московскую квартиру. В сущности говоря, я в Москве действительно нужен только в Музыкальном театре. Станиславский очень искренне и крепко хочет моего возвращения, но это не потому, что он думает, что я очень нужен с моим искусством. Он один не управится с течениями Судакова и Ко. Ему нужна опора и во мне. Он знает, что с первого положения его уже никто не собьет, но все-таки приходится бороться. Да и красивее, что мы оба в Театре, оба отдаем ему наши последние силы. А вот в Музыкальном, там я действительно нужен.

И вот все собираюсь писать Сейлеру: Что же будет выставка в Чикаго или не будет? МХТ не поедет, это надо твердо знать. Константину Сергеевичу, как он говорит, (а он в это верит из некоторой робости), доктора сказали, что ему о переходе океана и думать нечего. А раз он не может ехать и думать нечего о поездке театра. А вот не поднять ли немедленно вопрос о поездке Музыкального театра? Ведь он со времени первой поездки сделал громадные успехи. Неузнаваемые! Напишите Сейлеру. Только потому, что я все-так и прособираюсь написать. Леонидов по этому вопросу мне пишет: «в этом есть почва».

Тогда другое дело. Тогда и со Стоковским можно заговорить. Теперь, чтобы ему написать, надо найти какую-то особенную ноту. Да и выйдет ли что-нибудь? Надо все такое, чтоб другие обо мне написали. А мне самому... нет из этого ничего не выйдет, кроме легкого конфуза для меня.

А и кстати бы поехать из Москвы Музыкальному театру, пока там будет строиться театр. Этот вопрос не только решен, но и осуществляется. Вот ждут меня для утверждения проекта, из нескольких сделанных на конкурсе. Какое великолепное место: Тверской бульвар, где был дом градоначальника, помните? Против Камерного театра. Тут проведут небольшую улицу от Тверского бульвара к Гнездниковскому переулку, параллельно Тверской и образуется целый квартал с Театром.

Константин Сергеевич, в своей оперной компании, кажется начал сильно разочаровываться. Он несколько раз пытался со мной говорить о наших музыкальных студиях, но я не поддержал, потому что в последней беседе на эту тему, когда я гово-

рил о необходимости объединиться, он сказал: «Вот тут мы, Вл. Ив., можем опять поссориться!» Остроградского там уже нет. Администрацию К. С. бранит, а моих называет «молодцами».

В Худ. театре идет сильная и почти открытая борьба между К. С. и Судаковым. Против Судакова действуют не убеждениеми, а угрозами. Это, конечно, плохо, но Судаков может быть лучшего и не стоит.

Вообще они меня не привлекают, оставляют равнодушным. Ничем что-то я там не загораюсь. Вот это все обо мне. Ну, а Вы? Я так убежден, что при малейших возможностях, Вас не могут выпустить ни Майльстон, ни кто другой, что спокоен за Вас. Кстати, это очень трогательно, что Вы готовы были бы меня поддержать своими долларами, но никогда об этом не думайте! я просто не приму! Так и знайте. Я оттого и пишу Вам так откровенно, что не допускаю мысли о покушении на Ваш скромный бюджет.

Когда я уже кончил это длинное письмо, я вдруг вспомнил, что писал Вам вовсе не так давно.

Крепко обнимаю Вас

Я пишу ужасно. Но мне очень хотелось написать Вам обо всем.

ВИД

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

7 января 1933. Уже давно я не веду записей в дневнике. Причина этому та, что записывать решительно нечего. Не было ничего, заслуживающего интереса. Вся наша жизнь сосредоточена вокруг доллара. Экономическое положение настолько плохо, что всюду и везде чувствуется застой и конечно и в кинопромышленности. Работать с Милли[1]) хорошо и приятно, однако, из-за общего положения работа постоянно тормозится, и каждый день проходит в ожидании полного краха. Всегда шумный и хаотический Холливуд замер совершенно.

К концу года работа Милли совершенно прекратилась. На мелкие, и совершенно неинтересные в художественном отношении, предложения он не откликается, предпринять же что-либо крупное и действительно ценное, совершенно невозможно. Это вынужденное бездействие очень его тяготит и он решил уехать в Нью-Йорк, где, как он считает, гораздо больше для него возможностей. Милли подумывает также об открытии собственной студии с тем, чтобы делать съемки в Европе, где это обходится значительно дешевле.

Лично для меня его отъезд — полная трагедия, т. к. получить новую работу при теперешних обстоятельствах совершенно невозможно, но даже, если бы паче чаяния, я и получил что-нибудь, то это было бы что-нибудь совершенно неинтересное и халтурное. Таким образом, последние месяцы прошлого года я был в самом скверном настроении, и перспектива, открывавшаяся

---

[1]) Майльстон

передо мной, была далеко не радужной. И, вдруг, Милли сообщил мне, что он окончательно решил свой отъезд и предложил мне ехать с ним, сейчас в качестве его секретаря, а в дальнейшем, когда выяснятся его возможности, определится и мое положение. Стоит ли говорить, насколько меня обрадовало это предложение. Таким образом, сегодня в девять тридцать вечера мы выехали в Нью Йорк. На вокзале народу мало, нет обычной суеты, какая бывала прежде. Едем в отличном настроении. Милли радуется тому, что наконец он вырвался из Холливуда, который без работы представляется ему нудным и бездарным. Перед сном мы занялись чтением. Я прочел вслух два акта «Дела» Сухово-Кобылина. После быстрой динамики «Кречинского» «Дело» показалось немного растянутым и чуть тяжеловатым. Но зато образность языка, сила сарказма выступили еще ярче. Читали почти до двух часов ночи.

10 января 1933. Наше путешествие проходит очень приятно. Впервые за долгое время чувствую себя совершенно спокойно. Мы много спим, прекрасно едим, являясь в вагон-ресторан чуть ли не первыми, на остановках гуляем, много читаем. Милли острит, что мы примкнули к 16 миллионам безработных Америки, на что я ответил ему, что мое положение лучше, т. к. я состою на службе безработного. Вечером опять читали трилогию Сухово-Кобылина. Милли она очень понравилась, но самое сильное впечатление на него произвел «Кречинский» своим сочным, ярким реализмом.

11 января 1933. В 9 часов утра приехали в Нью Йорк. Милли поехал в отель «Амбассадор», а я в более скромный «Барбизон-Плаза». Помывшись и переодевшись, поехал к Милли. У него уже сидели два крупных театральных предприниматели с Бродвея, и мы сразу же отправились завтракать. Милли в отличном настроении. Он очутился в своей сфере, где все его знают, и все ему рады. Его убеждают оставаться в Нью-Йорке и развернуть здесь свои работы. Милли тут же за завтраком рассказал вкратце содержание Сухово-Кобылинской трилогии. Говорил с большим запалом и энтузиазмом и заразил этим собеседников. Было решено сразу же приступить к переводу текста, с тем, чтобы потом пьесы поставить на Бродвее.

Вечер я провел у Зилоти, там все осталось без перемен. Вернувшись домой еще долго читал прекрасно написанную книгу Шаляпина «Маска и душа».

13 января 1933. С утра до вечера просидел за переводом «Тарелкина». Устал до одурения. Обещал Леонтович смотреть ее в новой пьесе «Двадцатый век» и, нехотя, поплелся в театр. Но пьеса меня взбодрила. Это очень веселый и местами остроумный фарс. Леонтович играет отлично, весело, заразительно и имеет огромный успех. После спектакля поехал к ней ужинать и просидел до половины второго.

14 января 1933. С половины десятого работал над переводом со стенографисткой. Так работа пошла гораздо скорее. Вечером по-

шел смотреть Катрин Корнель[1]) в «Лукреции». И пьеса и постановка нелепы, но сама Корнель прелестна как всегда. После спектакля Леонтович познакомила меня с ней. Она в жизни так же мила, как и на сцене.

16 января 1933. К 12 часам закончил весь перевод. Милли, который уезжал на три дня за город, уже вернулся и совещается с каким-то капиталистом.

От Леонидова получен ответ на мой запрос относительно приобретения прав на сценарий романа Эренбурга «Курбов». Издатель хочет 4000 долларов, а я предлагаю 500.

Вечером смотрел «Музыка в воздухе». Очаровательная оперетта. Спектакль чудесный.

18 января 1933. Сегодня я переехал в «Амбассадор». Этот отель значительно лучше, а кроме того мне удобнее быть в непосредственной близости Милли.

Попробовал сам начать перевод «Курбова». Милли в нетерпении скорее получить права на него и начать разработку сценария. Переводить страшно трудно из-за своеобразности языка Эренбурга. Переведя несколько страниц, я прочел их Милли и он нашел, что звучит недурно. Это меня окрылило.

Вечером с Зилоти был на концерте Орлова[2]). Я не слышал его с 19-го года. Техника его блестяща, тон, как всегда, мягкий. Уверенность и спокойствие импонируют.

21 января 1933. Милли постоянно на совещаниях, конференциях, заседаниях, так что видимся мы с ним урывками. Однако, дела сейчас обстоят так, что Европа видимо полетела в трубу. Из Холливуда постоянно телеграфируют, чтобы Милли возвращался туда, на что он не соглашается, мне же кажется, что сейчас ему лучше всего было бы быть в Холливуде.

Встретился с мадам де Грезак. Обедал у нее. Она рассказывала про свое раззорение, однако, полна энергии и уверена, что снова сделает состояние.

28 января 1933. По нездоровью Милли несколько дней сидит дома, а я усиленно работаю над «Курбовым». Читал Милли отрывки, и он находит, что для него «Курбов» в переводе доступнее и понятнее, и что стиль оригинала сохранен. Что ж, очень приятно. Вечер провел в обществе Санина. Он рассказывал о своей новой постановке оперы Грюнберга на сюжет О'Ниля «Император Джонс». Рассказ его превратился в целую импровизированную лекцию. Какая у него до сих пор живость и какое богатство красок. Среди статистов, занятых в спектакле, одна старая негритянка, вдруг, приветствовала его на чистейшем русском языке. Оказалось, что в прежнее время она работала у Щукина в «Эрмитаже» и Санина прекрасно помнит.

---

[1]) Американская актриса и режиссер.
[2]) Н. А. Орлов — пианист.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

6 февраля 1933. Милый Сергей Львович!

Наконец то я собрался написать Вам. Постараюсь писать сжато, чтобы побольше рассказать. Письма Ваши получил, думаю все. Рад за Вас, что Вы с Майльстоном. Еще более буду рад, если Вы будете с ним работать в Европе. Люблю его заочно и верю в его огромный талант. Немного волнуюсь, что Вы все-таки непрочно обеспечены, но сильно надеюсь, что всякая катастрофа Вас минует.

Книги Эренбурга я выписал, хотя думаю, что в конце концов, Вы предпочтете обратиться к самому автору, который к тому же жил в Холливуде, присматриваясь к кино. «Свадьба Кречинского» имеется в каталоге моих «возможностей». При чем я считаю этот сюжет настолько кинематографическим, что был очень удивлен, когда к моему предложению этого сюжета, один берлинский продюсер остался совсем холоден. Я за последний месяц сделал настоящее чудо. Почти все газеты так и называют это. Я поставил с компанией Павловой «Вишневый сад». Уверяю Вас, что это чудеснейший сюжет для кино! И никто это не сделает лучше меня с таким мастером как Майльстон. И вот я вторично работал русскую пьесу с иностранными актерами. Да не с американцами, которых не трудно приблизить к русским, а с итальянцами, носастыми и черноглазыми... «Цена жизни» могла иметь успех хоть драматической ситуацией, а ведь «Вишневый сад» чистейшая русская лирика.

Успех был громадный, единодушный, характера большого театрального события. И сплошных аншлагов. И это был настоящий русский спектакль. Хотя, так же как и в «Цене жизни», я не допускал никаких масок под русских. Все газеты (Милан) полны восторженных отзывов об исключительной гармонии всех частей, о необыкновенной простоте исполнения, о «железной руке» режиссера, ну и там, как полагается, о гениальности и проч.

Самое же важное, что я хочу Вам рассказать, это то, что я, приступая к постановке, решил попробовать сделать так, как я всегда думал об этой пьесе и как думал Чехов. Я всегда находил, что Ольга Леонардовна, при всей ее обаятельности, простоте и трогательности, играет не совсем то, а то и очень не совсем. Она как бы перегружает образ драматизмом. Чехов говорил мне: «У Раневской талия как у осы», это было для его лаконичности достаточным определением необыкновенной легкости, крайнего легкомыслия. От этого я и пошел, чувствуя режиссерским чутьем, что такая перемена образа придаст всему спектаклю бо́льшую легкость, бо́льшую грацию, тон комедийности. «Позвольте, я же писал водевиль!». То что получилось превзошло все мои ожидания. Павлову-Раневскую публика сразу, с первых реплик, приняла как очаровательную, милую, трогательную, но невероятно легкомысленную особу. И не преувеличивая, каждая ее реплика сопровождалась сочувственным смехом. Вся пьеса засверкала комедийностью, но когда Раневская плакала, то и публика плакала вместе с нею. Это было соединение комедийной

актрисы с русской трогательностью. О принижении образа не могло быть и речи. Все рецензии говорят об образе, как в одно время и легком и глубоком и сложном. А так как у меня и Петя Трофимов, интерпретацию которого я тоже никогда не принимал у нас, изменен в яркости его идейного содержания (оставляя его чудаком), то острее зазвучала и социальная линия пьесы. То же об Ане.

Не буду останавливаться на подробностях, потому что хочу похвастаться еще вот чем: Я работал пять недель без всякого помощника, даже без простого помощника режиссера, работал начиная в час и кончая в 7 и в 8, а последние дни начинал в 11 и кончал в 11 с перерывом в час времени. Работал, т. е. попросту играл все роли по несколько раз. Играл до того, что показывал танцы, отплясывая за Пищика, и фокусничая за Шарлотту (великолепный вышел образ). И несмотря на такой физический труд, ни разу не испытал никаких дефектов в организме. Даже, в сущности, не очень устал. Это меня очень подбадривает. Оттого ли что я три месяца прожил в Сан Ремо, оттого ли что 1 1/2 года нахожусь вне трудной московской жизни. Или и от того и другого.

Обнимаю Вас. Мои шлют Вам сердечные приветы.

ВНД

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

20 февраля 1933. Будущее по прежнему неопределенно. У Милли много различных предложений, часть из которых он сразу отклоняет, часть находится в стадии обсуждений и переговоров с различными финансистами. Из Холливуда постоянные телефонные звонки и телеграммы, предлагающие Милли вернуться и работать там. Его представитель в Холливуде Филь Берг тоже настаивает на возвращении Милли, т. к. многие дела требуют его личного присутствия. Милли предполагает съездить в Калифорнию недели на две, а потом вернуться в Нью-Йорк и здесь начать свое дело, конечно, если переговоры приведут к благоприятным результатам.

Выяснилось, что делать съемки в Германии сейчас не представляется возможным, зато во Франции условия, кажется, весьма благоприятные.

Милли предлагает немедленно заключить контракт на постановку «Любовь Жанны Ней», но он колеблется начинать свою работу здесь этим фильмом.

Я весь месяц провел за переводом «Курбова», который далеко еще не закончен. Язык и стиль Эренбурга трудно поддается переводу. Вечера провожу в обществе Зилоти, Леонтович и Ратова и почти каждый день бываю с кем-либо из них или с Милли в театрах или на концертах.

На днях получил интереснейшее письмо от Владимира Ивановича с описанием его постановки «Вишневого сада». Поразительная энергия и выносливость в его 74 года.

21 февраля 1933. Милый Сергей Львович!

Прочел оба романа Эренбурга и пришел в уныние. Читая их, я все время думал о Майльстоне, прославившемся «Западным фронтом». Думал о том, что там, кроме огромного режиссерского таланта и чудодейственного его мастерства, был хороший, серьезный, умный, «добротный» матерьял. Сенсацию делала не только форма, но и факт, что кино вдруг заговорило языком настоящего, серьезного произведения. И вдруг вот: старая-старая кинематографическая канитель. Забирающая при условии не думать, не анализировать, не возражать. Ни во время сеанса, ни разумеется уже после него дома. И до чего же это все наивно! И эти 700 тысяч, данные писателем на пропаганду, так что ни один человек в мире не знает. И эта кража бриллианта, оставленого на столе! И подслушивание в телефон! И отсутствие Жанны! И ее ошибка в записке «среда» вместо «четверг»! И поведение Гастона! И встреча в Берлине! И Аглая! И переезды границы без виз! Буквально нет страницы, где бы не было именно «кинематографической», в кавычках, натяжки. При чтении очень многое спасается сверкающим, словесным талантом Эренбурга, рядом великолепных живописных страниц. Но ведь на сцене все швы так и полезут вперед! Словесность исчезнет. Останется сюжет, далеко уступающий всем бывшим подобным, утвердившим за кино репутацию пустого развлечения, и сценические фикции, даже не дающие актеру сколько-нибудь нового матерьяла. Это о «Жанне Ней».

«Курбов» сделан уже гораздо более опытной рукой. Словесный талант еще более расцвел и обострился. Но и тут те же старомодные фейерверки, те же черные и белые, красавцы и уроды, та же бенгалика и почти то же отсутствие реальной, зрелой мысли. Отсутствие той базы, которая так нужна серьезному режиссеру, режиссеру с мировым именем, а стало быть с мировыми задачами и мировой ответственностью. Эренбург блестящий фельетонист и никакий романист. У него изумительная палитра для внешних зарисовок, но нет ни философской, ни даже политической зрелой мысли и что еще хуже — совсем нет живых людей и живых чувств.

Думал я еще, что бы я сделал все таки, если бы был принужден заняться этим. Я ведь помните? изощрялся на этом. Как Бенуа выразился «мастер перекрашивать собак в еноты». Ну, не так грубо относительно Сургучева, Мережковского, Найденова и т. д. И не так грубо, конечно, относительно Эренбурга. А скажем идеальнее о моей способности: вдувать в красивые формы жизнь, правду, дух, идею. (Сейчас я этим занят с одной итальянской пьесой). В этом отношении я, кажется, действительно собаку съел. И надо Вам сказать, очень в себя поверил. Если бы Вы знали, что я проделал еще в этом направлении в Москве. Откуда же эти большие и даже идейные успехи? Минут 20 мне кажется, что я ничего с этим не сделаю, а потом пошло!

Да, так вот я думал, что надо устранить совсем, что переделать, как перевернуть одно на другое, как использовать изобразительный талант Эренбурга? Есть картины, которые могуть дать режиссеру очень хороший, частичный, матерьял для новых форм. Например: первое свидание Жанны с Андреем в Люксембургском саду. Какие внести новые факты, которые сделали бы состояние естественным? Может быть вышло бы. Но ведь для этого надо, прежде всего, разрешение автора? Или мне еще некоторое время невозвращенство. И во всяком случае то совместное пребывание с Майльстоном, о котором и Вы мечтаете. А так как, увы! на этом поставлен крест, то я и не дал себе труда думать долго.

Между прочим, в «Жанне Ней» некоторая, яко бы, новизна в том, что все кончается трагически. Но тут-то я уж решительно на стороне старого кино. Уж коли теребить нервы мелодраматическими трюками, так по крайней мере умилиться благополучным концом! Количество трюков не увеличилось бы от еще одного своевременного возвращения Жанны в Париж. А сцена Жанны в Берлине просто противная, вовсе не жизненная, оттого что противная.

Мы все еще в Сан Ремо. Когда уедем я Вам протелеграфирую новый адрес.

Обнимаю Вас. Мои Вам шлют нежный привет.

Ваш ВНД

22 февраля 1933. Сан Ремо. Милый Сергей Львович! Вчера послал Вам письмо с моим мнением о романах Эренбурга. И потом целый день был занят ими и попутно переработкой моих сюжетов. И наткнулся как раз на «Свадьбу Кречинского», «Дело» и «Смерть Тарелкина», а рядом с ними на идею, которую я как-то не додумал и с первого раза и сейчас кажется мне она и оригинальной и содержательной. У меня грубо названа «Жизнь и театр», надо иначе. Это сам Сухово-Кобылин. Вы конечно помните драму в доме № 9 на Страстном бульваре, хорошем особняке со стеклянной верандой, с мезонином, где была убита гувернантка. Помните обвинения, которые несмотря на оправдание (или вернее замяли), так и остались неоправданными или туманными в биографии Сухово-Кобылина. Процесс тяжбы, картины суда, которые и послужили автору темой для «Дела» и «Смерти Тарелкина». Так вот, на канве этой биографии, у меня и сложился такой двойственный сюжет. Может быть даже тройственный, потому что, как будто не без мистики. Очень сложный внутренне. Весь сюжет на небольшой территории: дом автора, английский клуб, где проявляется общественное мнение и где автор, конечно, член и Театр (Малый), его труппа, артисты, играющие с огромным успехом талантливые пьесы этого автора. Основа—семейная драма автора, с убийством (прислугою) гувернантки, убийством, в котором обвиняют автора. (Оно почти так и есть. Внушение, как Годуновым царевича Дмитрия). Автор прославился. Картина началась с его огромного успеха, оваций за кулисами, когда исполнители еще в гримах (будущие Муромский, Репетилов, м. б. Тарелкин), оваций в Английском клубе. А когда он пришел домой,

то там оказалась бездна, которую не сумел прикрыть даже его успех. Потом убийство, потом процесс, тяжбы, хлопоты, взятки. И вот отсюда только и начинается главное. Автор сильный, мужественный, красавец, аристократ, переживая все вместе и угрызения совести и стремление спасти свою репутацию и свое имя и страх суда и ненависть к чиновникам, остается талантливым писателем. Все впечатления у него складываются в гармоническую пьесу. Это ему дает и силу бороться и забвение. Он пишет пьесу. Его дело замяли, хотя в Английском клубе (да и у актеров) его встречают не попрежнему. Но он написал очень талантливую пьесу, в которой отразил под видом другого (Муромского) свои мытарства и в которой вывел своего злейшего врага по процессу (Тарелкина). Мы видим как актер будет даже гримироваться под живого Тарелкина. Пьесу берут. Пьеса имеет огромный успех. Публика на стороне затравленного (Муромского — Сухово-Кобылина). Казалось бы автор найдет отдых и радость. Но, увы, его переживания еще острее, его угрызения совести возбуждаются той правдой, которая всегда бьется под пером талантливого писателя. Гувернантка является ему в разные моменты бессонницы. Он пишет еще пьесу, как пьяный старается совсем забыться в вине (При разработке сюжета, м. б. достаточно одной пьесы, т. е. чтобы с нею пришла и развязка. Я пока иду по биографии Сухово-Кобылина). Он ищет забвения в этом перевоплощении жизни в искусство, в этой атмосфере театра, лжи красивых финалов. Он хочет окончательно раздавить Тарелкина и Варравина. Но тут происходит «гримаса дьявола» (это уже смерть Тарелкина). Что-то в театре случилось, какой-то совершеннейший вздор (вроде скрипа сапог в Гамлете Южина или сползания трико у Леонидова-Каина) и пьеса проваливается и живые Варравин и Тарелкин торжествуют. Чем он кончает истерзанный автор? Он может повеситься, может сойти с ума, но может искать успокоение в религии, пойти в монахи и там каяться. И когда в монастырь случайно забредут знакомые лица, человек, бывший автором, будет успокоенный служить им. Технически как?—не мне диктовать. Как дать театр не за кулисами, а в спектакле, в успехе пьесы. Как дать авторский мир воображения, действующие лица носящиеся в фантазии автора, в те часы, когда он, глубокой ночью, в тишине сидит над письменным столом... А над его потолком комната убитой... и того гляди она в углу... Тут проносятся передо мной следующие задания: 1. Определить точнее самую драму в доме, точнее сжатее и понятнее. 2. Совершенно осовременить сюжет. 3. Хорошо найти пропорции частей, чтоб главнейшее не затерялось в интересных подробностях второстепенного, но чтоб и не было скомкано.

Как дать фантастическое, т. е. не матерьиальное, как сделать, чтоб не впасть в шаблон «призраков», а между тем, может быть, не остановиться и перед рожей дьявола, не побояться этого трюка (как у Достоевского в кошмаре). Такого дьявола, каким его полусерьезно, полу-сомнительно представляет себе автор и давать ли это? Это все дело режиссера картины.

Ах, отчего я не около Вас. Сколько сюжетов можно было бы оговорить.

Кстати, «Преступление и наказание» я тоже перечитал, думая о кино-сценарии.

Ваш Вл. Немирович Данченко

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 22 февраля 1933. Милый Сергей Львович!

Я послала Вам пакет с книгами. Не могу сказать, чтоб я считала эти книги столь же удачными для сценария как «Любовь Жанны Ней». Но надо Вам сказать, что это только среди давно изданных книг еще можно встретить такие, какие бы Вам подошли, остальные же последние, очень шагнули вперед по тематике и вряд ли могут быть Вами оценены, я говорю о требовании вашего производства. Из посланных книг я считаю так: по роману Кина «По ту сторону» у нас сделана пьеса «Наша молодость», которая идет уже три сезона. Думаю, что, пофантазировав, можно найти сюжет интересным и для кино. То же мне кажется, относительно «Жили два товарища». Я знаю еще несколько книг, которые гораздо ближе могли бы подойти к Вашим пожеланиям, но это книги давно изданные и их найти чрезвычайно трудно. Возможно, что мне удастся найти их, связавшись с Ленинградом.

Сейчас, к сожалению, нет времени продолжать письмо, чтоб рассказать о наших делах, но я Вам скоро напишу о нашей жизни. В Театре у нас непрерывно-напряженная атмосфера, оттого так трудно писать о наших делах. Молодежь жадна до ролей, до дела, старики не всегда с ней соглашаются, вот вам и конфликт. Но это, конечно, очень схематическая оценка в таком сложном процессе, какой переживает сейчас театр. Я Вам буду еще писать. Жму крепко руку.

Ваша О. Бокшанская

3 марта 1933. Милый Сергей Львович! В дополнение к посланному моему письму сообщаю, что дня два тому назад послала Вам книгу Федина «Братья», которая кажется мне интересной и, во всяком случае, очень талантливой. Она имела очень большой и серьезный успех у нас. Получила я ее случайно.

Ваша О. Бокшанская

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

3 марта 1933. Дни тянутся для меня невероятно монотонно. До сих пор мы не выбились из неопределенности. Переговоры, конференции, совещания... Все это очень похоже на мыльные пузыри, которые возникают, лопаются, снова возникают и снова лопаются. Работа над «Курбовым» тоже утомляет, тем более потому, что может быть весь этот труд совершенно напрасен, когда дело дойдет до сценария, мнение переменят и решат делать что-либо другое. Такие примеры бывали не раз.

Продолжаю искать в литературе что-нибудь действительно значительное из чего можно было бы сделать настоящий, хороший фильм. В советской литературе все такое незначительное и тусклое. Просил Бокшанскую посылать мне все новые книги, которые, по ее мнению, заслуживают внимания.

4 марта 1933. Наконец, наше дело, кажется налаживается. Сегодня Милли рассказал мне всю схему будущего дела. Театральный агент Лайонс предложил ему ввести в дело Шубертов, известных театральных предпринимателей на Бродвее, Милли на это согласился. Лайонс получил принципиальное согласие Шубертов и договор в течение ближайших дней будет подписан. Мне предложено заведывание отделом сценариев. Разумеется, это для меня очень интересно.

Последовало распоряжение правительства о закрытии на три дня всех банков Калифорнии. Такая временная мера, уже коснувшаяся 21 штата Америки, предпринята для того, чтобы предотвратить начавшуюся панику. Люди бросились вынимать вклады и банки начали лопаться. Все деньги Милли в калифорнийских банках, но он не проявляет никакого беспокойства. Общее настроение повсюду ужасное.

Представитель Милли в Холливуде, Берг, прислал телеграмму, сообщая об одном серьезном предложении. Милли свой ответ ему закончил словами: «Откуда тебе удалось достать денег на телеграмму?»

5 марта 1933. Все Нью Йоркские банки закрылись. Настроение подавленное и никто не знает, чем все это кончится. Из Холливуда звонили по телефону, говорят, что там полная паника.

Вчера с Ратовым смотрели советский фильм «Советы на параде». Отвратительное зрелище красноармейского парада и, так называемой, «мощи» рабоче-крестьянской власти. Но самая гнусная картина это Максим Горький, в своей громадной итальянской шляпе, на трибуне рядом с «вождями» и выглядел он еще нелепее, чем прочие большевистские лидеры. От всего виденного на экране остается впечатление, что вся Россия состоит из солдат и плохо одетых людей без малейшего признака культуры на лицах.

7 марта 1933. Дело с банками затягивается. Пока никаких мер к разрешению вопроса не принято. Шуберты не подписывают соглашение, до выяснения денежного положения в стране. Ратов уехал в Холливуд в полнейшей панике.

10 марта 1933. Дела обстоят все так же. Будущее не ясно. Относительно «Банк оф Америка», ползут какие-то подозрительные слухи . . .

Вечером смотрел советский фильм «Стыд». В главной роли артист Гардин, в небольших—Блюменталь-Тамарина и Потоцкая. Все играют отлично, но почему-то у всех речь нарочито замедленна, точно режиссер боится, что публика не поймет актеров.

Великолепна сопровождающая музыка Шостаковича. Сюжет—добродетельно-кисло-сладко-идейный.

12 марта 1933. Банки еще закрыты, но завтра утром открываются главнейшие, остальные 14-15 марта. Общее настроение спокойное. Не то в Холливуде. Там «продюсеры» объявили сокращение жалования (кто получает более 50 долларов в неделю —50%, кто меньше —25%), на это актеры и служащие согласились, а профессиональные союзы нет. Поэтому студиям грозит закрытие... То же положение с театрами Бродвея.

13 марта 1933. Наш воз и ныне там... Теперь Шуберты поглощены кризисом театров, находящихся накануне закрытия. Кроме того у них важный аукцион, на котором они хотят скупить обратно свое сценическое имущество, оцененное в 25 миллионов, которое они потеряли при объявлении банкротства.

Из Холливуда телеграфируют, что дела требуют неотложно присутствия Милли

16 марта 1933. Милли решил съездить в Калифорнию и наладить все там, пока здесь дела на точке замерзания. В 4 часа мы выехали из Нью-Йорка. Почти сразу же занялись чтением «12 стульев». Прочли, что называется, залпом...

17 марта 1933. Мы уже в Калифорнии. В Сан Бернардино к нам в вагон сел Ратов. Рассказывал холливудские новости. Говорит, что там очень ждут возвращения Милли.

22 марта 1933. Опять началось то же: совещания, переговоры, конференции. От Лайонса из Нью-Йорка телеграмма о том, что аукцион Шубертов отложен и потому они подписание договора откладывают.

Общее положение на кино-рынке ужасное, полный застой, неурядица с профессиональными союзами, неразбериха в студиях, безденежье...

В. И .НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

5 мая 1933. Милый Сергей Львович! С грустью думаю о том, что Вам приходится переживать из-за эквилибристики доллара.

Да, трудно! Трудно вообще везде, по всему миру. И всем!

Какая обида, что с моими стремлениями на Америку так ничего и не вышло. Ни со сценариями, ни с каким-нибудь контрактом. Я Вас понимаю: поди-ка убеди их заочно! А, между тем, вот недавно я опять, извините, похвастаюсь, показал себя. В невероятнейших, наихалтурнейших условиях, не помню даже бывал ли я когда-нибудь в таком положении; без всяких денег, потому что директор Павловой отказал в каких бы то ни было расходах. В непозволительно короткий срок, не имея даже самого простого помощника режиссера, а главное еще с актерами, которые в пьесу не верили и ролями не увлекались и наконец с пьесой, которую я переделал настолько, что от нее осталась только часть ске-

лета... А результат—громадный успех, овации автору, актерам и больше всех мне. При переполненном зале. Работал я словно мне только что минуло сорок. Кричал, сердился, ругался, бегал по сцене... И ведь вот: с актерами другого языка!

Не досадно ли, не раз я думал, что Вы не можете добиться, чтоб использовать меня как... целый комплекс данных.

Автор после премьеры три дня угощал меня шампанским.

И при всем том надо собирать пожитки и ехать восвояси. Потому что здесь театра нет, народ относится к нему равнодушно, а на эксперименты, которые я могу предложить с уверенностью в успехе, — идти трусят.

Здесь великолепный сбор 10—12 тысяч лир, т. е. 500—600 долларов. Когда «Вишневый сад» дал 14 тысяч (это по надбавленным ценам), то это было событие.

Жду денег из Москвы, т. е. валюты, чтоб возвращаться. Боюсь, что не хватит у меня даже на Карлсбад и придется ехать летом. Я думаю, что в конце мая мы будем в Берлине. Там, как пишет Леонидов, полный порядок.

Два года!... И ничего...

Обнимаю Вас.

Ваш Вл. Немирович Данченко

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

31 мая 1933. Милый Сергей Львович! Пишу Вам с такой тяжестью на душе, с такой грустью, ведь вчера я узнала о Вашей тяжелой утрате, о внезапной кончине Михаила Львовича. Это было для меня так неожиданно. Бедная Ваша мама, сколько горя выпало ей сейчас на долю. И как Вам тяжело сейчас не иметь возможности быть с нею в эти печальные часы и дни.

Теперь хочу ответить по накопившимся Вашим письмам. В первом письме Вы сообщаете о полученных книгах. Посылая их Вам, я сама понимала, что вряд ли они могут составить матерьял для сценария. Мне казалось только, что может быть они смогут заинтересовать кого-либо как материал для беллетристического перевода— в чтении Америка серьезнее, чем в фильмах. Об этом я сужу по романам американских авторов, которые много серьезнее авторов американских сценариев. Позднее я послала Вам еще две книжки—Лавреневскую «Белую гибель», произведение мрачное, но многим нравящееся, и повесть «Блистающие облака».

По следующему Вашему письму. — Не пойму, какой фильм у Вас был назван «Стыд». Судя по тому, что там была интересная музыка Шостаковича — это то, что у нас называется «Златые горы». В этом фильме Шостакович особенно прославился, но вообще он много пишет для кино. Он сделал совершенно изумительную музыку к ужасающей постановке вахтанговцев «Гамлет». Можете себе представить трактовку пьесы, если Гамлета играет комик Толя Горюнов. Шостакович же написал для Музыкального театра «Леди Макбет Мценского уезда» по Лескову. Опера очень симфонична, но исключительно интересна, все решительно в театре увлечены сейчас этой работой, которую, конечно, надо бы

выпускать Владимиру Ивановичу, это его прямое дело, и сюжет и музыка просят его участия. Шостакович ведь очень молод, ему 24—25 лет и безусловно его ждет блестящее будущее, но сейчас еще я не всегда разделяю оглушительные похвалы в его честь. Я как-то слушала концерт из его произведений и это показалось мне утомительным по однообразию приемов.

С 16-го июня по 17-е июля я буду в Ленинграде с группой, едущей туда на гастроли. После гастролей судьба моя еще не определилась; я либо останусь в каком-либо доме отдыха на месяц, под Ленинградом (Сестрорецк, Петергоф), либо опять таки в доме отдыха, но под Москвой. А теперь с появившейся надеждой на приезд летом Владимира Ивановича, возможно, что мне вообще не придется никуда на отдых ехать, а пробыть в Москве, если это будет необходимо для него.

С Владимиром Ивановичем дело теперь обстоит так: два дня тому назад я телеграфировала ему от имени Константина Сергеевича, что разрешена высылка необходимой ему для приезда сюда суммы. Этого удалось добиться после ряда писем от Влад. Ив., из которых можно было судить о чрезвычайно тяжелом его материальном и моральном положении. Теперь я жду ответа, — надеюсь, что он скоро даже сможет указать срок своего возвращения, потому что для него, для определения отношения к себе, это страшно важно.

1 июня 1933. Милый Сергей Львович! Как видите получается не письмо а целый дневник. Это не жизнь, а какая то сплошная гонка у нас сейчас в Театре. Тут и близкий конец сезона и предстоящая гастрольная поездка и всякие заботы в связи с начавшейся декадой искусств, во время которой мы 3-го и 5-го играем для иностранных гостей «Бронепоезд» и «Мертвые души» и 3-го днем принимаем их у себя в Театре. При этом весь расчет в приеме был на Конст. Сергеевича, который должен был все осветить и согреть. А он третьего дня захворал гриппом, лежит с температурой и, вероятно, до конца сезона выбыл из работы. А ему оставалось только всего 3-4 репетиции «Талантов и поклонников», чтоб их выпустить на Большой сцене. Спектакль все же должен быть выпущен, хотя бы закрытыми показами, хотя бы даже генеральными. И поэтому решено к работе, к просмотру и выпуску привлечь стариков (т. е. Леонидова и Москвина; т. к. качалов болеет, всей нашей «тройки» управления не соберешь). Но, конечно, можно привлечь каких угодно талантливейших актеров, все же они не заменят репетиций с Конст. Сергеевичем, так что в выпуске «Талантов» несомненно будет компромисс.

С «Фигаро» никаких осложнений у меня не получится, авторские идут и идут. Жаль только, что спектакль ставится реже, отчасти потому, что уже довольно много шел, отчасти потому, что надо уступать место другим пьесам, которые сильно спрашиваются публикой, пьесам заново выпускаемым. Словом, Вы знаете, насколько трудная математика-составление репертуара, и теперь, когда мы играем непрерывно, без свободных дней, но с необхо-

димостью предоставлять актерам по 6 выходных дней в месяц, это уж получается полная абракадабра. Я даже не могу осознать, как управляется со всей этой тарабарщиной Калужский.[1])

С «Машиналь» же вот как у меня получились разговоры с Камерным театром, выпустившим 22-го спектакль: Пьесу я зарегистрировала во Всероскомдраме по всем правилам, так что юридически Ваши права закреплены. Но тут произошло следующее: на премьеру приехала Софи Трэдуэлл, автор. Приставленный к ней работник Камерного, по литературной части, позвонил ко мне и сказал, что будто бы намечается введение закона, по которому будет установлена, как бы, конвенция между САСШ и нами. Будто бы они там будут платить авторские за наши пьесы, а мы будем платить их здесь. Что, по словам Трэдуэлл, в Америке переводчик не получает авторских, а просто получает за перевод и т. п. Я на это сказала, что если будет введен такой закон, конечно, ни Вы ни я протестовать не будем. Но до введения этого я считаю, что я не могу никаким образом удовлетворить какие бы то ни было претензии автора, так как не вижу в них юридических оснований. Что же касается каких-либо других взаимоотношений между автором и переводчиком, то об этом надо Трэдуэлл говорить с Вами. Рубинштейн (работник Камерного театра) вполне со мною согласился. Но тут еще прибавил, что как будто удастся напечатать пьесу, во-первых, ее собирается печатать вновь открывающийся журнал «Театр и драматургия», уже получивший текст неизвестно от кого (Камерный не давал и я не давала. Может быть, от студии Симонова, имеющей от меня экземпляр для постановки), во-вторых, может быть Рубинштейну удастся устроить ее в государственное издательство. И вот тут, т. к. в издательство он собирался отправиться с Трэдуэлл, он опасался как бы издательство не уплатило ей аванс, разделив его пополам с переводчиком. Тогда я позвонила юристу Всероскомдрама, которому рассказала мои опасения. Он мне сказал, что я совершенно правильно рассуждала и что Всероскомдрам проследит за тем, чтобы не только авторские за постановку, но и за напечатание были внесены на Ваш счет. Кстати, редактор нового журнала «Театр и драматургия», драматург Афиногенов, с которым я встречаюсь довольно часто.

Симоновская студия, кажется, летом выпустит «Машиналь». Они играют в парке Культуры и Отдыха. Я хотела бы посмотреть и эту постановку. Камерный меня никак не удовлетворил, хотя Рубинштейн мне рассказывал, что автор был в полном восторге от интерпретации своей пьесы. Таиров напустил много фокусов, желая передать ощущение каждой следующей картины в световом оформлении сцены проэкцией. Тут, пока во тьме сменяются декорации, проходят либо небоскребы, либо атрибуты конторы, либо домашние вещи, либо пароход (свадебное путешествие), либо кресты и электрический стул перед последней картиной. Все это было бы не так надоедливо, если бы актерски это было интересно. А тут режиссура пошла по такой линии: лю-

---

[1]) Заведующий труппой и репертуаром

дей-машин, людей-автоматов она сделала примитивно автоматическими, надоедливыми, однообразными, по-моему это не верный прием. Если бы они были как живые люди, а вот чувствовалось бы, что среди них вот таких, будто бы живых, а на деле машинных людей, бьется подлинно живой человек, было бы впечатление сильнее. Коонен играет тонко, но однообразно. А уж остальные... их с трудом можно отличить друг от друга. И в суде публика впадает просто в сон, мне об этом говорили многие наши, смотревшие генеральную.

Да, вот еще что хотела Вас спросить: каковы будут наши отношения по «Машиналю»? Помнится Вы мне писали, что при постановке пьесы при моем содействии в каком либо театре, Вы уступаете мне часть авторских.

Желаю Вам всего доброго. Сегодня утром приехал Сейлер, звонил мне, а вечером зашел повидаться перед уходом в Камерный. Ну, будьте здоровы, благополучны и по возможности счастливы, милый Сергей Львович. Крепко жму Вашу руку.

Ваша Ольга Бокшанская.

Москва 11 августа 1933. Милый Сергей Львович!

С Лавреневым[1]) было следующим образом. По приезде в Ленинград, я нашла его телефон и, застав его наконец дома, объяснила ему коротко, какое у меня к нему дело. Он обещал придти ко мне в контору переговорить. Но не пришел. Приехав сюда, я написала ему письмо. До сих пор на это письмо я ответа не получила. Возможно, что его сейчас, летом, и вовсе нет в Ленинграде. Думаю, что если Вы имеете возможность издать перевод его книги, то свободно можете это сделать, т. к. с Вашей стороны Вы сделали все шаги, чтоб заинтересовать его в этом издании. Если же я получу ответ от него, то конечно, тотчас же сообщу Вам. Я ему в первом же нашем разговоре указала, что он не должен иметь никаких опасений в смысле взаимоотношений с Вами, т. к. Вы живете за границей легально.

Теперь о Всеросскомдраме. Дело в том, что после нашего отъезда в Ленинград, недели через две, туда явилась авторша «Машиналь» (мне она сказала, что уедет из Москвы числа 8-го июня, а как видите осталась здесь до конца июня) и заявила свои претензии на авторские. Заведующий соответсвующим отделом, с которым я до отъезда имела обстоятельный разговор, отказал ей, ссылаясь на существующие законы. Тогда она нашла другие пути для решения своего дела, в результате чего состоялось заседание Секретариата Всеросскомдрама. На этом заседании было вынесено постановление, что Трэдуэлл является автором, в отношении которого желательно проявить исключительное внимание, и ее права на авторские были приравнены к правам нацменьшинских авторов, по которым автор и переводчик делят гонорар поровну. Тот же заведующий отделом, с которым я говорила, имел даже неприятности за то, что не проявил в отношении Трэдуэлл должного внимания и предупредительности. Теперь

[1]) Б. А. Лавренев — писатель.

он должен подчиниться постановлению Секретариата. Трэдуэлл сумела здесь крепко себя поставить, особенно нажимая на свои связи в газетном и писательском мире Америки и на свое положение жены какого-то видного работника прессы. Так, во всяком случае, я слышала со стороны. Журнал «Театр и драматургия», первые две книжки которого я Вам вышлю, если только смогу достать, помечен так: № 1 апрель, № 2-3 май-июль, а вышли они дней 8—10 тому назад, и тогда только я и увидела в № 1-м Вашу пьесу.

Что касается «Золотой клетки», то купить ее просто так нигде нельзя, разве только по совершенной случайности. Видите ли, Сергей Львович, у меня положительно нет времени обойти букинистов, дать объявление в газету дороже, чем переписать пьесу, послать человека на розыски тоже не дешевле. Вот я и думаю, не начать ли мне переписку, а мы с Вами сочтемся.

Снова о «Машиналь». Вы пишете, что Трэдуэлл не может не сознать, что если бы не Вы, то пьеса не попала бы на наши сцены. Я думаю, что, как это всегда бывает, автор, лишь только его пьеса уже пошла, перестает сознавать что-либо, кроме того, что это ЕГО пьеса и ничья больше. А принимая во внимание отзывы, которые я слышала о хватке и практичности Трэдуэлл, то это чувство собственности и отсутствия благодарности кому-либо у нее имеется в несколько увеличенном виде.

С началом работ в театрах я постараюсь поднять вопрос о «Правосудии», хотя по правде сказать не рассчитываю на успех. Мне эта пьеса не кажется интересной в наших условиях.

Кажется, по делам все. О Театре ничего не пишу, потому что о прошедшем сезоне уже устарело. Разве только о громадном успехе гастролей в Ленинграде и о совершенно изумительной организации поездки нашим новым помощником директора — Леонтьевым, пришедшим к нам из студии Малого театра. Чего, чего только он нам не устроил! Мы получали великолепные оклады, жили совершенно беззаботно, устроены были большинство в «Астории», в чудесных, комфортабельных номерах, имели пропуска в прекрасные рестораны-столовые, да впрочем, заработок позволял нам иногда шиковать в ресторанах «Астории» и «Европейской». Словом, это было такое прекрасное житье, что Ольга Леонардовна,[1]) даже перебирая в памяти все заграничные турне, пришла к выводу, что такой поездки, в смысле благоустройства и организации, комфорта и благодушия, до сих пор у Театра не было.

О предстоящем сезоне пока писать трудно; он еле намечается, т. к. все будет зависеть от степени участия Владимира Ивановича в работах Театра. Константин Сергеевич уехал за границу лечиться с Марией Петровной[2]) и врачом. Вл. Ив. только постепенно входит в дела Театра и, по его словам, видно, что он не собирается взваливать на себя всю махину дел, он считает, что

---

[1]) Книппер-Чехова.
[2]) М. П. Лилина.

лучше Конст. Серг. остаться единоличным директором, а на время его отсутствия (Конст. Серг.) пусть работают и отвечают за все его заместители.

Теперь о Вашей маме. Я два раза виделась с Ольгой Аполлоновной в Ленинграде. Это такая светлая и ясная мысль — Ваша мама! Она так вся в живой жизни, несмотря на свой возраст и перенесенное горе, пронизывающее все ее существование. Мы с ней много говорили, как же ей быть? И уехала я с поручением от нее узнать от Влад. Ив., что знает он о Ваших материальных делах и что он в связи с ними и общей ситуацией посоветует ей сделать. Влад. Ив. в первую мою беседу с ним дал совет Ольге Аполлоновне выехать к Татьяне Львовне,[1]) в расчете, что хуже Вы не будете устроены, а на лучшее сильно можете рассчитывать, как он говорит: «выкрутитесь». Но на следующий день он мне звонил, что передумал и советует Ольге Аполлоновне оставаться в привычной обстановке. Тут единственный для нее трудный момент — это вопрос комнаты, которую ей могут предложить переменить, раз она одна теперь, и взамен она может получить комнату неприемлемую, вдали от ближайших друзей, помогающих ей уходом. В общем Вл. Ив. согласился с моим планом: жить здесь, пока есть возможность жить прилично. Но как только покажется угроза, что так дальше не будет — выхлопотать паспорт и уехать.

А теперь я с Вами прощаюсь, милый Сергей Львович. Будьте здоровы и благополучны. Крепко жму Вашу руку.

Ваша Ольга Бокшанская

Да, Вы спрашивали о пьесах Булгакова: «Мольер», «Мертвые души» и еще новой. Я не знаю, что Вы имели в виду. Мы репетируем его пьесу «Бег», она написана еще до «Мертвых душ», но в работу пошла только с прошлого сезона, до того репетировалась временно. У Булгакова есть еще очаровательно сделанная переделка мольеровского «Мещанина во дворянстве», для театра под руководством Завадского, прелестная, изящная вещь. Может быть поговорить о высылке Вам ее?

Москва, 28 сентября 1933. Милый Сергей Львович!

Пойду по пунктам, так же как и в Вашем последнем письме.

«Машиналь» в прошлом сезоне прошла 9 раз. Сейчас объявлено открытие Камерного театра и в объявленном по 6-е октября репертуаре пьеса стоит 6 раз. Я виделась с Рубинштейном, который зашел ко мне за «Правосудием» и попросила его послать Вам весь материал прессы по постановке. А на днях, когда я ему звонила относительно его впечатления о «Правосуднии», он сказал, что ему пьеса показалась для их театра неподходящей, берущей вопрос очень узко и не имеющей международного интереса, затрагивающей только недостатки суда, но не связывающей этой стороны жизни с рядом других темных сторон капиталистического строя. Тем временем я давала «Правосудие» почитать

[1]) Дочь Ол. Ап. Бертенсон, жившая в Эстонии.

нашему режиссеру Горчакову, который нашел, что пьеса не может рассчитывать на успех в профессиональных, больших театрах, но что сделана она неплохо и может представить интерес для клубных сцен, нуждающихся в большем количестве пьес, чем профессиональные театры. Сегодня я была во Всероскомдраме, чтобы заключить там договор, но не застала заведующего. Беда в том, что у нас во всем театре испорчены телефоны вот уже несколько дней, и нет никакой телефонной связи с внешним миром, а это так трудно. Иногда, вдруг, заработает один аппарат в конторе, но постоянно бегать туда мне очень затруднительно. А многое можно было бы наладить по телефону.

Теперь о «Машиналь» у Симонова. Насколько я могла понять из газетных информаций, студия Симонова в Ленинграде осенью должна гастролировать и там показать Вашу «Машиналь». В Москве этот спектакль еще не шел, но, конечно, после гастролей в Ленинграде они покажут его и в Москве. Ведь эта студия не имеет своего постоянного театрального помещения (репетиционное имеет) и играет в различных театрах и клубах. Она вообще имеет очень большой успех у прессы и у публики, как будто, тоже. Я лично еще не видела у них ни одного спектакля. Говорят, что там очаровательна первая их актриса Тарасова, которая с большим успехом и обаянием сыграла Негину в «Талантах и поклонниках», говорят так сыграла как нашей Тарасовой и не сыграть. Я предполагаю, что в отношении этой студии случилось то же, что было и по отношению ко всем студиям. Для начала начинают дико захваливать (так было с Первой студией, со студией Завадского, со студией Малого театра), везде и всюду кричат, что это замечательное явление, что надо дать ему возможность широко распуститься на настоящей театральной площадке. После этого студия добивается своего театрального помещения и постепенно начинает катиться вниз, т. к. быть театром ей совсем не по силам. И в итоге получается весьма среднее существование заурядного театрального коллектива. Что касается Вашего гонорара за напечатание пьесы, то он мне гарантирован, но выплата его откладывается все время, потому что в редакции хронически нет денег.

После длительных поисков мне наконец удалось достать экземпляр «Золотой клетки», выданный мне на 7 дней, в течение которых я спешно переписала пьесу. «Пишо и Мишо» я тоже нашла. Затем я передала обе пьесы в Репертуарный комитет с просьбой дать мне разрешение на высылку пьес Вам. Надеюсь выслать их Вам в самом скором времени, если только в Комитете не встречу препятствий.

Продолжаю 29-го

Переговорила по поводу упомянутых пьес и узнала, что 1-го мне дадут разрешение на высылку их Вам.

Да, 27-го октября день 35-тилетия Театра. Совершенно точно известно, что никакого официального чествования и празднования не будет. Конечно, в Театре каждый поздравит друг друга, но даже никаких внутренних отметок в этот день не предпола-

гается. Сначала думали устроить какой-нибудь банкет, вечер, капустник, но потом эти планы отпали. В Театре сейчас на работе свыше 900 человек, где же всех устроить. Мы смеемся, что все в тихом интимном кругу отметят эту дату.

Я говорила Влад. Ив., что Вы ждете писем от него, но он мне сказал, что до сих пор не смог Вам ни разу из Москвы написать и не знает, когда сможет, так что пока поручает мне написать Вам за него. Вряд ли это Вас особенно устроит. Сейчас мне надо уйти в филиал, куда сегодня приезжает на спектакль Горький, а стало быть будет и Вл. Ив., и я должна быть непременно.

Да, вот о чем хочу Вас попросить: если у Вас будут в руках какие-нибудь уже проштудированные кино или теа-журналы, присылайте их мне, театральная и кино жизнь Америки нас живо интересует.

Желаю Вам всего-всего хорошего и крепко жму руку.

Ваша Ольга Бокшанская

Москва, 10 октября 1933. Милый Сергей Львович!

Пишу Вам главным образом для того, чтобы переслать Вам письмо, наконец, появившегося у меня Лавренева. Он был в экспедиции на Памире. И вот сейчас только что вернулся и застал у себя на квартире мое письмо.

К сожалению не могу Вам сообщить ничего нового относительно заключения договора на распространение «Машиналь» и выпуска «Правосудие» для клубных сцен. Это такой волокитный отдел, отдел распространения Всерosскомдрама, трудно Вам описать. Я ежедневно туда телефонирую — то заведующего нет, то он там, но назначает, чтобы я позвонила к нему на следующий день, чтоб сговориться, когда я должна придти для заключения договора. А туда придешь тоже неразбериха, никто толком ничего не объяснит. Решила завтра в последний раз с ним связаться и если ничего толком не добьись, обращусь в центральный Всероссекомдрам с жалобой на волокиту.

Журнал «Театр и драматургия» розыскан мною, не хватает только № 4, но, может быть, удасться и его раздобыть. Это дело нелегкое; сказать Вам, например, что наш Музей не имеет № 1. Он в свое время (Музей) выписал этот журнал, № 1 по какой-то ошибке к нам не пришел. Они ждали-ждали, а как хватились, что надо его получать как-нибудь иначе (кстати, контора отказалась прислать дубликат взамен пропавшей бандероли), — оказалось, что номер этот разошелся полностью и его можно получить только по знакомству, если кто-нибудь, из имеющих номер, отдаст его Музею.

Мне не надо Вам объяснять, какое громадное наслаждение получаю я от общения с Владимиром Ивановичем, какую изумительную школу прохожу. И это я, скромный работник Театра. А то, что ежедневно получают от него наши режиссеры, этого не оценить ничем, так это громадно. Для этого можно было бы ехать сюда со всех краев земли, за этим могли бы гнаться люди театра всего мира, а вот только наши счастливцы и полу-

чают это в самом непосредственном общении с Владимиром Ивановичем. Его энергия сейчас поразительна, его мудрость неисчерпаема. Он работает и живет так, как я не помню уж, когда он жил. Я вспоминаю мои первые годы в Театре, 14—12 лет назад, — да, сейчас энергия неменьшая, если не большая. Только бы не сглазить, какая изумительная крепость сил. Он с громадным увлечением работает сейчас над двумя постановками у нас «Егор Булычев и другие», в Музыкальном «Леди Макбет Мценского уезда». Это работы чисто репетиционные, это очередные постановки. Но тут же он успевает вести литературную работу над текстом, который делает для Музыкального театра для «Травиаты» Вера Инбер, тут же он проводит репетицию по вводу нового и многообещающего тенора в роль Хосе, он ездит на множество важных приемов, заседаний, он смотрит постановки других театров. Когда же это бывало? Давно, очень давно.

Влад. Ив. провел интереснейшую работу с актерами в «Талантах и поклонниках», не соглашаясь при этом с общей трактовкой спектакля, но не считая возможным ее менять, т. к. она была проведена Константином Сергеевичем. Актерам он дал так много, что они для начала даже несколько растерялись, он заставил их трепетать; это их подлинные слова. Но это знаем только мы, внутри театра; для широкой публики эта работа и неизвестна и непонятна. Я не могу сказать, чтоб мне нравился спектакль «Таланты» — он мне кажется пресноватым, каким-то банальным, сделанным по устаревшим трафаретам, от которых мы давно ушли. Кроме того и исполнители далеко не все меня радуют, хотя технически у всех роли сделаны с высоким мастерством. Исключительно хороши на мой вкус, да, пожалуй, и для всей почти публики — Андровская-Смельская и Прудкин-Бакин. Совершенно уныло-старомодны, в самом противном смысле этого слова, декорации. Их делал Крымов, в самой провинциальной манере. Не провинция показана в них, а они сами исполнены, как могли бы сделать декорацию в провинциальном театре весьма средней руки.

Вскоре после спектакля Островского в нашем Филиале вышел спектакль «В людях» — сделанный по тексту некоторых беллетристических произведений Горького. Спектакль чрезвычайно тяжелий по своему содержанию, принес радость театру тем, что выявил прекрасного, чисто МХАТовского режиссера — Мишу Кедрова, талантливо начинавшего свою актерскую деятельность еще при Вас. При нашей бедности режиссеров — это настоящий подарок Театру.

Сейчас параллельно с «Булычовым», который имеет первую очередь на Большой сцене, в Филиале репетируется «Ложь» Афиногенова — живая советская пьеса. Ее режиссирует Судаков. Следующие по очереди: на Основной сцене «Бег», в Филиале «Пиквикский клуб» в инсценировке Венкстерн, и затем на Основной «Мольер». Сейчас еще дорабатывается «Воспитанница» Островского — спектакль, который в порядке школьной работы делала с нашей зеленой молодежью Телешева. Для молодежного спектакля это было очень хорошо, но, по моему, показы-

вать его со сцены Коршевского театра на зрительный зал в 1000 человек — это рискованно, просто незрело.

Милый Сергей Львович, на этом заканчиваю разговоры. Желаю всего хорошего и крепко жму руку.

Ваша О. Бокшанская

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

3 ноября 1933. Милый Сергей Львович!

Да, это ужасно, что я Вам не писал столько лет! Но Вы не представляете, как я занят!

Ужас, в буквальном смысле, что я совсем не дотронулся до книги! Жду Константина Сергеевича из заграницы, передать ему целиком директорство, чтоб найти часы в дне для книги.

Чувствую себя очень бодро. Хожу заплеванный, плюют, чтоб не сглазить. «Машиналь» до сех пор не видел. Идет не менее двух раз в неделю. Говорят, хорошо. Подробно буду писать скоро. Обнимаю Вас крепко.

Вл. Немирович-Данченко.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 2 декабря 1933. Милый Сергей Львович!

Напрасно Вы удивляетесь, что о Вас никто не упоминает в рецензиях о «Машиналь». Нашу критику интересует мысль автора, а перевод отмечается большей частью лишь тогда, когда он неудачен, вот за это могут выругать. Должна сказать, что хотя в рецензиях много хвалебного, но у публики спектакль большого успеха не имеет и идет не слишком часто. А сегодня мне сказали из Всероскомдрама, что Камерный театр имел неважные сборы и до сих пор не внес авторских еще за октябрь и просил себе отстрочки до выпуска «Оптимистической трагедии»[1]). А по общим отзывам и «Оптимистическая» не выручит Камерный. Я в свое время слышала «Оптимистическую» в чтении автора у нас в театре. Пьеса уже была отдана в Камерный и Вишневский читал ее нам только, как он говорил, для интереса к отзывам. Интерес его был удовлетворен — пьесу у нас крепко раскритиковали.

Вы спрашиваете про «Лэди Макбет Мценского уезда», которая переименована театром в оперу «Катерина Измайлова». Музыка написана Шостаковичем, текст составлен Шостаковичем же и Прейсом, но все время перерабатывается режиссурой и исполнителями, т. к. первоначальный текст был крайне неудачен. Сейчас репетиции идут уже на сцене, во второй половине декабря рассчитывают спектакль выпустить. Говорят, что постановка должна быть очень интересной: прекрасная музыка, прекрасное исполнение. Но на успех Музыкальный театр не рассчитывает: очень уж мрачное произведение, а публику тянет на веселье, только веселые спектакли сейчас имеют большой успех.

---

[1]) Пьеса В. В. Вишневского.

Сейчас у нас в Театре очень смутное настроение. Дело в том, что пьеса Афиногенова «Ложь», которая репетировалась в ударном порядке, даже без выходных дней, и которую расчитывали выпустить в конце декабря, по условиям художественно-идеологическим с работ Театра снята. Одновременно Театр, со своей стороны, изъял из репертуарного плана этого года «Бег». И, наконец, предполагавшаяся (еще не окончательно решенная) постановка «Достигаева» (продолжение «Булычева»), окончательно отклонена, чему не мало способствовала неудачная премьера этой пьесы в Вахтанговском театре. Все эти события резко изменили репертуарный план. В общем в работе остался один «Егор Булычев». Тут сразу пошли серьезнейшие заседения у Влад. Ивановича, в результате которых решено выдвинуть на одновременную с «Булычевым» очередь «Мольера» (только в том случае, если Конст. Серг. не будет выпускающим, а то ведь срок выпуска станет в зависимость от возвращения Конст. Серг., а тут ничего неизвестно, т. к. он все время болеет и доктора не находят возможным отпустить его в путь). Так что пока вопрос с «Мольером» открыт до получения известий от Конст. Серг. Вчера же вывешено распределение ролей в «Грозе», которую Влад. Ив. решил дать работать Судакову, под своим самым непосредственным руководством... К «Грозе» он относится с большим интересом и волнением, считая эту постановку исключительно ответственной. В Театре, в общем, включение «Грозы» в работу вызывает скорее недовольство, во всяком случае строгую критику.

Милый Сергей Львович, чтоб не задерживаль больше письма, попрощаюсь с Вами. Ужасно я в письмах болтлива, как впрочем иногда и в жизни. Желаю Вам всего хорошего и благодарю за журналы — прошу и в дальнейшем баловать иногда.

Ваша Ольга Бокшанская

Б. А. ЛАВРЕНЕВ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

20 декабря 1933. Глубокоуважаемый Сергей Львович!

Вчера получил в Париже пересланное из дому Ваше письмо от 29 октября. Большое спасибо за внимание ко мне и дружеские чувства, что я очень ценю. С большим удовольствием послал бы Вам все свои книги, но здесь в Париже их достать немыслимо, но и дома трудно, т. к. я не существую на полках магазинов больше трех недель, а после этого срока даже у букинистов не найдешь. Уезжая в Париж, я так и не смог достать томика своих пьес.

Мне очень хотелось бы, чтобы дело с «Гибелью» удалось, что было бы для меня радостно и по литературным соображениям и по материальным, т. к. каждый грош в Париже — деньги.

Т. к. со времени написания Вами письма прошло уже около двух месяцев — возможно что-нибудь и наклюнулось уже. Если дело принимает реальные формы, я бы заплясал от радости посреди Марсовых полей, которые под боком, в двух шагах от моего отеля.

Если действительно Вам удалось сделать что либо реальное и, паче того, получить какие-либо деньги, не откажите срочно известить меня о событиях и перебросить на пропитание парижской сиротке.

Хотя думаю, что с американцами еще труднее ладить, чем с французами и так скоро дела не сделаешь. Во всяком разе с нетерпением буду ждать Вашего ответа, ибо в зависимости от него будут стоять мои парижские планы.

Из вещей, которые у меня есть в наличности, американским вкусам изложенным Вами отвечает «Гравюра на дереве», которую я вышлю Вам. Сегодня же послал требование на нее в Ленинград.

Из остального возможно еще использовать роман «Крушение республики Итль», не знаю читали ли Вы его? Сейчас же я занят работой над огромным романом о черноморском флоте 1914-18 годов и думаю, что это американцам не подойдет.

Дружески жму Вашу руку, жду известий. В Париже пробуду до 1-го февраля, пока.

Борис Лавренев.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

22 февраля 1934. Милый Сергей Львович!

Расскажу Вам такое: Как только я приехал, наш нарком обратился ко мне с просьбой или предложением, взять на себя директорство еще и над Малым театром! Сколько я не объяснял, что меня на это не хватит, он продолжал убеждать. Потом к нему просоединился и Енукидзе. Потом ко мне приезжали представители Малого театра, потом наши Мхатовцы делали собрание протеста, чтоб я отказался и т. д.

Вот за завтраком-чаем на юбилее нашего театра я говорю Малиновской [1]): «Вообразите Елена Константиновна, и Андрей Сергеевич и Авель Софронович уговаривают меня взять, кроме Художж. театра с его филиалами и Музыкальным, еще и Малый!» — «Как? вскидывается Елена Константиновна, как Малый? Они же обещали мне Вас для Большого театра!» Чувствуете соль рассказа?

Только что я посмеялся над этим, входит Баталов с докладом: «Вл. Ив.! Тут дирекция Межрабпома. Она пришла просить Вас взять на себя руководство и т. д. . . .

В Худож. театре я один. Константин Сергеевич так до сих пор и не возвратился из заграницы. Так как, по традиции, он должен все делать так, как сделаю я, то значит не приедет два года. Как Вы знаете, главные мои симпатии все в Музыкальном. Но в Художественном дело так опустилось, т. е. чисто художественная сторона, что надо было стянуть и подтянуть силы. Поэтому выпуск «Егора Булычева», который Вас не заинтересовал, был моментом важным. Пьеса очень хорошая. Она меня

---

[1]) Е. К. Малиновская — Заведующая государственными театрами Москвы.

увлекла, как только я прочел ее за границей. Все внимание я направил на актерское мастерство. И в этом отношении оно на очень большой высоте. Как давно не было. И вообще спектакль получился отличный.

Пьеса Афиногенова «Ложь», которой я тоже начал заниматься с большим интересом, на половине работы сошла с репертуара. Теперь параллельно репетируется «Гроза» (Еланская), «Враги» — Горького, «Мольер» — Булгакова, пьеса Киршона «Пиквикский клуб». Пять постановок! На днях залажу еще «Горе от ума». А в Музыкальном я работал над «Катериной Измайловой» («Лэди Макбет Мценского уезда») не только с аппетитом, а как бы с жадностью. Был очень в ударе. Был даже такой редкий случай, что труппа разразилась аплодисментом, когда я «показывал». Спектакль вышел настоящим, великолепным музыкальным событием, событием огромного масштаба. Опера идет непрерывно при аншлагах, по повышенным ценам.

Теперь подошел к «Травиате», которую ставлю совсем по новому (и текст, конечно, новый, Веры Инбер, под моим руководством).

Но все театры отнимают у меня времени меньше, чем всякие встречи, выступления, дискуссии, приемы, статьи... И вот: некогда, некогда, некогда!

До сих пор при встрече Таиров или Коонен говорят мне: «Вл. Ив.! А когда же должок? «Машиналь?» То есть должен им (Вам? !) посмотреть «Машиналь». У них идет часто. Я думаю не меньше раза в шестидневку. Говорят идет очень хорошо. А самому мне посмотреть некогда! Впрочем не потому некогда, что вечеров не хватает. По вечерам то я и берегу себя. Очень редко выезжаю, разве на рауты в посольство, куда приглашаюсь всегда «с супругой». Наладились дружеские отношения у меня с французами. С Буллитом я только раз встретился, как раз в день его отъезда в Америку. Он выразил такой больший интерес к знакомству со мной, так долго задержался со мной разговаривая, что заставил Литвинову напомнить о необходимости отойти дальше. Очаровательный господин! Просил меня перезнакомить его с театральными. Я обещал конечно. На этих днях он возвращается в Москву. Я только вчера из Ленинграда. Уезжал туда отдохнуть от визитов, телефонов... «Астория» великолепный европейский отель, совершенно первоклассный, чудесная прислуга, идеальный порядок, великолепная кухня, ресторан с отличными оркестрами (три разные в разные часы). Словом, я чувствовал себя совершенно как в Милане, Риме, в Торино, где жил в первоклассных отелях. Я никого не принимал, никуда не выезжал. Только раз в балет, в совершенном инкогнито и на «Лэди Макбет Мценского уезда» в Михайловском театре (хорошо, но далеко до моего театра). Пробыл 10 дней. Хоть вернулся с маленьким насморком, но отдохнувши.

О смерти Вашего дяди узнал я давно, от Раскольникова.

Так с «Воскресением» ничего и не удается? А ведь фотографии я посылал, это уже в третий раз! Сумели ли Вы что нибудь сделать?

У меня за границей есть долги. Было много расчетов на «Цену жизни» и «Вишневый сад» в Италии. Но там что-то произошло. У Павловой новая дирекция, которая, кажется, потребовала исключительно итальянского репертуара.

Если бы Вы сумели что-нибуть сделать! Вот придет лето. На большую валюту я рассчитывать не могу. А съездить в Карлсбад, Женеву будет необходимо. И долги заплатить. Не посоветуете ли как заработать? Я сам виноват — до сих пор книгу не закончил. А для этого мне непременно надо будет уехать.

Скажу Вам мысль, которую не скажу другим: по-моему сейчас нигде нет режиссера, умеющего быстро научить актера, такого как я. Право! Ведь Вы знаете я не нахал. Но то, что я делал в Италии с тремя постановками и вот теперь с оперными и в Художественном театре, убеждает меня, что я не преувеличиваю. И каких я результатов добиваюсь!! И, повторяю, как быстро!...

Вспоминаем Вас очень часто. Флюиды отправляемые нами Вам, самые нежные. Живем мы здесь хорошо. У меня все есть, конечно в большем изобилии, чем за границей. Ко всему этому я не знаю трамваев, т. к. имею автомобили и в Худож. театре и в Музыкальном. Отношение ко мне никогда не было такое отличное. И у властей и у публики. Может быть Майлстон рассказывал Вам об овациях какие мне делались при нем. (В Музыкальном театре я почти всегда вхожу в зал с овацией).

И все будет хорошо и у нас и у вас, если... если у вас на Западе не устроят опять войны. Вот ее проклятые признаки иногда туманят горизонты.

Ну, что же Вам еще писать, дорогий Сергей Львович? Журналы Вам высылаются. Не помню, писал ли я Вам о постройке собственного театра для Музыкального моего имени? На проекты и изыскания уже издержано более 600 тысяч. Ассигновано 9 миллионов. Проект уже разработан (под моим руководством), все по последному слову театральной архитектуры. Дома, где будет стройка, уже разрушаются, жильцы уже переводятся. Театр по фасаду будет как Большой.

Вы Москвы не узнали бы, до чего изменилась.

Пишите побольше. Обнимаю Вас за себя и за своих.

Ваш В. Немирович-Данченко.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 4 апреля 1934. Милый Сергей Львович!

Столько времени Вам не писала, что даже совестно извиняться.

Для начала — ответ по Вашим письмам: Надеюсь Вы получили ноты из «Турбиных», посланные Вам вскоре после получения просьбы Майльстона через Вас. «Фигаро» настолько имеет распространение в Вашем переводе, что Вы получаете немало денег за провинциальное исполнение этой пьесы. (Я что-то не по-русски пишу, надо ведь сказать «за исполнение в провинции»). Что же касается «Правосудия», то вопрос об этой пьесе

до сих пор открыт, т. к. Всероссдомдрам — учреждение медленное.

«Мольер» действительно великолепная пьеса, мне она нравится исключительно, и то, что она до сих пор у нас не вышла, можно объяснить только тем, что постановка ее поручена Горчакову, который никак не интересуется этой работой, ибо с азартом совместительствует в других театрах, занят по горло работой вне МХАТ и не проявляет никакой режиссерской энергии в тех случаях, когда у него берут актеров то в одну, то в другую пьесу. Еще заминка была из-за того, что Москвин «крутил» долго с заглавной ролью: ему и хотелось играть и как то беспокоила его эта роль. Сейчас официально роль числится за ним, но репетирует Станицын и говорят, прекрасно. По планам, пьеса должна выйти в первой половине будущего сезона, а до конца этого сезона, вероятно, Владимиру Ивановичу покажут первые два-три акта в фойе. Сдвинулась она с очереди во-первых, повторяю, из-за Горчакова и полной его индифферентности (хотя внешне показывается все время обида, что пьесе не дают хода, но цену этим декларациям мы знаем), во-вторых потому, что Судаков, если уж он ставит пьесу, то она всегда первоочередная, его энергия просто изумительна. Так это вышло и теперь, с «Грозой», и в-третьих потому, что нам было рекомендовано поставить пьесу Горького «Враги», которая идет в двух московских театрах, Малом и МОСПС, и потому ее важно поставить как можно сворее (впрочем, нам вряд ли удасться выпустить ее окончательно в этом сезоне, хорошо если к концу сезона она подойдет к черновым генеральным). А «Мольер» как пьеса не играющая политической роли в репертуаре, естественно отодвинулась и перейдет окончательно на будущий сезон. Еще и то обстоятельство сыграло роль, что пьеса считается за Константином Сергеевичем, который до сих пор не вернулся, вернется, вероятно, к лету и начнет работать с осени.

Будьте здоровы, Сергей Львович, будьте благополучны. Не забудьте меня в отношении интересных кино и театральных журналов.

Ваша Ольга Бокшанская.

Москва, 29 мая 1934. Милый Сергей Львович!

Давно не писала Вам, действительно свинство с моей стороны. Но Вы и представить себе не можете как приходится крутиться в делах, как устаешь после напряженной работы в условиях нервной атмосферы Театра. Ничего общего с тихим течением нашей жизни в Театре несколько лет назад в теперешнее время нет. Дела прибавилось, темпы разительно усилились, атмосфера горячая.

«Правосудие» наконец-то получило визу в Главреперткоме. Много было мотни с этой пьесой: теряли экземпляр, находили у меня копию, опять теряли, опять брали, переписывали, «кормили завтраками» и т. п.

Сейчас, перед закрытием сезона, у меня особенно много работы, как впрочем и у всей нашей администрации. 15-го мы окан-

чиваем работу здесь, причем с 1-го до 15-го мы только играем на двух наших сценах, но и ежедневно третий параллельный спектакль в парке Культуры и Отдыха, это было необходимо и с точки зрения общественно-политической и для заработка некоторой части труппы, которая не едет ни в какую гастрольную поездку. При этом кое-что, но значительно меньше, заработают и едущие куда-нибудь. Главная труппа выезжает с «Турбиными» и «Вратами царства», вошедшими в репертуар Ленинграда только недавно и случайно. Должно было ехать и «Горячее сердце», но 4-го апреля заболел И. М. Москвин, заболел тяжко, мучительно, вот уже скоро два месяца, как он мучается болями, выдерживает приступы температуры до 40, потом падение температуры, потом опять скачки вверх и надолго. У него камни в почке. Сейчас два дня как температура упала до 37, но так уже бывало и нет гарантии, что опять не наступит ухудшение. Он страшно стал слаб и от болезни и от того, что почти ничего не ест, не может есть. Словом наш бодрый, здоровяк, крепыш, оживленный Москвин сдал сильно и долго ему придется выправляться, очень долго. Ему надо здесь хоть немного окрепнуть, чтобы иметь силы выехать за границу, там окрепнуть сильнее и тогда начать лечиться. Его болезнь — большое горе для всего Театра, большое волнение, страх за него. На работе Театра, на репертуаре это отозвалось самым ощутительным образом. Такие пьесы как «Горячее сердце» и «Мертвые души» вышли из репертуара с апреля и на неизвестный срок. Правда в Ноздрева к будущему сезону вводят Ливанова, но когда он будет готов — неизвестно.

Затем, говоря о гастролях, имеются две группы, одна «Слуга двух господ», другая «Воспитанница» — Островского. Они разъезжают по Московской области и дальше на периферию. При этом остаются свободными некоторые старики, которые не льстятся на летний заработок, и небольшая группа женщин, не входящих ни в одну поездку. Мужчины же все и молодые и середняки попадают в одну из пьес. Поездки, каждая на месяц, примерно до 20 июля, а затем отдых до 25 августа. Я еду в Ленинград, пробуду до начала июля и из Ленинграда же выеду к моей маме и лечиться там же. Труппа выезжает из Москвы 15-го же в день закрытия сезона, потому что 16-го первый спектакль. Я не хочу уехать из Москвы раньше, чем уедет за границу Вл. Ив. Он предполагает выехать в середине июня, но возможно, что задержится на несколько дней.

Вчера состоялась премьера комедии Киршона «Чудесный сплав» в нашем Филиале. До тех пор прошли два закрытых спектакля этой пьесы. Мне не нравится произведение, а потому я пишу холодновато о спектакле, хотя вижу и понимаю, сколько вкуса и выдумки внес Вл. Ив. своей работой в эту постановку. Играют там молодые... Эта пьеса из комсомольской жизни, по моему очень поверхностная. Она идет одновременно во многих клубных театрах. Публика очень много смеется, часто хохочет сплошь. Успех был очень большой. Я приписываю его всецело хорошей (у Грибова прекрасной) игре, вкусу постанов-

ки и аромату молодости и свежести, которым веет от спектакля, от актеров. Вл. Ив. нравится и пьеса и спектакль, в этом он резко расходится с большинством Театра. Недооценкой спектакля внутри Театра он недоволен.

Милый Сергей Львович, пора кончать письмо. Всего хорошего. Не кляните, что редко пишу, мало писать не умею, на много времени не хватает.

Ваша Ольга Бокшанская

ЕК. НИК. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Июль 1934 (Без числа). Дорогой и милый Сергей Львович!

Владимир Иванович взвалил на меня огромную работу протоколизировать Вам нашу жизнь с июня. Берусь за нее охотно, не только потому, что это поручение Вл. Ив., но потому, что это касается Вас. Постараюсь коснуться всего и, т. к. это будет подробно, то будет и длинно. Вооружитесь терпением.

Итак начинаю с 9-го июня, отъезда Мишеньки с Музыкальным театром в Челябинск. День был грустный, как всякий отъезд, расставанье с Мишенькой, а вышел и веселый и помпезный. Приезжаем втроем на вокзал и усматриваем на платформе, против поезда, военный оркестр. Как только показался Владимир Иванович, оркестр сыграл ему встречу. А как только тронулся поезд грянул бодрый и веселый марш. Весь коллектив выглядывал в окна с сияющими, улыбающимися лицами. Для них, как и для нас это был сюрприз.

С 9-го мы, значит, осиротели без Мишеньки. Стал Влад. Ив. соображать, когда же мы сможем сняться с якоря. Паспорта были выданы необычайно легко. С валютой было труднее, но все-таки Вл. Ив. получил почти все, что просил. 21-го сели в поезд и, без остановки в Берлине, в Карлсбад. Провожать в Москве, как будто, было некому (Худож. театр в Ленинграде, Музыкальный в Челябинске), но народ набрался, и у меня не букет, а огромный сноп цветов. Но вернемся еще в Москву. В филиале Худож. театра 15-го «Чудесный сплав». Очень шумные аплодисменты и овационные в конце, как только Влад. Ив. показался на сцене. Влад. Ив. очень сдержано, конечно, но весело кланялся. Последняя точка сезона. Остались еще административные и другие дела, и Влад. Ив. за эту последнюю неделю очень устал, т. к. некогда было себя беречь, как он это мудро делал всю зиму.

Из Худож. театра получили совершенно легко разрешения за границу: Качалов, Москвин, Книппер, Шевченко, Коренева, Подгорный, Бокшанская, Леонидов. Москвин до сих пор не мог воспользоваться разрешением, т. к. он был смертельно болен. Уже три месяца в больнице. Началось с того, что у него дома сделался ужаснейший припадок. Он криком кричал. Свезли в больницу. Камни в почках. Перевезли в Кремлевскую больницу (она на Воздвиженке). Чудно оборудованная. Могут только весьма избранные. Уход, докторский персонал, стол, словом все на высшей высоте. Решили после нескольких консилиумов, если камни не рассосутся, извлечь их. Рассосались. Но тут и пошло.

Высокая температура по вечерам без передышки. Решили операцию — удалить всю почку. Операция доказала необходимость этого. Операцию делал светило и присутствовало еще 9 знаменитостей. Москвин еще в больнице, но попровляется и собирается в Нейхейм. Знаю все подробности от Иверова [1]), который все свободное время был в больнице. Сейчас Иверов приставлен к Качалову Худож. театром. Оберегает Качалова от его слабости, водки. Пока удачно. Зимой было много сбоев у Качалова по этой линии. Иверов спасал. Дежурил ночи, лечил, удерживал сколько мог по-докторски и по-человечески. И то еще часто ломался репертуар, чтож было бы, если бы не Иверов! ?

С 29-го мы здесь. Всю дорогу ехали чудесно и по удобству и по настроению и по самочувствию. Ехали мы благодушно, что не помешало где-то и кому-то пошарить в моем сундуке. На месте убедились, что есть недочет в белье и нет 2-х платьев. В Карлсбаде же важно, что скажет доктор и какая погода. И то и другое хорошо очень. Половина лечения тут — воздух, такой он живительный и ласкающий одновременно. За длинный мой союз с Влад. Ив. я первый раз вижу его отдыхающим и не томящимся этим отдыхом. Все что нужно для лечения думаем делать в Швейцарии. Уже нам присмотрены комнаты на берегу. Нужно будет еще хлопотать, не знаю как устроиться с визой. Завтра кончаем лечение здесь. Передохнем вероятно дня два-три и двинемся. После двух недель в Швейцарии — Берлин дней на десять, а затем соединившись с Мишенькой — в Ялту. Там есть гостиница на европейских началах. Заведующий поклонник Вл. Ив. и обещает все хорошо устроить. Вл. Ив. думает пробыть в Ялте до 1-го октября и твердо решил писать и кончить свою книгу.

Вот дорогой Сергей Львович, на чем кончаю мое длинное повествование. Надеюсь Вы в нем видите мою энергию и чувство к Вам.

Крепко жму Вашу руку.

Ек. Немирович-Данченко.

*

Милый Сергей Львович!

Ек. Ник. так подробно и точно рассказала о нас всех, как мне никогда бы не сделать. Посылаю мою фотографию, попавшуюся под руку. Это дешевая. Переснимок с большого, очень хорошего берлинского портрета, который Вы, кажется, видели. Работы мне предстоит огромное количество!

В Берлин мы попадем числа 2-4 августа и не более как дней на 10. Почту оттуда пересылают нам . . .

Крепко обнимаю Вас

Ваш В. Немирович-Данченко.

А «Кармен» все-таки ставят у вас!

А я обещал работать в Москве над «Анной Карениной».

---

[1]) А. Л. Иверов, Заведующий медицинской частью Художественного Театра.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

9 сетября 1934. Приехал Макс Рейнгардт для постановки в Холливуд Бол «Сна в летнюю ночь». Реклама и шумиха по этому поводу, грандиозные встречи, комитеты, банкеты, обеды, интервью . . . Невольно вспоминается, что проделывалось с Рейнгардтом здесь несколько лет тому назад . . . Сегодня у Мамуляна состоялся большой прием в честь Рейнгардта. Приглашенных на это «коктейль парти» было около 200 человек, большинство из которых «знаменитости». Когда я подошел к Рейнгардту он сразу узнал меня и был «милостиво величествен». Вообще он заметно поважнел и ведет себя как высочайшая особа, благосклонно принимающая гостей. Конечно, весь этот шум вокруг него объясняется главным образом тем, что Рейнгардт считается жертвой Гитлеровского режима. Губернатор выпустил официальное воззвание, в котором объявил дни спектаклей «Сна» — днями «Калифорнийских празднеств искусства». Сам «маэстро» тоже старается и заявил в газетах, что нет «ни одного места в мире», где бы он нашел столько выдающихся талантов как в Холливуде и что он в полном восторге от актеров играющих у него и вся постановка налаживается в три недели.

18 сентября 1934. Милли закончил свою картину «Капитан ненавидит море», которую он делал для «Колумбии». Я смотрел первый вариант картины и несмотря на то, что сейчас это 17.300 футов ленты, ни разу не ощутил скуки. И жаль думать, что надо вырезать не меньше 8.300 футов. Все интересно и со всем жаль будет расставаться. Вчера открылся «Сон в летнюю ночь». Открытие было в холливудском стиле — с прожекторами, с шумом и гамом, анонсированием прибывающих знаменитостей и т. д. Все что касалось музыки, танцев и освещения было превосходно, все же остальное, т. е. игра и режиссерская часть отдавало дешевкой. Тем не менее газеты прямо задыхаются от восторга, за исключением «Вараэти», которая написала, что вся эта затея только шумиха и что спектакль относится по своему качеству к разряду школьно-университетских представлений.

2 октября 1934. Милли увлекся мыслью сделать хорошую картину из «Турбиных». Я получил английский перевод. Звучит очень хорошо. Толберг предложил Милли поставить андреевского «Тот кто получает пощечины», но Милли «Тот» не понравился. Он боится, что тема устарела и что андреевская мистика сейчас никому не понравится.

13 октября 1934. Вчера мама переехала в Ревель. Не могу выразить всю мою радость по этому поводу. Прежде всего теперь я спокоен за нее, т. к. она будет жить в нормальных условиях нормальной страны. Для меня же лично кончаются вечные волнения о продлении советского паспорта, который был мне нужен для того, чтобы получать авторские в России. Деньги эти целиком шли маме. Теперь же я в авторских больше не заинтересован, а следовательно не заинтересован и в паспорте.

19 октября 1934. Несмотря на то, что «превью» картины Милли «Капитан ненавидит море» прошло с громадным успехом, «продюсер» решил, что картина длинна и ее нужно перерезать. Сделал он это по личному разумению даже не посоветовавшись с Милли. Когда Милли посмотрел его работу, он пришел в ужас от того, как изуродована картина. Я выжидаю и наблюдаю, чем кончится скандал, который Милли закатил «Колумбии». (По контракту он должен был делать для «Колумбии» три картины). Вероятно, Холливуд единственное место на всем белом свете, где можно встретить такое отношение к известному режиссеру.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

28 октября 1934. Милый Сергей Львович!

Если бы Вы только знали, сколько было всяких передряг у нас с началом этого сезона! Постараюсь описать Вам все в сжатом виде. В Театре произошли крупные перемены в управлении, о чем я узнала при приезде. Так что я с места в карьер попала в целый клубок сложнейших взаимоотношений. Еще в прошлом году, в отсутствие Конст. Серг. и при единоличном управлении Влад. Ив., наметилось сильное расхождение между двумя заместителями директора—Сахновским и Егоровым. Кроме того, возникли очень обостренные отношения между Егоровым и им же приглашенным пом. директора по хозяйственно-административной линии — Леонтьевым, перешедшим к нам с поста директора Нового театра (быв. Студия Малого театра). Как-то само собою вышло, что ясно обозначились два лагеря, два «кабинета» — верхний (Сахновский, Леонтьев, Марков) и нижний (Егоров). Бедный Влад. Ив., ему часто приходилось выслушивать много нервных разговоров, рассказов, жалоб. Но при всем том, что он часто видел неправоту нижнего кабинета, он не желая ссориться с Конст. Серг., который поставил Егорова в исключительно привилегированное положение, не становился в оппозицию нижнему кабинету и старался потушить, сгладить конфликты. Понемногу Егоров, не встречая себе противодействия и имея заочную поддержку Конст. Серг., проявлял себя даже не как зам. директора, а как зам. Станиславского и поставил себя в такое положение, что Сахновский очутился в зависимости от него. Мы предчувствовали, что с приездом Конст. Серг., достаточно подготовленного письмами, может начаться разгром. Однако первое время Конст. Серг. держался благожелательно, с Сахновским и Леонтьевым был любезен. И вдруг в последних числах августа Леонтьев получает от Конст. Серг. извещение, что Дирекция благодарит его за труды, но на будущее время от его работы отказывается. И тут пошли развертываться события с большой быстротой. Оказалось, что в нижнем кабинете разработана новая структура управления. Сахновский был освобожден от Зам. директорства. И структура выразилась таким образом: единый зам. директора по административно-финансово-хозяйственной части — Егоров. По художественной части Зама нет, считается, что ее возглавляет Конст. Серг. У него в подчинении три зав. частями: Судаков — зав. организа-

ционной стороной производства, Кедров — зав. творческой стороной и Подгорный зав. труппой. Т. к. против Жени[1]) нельзя было выставить никаких обвинений по его работе, то Конт. Серг. в личной беседе с ним сказал, что он принужден посадить на эту должность Ник. Афанасьевича,[2]) потому что теперь такое время в Театре, что зав. труппой должен быть человеком сухим, любящим власть, карьеристом. Зачем Конст. Серг. понадобилось так честить Ник. Афанасьевича — не понимаю! Думаю, что в его натуре есть это — вдруг сказать даже о ближайшем человеке какую-нибудь плохую вещь. Все эти дела были решены в отсутствие Влад. Ив., когда он был в Ялте. Я держала Влад. Ив. в курсе всех дел. Влад. Ив. категорически не согласился с нововведениями, о чем телеграфировал Конст. Сергеевичу, а затем написал большое и исключительной мудрости письмо. Но еще в телеграмме он указал, что понимает, что сейчас вмешиваться в это дело опасно для атмосферы театра. Он твердо решил, передав Конст. Серг. единоличную ответственность за введенные им реформы, остаться в стороне от худож.-административных дел, считая себя в МХАТ в качестве главного режиссера постановщика своих спектаклей с сохранением прав директора (во всяком случае применительно к своим постановкам). И действительно, пробыв здесь по приезде 2 недели, крепко этого решения придерживается. Свое мнение и отношение к реформам он сообщил и Конст. Серг. и отдельно Правительственной Комиссии нами управляющей. Мне кажется придуманный Конст. Серг. аппарат очень громоздким, неповоротливым и неорганичным для Театра. На должность зам. директора по художественной части, конечно не мог быть назначен ни один из перечисленных троих и потому, нарушая установленный теперь правительством и партией принцип единовластия, устроили такое коллегиальное управление, которое не может не сбиваться в своей работе. А уж считать, что Конст. Серг. может быть во главе худож. части Театра, управляя из дома, это чистой воды идеализм. Конечно он управляет, но смотрит на все чужими глазами, потому что для управления таким сложным механизмом как наш Театр, нужно целыми днями сидеть здесь, в Камергерском, влезать во все углы, во все стороны жизни театра. Он принимает у себя на дому докладчиков, по большей части ближайших и через них управляет, это абсолютно нежизненно. Если у нас и держится сейчас какой-то хороший дух, то только потому, что сейчас начинают выходить к генеральным репетициям две постановки — «Гроза» на Основной сцене и «Пиквикский клуб» в Филиале, и выходят они очень удачными.

Я думаю, что из «Грозы» Влад. Ив. сделает великолепный, исключительный спектакль. «Пиквикским клубом» никто из верховных не занимался, из ведущих актеров там занят один Топорков, остальные «подсередняцкая молодежь», но режиссура (Станицын) и художник (Вильямс) сделали очень приятный и очень хороший спектакль. Сегодня была репетиция в гримах и

---

[1]) Е. В. Калужский — Заведующий труппой.
[2]) Н. А. Подгорный.

костюмах в присутствии многих наших актеров и имела большой успех. А иметь успех у своих — это огромно. Сначала предполагалось, что Влад. Ив. приедет на предгенеральную репетицию, потому что в прошлом сезоне он как то смотрел часть работы и делал свои указания. Но он считает, что если пойдет Конст. Серг. то ему лучше не ходить: все равно замечания они будут делать диаметрально противоположные, а это собьет исполнителей. У него «Гроза», пусть Конст. Серг. и займется «Пиквикским клубом». И вот, подтверждая слова Влад. Ив. о том, что не важно вести Театр так, чтобы ставить своей задачей раздать всем работу, а важно выпускать прекрасные, первоклассные спектакли — это создает настоящую веру в дело, в свою будущую работу в первоклассной постановке, — многие в Театре сейчас находятся в хорошем настроении и в хорошем отношении к делу, только потому, что видят успешное выполнение, близкие к сдаче работы. Влад. Ив. работает исключительно интересно, и я рада, что наконец-то наши актеры начинают его глубже и полнее ценить. Я считаю, что величайший талант Влад Ив., его гениальность, недооценены у нас в Театре, а потому и роль его у громадного большинства, считается меньше роли Конст. Серг. Это чудовищно неправильно. Надо знать Влад. Ив., как знаем его мы, чтобы с глубокой верой, с всеобъемлющим убеждением сказать, что роль его в создании и жизни Театра огромна, не меньше Конст. Серг., а по-моему даже больше, потому что без Влад. Ив. это дело, при характере Конст. Серг. к нашим дням уже распалось бы.

Еще хочу поделиться с Вами одной моей радостью: Вчера был день 36-летия Театра и я, среди ряда других работников, получила от Театра «чайку» в ознаменование 15-летия моей работы в МХАТ. Это было для меня большим счастьем и большой гордостью. Всего нас, новых «чаечников», вчера было 11 человек, среди них Хмелев. Никаких особых торжеств не было, всех бывших в Театре на репетиции собрали в Нижнем фойе, Влад. Ив. сказал небольшую речь, закончившуюся оглашением списка «чаечников», вручением нам сопроводительных к «чайкам» писем за подписью Влад. Ив. и Конст. Серг. и краткой характеристикой со стороны Влад. Ив. каждого из 11. Потом был предложен чай.

Я говорила несколько раз Влад. Ив. относительно дневника. Сначала он сказал, что дневника не отдаст, копию же снимать долго, потому что он громадный, потом же, когда я сказала, что понемногу печатая по вечерам, я смогу переписать дневник, тем более, что пишу быстро, он сказал, что должен его весь пересмотреть, потому что не уверен, что даст разрешение на опубликование его целиком. Может быть, если Вы ему еще напишете, он изменит свое решение.

За журналы большое спасибо, не забывайте меня и в будущем.

Всего хорошего желаю Вам, милый Сергей Львович. Примите сердечный привет.

Ваша О. Бокшанская.

11 ноября 1934. Милый Сергей Львович!

Наскоро только Вам сообщаю, что Влад. Ив. сейчас целиком и полностью ушел в работу по выпуску «Грозы», премьера кото-

рой будет между 20 этого месяца и 1-м декабря. Что после этого он уйдет работать в Музыкальный театр над «Травиатой», которую предположено выпустить в середине декабря, я же думаю, что Влад. Ив. захочет особенно тщательно отделать спектакль и выпустит его в конце декабря. После «Травиаты» (а если ее выпуск затянется, то и параллельно с ней), Влад. Ив. войдет в репетируемые Горьковские «Враги», которые должны обязательно пойти еще в этом сезоне. Но их режессирует Кедров, а он медлителен совершенно анекдотически. Из-за необходимости выпуска в этом сезоне «Врагов» отложена работа над начавшимися уже «Тремя сестрами», которые были даны Кедрову, под генеральным руководством Конст. Серг. Теперь Конст. Серг. не может работать и отдельно от Кедрова над «Тремя сестрами», потому что чуть ли не половина исполнителей «Врагов» занята и в «Трех сестрах». Поэтому Конст. Серг. будет занят в этом сезоне двумя работами: булгаковским «Мольером» и чисткой к чеховским январским дням «Вишневого сада».

У нас появилось множество пьес и предложений, и Судаков, с необыкновенным рвением, хочет все их распределить и все тут же начать репетировать. Я думаю, что когда это распределение пойдет на обсуждение Влад. Ив. он запротестует, потому что по его слова: МХАТ должен выпускать только первоклассные, совершенно безупречные спектакли, а не просто хорошие. А Судаков испытывает страстное желание дать работу всем чающим и жаждущим вне зависимости от их возможностей. А т. к. наши средне-даровитые актеры, годные для эпизодов, томятся своими ролями, и желают играть ведущие роли, то он и хочет их утешить. И распределение ролей у него подчас бывает просто невероятным, доходящим до комизма.

Будьте же здоровы и благополучны и пишите поскорей. Всего хорошего,

Ваша Ольга Бокшанская.

ЕК. НИК. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

7 января 1935. Когда долго не пишешь, нужно особенно раскачаться. Раскачаться не в чувствах, у меня, у нас они все теже по Вашему адресу, дорогой и милый Сергей Львович! А рассказать мысль и сосредоточиться на всем том разнообразном материале, о котором хочется подробно рапортовать.

С азов . . . т. е. с нашего приезда из Ялты в Москву . . . Еще нет тому трех месяцев, а мне кажется чуть не годом.

Ялта нас не подкрепила, а скорее, меня во всяком случае, развинтила. Многолюдие и «сортолюдие» там весь день, а главное по вечерам, начиная с 7 до 12, утомило несказанно. Жили мы на набережной, а по этой самой набережной двигалась вся Ялта. Кошмарно! Доехали до Севастополя благополучно в авто, но треть дороги была убийственная. Неисправленное шоссе. Очень утомило Влад. Ив.

Уже в Ялте Владимира Ивановича Бокшанская бомбардировала письмами насчет завирухи в Худож. театре. Конечно, вся

каша и канитель от Конст. Сергеевича. Это все достаточно беспокойно и больно Влад. Ивановичу. Свидание у них было одно единственное и то при некоторых театральных. И паки и паки разговоры и намечание репертуара. У него в Леонтьевском, т. к. он не выезжал и по сей час не выезжает. Нездоров или болен не знаю. Что-то в районе почек и не важное . . .

Она[1]) вернулась накануне моих именин. Прислала нежную телеграмму. Видеться еще не виделись.

Итак очень скоро после приезда Вл. Ив. ушел в «Грозу». Ушел с головой и со всем своим темпераментом. Достиг результатов совершенно блестящих. Разыграна пьеса изумительно. Спектакль кованный и все говорили, что это один из самых лучших Худ. театра, а может быть и самый лучший. Успех и на генеральных и на премьере очень выдающийся. Споров много, т. к. в спектакле новое, что не публика, а критика не желала принимать . . . Начиная с образа Катерины, нежного и лирического. Идеальная Катерина-Еланская. Вл. Ив. нашел и вскрыл у нее дивные ноты в голосе, который сейчас музыкально приятен. Быт раскрыт изумительно.

И вообразите, милый Сергей Львович, все генеральные и премьеру я была в Театре без Вл. Ив. Анонсировали его отсутствие. Меня просили, в очень милой форме, со сцены, ему передать о спектакле. Я приветствовала и кланялась. Новая роль, без репетиции, говорят исполнила с достоинством.

На спектакле я уже более или менее успокоилась за Вл. Ив., а во время генеральных была очень встревожена . . . Вл. Ив. переутомился, и у него было повышено сильно кровоdавление. Два доктора, наш лейб-театральный и профессор Канчаловский подвергли Влад. Ивановича домашнему аресту: лежать, никаких дел, даже телефонов. Так прошло три недели. Все что могла делала я, телефонно.

Оправившись Вл. Ив. взялся за «Травиату». 5-го прошла премьера сверкающе, блестяще, триумфально! Все новое принято на ура! 17-го общественный показ со вторым составом. Второй по нумерации, а по силе он не уступает первому.

Сейчас Вл. Ив. чувствует себя хорошо, хотя, конечно, устал после «Травиаты». Но тут случилось нечто, что заставило Вл. Ив. пять дней полежать. Накануне Нового Года, в ночь, вернувшись после закрытого спектакля «Травиаты» (огромный успех), Вл. Ив. пошел к себе в спальню достать что-то с верхней полки шкапа. Табуретка пошатнулась, и он упал, ушиб ногу, а главное бок. Все от меня, до утра скрыл, боясь испортить мне ночь. Были в заговоре с Мишенькой. А мне передалось — не могла понять, почему до 6-ти утра не могла сомкнуть глаз. Понятно я обиделась такому заговору.

Были доктора, наш Иверов и хирург. И только около пяти дня, я вздохнула свободно, когда хирург сказал, что все благополучно кроме ушиба.

---

[1]) М. П. Лилина

Вот Сергей Львович, все точно . . .

Нельзя не коснуться погоды . . . С Нового Года морозы лютые 30°, а иногда меньше, как сегодня —23°, лютейший ветер. Я не подвергаю себя этим температурам. Только выезжаю в машине. Тем более, что около и вокруг меня, ходила простуда. Но я ее кажется победила.

Любящая Вас Ек. Немирович-Данченко.

Новый Год с Вл. Ив. и елочкой в столовой встречали дома. Мишенька Вас обнимает.

*

Милый Сергей Львович!

Вы все жалуетесь, что я Вам не пишу. Но я, во-первых, совсем разучился писать письма, только диктую. А во-вторых, я теперь живу так: о каждом рабочем часе думаю заранее и заранее берегу каждую минуту внимания, как бы не растратить ее. Только и знаю — работа и подготовка к ней решительным ничего неделанием. А Екат. Ник. так подробно информирует, что с этой стороны я спокоен. А тут еще со стороны здоровья неблагополучия одно за другим. То понадобилось взять у меня стакан крови, то вот грохнулся, должен был лежать, медленно двигаться. И это еще не кончилось.

Ах, если бы Вы увидели «Травиату», какой это вышел спектакль! И Кемарская! Никто никогда не предсказал бы, что это окажется из лучших Виолет!

С этими болезнями я до сих пор не отправил Сейлеру конца рукописи!

Ну, когда же Вы порадуете меня известием о каком-нибудь своем отличном успехе, прежде всего, конечно, матерьяльном. Хотя я считаю, что при тех делах какие теперь в Холливуде, успех у Вас уже тот, что Вы существуете!

Обнимаю Вас. Привет всем помнящим меня.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 7 января 1935. Милый дорогой Сережа!

Я так была рада услышать о Вас, так живо вспомнилось все, что захотелось написать Вам хоть несколько строк пока.

Почему-то наша переписка прервалась, конечно по моей всегдашней вине. Простите. Ну-с мы живы здоровы, иногда хвораем, но в общем все идет хорошо. Я не могу простить Вам, что Вы поверили, что я вышла замуж. Разве в мои годы это делают? Стыдно.

Живу бодро, треплюсь много, сейчас работаю две роли «Враги» Горького и Фру Альвинг в «Привидениях». Есть и общественная работа. Я — председатель Месткома. Много юбилеев. На днях праздновали 20-летие Камерного театра. Было пышно . . .

Сейчас много Чеховских вечеров, ездила в Ленинград — читала свои воспоминания, письма Антона Павловича и рассказы...

В театре чепуха. Трудно и нудно.

Дома у нас хорошо. Лева [1]) популярен, работает адово, общественник ярый. Люба [2]) процветает, Андрей [3]) наш — очаровательный мальчишка, в феврале будет 4 года. На Вашей койке в столовой часто живет Вол. Дмитриев.

Летом я была в Берлине и Париже. Знаете ли Вы, что Оличка [4]) вышла замуж. Она очаровательна, как мечта.

У нас жизнь кипит в Москве. Вы бы не узнали Гурзуфа, теперь так он стал культурен и красоты невероятной. Это уголок, где я с утра и до ночи хожу и улыбаюсь и — полный воспоминаний. Лева купил домик рядом с моим (который за моим домиком). Пока кончаю — откликнитесь, буду ждать. Обнимаю Вас

Ваша О. Книппер-Чехова.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

12 января 1935. Милый Сергей Львович!

Посылаю Вам несколько рецензий о «Травиате». Послал бы и другие, все восторженные, но нет дубликатов.

Вы дважды писали Ек. Ник.: «Зачем Вл. Ив. понадобилась эта балалаечная музыка?». Вот я и отвечаю: Зачем? Затем, чтобы утвердить новую форму оперного спектакля! На самом старом примере.

Мой театр еще никогда не достигал такого триумфа. Даже в «Катерине Измайловой», про которую ваш американский посол Буллит говорит всякому приезжему американцу «Вы не должны уезжать из Москвы не послушав Катерину Измайлову». Травиата превзошла все.

Обнимаю Вас.

Ваш В. Немирович-Данченко.

Кемарская совершила чудо. Но у нее имеется соперница.

О. Л. КНИППЕР-ЧЕХОВА — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

5 марта 1935, Москва. Сережа милый, я Вам послала 1-й том нашей переписки с Ант. Павл. — 2 марта. Книга имеет очень большой успех, отовсюду слышу самые прекрасные отзывы, и приняли ее очень серьезно. Я очень и очень волновалась, прежде чем решилась печатать переписку. Теперь как-то вздохнула.

В театре странно и не очень приятно. «Враги» — что то ужасное и не везучее — играть пьесу трепаную по другим театрам, пьесу плохую — невероятно противно. Какое-то страдание. И режессер наш молодой Кедров тихоход необычайный.

---

[1]) Л. К. Книппер

[2]) Жена Л. К. Книппера

[3]) Сын Л. К. Книппера

[4]) О. К. Чехова.

Писала ли я Вам, что я перевела пьесу с немецкого «Елизавета Английская», по-моему очень интересная и роли прекрасные, это в хорошем смысле театральная пьеса, но, увы, некому ее ставить. Надо настоящего талантливого постановщика. Подождем... Мне скучно невыразимо в театре. Не знаешь за что взяться.

В феврале шли Левины три симфонии. 3-ю он сам дирижировал. Моя мечта, чтоб он выработал из себя дирижера... Он прекрасно владеет оркестром и очень красиво держится. Лева имел больший успех. Он неугомонный, все мечется, рвется куда-то, замучен общественной работой.

Нам стало очень тесно в квартире. Молодые мои уже записались в кооперативный дом композиторов, но дом будет готов года через полтора, а я уж останусь здесь на старой.

Ох сколько бы я с Вами поболтала. Наши шлют привет. Сейчас у нас Володя Дмитриев. Скоро будем ждать Марию Павловну [1]). Ну, кончаю, обнимаю Вас

Ваша О. Книппер-Чехова.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

30 апреля 1935. Милый Сергей Львович!

Просить извинить меня за мое долгое молчание, было бы просто неприлично. Давайте сразу начну о делах. Надеюсь, что Вы уже получили сначала «Пиквика», а потом «Простую вещь». «Степанчиково» переписано и 22-го сдано в Главрепертком, без визы которого нельзя получить разрешение на высылку за границу. Думаю, что вскоре тотчас же, после праздников майских (гуляем 1-го и 2-го) это дело разрешится. «Анна Каренина» пока принята в первом варианте, как основа для пьесы, к работе над текстом с Волковым пока не приступали, потому что до этого режиссер спектакля Сахновский и Волков должны получить от Влад. Ив. задания. Он собирается раскрыть им свой план постановки, исходя из которого и будет работаться текст. Ваши журналы апрельские я получила. Вы не представляете сколько интереса они вызывают не только во мне, интересующейся кинопромышленностью, но во всех моих друзьях и приятелях, которые всегда с большим удовольствием рассматривают журналы. Для девушек они кроме того представляют интерес, как показатели мод, для мужчин — как выставка множества пикантных и мало прикрытых костюмом хорошеньких девиц. Словом удовольствий бездна. Вы только не смотрите на эти журналы со своей все разрушающей точки зрения, Вы вспоминайте всегда, что мы живо интересуемся всем на свете и пытливы ко всему, что связано с театром и кино... А например такой случай: у нас надстраиваются в театре два этажа над уборными — со временем будут уборные в 4 этажа. Теперь возник вопрос о необходимости внутреннего оборудования уборных. Тут могут по-

---

[1]) Сестра А. П. Чехова.

мочь журналы, т. к. в них часто бывают фото или рекламы убранства комнат, домиков ваших «стар». У вас ведь попадаются очень хорошие выдумки в смысле расширения домашнего комфорта. А мы тоже хотим раскомфортить нашу жизнь.

12 мая 1935. Милый Сергей Львович!

Я получила Вашу открытку о «Степанчикове» тогда когда пьеса была уже в цензуре для права ее высылки. И как раз в этот же день я и получила это право и выслала ее Вам в двух отдельных пакетах, на случай пропажи. Так что с этим делом с моей стороны все ол-райт. Что же касается «Пиковой дамы», то я просто не знаю как воздействовать на этих авторов. Через день я получаю заверения, что вот мне принесут текст и никто ничего не несет. Я теперь уж стала воздействовать на жену одного из авторов и надеюсь, что вмешательство более аккуратной силы — женской внесет порядок, а то авторы что-то уж очень размашистые и неделовые.

Вчера, наконец, произошла встреча с Влад. Ивановичем по «Анне Карениной», автор — Волков, режиссер Сахновский и художник Дмитриев. Я узнаю от одного из них поподробнее обо всем. Влад. Ив. чтобы не утомляться разговором, сказал, что он сообщил свой оригинальный план, который уничтожает план Волкова, пьесы на 34 эпизода. И вместе с тем это не похоже на «Воскресение», которое тоже явилось изобретением Влад. Ивановича. Из этого рассказа я поняла, что инсценировка будет кардинально меняться, поэтому вопрос о ее высылке Вам задерживается.

Всего хорошего — О. Бокшанская.

15 июля 1935. Милый Сергей Львович!

Я через несколько дней еду к маме, буду лечиться как и в прошлом году. Адрес тот же, и я надеюсь получить туда от Вас письмишко и сама Вам напишу.

В поездке работы было достаточно, не было опытной администрации с нами, только один новый в нашем театре инспектор. Егоров остался в Москве, где не мало у него сложностей из-за поднимавшегося в этом сезоне против него недовольства, которое он хочет подавить не личными качествами, а авторитетом Конст. Сергеевича. Боюсь, что это ему удастся, т. к. Конст. Серг. за него горой. А в театре Егоров не польза, а вред. У нас очень сложная жизнь пошла.

Всего хорошего.

Ваша О. Бокшанская.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

22 июля 1935, Карлсбад. Дорогой мой Сергей Львович!

Ну вот, наконец, я опять собрался писать Вам. В Карлсбаде мы уже две недели. Приехали прямо из Москвы не останавливаясь в Берлине, только от поезда до поезда. Нас встретили супруги Полевицкие. Он (Шмидт) хоть и чистокровный ариец,

но делать ему в Германии нечего, а из Бург Театра он год как ушел.

Так вот. Выезд из Москвы сильно задержался, я успел даже отдохнуть от сезона на столько, чтоб прямо приступить к Карлсбадским водам. И все-таки день за днем так понеслись, что я не сразу мог засесть за это письмо, о котором давно думал.

Тяга назад в артистическом мире, чувствуется довольно большая. В особенности после того, как я устроил возвращение Ник. Асланова. Да еще, если разрешат, прямо в Худож. театр! Могут не разрешить. Художественный театр как ЦИК'овский на особых строгостях. Может быть ему придется искать место в другом театре. Но наверное найдет. Пока он очень счастлив, насколько его ленивая природа способна чувствовать счастье. Хотя живет в комнате сестры. Не буду называть имен (просили не называть), крупных и Вам хорошо известных, рвущихся в Москву. Но из этого наверное ничего не вышло бы, если бы я даже взялся хлопотать. Между прочим Гзовская с Гайдаровым так до сих пор и не устроились ни в какой театр. Попали было, наконец, к Грановской в Ленинград, но и оттуда скоро ушли. Так до сих пор и живут эстрадными выступлениями, получая очень не мало. А в провинцию ехать не хотят. Придется. А Вы знаете, что такое теперь у нас «провинция»? В Горьком (б. Нижний Новгород) оперный театр, даже вернее, Новый оперный театр. Недавно было его открытие. Открывал мой Музыкальный театр, гастролировавший там месяц. Всем ансамблем, с оркестром в 75 человек! Со всеми декорациями. И, так называемые, гастроли — гарантированные. Теперь мой Музыкальной театр играет в Днепропетровске (б. Екатеринослав), где тоже постоянный оперный театр. Такой же в Воронеже, в Саратове, Самаре (теперь — Кирове, Куйбышеве) и т. д. и т. д. В Свердловске (Екатеринбург) больших три театра: Оперный, Драматический и Музык. Комедии. О Ростове, Киеве, Харькове, Одессе и говорить нечего. Да, что!

Весна в Москве прошла под знаком гастролей провинциальных театров. Играли труппы Воронежского, Новосибирского, какого-то Казахстанского или Восточного и еще и еще... Чтоб удовлетворить запрос не хватает ни актеров, ни администраторов, ни, особенно, певцов, ни музыкантов, ни инструментов! И везде сборы!

Моя личная работа в этом была успешнее, чем за многие-многие годы. «Травиата» была самым боевым спектаклем сезона вообще. Этот спектакль редко кто смотрит один раз. Кто раз попал, непременно придет в другой и в третий. Чрезвычайно подняла «Травиата» театр в его вокальной репутации. И Кемарская совершила настоящее чудо, а другая Виолетта, просто блестящая певица и отличная актриса. И славный тенор.

В драме лучшим спектаклем сезона считается моя работа «Враги» Горького. Эта пьеса уже прошла в Малом театре раз полтораста и столько же в одном театре. Сталин выразил желание, чтоб ее поставили в Художественном театре. Актерам пьеса

не понравилась. Играть ее после Малого театра, где исполнителей хвалили, не хотелось. Мне пьеса понравилась, т. е. я находил очень хороший матерьял для актеров. А главное, на этой пьесе мне хотелось дать, так сказать, бой штампам Худож. театра. Если бы Вы знали как искусство Худож. театра засорилось! То чем был для нас Малый театр 37 лет назад, то теперь Художественный. Старомодно, сентиментально, тягуче, простота искусственная, надуманность и т. п. Работал я с большим подъемом. Спектакль получился яркий, свежий, необычайно простой. Тарасова говорит, что она стала другой актрисой и в первый раз в жизни так работала. Соколова — что переродилась. Орлов, Бендина, Хмелев, человек 20 актеров — почувствовали силу и обаяние настоящего Художественного театра. Качалов (сам, почти без моей помощи) создал образ, о котором критик «Известий» пишет: этот образ войдет в историю театра. Очень много я бился с особенно заштамповавшейся Книппер. Но и она сияя подносила мне не сцене цветы от артистов. Это был очень овационный, волнительный спектакль.

На будущий сезон я работаю над «Анной Карениной» (Тарасова). Но не скажу, чтоб пока горел надеждами. Хотя форму постановки придумал новую, неожиданную и, кажется, удачную. По крайней мере режиссер (Сахновский) и художник (Дмитриев) зажглись. Боязнь моя по актерской части. Я обещал (не подписывая договора) руководить и киносъемкой «Анны Карениной» с теми же главными исполнителями. Но не знаю, удастся ли мне это.

Поставили в этом году в Филиале (б. Корш) и одну современную пьесу «Платон Кречет», молодого украинского драматурга, очень талантливого.

Но внутренняя жизнь в Художественном театре такая же скверная, как и была. Нет настоящего директора, хотя их и два. Отношения между нами, т. е. мною и Станиславским никогда не были так заострены. Все потому, что он окружил себя такими людьми, которым наруку наше недружелюбие. Достаточно сказать, что за весь год мы встретились только раз на одном заседании. Правда, он никогда никуда не выходит, но я то выхожу как здоровый всюду, куда надо. Такие отношения были бы и давно раньше, но раньше я все таки стремился побороть «средостение», старался смягчить и его художественные абсурды. А теперь это утомило меня. Да и не в силах я бороться с чепухой и в этой борьбе утрачивать свое хорошее. А главное от этого только страдало само искусство. Т. е. от моих уступок и от моего молчания. Только тогда я побеждал и в искусстве («Цезарь», «Карамазовы», Музыкальная студия и пр.), когда сбрасывал с плеч иго это. Надо сказать, что этого у нас еще не понимают. Думают, что зерно враждебных отношений только в честолюбии Конст. Сергеевича или в чем-то личном с моей стороны, в том, словом, что два медведя в одной берлоге не уживутся. На самом деле не так. Главное в разном понимании самого искусства. Я уже не скрывая, борюсь во время моих

работ с тем, чему учат Зинаида Сергеевна[1]) и апологеты «системы» Константина Сергеевича. Величайшее очковтирательство продолжается. Выступать против я не могу, но во время работы указываю конкретно, что к чему ведет... Вот в чем и значение «Врагов», «Травиаты», «Катерины Измайловой». Это только начинают понимать.

Тем временем в Театре в полу-тьме, (у Толстого замечательное выражение: за кулисой в дневной темноте)... в нашей дневной темноте, среди труппы, администрации, наростают интриги, искательства и всякая дрянь... И атмосфера плохая...

В Музыкальном театре куда лучше! Там мой дух царит вовсю! Нет завистливо подтачивающих Баратова, Лосского, Бакалейникова. Все работают и стараются поддерживать атмосферу в том направлении, какое идет от меня. В величайшей степени поддерживает это и Наркомпрос. Небывалый успех «Травиаты» еще более укрепил мое влияние.

Вот когда хотелось бы повезти, показать Америке Музыкальный театр. Буллит, американский посол, все время говорит об этом. У нас с ним наладились отличные отношения. Я и Ек. Ник., а в последнее время и Миша, получаем приглашения на все его обеды, рауты, приемы, показывание новых американских картин... Весной приезжал в Москву Ленинградский балет. Вообразите, что несмотря на то, что Москва обладает гораздо большими средствами, несмотря на то, что Малиновская старалась перетянуть в Москву все лучшие силы, традиция преимущественных качеств Ленинградского балета перед Московским осталась неприкосновенной. Как и прежде он щегольнул и отсутствием вульгарности и вкусом и индивидуальными силами. У нас Семенова, но там появилась звезда в самом настоящем смысле — Уланова. И несколько претенденток и претендентов на соперничество. Ваганова оказалась великолепной преподавательницей и даже постановщицей. Ленинградский балет дал в Москве 4 спектакля по сумасшедшим ценам при полных сборах и имел колоссальный успех.

Так вот, Буллит давал в честь его представителей обед, был и я со своими и говорил речи...

Вы знаете, что в Москве бывают театральные фестивали. Сейлер не раз писал мне, чтоб я устроил приглашение Геста. У нас действительно, несколько человек из заграницы приглашают, т. е. оплачивают проезд и пребывание. Вот на сентябрьский фестивал я такое приглашение Гесту устроил.

Может ли это иметь какую-нибудь связь с поездкой Театра в Америку — не знаю. Не могу сказать, чтоб я вообще рвался к такой поездке. Во всяком случае уже далеко-далеко не так, как прежде. Вы же понимаете разницу? Тогда были колоссальные надежды во всех смыслах. А теперь платоническое стремление показать театр на большой высоте. О поездке «стариков» Художественного театра я уже и не говорю, это наверное невозможно. Но и поднять «Катерину Измайлову», требующую гро-

[1]) Зинаида Сергеевна Соколова — сестра К. С. Станиславского.

мадной оркестровой работы, тоже не легкое дело. Буллит, кажется, готов пойти даже на жертвы, чтоб отправить в Америку Ленинградский балет и мой Музыкальный театр. Но этим надо заниматься! С энергией, с инициативой! Кто это может? Правительство наше готово на многое. Вот посылали несколько десятков писателей в Париж. Вот посылали пять-шесть групп танцоров разных национальностей, значит до сотни человек, в Лондон... Может быть, и с этим что либо возможно. Думаю, что это мог бы сделать мой Шлуглейт (т. е. мой заместитель по Музыкальному театру). Однако повторяю, я сам отношусь к такой поездке с холодком. Явись что нибудь реальное, ясное, крупное, достойное огромных, мировых результатов, я, может быть, сразу загорелся бы. Мне не ловко писать Вам (впрочем, кажется я это повторяю), но Вы не представляете себе того огромного мастерства, какое я достиг. Мне неловко. Не представляете ни Вы, ни тем более Майльстон, Скэнки и им подобные. И с какой быстротой я работаю. Ведь я принял от Кедрова (режиссер) «Враги» в таком виде, когда все исполнители до единого, проработав год целый, говорили: Ну, слава Богу, наконец-то Влад. Ив. посмотрит спектакль и кончится эта мука: спектакль снимется с работы. Ни один актер без исключения не играл с удовольствием, все тяготилось. И ни одна роль, кроме, отчасти, Качалова не была интересна. Теперь все, все до одного купаются в удовольствии играть пьесу! А работал я 25-30 репетиций, не больше!

Чем может заманить теперь Америка! ? Только валютой, которую получить у нас все еще очень трудно. Заработать на несколько лет — единственная приманка. Но у вас самих дела неважные. Богатые 27-й, 28-й годы не повторяются и ничего впереди не видно...

Где же замыслы Майльстона создать какой-то спектакль или даже два со мною? Нет! Никому я у вас там не нужен. Никто не рискнет, да и никому в голову не придет, что я могу дать произведение исключительного масштаба. Работать по-настоящему можно только у нас.

Вот с книгой моей произошла чорт знает какая задержка! Длинно рассказывать, но факт, что я только в феврале (или даже в марте) отправил наконец рукопись. Задержал, словом на два года! И теперь думал, что слава Богу кончилось, оказалось далеко нет. Дело в том, что в процессе писания, я сильно переменил направление и теперь им там кажется, что я сдал не то, что обещал... Так сейчас дело и стоит. А, между тем, в Москве отбою нет от приставаний издательств. Я же не могу даже дать прочесть. До сих пор прочли (кроме конечно Ек. Ник. и Миши, который переписывал) только Марков и Бокшанская. Оба они невероятно расхваливают. Вообразите, что я совершенно искренне не понимаю, что там хвалить. Да, в начале, в том что Вы читали, есть что-то завлекающее, а потом, по-моему, только попадаются интересные эпизоды, характеристики, рассуждения. Вы наверное переоцениваете. Потому что не того ждете. Вы думаете, что эта книга полностью охватит и всю историю Художеств. театра и всю мою жизнь. А на самом деле она оста-

навливается на 904-905 годе! Хотя и охватывает рассуждениями эпохи дальнейшие . . .

В Италии тоже на меня сердятся, а туда я не могу послать весь матерьял из опасения, чтоб не выпустили раньше Америки.

Писала ли Вам Ек. Ник., что приезжал Крэг? Был ко мне очень внимателен (более чем к Станиславскому). Я делал ему обед.

Вы не обижайтесь, что я сам пишу Вам теперь редко. Имея секретарш в обоих театрах, я совсем отвык писать письма и, главное, невероятно перегружен работой! Каждые полчаса мои охраняются, подглядываются, выжидаются.

Пишите же! Как же Вам живется.

Ек. Ник. шлет Вам, как всегда, нежный привет. Миша чувствует себя очень хорошо, очарователен по-прежнему.

А Леонидову, должно быть не важно работается после неуспехов (матерьяльных) Пражской группы. Он ведь теперь в Париже. Чехов кажется остался в Нью-Йорке,

Обнимаю Вас крепко

Вл. Немирович Данченко

— Что это за «специальный» корреспондент «Известий» Нильсен?

— Художественный театр уже который сезон играет весной в Ленинграде. Это полутоварищеская антреприза, дающая большой доход артистам, по 5—6 тысяч получают.

— Куда я и Ек. Ник поедем из Карлсбада, еще сами не знаем. У меня есть визы и в Италию и во Францию и в Германию. Кроме того оплачены билеты 1-го класса от Карлсбада до Парижа и от Парижа до Берлина. А кажется мы просто уедем в Германию, где пробудем месяца полтора. Хотя там сейчас очень противно.

*

Дорогой Сергей Львович! Это я. Влад. Ив, по свойственному ему забыванию себя, забыл Вам сказать. Этот самый Буллит, до приезда Ленинградского балета, делал обед в честь Влад. Ив. Были только мы трое и два главные секретаря Буллита с женами и два приехавших американца. Помните секретаршу Геста? Вот она с мужем. Буллит был необычайно любезен. Не официален. Между прочим, за обедом сидел рядом со мной. Обед в 8 час., а разошлись в половине 11-го. Обед в интимной столовой, чудное вино и шампанское с самого начала и до конца.

А на обеде для Ленинградского балета Влад. Ив. своими речами поднял и оживил весь прием.

Обнимаю Вас Ек. Немирович Данченко.

Берлин 17 августа 1935. Милый Сергей Львович! Сегодня получил Ваше большое письмо. Читал его с Катер. Ник. Спасибо за сведения, за чувства и за изложение Ваших интимных мыслей. Очень понимаю Ваш «ужас», как Ви называете, перед фактом, что Ваши крупные качества для театра, не дали и не дают результатов. И сам жалею об этом. Невольно даже мелькает мысль, а

если бы вернуться. Где бы работать? Как пошла бы жизнь? И опять все еще встал бы вопрос о комнате. Я Вам писал, что Асланов живет у сестры, а приехал из провинции другой брат Жорж, и он к сестре в комнату! Что же касается духовных интересов, то разумеется они поглотили бы Вас.

В фильмовании «Кармен» в Америке меня интересует не столько, как это будет поставлено, сколько самый сценарий, содержание, сюжет, рассказ. Два сюжета у меня пропадают: Клеопатра и Кармен. Мне кажется, что я сочинил такие хорошие рассказы, для этих двух знаменитейших женских характеров, такие простые, ясные и в то же время яркие и глубокие, что мне жалко: авторское чувство подсказывает мне, что сочинения других наверное будут хуже... Даже еще не так давно, перебирая бумаги перед выездом за границу, я наткнулся на записки о Кармен и Клеопатре и долго возился с ними.

Относительно оценки меня — Вы меня вероятно не так поняли. Неужели я так нахально писал Вам о «значении» меня. Нет. Я писал, кажется, что даже Вы не знаете, как я занимаюсь теперь с актерами. «Значения» в смысле славы у меня достаточно. (Вчера получил письмо от одного крупного партийного руководителя из Москвы: «Искренне желаю Вам, мастеру мировой театральной культуры... и т. д.). Не ясно, очевидно, написал я Вам и о книге. 1905 годом ограничились события. А темы идут очень далеко. Попутно! Попутно между главами проходит и вся моя биография. Попутно, там и сям современность. Попутно характеристики. Широко захватываются вопросы искусства и мои творческие приемы. Я ответил почти на всю программу какая намечалась. Но не в хронологическом порядке, а в виде рассказов. Я бы прислал Вам, но у меня нет. Пришлось ведь посылать в Милан. И «недовольства» издателей и «неловкости» Сейлера я еще не ощутил. Жду ответа и подробностей от них. А до окончательного решения, когда книга будет печататься, не могу издавать в Москве, хотя охота на нее огромная. Назову книгу кажется «Сбывшиеся мечты». Нет, книга, право, хорошая. Но за нею неминуемо должны следовать и вторая и третья. Хотя бы все так же, из области воспоминаний. Берлин, как будто, потише стал. Скучнее. Но порядливость та же. Мишечка уже в Москве. Музыкальный театр, после большого успеха в Нижнем Новгороде (г. Горьком) имел в течение месяца огромный успех в Екатеринославе (Днепропетровске). Миша очарователен по-прежнему.

Вспоминаем Вас часто.

Открытку Вашу Ек. Ник. еще не получила. Она очень довольна Карлсбадом. Пока и Берлином, хотя и прихворнула здесь после карлсбадских вод.

Обнимаю Вас. Ек. Ник шлет свой нежный привет. Кланяйтесь! Кланяйтесь не только «нашим», но и старым Холливудским знакомым. И Майльстону тоже.

Ваш Вл. Немирович Данченко

Получил очень длинное, подробнейшее описание новой картины «Анна Каренина» (Грета Гарбо) от Шумяцкого из Холли-

вуда. Это руководитель всей советской кинематографии. Он пишет мне ввиду того, что, как Вы знаете, я в предстоящую зиму буду работать почти одновременно над «Анной Карениной» (Тарасова) и в Художественном театре и в кино. Вы об этой картине что-то молчите.

P. S. Сергей Львович дорогой! Так захотелось Вас увидеть. Пока хоть это написать.

Крепко обнимаю. Ек. Немирович Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

20 августа 1935. Получил письмо от О. С. Бокшанской от 14-го августа из Риги, где она проводит свой отпуск у матери. Бокшанская пишет, что друг нашей семьи, которой я поручил раздать оставшиеся после отъезда мамы авторские, хотела бы написать мне, как она распределяет деньги, но боится писать, чтобы не быть обвиненной в «связи с заграницей». Просит передать, что прекращает писать моей маме по той же причине. Бокшанская подтверждает правильность этого решения.

В последнем своем письме Влад. Ив. пишет, что думал о моем возвращении в СССР, но «опять встает вопрос о комнате». Этот эзопов язык Влад. Ив. мне хорошо понятен. Фраза об «удовлетворении духовных интересов» не более как страховка. Такие «страховки» начали попадаться в письмах его даже из заграницы. Видимо он по прежнему уверен, что письма советских граждан за границей также, каким-то способом перлюстрируются.

Какое уж там духовное удовлетворение, если даже в художественном театре, несвойственные ему прежде «интриги, искательство и всякая дрянь».

Вполне понятно возмущение Владимира Ивановича тем «бизнесом», который делали из системы Станиславского. Зинаида Сергеевна Соколова, сестра Станиславского, к искусству театра причастная только по праву родства, не обладала данными, чтобы преподавать теорию своего великого брата, точно так же как и многие другие, смело бравшиеся за то, чтобы учить тому, о чем они сами имели смутное представление. Константин Сергеевич порою был доверчив и наивен и не замечал, что вокруг его замечательной системы, помогавшей актеру работать над собой, появлялись люди, старавшиеся сделать на этом своего рода карьеру. Как ни печальны сейчас дела в Холливуде, но читая то, что пишут мне из Москвы я благодарю Бога за то, что я здесь.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 5 октября 1935. Милый Сергей Львович!

На днях я Вам послала «Ваграмову ночь» и журнал «Сов. театр».

Текст «Анны Карениной» еще не установлен. Решено, что весь Волковский 1-й акт, т. е. начиная с встречи Анны на вокзале и кончая ее отъездом из Москвы, вымарывается. Действие пьесы будет начинаться со сцены у Бетси Тверской в Петербурге. Рас-

пределение пока не установлено, только намечено. Распределение 5-ти центральных ролей: Анна-Тарасова, Вронский-Прудкин, Каренин-Хмелев, Стива-Станицын, Бетси-Соколова.

Всего хорошего и будьте здоровы.

Ваша О. Бокшанская.

Москва, 11 дек. 1935.

Во-первых приветствую Вас с Новым Годом! Письмо, вероятно, как раз придет к Вам в предпраздничные дни. Желаю Вам удач и радостей.

Вы спрашиваете о «Правосудии». С этой пьесой вот что случилось. Экземпляр был сдан в отдел распространения Всероскомдрама для решения вопроса о напечатании пьесы для клубов. Там экземпляр мотали, мотали и затеряли. Когда я снова поставила вопрос о пьесе мне сказали, что руководство переменилось, надо снова дать пьесу читать, пришлите экземпляр. У меня был только тот, с которого я переписывала, Вами присланный. Я объяснила, насколько важно не потерять этот экземпляр. Они мне дали слово быть с пьесой внимательными. Я отдала им пьесу, они снова мотали с ответом, потом переезжали в новое помещение и при переезде окончательно замотали и этот экземпляр. Так что больше поднять вопрос о «Правосудии» я не могу, потому что у меня попросту нет экземпляра.

Про нашу театральную жизнь времени нет писать. Ведь о ней можно томы написать. Живем мы по разному, т. е. вообще я живу очень хорошо, довольна жизнью личной, очень, общественной тоже очень, в служебной же встречаются разные настроения, иной раз расстраиваешься сильно, иной раз чувствуешь удовлетворение. Но должна сказать, что с нашим театром я чаще расстраиваюсь, потому что считаю, что многое у нас идет неправильно, нехорошо, даже гадко. Причин к тому внутри театра больше, чем достаточно. Вы нашу атмосферу знаете, так прибавьте, умножьте на 10 по крайней мере то, что было . . . Те годы, когда Вы были в театре, теперь кажутся нам благословенными по крепкой организованности театра, по настроениям на работе. Теперь у нас в управлении столько неразберихи, что если бы не вера в то, что скоро придет время «разбора маневров», что скоро у нас будет водворен порядок, если бы не эта вера, то право не стоило бы продолжать здесь работать. Можно было бы найти много прекрасных мест, где можно приложить свои силы и уменье. У нас вообще везде (только не в МХАТ'е) работать умеют и работать любят. А у нас в театре тут важна не работа, а личные отношения, причастность к той или другой группе и т. п. Да не Вам мне это говорить, все это было в зародыше и при Вас.

Будем надеяться на удачи. Всего хорошего желаю Вам, будьте здоровы и счастливы

Ваша О. Бокшанская

4 января 1936. Москва. Милый Сергей Львович!

Потратила на Ваши дела очень много времени, больше чем можно было по началу предполагать. Я говорю об авторских. Выяснилось, что необходимо дело передать юристу, потому что я тут

не разберусь во всех тонкостях. Я уже сговорилась с одним юристом, вернее, как у нас полагается, с юридической консультацией, которая предоставила мне юриста. Оказалось, что выше Комиссии по охране авторских прав стоит Секция Драматургов (может быть я не вполне точно указываю название организации). Словом председателем Драмсекции является Киршон, хорошо известный всем нам. Я решила для пользы дела попросить Влад. Ив. поговорить с Киршоном, рассчитывая, что вмешательство Влад. Ив. подвинет дело быстрей. Киршон сказал, что дела не знает, рассмотрит и скажет свое мнение. Тем временем мой юрист категорически считал, что право на Вашей стороне, что юридически все совершенно ясно. Но вот вчера я позвонила Киршону, чтобы спросить результаты и тут выяснилось, что помимо формальной стороны, есть другая сторона, моральная, которая может сыграть в деле решающую роль. Киршон задал мне ряд следующих вопросов: на каком основании Вы проживаете в Холливуде, т. е. проживая там и работая в области кино, имеете ли Вы командировку от какого-нибудь учреждения; как давно Вы там живете; думаете ли Вы вернуться и когда? Задавая эти вопросы Киршон объяснил мне, что выдача продления паспорта, в целом ряде случаев не обозначает того, что такой-то живущий за границей советский гражданин не есть невозвращенец. Что, например, невозвращенкой является Анна Стэн, живущая, как будто, по советскому паспорту и т. п. И что вместе с тем и ВКДрама, и он лично будут категорически протестовать против выплаты гонорара лицу, которое является невозвращенцем. Я спросила, что в том случае, если Вы не являетесь невозвращенцем, то как Вы можете это доказать. И Киршон мне объяснил, что если бы Вы могли представить в ВКДрам справку нашего полпредства в Америке о том, что Вы не являетесь невозвращенцем, то тогда ВКДрам имел бы все основания выплатить Вам Ваши авторские. Что мне остается еще прибавить? —Ничего. Либо Вы пришлете справку, либо надо проститься с зачисленными на Ваш счет в дальнейшем авторскими.

Вы, вряд ли, можете представить сколько приходится работать, сейчас уж пошел тринадцатый час моей сегодняшней работы, Вы, вероятно не знаете такого длинного рабочего дня. И это так почти ежедневно. С трудом нашла время для этого неотложного, делового письма.

Ну будьте здоровы и благополучны, милый Сергей Львович, желаю Вам всего хорошего в новом году. Мы встретили его очень весело и надеемся прожить его весело, интересно и с хорошим темпераментом.

Ваша О. Бокшанская

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

15 февраля 1936. В прошлом году у меня было очень интересное знакомство: в Холливуд приезжали Ильф и Петров, авторы знаменитых «Двенадцать стульев». Я имел возможность наблюдать за их работой. Пишут они все сообща, а не каждый свой собственный отрывок. При мне они обсуждали кусок своего нового про-

изведения, причем не общее содержание, а каждую отдельную фразу. Мы купили у них сценарий «Частные люди» один из трюков которого— перенесение на другое место целого замка. Ряд эпизодов взят из «Двенадцати стульев». И, вдруг, мы узнаем, что выпущен фильм «Привидение идет на запад», в котором разыграны трюки нашего сценария. Кроме того стало известно, что лондонская фирма готовит к выпуску фильм «Двенадцать стульев». Майльстон был вне себя от ярости, а я сказал: «Как же можно было ожидать, чтобы люди, написавшие великого комбинатора Остапа Бендера, не «скомбинировали» бы в Холливуде?». Эта фраза рассмешила Майльстона и успокоила, но он просил меня написать Ильфу и Петрову, выяснить это дело и затребовать у них новый сценарий. Сегодня получен ответ от Петрова датированный 27-м января, он пишет:

> В связи с неожиданным заболеванием Ильфа (по определению американских врачей: туберкулез легких) мы срочно выехали в Москву, даже не успев ответить на последнее письмо Сергея Львовича.
>
> Перед отъездом я посмотрел «Привидение идет на запад». К сожалению, история с переноской замка для нас теперь пропала. Однако, **в основном фильм ничего общего с нашим не имеет.** Мы, разумеется, пришлем Вам из Москвы сценарий, но было бы страшно жалко, если бы «Честные люди» не попали на экран. Мы подумаем над тем как изменить сюжет и оставить нетронутым основное положение с ограблением бандита. В том сценарии есть то ценное, что постепенно исчезает из американского кино, настоящее, чисто кинематографическое действие.
>
> По причине, которую я указал в начале письма, мы едем не через Лондон, а через Париж, без остановок. Поэтому не сможем увидеться с лондонскими жуликами по поводу «12 стульев». Если Вы услышите еще что-нибудь об этом фильме, обязательно напишите нам. Быть может там еще ничего не выйдет и тогда можно будет воспользоваться стульями для «Честных людей». Что же касается замка, то он не играет особенной роли и свободно может быть заменен хорошим американским домом

Это известие о болезни талантливого Ильфа очень неприятно поразило как меня так и Майльстона.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 30 марта 1936. Милый Сергей Львович!

После того, что Вы телеграфировали Влад. Ив. относительно «Карениной», он меня попросил связаться с Волковым. Я ему сказала, что в свое время я уже говорила с Волковым и получила его обещание дать текст именно Вам, как только он будет установлен, о чем я Вам и написала тогда же. Влад. Ив. попросил меня снова переговорить и снова Вам написать. Сообщаю, что Волков остается при своем решении отдать Вам свою инсценировку для Америки, но пока не может выслать текста, т. к. он не уста-

новлен у нас окончательно. Он надеется, что в основном скоро будет установлен, а если возникнут какие-нибудь изменения после прихода Влад. Ив. в репетиции «Карениной», то о них Вам можно будет дополнительно сообщить. Волков собирается послать Вам текст вместе с тем первым актом, который у нас не пойдет, т. е. с началом романа, с Москвой, с примирением Облонских, с балом, с отъездом Анны и сценой в Бологом между Анной и Вронским. Мы это все опускаем, т. к., по мнению Влад. Ив., это загрузит пьесу, сделает то, что когда начнется драма, трагедия, внимание зрителя будет уже ослаблено, утомлено предшествовавшими картинами. Для Влад. Ив. это спектакль сгущенной драмы и для него не является важным показать, хотя бы и очаровательные, но мешающие его плану картины зарождения любви между Анной и Вронским. Волков считает, что Вы можете по желанию воспользоваться или не воспользоваться первым актом. Это еще больше укрепляет меня во мнении, что ему трудно отказаться от любования той пьесой, какую он сделал, и что он внутренне не может усвоить, принять глубоко драматическую линию, решенную для этого спектакля Влад. Ивановичем. Когда я как-то слышала, как говорил Влад. Ив. (на просмотре макетов) и что отвечал иногда Волков, для меня было ясно, что что-то очень сильное и оригинальное в решении Влад. Ив. ему совершенно недоступно, и потому непонятно. Итак ждите присылки текста и не расходуйтесь на телеграммы.

В театре много интересного, как всегда, хорошего и неважного, трудного и радостного, о чем коротко не напишешь, а длинно, простите, милый Сергей Львович, времени нет. Влад. Ив., к нашему горю, хворал недель шесть и от этого нарушился весь решенный план работ. Три дня назад он впервые вышел на воздух и тут же приехал к нам. Ему показали работу сделанную по «Любви Яровой», следующие два дня он делал по этому показу свои замечания и теперь со 2-го апреля вступит в работу над этим спектаклем. Параллельно, если хватит сил, будет у нас помогать и по другим спектаклям, которые в будущем будет выпускать, т. е. по «Карениной» и «Годунову». На одной ступени по срочности и важности выпуска с «Яровой» стоит для него выпуск «Тихого Дона» в Музыкальном театре, обязательно в этом сезоне. «Яровая» же не выйдет в этом сезоне, это ясно, хорошо было бы, чтоб ее хоть вчерне весной приготовить.

Сейчас в области театра идет большая перестройка и каждый руководитель театра с большой пристальностью рассматривает каждую могущую войти в репертуар пьесу. Судьба 2-го МХАТа заставила все наши театры и «на себя обернуться», посмотреть, что же они собою представляют и достаточно ли серьезно относятся к своей роли в стране. И это обстоятельство прежде всего заставило приглядеться к двум сторонам театра: к репертуару и к режиссуре. Потому что они в первую очередь решают идеологическое лицо театра, выражают его идеи. Впрочем, вероятно, Вы в этом разберетесь достаточно полно, читая последние театральные журналы. Правда, полнее это все отображается в наших театральных газетах, а я их Вам не посылаю, потому что газета

это такая вещь, которую не сохранишь: она лежит на столе и, привлекая всегда к себе интерес всех посетителей Дирекции, постоянно к концу дня со стола пропадает. Не уследишь! Впрочем, если Вам интересно получать и газеты, то я могла бы для Вас подписаться, теперь уже с июля, т. к. подписка принимается поквартально и с апреля уже закончена. Тут бы я рекомендовала Вашему вниманию две газеты: «Советское искусство» и «Литературную газету». Выходят они по 5 раз в месяц. Тогда уж, по моему, Вы будете в вопросах театра и литературы начитаннее многих наших актеров.

Желаю Вам всего хорошего

Ваша Ольга Бокшанская.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

1 мая 1936. Милый Сергей Львович!

Пишу под звуки музыки и пения демонстраций под окнами. Как празднуется здесь 1-е мая Вы не представляете . . .

Итак о деле, о «Кармен». Выйдет ли из этого что нибудь. Не повторится ли обычное платоническое влечение ко мне? Во всяком случае очень ценю Ваше упорство и дружескую настойчивость.

За эти несколько дней я перебрал свой матерьял по «Кармен». Ведь я два раза сильно принимался за нее. И у меня набраны эскизы и по «Кармен» Мельяка-Галеви и по моему собственному либретто. Однако и то и другое на музыке Бизе.

Вы, конечно, лучше других понимаете, что у меня работа по сценарию неразрывна с актерской, что моя режиссура идет по всем трем линиям: сюжета, актера и музыки. Сюжет, даже если бы ставить сильно придерживаясь Мельяка и Галеви, должен быть кусками изменен. Представление не может быть ни в каком случае оперой, записанной звуковым кино. Это драма о Кармен, Хозе, Тореодоре, пропитанная музыкой Бизе, расчлененной, но не разодраной. Музыка Бизе должна быть великолепно использована, составлять даже основу представления, но включая великолепное пение и насыщая сильную, захватывающую игру актеров. На фоне южных картин, боя быков и проч. Главная линия сюжета—драма любовных страстей, власть женщины—конечно остаются, в них вся сила и Меримэ и Бизе, последнего даже больше, чем первого, но разработка сюжета должна захватить и все возможности кино. Вот почему убого было бы идти только по оперному либретто Мельяка и Галеви.

Оба раза, работая над этим, я шел одинаково: найти сюжетные, драматические оправдания музыкальных кусков. Может быть, во множестве случаев музыка еще является только фоном действия и даже фоном диалогов. Словом это не сплошное исполнение оперной партитуры. Это работа очень трудная. При чем главный вопрос именно в моем праве уходить от либретто Мельяка и Галеви, сохраняя Бизе. В первом варианте я очень приближался к Меримэ, почти шел от него. А во втором—целиком сочинял новые сцены. Вводил даже мужа Кармен.

Затем, как я Вам писал когда-то, разработка пьесы находится в большой зависимости от актрисы, которая будет играть Кармен. Помните я Вам писал, что образ Кармен пережил рассказ Меримэ, стал таким же в искусстве народов как Дон Жуан. Кармен пленительная женщина, а таковая может быть и моложе и старше и крупная и небольшая, и полная и худая, даже и красивая и менее красивая. А тут еще примешивается и голос: меццо, как у Бизе, или сопрано, как часто делают (Медея Фигнер). Я старался готовить сценарий так, чтоб были наготове варианты. С остальными ролями в этом отношении проще. Но во всех случаях будет трудно: можно встретить отличного певца,но неинтересного актера, не гибкого, даже просто не актера, как большинство певцов. Или актера в понимании оперном, штампованного певца, не способного к той простоте без которой фильм нестерпим. А сделать из певца живого человека, кто это умеет? У нас, по крайней мере, кроме моего театра, это не удается... Вот мои беглые соображения. Теперь о главном: о степени моего участия. Где я нужнее всего? Какой я нужен? Как занимающийся с певцами, чтобы сделать из них «живых людей»? Придумывающий для актеров такие приспособления, в которых им легче всего быть и простыми и страстными? Так складывать драматические куски, чтобы певцам легче всего было сливать вокальные задачи с актерскими? Или, главным образом, как прекрасно знающий «Кармен» Бизе и возможности его театрального осуществления? Консультант? Или даже, автор сценического плана? Или, наконец, я интересен только весь целиком со всем моим огромным опытом и режиссера-педагога и режиссера-организатора и режиссера-автора? Если Вы говорите о Майльстоне, как о наилучшем товарище в моих работах, то как будто мысль у Вас именно такая: Пожалуйте Влад. Ив. весь целиком.

А между тем именно это я вряд ли могу. Такая работа «весь целиком» не может у Вас определиться точными сроками, ни когда начнется, ни когда кончится. А я, как Вы знаете, связан жизнью двух (трех) театров. И в настоящее время связан как никогда раньше. В сущности я сейчас остался один из «китов», на которых держалось театральное дело. Константин Сергеевич уже официально ни одной пьесы не берется выпустить. И вообще весь ушел в педагогику. Мейерхольд (вероятно временно) утратил всякий интерес и всякое влияние. О Таирове и говорить нечего. Молодые, которые как будто привлекали к себе внимание, стали под, более чем был, строгий надзор. Этим и объясняется очень большое внимание ко мне со стороны Правительства. (Кроме ордена, заплачено за строющуюся для меня квартиру около 50 тысяч, усилена дотация Музыкальному театру более миллиона и т. п.). Могу ли я при этом оторваться надолго от Москвы? А сейчас работы у меня такие: по МХАТ'у «Любовь Яровая», «Анна Каренина», «Борис Годунов». По Музыкальному театру — «Тихий Дон», все остальное на зимний сезон. Чисто директорские обязанности, которые удается свести до минимума — не в счет.

Я надеюсь, что мы уедем за границу в самых первых числах июня. И к первым числам августа я могу быть способен (после отдыха и лечения) к работе по «Кармен». Но на сколько времени? На один месяц? Вряд ли больше. Так что сомнительно, чтобы я мог отдаться Вам весь целиком. (В июле в Нью Йорке такая жара, что разве можно что-нибудь делать?).

На основании «всего вышеизложенного» мне приходит такая мысль: Не могу ли я август посвятить **встрече** с Морозом[1]) или режиссером или с артистами, или со многими из этих лиц? Не самой работе, а лишь передаче всех моих мыслей и планов тем, кто будет осуществлять всю эту постановку. Самой дотошной (как по-английски «дотошной»?) передаче, чуть не играя, так как я это делаю на репетициях. Во всяком случае, набрасывая, как повести актеров-певцов. Я для этого мог бы приехать... Куда? Может быть не в Америку, а скажем в Париж? Может быть и в Нью Йорк. Встреча должна быть длительная, рабочая. По всем линиям постановки и сценария и использования музыки (хорошо бы и со Стоковским встретиться) и особенно актерских планов, в самом широком и глубоком смысле.

Вот это я считаю и возможным и в значительной степени заменяющим мое присутствие во время самой съемки. Конечно Майльстон был бы при этом самым великолепным режиссером.

Вот об этой встрече в августе и поговорите, если вообще план ставить «Кармен» не отпал до получения этого письма.

И наконец. Я должен очень дорожить и своими силами и своим временем. Просто не имею права расходовать их зря. Поэтому вынужден заранее ставить некоторые условия.

Во что оценилось бы мое участие в виде такой встречи? — Ничего нельзя сказать пока нет ответа на мои вопросы: «Где я нужен? Какой я нужен? В какой мере?». Может быть в конце концов все сведется к тому, чтобы я написал все свои и авторские и режиссерские планы. Со всема подробностями. М. б. я только сделаю мой режиссерский экземпляр постановки «Кармен» Бизе в кино, как когда-то делал «Юлия Цезаря», «Горе от ума» и прислал бы его. Это ведь тоже выход.

Об оценке всего этого можно говорить, повторяю, когда Вы выясните, поскольку я нужен.

Милый Сергей Львович! Мне удалось написать это письмо только потому, что 1 и 2 мая праздники. Обнимаю Вас. Мои шлют Вам самый нежный привет.

Кланяйтесь Майльстону и Морозу.

Моя книжка выйдет осенью. Вернее она готова, но ждет Америки.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

---

[1]) Кинопродюсер

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

20 мая 1936. Предположения Владимира Ивановича сбылись: Ко времени получения мною его письма дело с постановкой «Кармен» совершенно расстроилось, о чем я, конечно, сразу же сообщил телеграммой Влад. Ивановичу. Я убежден, что хотя внешне он отнесется спокойно к этой неудаче, но в действительности будет огорчен. Я хорошо знаю, как давно хочется ему поставить «Кармен» в виде фильма. При его вдумчивом подходе к сценарию и подготовке всех деталей постановки, несомненно был бы создан фильм исключительной оригинальности и большой художественной правды.

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 26 июня 1936. Милый Сергей Львович!

Каждое мое письмо начинается с извинений за долгое молчание и объяснений почему так вышло. Театр уезжал в гастроли, Влад. Ив. собирался за границу, в связи с этим было столько дела, что не опомниться.

2-го июля уезжаю в Ленинград с поездкой театра. Там мы будем играть до 31-го и в тот же вечер выеду на отдых в Сухум. Так что в Москве я буду только к началу сентября.

Влад. Ив. вчера уехал за границу месяца на два с половиной. На несколько дней отдыхать в Берлине, потом курс лечения в Карлсбаде, потом неизвестно где нахкур, или Женева или еще что-нибудь. Он устал, но не болен и это всех нас радует, что не болен.

Константин Сергеевич болеет, у него и с почками было нехорошо и с ногой (какие-то узелки, мешающие ходить), а в последнее время с сердцем плохо, т. ч. он положен в постель и сказано, что никакими делами заниматься не должен. Отдыхать он будет, если можно будет его перевезти, где-нибудь под Москвой. Из всех наших пока что получил паспорт один Леонидов, который сегодня выезжает в Ригу. Остальные старики неизвестно, поедут ли за границу в этом году.

Ну, до свиданья, будьте здоровы и благополучны.

Ваша Ольга Бокшанская.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

1 июля 1936. Милый Сергей Львович!

Мы приехали сюда 27-го, я и Екат. Ник. Миша с театром гастролирует в Харькове, потом Одесса, Днепропетровск (Екатеринослав), потом отдых (Крым), потом Ленинград. Театр в Москве ремонтируется, а мой новый только начинает строиться. Есть приказ сверху (на съезде) выстроить его в два счета.

Я и Екат. Ник. вполне здоровы и настроением своим довольны. Здесь проездом в Карлсбад, куда собираемся двинуться 7-го.

Я набрасываю сразу, что попадает под перо.

Вы читали роман Шолохова «Тихий Дон»? Первая часть замечательная. Из нее сделана опера.

Опера Дзержинского. Молодой, очень симпатичный, талантливый. Вообще же его опера «Тихий Дон» в музыкальном отношении вещь совершенно посредственная. Но, во-первых, музыка вся на отличных казацких песнях, а, во-вторых, — сильное драматическое содержание. Успех очень большой. Сначала в Ленинграде в Михайловском театре, потом в Большом в Москве, здесь успех послабее. И, наконец, у меня. Здесь успех совершенно сногсшибательный. Одна картина даже буквально сногсшибательная, так вся публика без преувеличения, вскакивает с мест. Даже Абрам Эфрос[1] говорил: «Я не выдержал и вскочил...» Тут сыграла роль моя (на этот раз я даже сам готов употребить слово) — гениальная выдумка... Далее... В Харькове «Тихий Дон» делает овацию. У меня постановка совсем перекрывает музыку, ни на секунду, однако, не скрывая ее и не насилуя. У нас уже выработались отличные «поющие актеры», т.е прекрасные голоса, отличный сценический нерв и высокая актерская культура, в особенности под моим непосредственным руководством.

Кроме «Тихого Дона» я ничего нового не сдал. Не считая некоторого участия в возобновлении «Царя Федора» с новым Федором (Хмелев), Годуновым (отличный новый актер Болдуман) и царицей (Тихомирова). Я только ими занимался. Хмелев на большой высоте, совсем новый образ Федора (куда я его и вел). Возобновлена «Синяя птица», говорят хорошо. Из-за билетов драки. Я не видел. Но готовил я на предстоящий сезон много: «Любовь Яровая», «Анна Каренина» и «Борис Годунов» (к столетию с года смерти Пушкина). Годунов — Качалов.

Прошло несколько часов, пока мне удалось опять писать Вам...

Да, так вот Качалов... Несчастный! И сам сознает себя несчастным. И хотя доктор, его приятель, не отстает от него, и на месяц на два Василий Иванович бросает свою убийственную страсть, а вдруг опять...

А в Музыкальном театре готовят «Пиковую даму», «Риголетто» и «Елену» для которой удалось наконец добиться недурного нового либретто.

7-го мы направляемся в Карлсбад (и Мариенбад), а потом предполагаем: Женева, Берлин и домой. Хотя у меня виза и на Францию и на Италию, но нет ни времени ни денег.

Получил здесь из Нью Йорка (я выписал для проверки) оттиск, гранки книги. Перевод мне кажется замечательным. Екат. Ник. находит его блестящим. Он и добросовестный и талантливый... Несмотря на успех у тех, кто читал книгу в Москве (там она отпечатана, но ждет американского выпуска), мне все-таки кажется она оборванной. Я уверен, что всякий прочитавший скажет: «да, хорошо, но мало». И будет разочарован. Если бы я успел (как хотел) дать еще большую главу о Достоевском в

---

[1]) Театральный критик.

Художественном театре, то книга была бы полнее. В самом деле, от книги моей ждут одни — что там будет вся история Художественного театра, другие — что будет написано все, что связывало их со мной, третьи — будут искать себя, четвертые — все мои режиссерские, педагогические и драматические приемы и т. д., и т. д., и т. д. Американцы захотят рассказов о моем впечатлении об Америке, Гест — о его гениальности... Все разочаруются. Хотя в книге и есть очень о многом. Да она и маленькая. Что это за книга: 16-17 печатных листов? По английскому счету около 100 тысяч слов. Однако Сейлер в последнем письме пишет о книге: «Вы создали шедевр, событие в истории театра». (Письмо у меня на столе. Я его получил здесь, потому легко переписываю). Из письма чувствуется, что Сейлер высказывает мнение подкрепленное и Курносом[1]) и издателями. Такой пробел у меня, что Вы до сих пор не посвящены. Много раз думал, но ничего не мог поделать. У меня с собой нет ни одного оттиска. Московские читатели требуют, чтобы я продолжал скорее выпускать книгу за книгой. Говорю о тех, чье мнение ценю или влиятельно. Да я бы и сам с наслаждением принялся за продолжение... Прерывают!

10 июля, Карлсбад. Даже неловко писать. Хотел все это изорвать и засесть за новое письмо, за приличное, хотя бы по виду. А потом решил, что будет хуже, что в новом опущу многие подробности, а Вас могут занимать и подробности...

Перечитал написанное. Не доволен тем, что очень уж хвалю себя самого. Откуда это во мне появилось? Прежде не было, не правда ли? При этом не упоминаю о Мордвинове, который работал в «Тихом Доне» так много, что стоит на афише в качестве «постановщика». Кстати, он отличный работник. Между прочим и по балету. Состоит в числе режиссеров балета в Большом театре.

Попутно, хотел бы рассказать Вам и о балетных делах наших, да длинно очень. Ведь при театре «имени Немировича-Данченко» есть балет. Имеет он большой успех. Славный коллектив и несколько хороших индивидуальностей. Во главе Викторина Кригер. Направление художественное — мое. Поэтому меня там всегда фетируют. Теперь он (балет) ездит по Волге, на пароходе «Немирович-Данченко», и имеет во всех городах большой успех.

По-прежнему, т. е. по временам Вам особенно знакомым, Ленинградский балет остается лучшим. Сейчас там есть несколько очень выдающихся. Но и весь тон прежний, шикарнее московского.

Мы приехали сюда 7-го, а лечение я начал только сегодня, а то отдыхал. А Екат. Ник. еще отдыхает.

Получил письмо от Ек. Сергеевой, ссылающейся на Вас, на дружбу с «Сережей Бертенсоном». Отвечу. Не обрадую. Иностран-

---

[1]) Переводчик книги В. И. Немировича-Данченко на английский язык.

ным подданым в театре работы не дадут. Да ведь я и не знаю ее, стало быть не имею возможности рекомендовать.

Вы знаете, что у нас теперь «Комитет искусств» и над театрами и над литературой и живописью и т. д.

Вот хочет вернуться Полевицкая. Но он, т. е. Шмидт, не хотел бы возвращаться к советскому подданству и из-за этого и она не может. Хотя у нее даже контракт есть . . .

Относительно неудавшейся «Кармен» . . . Не думайте, что я огорчился. В-опервых, я и не ждал удачи. Писал Вам только из чувства добросовестности. А во-вторых, пришлось бы теперь работать и работать. А впереди трудный сезон.

Американские картины вижу иногда у Буллита, посла в Москве. В Берлине посмотрел «Бродвейскую мелодию», мне понравилось. Недурно иногда забыть крепко, что человеку дана голова, а в голове мозги. И два часа я провел с приятностью.

С каким бы удовольствием я и Екат. Ник. провели бы теперь с Вами несколько деньков в Европе! Наговорились бы . . .

Леонидов после американских провалов начал оправляться. Перевозит семью из Парижа в Брюссель. Там дешевле. Ну а дальше? Мне кажется, что скоро наступит катастрофа для этих «агенств» . . . Впрочем в «Scala» (Берлин) хорошая программа. Как будто Леонид Давыдович как-то к ней причастен.

Громадные вещи назревают, милый Сергей Львович! Встретимся ли мы? И как и где будем разлучены еще по-новому? Если бы 20 лет назад подглядеть в будущее, мы бы не поверили. Назвали бы фантасмагорией то, что потом оказалось действительностью теперь, даже не на такой длинный срок. Подглядеть бы на 3 года вперед, пять! . . . Художественный театр играл в Киеве на двух сценах. Успех огромный. Актеры получали очень крупные оклады. Теперь (на июль) Театр в Ленинграде.

Ну, кажется все отписал.

Читали ли Вы как хоронили Горького?

Вы ведь знаете, что у нас директор Мих. Пав. Аркадьев?

Нет, все равно всего не напишешь. Я бы рассказал, если бы встретились о Москве, а Вы бы рассказали о Холливуде . . .

Станиславский в последнее время сильно болел. У него (при Худож. театре) Музыкально-Драматическая студия. В помещении на Тверской.

А отношения между нами вот какие: мы совсем не ссоримся и даже не спорим, но если бы это и было, то по телефону, так как за весь год мы ни разу не встретились! А между тем «Комитету искусств» было дано сверху задание: «Помирить этих двух стариков». А и ссоры то нет и мириться не на чем. Не сталкиваемся совсем. Буду ждать от Вас письма. Крепко обнимаю. Екат. Ник. шлет Вам нежный привет.

Ваш В. Немирович-Данченко.

Пишите по Берлинскому адресу.

11 июня 1937. Берлин. Милый Сергей Львович!

Сегодня приехали в Берлин. Завтра пошлю Вам свою книгу, которая наконец вышла, недели две назад... Я решил, во избежание осложнений, выслать ее из заграницы... Черт их знает, что там делалось в издательстве! Книга была готова, сверстана в конце сентября! А потому что там произошли какие-то перемены в управлении и какие-то переходы в другую типографию и еще что-то, книга все задерживалась и задерживалась. По рукам она ходила, появилось несколько, 4-5, очень хвалебных статей, а в свет выпущена вот только что. Всего 10 тысяч экземпляров! Разумеется в несколько часов расхватали. (Как на «Анну Каренину», у магазина с утра толпа, на «Анну Каренину» с ночи. Милиция и прочее. И через несколько часов на дверях магазина: «Немировича больше нет»).

Что случилось? Отчего Вы перестали писать?

Я был занят совершенно несусветно. До самого отъезда поезда! и удастся ли отдохнуть: в августе, как Вы вероятно знаете, Художественный театр играет в Париже, на выставке. Сколько мне предстоит работы. Вы можете представить. Поедет три пьесы. Более 200 человек. 16 спектаклей. В театре Елисейских полей «Анна Каренина» (успех в Москве небывалый), «Любовь Яровая» (огромный) и «Враги» (из лучших наших спектаклей). Именно эти пьеси, одна за другой, вернули Художественному театру его славу.

На днях уедем в Карлсбад. Оттуда уже прямо в Париж. Миша должен приехать с театром. Сейчас он со своим Музыкальным в Архангельске, Киеве, словом, в поездке. Из Карлсбада напишу Вам поподробнее. Но почему Вы бросили писать?

Как громом поразило меня известие о смерти Болеславского[1]). Я все не верил, думал слухи...

Обнимаю Вас. Екат. Ник. шлет обычный нежный привет.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

14 июля 1937. Карсбад. Дорогой Сергей Львович!

Наконец-то от Вас письмо! Наконец-то хоть какая-то весть о Вас! Пять месяцев или более, ни звука от Вас. Из Берлина, я как всегда, немедленно послал Вам длинное письмо, подробное. Это было, вероятно, 13-14 июня. И вот сейчас мы с Екат. Ник. обрадовались Вашему письму, говорим «надо телеграмму», а по какому адресу не знаю. А обрадовались мы особенно потому, что каждый день задавали себе вопрос — да уж жив ли он?! И спрашивали кого только могли. Вот только вчера Леонидов (приезжел по своим делам в Карлсбад) сказал, что если бы с Вами что случилось, написала бы жена Семена Геста...

Но почему же из Берлина мое письмо пропало!... А повторять все, что я писал, трудновато. Может быть попутно...

Мы здоровы. Лечимся. Главное я. Екат. Ник. пьет воду и берет ванны, только ради уважения к Карлсбаду. Миша сейчас с театром (Музыкальным) в Киеве. А на август он просил приобщить

---

[1]) Р. В. Болеславский, бывший артист МХАТ, кинорежиссер.

его к Художественному театру для поездки в Париж. Благо Музыкальный в августе будет отдыхать. Я подлечиваю печень. В этом году она больше дает о себе знать, чем обыкновенно. Вероятно оттого, что я в работе очень уж ее тревожил.

Работал я очень много, сильно, с очень большим подъемом и огромными результатами. Вот уже месяц (или, увы, **всего** только месяц) на отдыхе, а в последних числах июля должен быть в Париже.

Эта поездка меня больше беспокоит, чем радует. Характер поездки особливый, какой, например, Леонидов никак не охватывает... Это не антреприза, не товарищество, это Правительство посылает на Парижскую выставку свой лучший театр. Как экспонат. Обойдется эта поездка нам более полутора миллионов франков (золотых) дефицита. Едет до 200 человек. Везется три спектакля. Три последние постановки Художественного театра, все три мои, все три имевшие у нас огромный, наростающий успех, приведший к награждению Театра и множества артистов, а внутри театра к этапу «ренессанса Художественного театра». Главные роли в этих спектаклях: у Тарасовой (прекраснейшая Анна, и во «Врагах»), у Андровской (в «Любови Яровой») Еланской (сама Яровая), Степановой (Бетси), Хмелева (Каренин и во «Врагах»), Ливанова (герой в «Яровой»), Добронравова (сам Яровой), Это все великолепные исполнители и самая яркая сила Театра. Но к ним присоединят прекрасных «вторых»: Грибова, Болдумана, Бендина, Соколова и др. Качалов замечательно играет характерную роль во «Врагах». Там же Книппер во второй роли. И Тарханов в отличной комической. И Москвин вторую роль (профессора) в «Любови Яровой». Леонидов, Коренева, Шевченко не едут, без ролей. Вот перед Вами список актеров, выработавшихся в крупных мастеров, с которыми мне удалось раскрыть довольно пышно мое настоящее искусство. Из моих товарищей по режиссуре только Сахновский («Анна Каренина») на высоте.

Настроение в Театре, благодаря успехам и Театра и главное актерским, очень подъемное. Правительство относится поразительно ласково, жалованья поназначены громадные, без сравнения с другими театрами, всюду им почет...

В Парижскую поездку я верю очень мало. «Враги» будут скучны (для незнающих языка), а в «Любови Яровой» и «Анне Карениной» прежде всего, пришлось помарать невероятно, т. к. эти спектакли идут у нас по 5 часов! А Вы знаете, что Париж и три с половиной не выдержит. При этом «Анна Каренина» требует изумительной чистоты в технической работе, а я до сих пор не знаю даже, как там обстоит дело с заказанной вертящейся сценой. А «Анна Каренина» главный козырь. Успех ее в Москве **небывалый**, даже по масштабам успехов Художественного театра в прошлом.

Это о спектаклях в художественном отношении. В политическом я не беспокоюсь. Постановки до такой степени глубоки по замыслу, благородны по задачам, до такой степени вне полнейшей плакатности, что злиться могут только непримиримые, заядлые, отупевшие, в шорах... Мое художественное чувство совершенно

чисто. На сцене столкновение фабрикантов с рабочими («Враги»), и белогвардейцы и главнокомандующий («Любовь Яровая»), и дворец и великий князь и светское общество («Анна Каренина»), и хотя по основе это, конечно, спектакли глубоко социальные, но поданы в такой художественной форме, какая, мне кажется, идеальной для художника со вкусом и совершенно независимого.

Совсем не верю в матерьяльный успех в Париже. Хоть и туристы и выставка, но август, лето, незнакомый язык . . . Впрочем, чем меньше будет матерьяльный успех, тем стыднее для Парижа, а не для нас.

В бытовом смысле будет, вероятно, много «недоумений». В отношениях между бывшим Художественным театром и бывшими российскими гражданами. Картина была в ту поездку (1924 г.) такова, какой теперь не может быть и в помине. Другие люди, другие времена, речь на разных языках . . . Притом же в последние годы так резко обозначаются вражеские массивы, что будут даже остерегаться других. Вообще вся бытовая сторона будет совершенно иная, чем та, к которой и Вы привыкли.

Аркадьев не арестован, а как говорится «снят» с поста директора. Жаль. Хотя сам виноват. Впрочем, тут опять Константин Сергеевич подстроил, т. к. Аркадьев не был ему по вкусу . . . Что касается Леонтович-«Анна Каренина», то из этого, конечно, ничего, не выйдет. Не советую и развивать эту тему. У меня не найдется для этого ни времени ни охоты.

Да, не следовало мне в 28-м году вновь возвращать Вас Скэнку . . .

Книгу я Вам послал отсюда из Карлсбада.

Тороплюсь послать Вам хоть это письмо.

Обнимаю Вас.

Ваш Вл. Немирович Данченко.

ЕК. НИК. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Карлсбад. 18 июля 1937. Дорогой Сергей Львович!
Милый Именинник!

Читала оба Ваши письма к Владимиру Ивановичу. Фраза, что Вы сегодня с любовью меня вспоминаете, задела и захотелось письменно побеседовать.

Вы очень одобряли мои длинные повествования. Пишите, Сергей Львович, а я буду Вас информировать как раньше . . . А то без Ваших вестей, чего чего не передумала и не перечувствовала.

Я прошлую зиму почти два месяца жила в Ленинграде в «Астории» (чудная, европейская совсем гостинница). Во время гастролей Музыкального театра это было. Два раза приезжал Влад. Ив. Первый раз к общественному показу «Тихого Дона» и зацепил мои именины. Второй— к встрече Нового Года с Музыкальным театром, и немного пожил, передохнул.

В общем прожила в Ленинграде с большой приятностью. Несмотря на отчаянную погоду. Ложилась безумно поздно, а вернулась в Москву свежее, по общим отзывам. Мишенька тоже жил в «Астории». Вместе обедали. Вечером, вернее ночью, ждала его

возвращения из Театра с чаем... И протекало все это очень уютно, как иначе и быть не могло с уютным, прелестным Мишенькой.

Кончила. Пишите. Мишеньку тоже ждем в Париже.

Крепко очень жму руку.

ЕНД

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

26 июля 1936 Карлсбад. Дорогой Сергей Львович!

Да, жаль, что Вы не с нами. А кто знает? Может быть Вы были бы многим разочарованы. И спектаклей бы не узнали... Люди все новые и поведение их другое... Все-таки Вы не рассказываете, как Вы живете, кто Ваши друзья, близкие... Мы уезжаем из Карлсбада в Париж. Там я останусь пока необходим. Буду стараться уехать до конца гастролей, т. к. далеко не отдохнул. Оттуда в Швейцарию, потом Берлин, в двадцатых числах сентября — в Москву. Тамошние фестивали всегда проходят без меня (первые числа сентября).

По моему убеждению, самым большим успехом в Европе может пользоваться сейчас только мой Музыкальный театр. По яркости, разнообразию и оригинальности. Причем и вокальная и музыкальная стороны на большой высоте.

И, может быть, это состоится. Потому что, во первых, мы еще наверное год будем без помещения, а во вторых, дороговизна поездки может быть покрыта той дотацией, которую Театр получает. В какой-то форме (в смысле валюты) это, вероятно, можно сделать.

Напишите в Париж или по берлинскому адресу, оттуда всегда перешлют. Миша выезжает из Москвы с Художественным театром пароходом (через Ленинград) на Гавр.

Обнимаю. Екат. Ник. шлет сердечный привет.

Ваш Вл. Немирович Данченко.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

2 августа 1937. Примерно в течение полугода я не писал Владимиру Ивановичу, да и вообще никому в Россию. Сведения, доходящие оттуда, о неслыханном терроре, преследовании за «связь с заграницей», вызывают боязнь своими письмами повредить тем, кому пишешь. То, что я также перестал получать письма оттуда, укрепляет мою уверенность в том, что переписку следует прекратить, надеюсь временно...

Я убежден, что Влад. Ив. отлично понимает мотивы моего молчания, а вопросы его на этот счет все та же «страховка», т. к. он всегда был уверен в том, что письма советских подданых, даже за границей, каким-то образом контролируются советскими агентами.

Весть о приезде Художественного театра на гастроли в Европу, сильно меня взволновала, и я начал подумывать о поездке в Па-

риж, чтобы увидеть спектакли родного мне Театра и повидаться со старыми друзьями. Об этом я написал Влад. Ивановичу. Его ответное письмо было для меня ушатом холодной воды. Он не только не поддержал моего желания приехать, а наоборот удерживает меня от этого. Его фразы о «бытовой стороне» поездки ясно говорят о том, что театр будет под строгим наблюдением «властей придержащих», которые не допустят общения актеров с «чуждым элементом», да и сами актеры будут остерегаться этого не безопасного для них общения.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Август 1937 (без числа) **Морж.** Милый Сергей Львович!

Думаю, что это мое последнее письмо из заграницы к Вам. 25-го августа был последний спектакль в Париже и хотя 26-го был еще какой-то большой прием труппы, однако утром в 10 часов я и Екат. Ник. уехали в Женеву, оттуда сюда в Морж, чтоб не терять ни одного дня отдыха, т. к. я отчаянно устал. Здесь в Морже, в первые дни буквально еле волочил ноги от усталости и мускульной и особенно сердечной. Вот через неделю, начинаю только отходить и становиться похожим на себя.

Ну так вот . . . о наших спектаклях. Думаю, что по Вашим сведениям, картина такая же неверная, как и по всяким другим. Если Ваши сведения основаны на белогвардейской печати, то отзывы такие: «Провал спектаклей Художественного театра», «Памяти Художественного театра», — «Смены нет», «Провинциализм» и прочее и тому подобное. А по советским газетам—непрерывный триумф и битковые сборы. Но советские сведения все же ближе к правде. А правда такая:

Первый спектакль «Враги». Переполненный зал. Необычайно взволнованный. Первый кусочек «революции», — вход в зал после начала запрещается. Без пяти, вся зала до одного человека на местах, ни одного опоздавшего. На 70% русская речь. Гул. До начала маленький эпизод, чреватый последствиями. Я сижу с Екат. Ник., нашим послом и его женой в ложе. Когда я вошел, чувствую, что меня глазами искали. Кто-то кланяется, не узнаю —не отвечаю. А вот одна с лорнеткой стоит в проходе и усиленно, повторно кланяется. Около нее двое мужчин. Не узнаю, не отвечаю . . . Это была Тэффи и из «Последних новостей». Искренне не узнал . . .

Как только погас свет, так сразу наступила такая благоговейная тишина, какой я, кажется, никогда не ощущал в театре. Говорю авансом: такая тишина продолжалась во все спектакли, кроме моментов политических.

Воображаю жуткое состояние на сцене. Быстро мелькает мысль: хорошо, что пьесу начинает Топорков, актер большого опыта.

Акустика замечательная. Но мы не могли сделать ни одной репетиции! Только бегло пробовали голоса в пустой зале.

«Враги» идут крепко, ансамбль сильнейший, пьеса хорошая, но с затяжками и не очень уж сценичная и чуть устарелая.

Первый акт принят великолепно. По моему настоянию, вышел директор театра Елисейских полей (в смокинге) и доложил, очень красиво, что артисты благодарят за аплодисменты, но просят разрешить остаться при привычках своего театра, выходить только по окончании спектакля.

Тем не менее и второй акт был покрыт аплодисментами, не такими сильными как первый (акт скучноватый). Третий закончился под шумные аплодисменты, которые перешли в настоящую овацию. Вся зала стояла, ни один человек не ушел. На третьем занавесе пошел на сцену и я (под аплодисменты всей труппы). Тогда овация вспыхнула до самого высокого градуса, какой бывает в театре.

Мы сделали вертящуюся сцену, она на 30 сантиметров выше пола. Кроме того тут широкий просцениум. Овации были так сильны и единодушны, что мы спустились и приблизились к публике. Это дало новый взрыв. По окончании французы приходили за кулисы. (Питоев кинулся на шею Книппер).

Успех был до того единодушный, шумный и для нас неожиданный, что я и Екат. Ник. со своими друзьями, послом с женой, долго не могли успокоиться, поехали в Булонский лес, потом в посольство, где ели фрукты и пили шампанское. Миша был с нами.

На другой день спектакля не было. До следующего («Любовь Яровая») прошли по Парижу, среди эмиграции, вихрем слухи, что труппа и весь коллектив (160 человек) избегают общаться с эмигрантами, что им не позволено. Это поддержалось слухами о том, что Шаляпин (отсутствовал из Парижа) хотел принять всю труппу, но что я предупредил, что это невозможно: я очень рад буду встретиться с ним (как и старые приятели—Москвин, Качалов), но молодая труппа советского театра его приглашения не примет. Может быть дошли и слухи, что я отклонил встречу с несколькими старыми знакомыми; я вообще заявил, что до 12-го, т. е. до сдачи последней премьеры, я никого не могу видеть, все должны были адресоваться к секретарям моим (Миша и актриса Хованская, заменявшая неприехавшую Бокшанскую). В число этих попали Гест и Леонидов, которые не могли поверить, что я искренне не мог найти для них и получаса, (т. к. на сцене положение становилось катастрофическим, что потом и оправдалось.)

Это письмо я начал дней пять назад, хотел было бросить и написать покороче. Было два явления дурной подготовки спектаклей. Первое то, что Аркадьев по легкомыслию, самоуверенности, не обратил должного внимания на мои предостережения и снял театр на август! Мертвый сезон! Никого из театральной публике в Париже! Мы (я и посол) хотели сделать спектакль гала, но не оказалось буквально ни одного крупного дипломата, ни одного крупного журналиста или политического деятеля, все в разъезде. Второе явление: из Москвы прислали Гремиславского с Михальским вместо половины июня, в половине июля. Когда привезли декорации (тоже с опозданием) вертящаяся сцена должна была быть готова, а она начала действовать чуть не накануне открытия! Вследствие всего этого нельзя было своевременно про-

ставить сложную «Любовь Яровую» и в особенности сложнейшую «Анну Каренину». В результате спектакли эти начинались в 8, а кончались (премьеры) в час ночи, что затяжелило и истощило терпение.

Говорили о полном успехе того и другого спектакля. Но это было не так. «Анна Каренина» на другой день шла от 8 до 12 и спектакль был неузнаваем по легкости, складности, которая отражалась и на исполнителях. До чего непонятна эта разница даже для театральных людей, ярко ощутил Гест. Он не понимал моей нервности, неудовлетворенности после премьеры «Анны Карениной», находил спектакль блестящим, хотя несколько грузным. Но пришел и на другой день и все время восхищенно разводил руками: какая разница вчера и сегодня!

Таким образом успех премьеры у меня был подорван нашими техническими неполадками. Это давало оружие эмигрантской прессе и по началу перекинуло на ее сторону колебавшихся в отношении к приехавшему Художественному театру. Да и внешний успех в час ночи был уже не такой, как на открытии. Со вторых представлений пьесы пошли легко, свободно, просто. Очень хорошо. К этому времени обнаружилось и отношение прессы.

Вы знаете, что французская театральная печать самая продажная. Наша администрация не хотела прибегать к покупной рекламе и спектакли замалчивались. Однако, после премьер пошли рецензии. **Все** (за исключением одной), все рецензии хвалебные. От просто хвалебных до восторженных. Чем левее газета, тем хвалебнее статья. Крайне правые не дали ни разу ни одной строки. Объявлений туда наша администрация не дала, и там вели себя так, как будто Художественный театр не только не приезжал, но даже никогда не существовал. Но «Последние новости» и, говорят, «Возрождение» (еженедельно) и еще какая-то еженедельная, печатали резко враждебные статьи.

Это имеет объяснение не только политическое. Сазонова (рецензировавшая), Тэффи и другие просто напросто устарели, остались на том месте, где были тогда, когда Художественный театр приезжал в Петербург. Вся двадцатилетняя художественная работа театра прошла мимо них, вся эволюция традиций, вся борьба со штампами самого Художественного театра, все это им непонятно. Помню отзывы нашей первой поездки в Петербург. Даже Амфитеатров в «Речи» писал о Книппер: «деревянная, ни одной живой интонации», о Лилиной: «любительница с пискливым голосом . . .». Так вот и «Последние новости».

Вторые представления еще давали аншлаги. Затем, как я и ожидал, сборы пали. Но это продолжалось недолго. В смысле аплодисментов, каждый спектакль оканчивался овационно. Посыпались заявления и письма. Молодежь французская, молодежь эмигрантская, полностью оказалась на нашей стороне. Но и среди старших эмигрантской группы быстро обнаружился резкий раскол.

Татьяна Павлова с режиссерским курсом Академии Римской и ее президентом Амико, командированные смотреть спектакли

Художественного театра, покрывали меня преклонением. Политика отлетела совершенно. На «Любови Яровой» на первых трех представлениях еще были «скандальчики». Когда во втором действии вносят знамена Российские, белогвардейцы начали аплодировать, левые свистеть, желающие слушать пьесу шикали... Только смолкли, на сцену выходят взявшие город офицеры, опять аплодисменты, свист и опять шиканье и слова (по-французски) «Перестаньте! Стыдно!». Затем уже внимание не нарушалось и конец пьесы, где полное торжество большевиков и красное знамя, ни один протест не врывался в овацию.

Но и со сборами пошло дело так: Профессиональные союзы Франции получили места по льготным ценам. И вот через несколько, далеко не полных сборов, пошел наплыв быстро обратившийся в громадный. А последние три-четыре спектакля начало твориться такое сильное скопление у кассы, что приходилось задерживать начало. В самые же последние два вечера, даже по выражению «Последних новостей» — «нечто невообразимое». Действительно, трудно было проникнуть в театр. Пришлось прибегнуть к полиции. И непрерывно переполненный зал. Леонидов и Гест, видевшие все эти толпы, горели самым искренним антрепренерским волнением. Гест моментально начал рассылать телеграммы, так как он мечтает в будущем году везти Художественный театр в Америку и уже сделал подробное официальное предложение. Последние три спектакля я должен был выходить и принимать громадные овации всей залы.

Наши считают успех грандиозным и художественным и политическим.

Маленькие актеры во всех пьесах были заменены свободными первыми, так что в толпе сплошь были актеры первых положений. Это чтобы дать возможность ехать в Париж и не занятым в этих спектаклях. Сталин вообще делал этот подарок Театру. Например Леонидов нигде не был занят, тем не менее поехал и он. И с женами, и Леонидов и Сахновский и другие. Всего около 160 человек. Громаднейшее большинство было в первый раз за границей. Представляете какое впечатление произвел на них Париж. Наш Мишенька должен был помогать им по магазинам. Платили всем хорошо. Минимум был: комната и 125 франков в день (3090 за 25 дней). Этот минимум получали и жены, не актрисы. Все решительно могли закупить себе и родным всякой всячины, а женщины запастись нарядами. Причем, на обратном пути навстречу труппе выехал Боярский (наш новый директор, заменивший Аркадьева), и все вещи были пропущены без таможни.

Ну, вот дорогой Сергей Львович, попробуйте теперь сказать, что я к Вам не мил. Я же никому ни строчки не написал. Только Вам.

Да, вот еще. Получил в Париже письмецо от Бор. Мороза. Что он добивался меня, но кроме секретарей ничего не добился... А Мамульяна я видел и даже завтракал у него. Хотя я занимал очень хороший апартамент в очень хорошей гостинице (три комнаты, две ванны. Кроме того отличная комната Миши), но у себя не успел принять Мамульяна. Он мне очень понравился.

Передал мне привет Гест и от Скэнка, который тоже был в эти дни в Париже. Книга моя в Париже, среди русских, имеет успех. Издана в Лондоне.

Наши старые актеры Павлов, Хмара и другие постоянно бывали. Павлов кричал мне около автомобиля: «В статисты к Вам пойду»! «Рвется назад по-настоящему. Все! Будьте здоровы. Пошли Вам судьба удачи!

Морж, 12 сентября. Отсюда уезжаем 16-го в Берлин. Из Берлина 26-го (или 27-го) в Москву.

Обнимаю Вас. Екат. Ник. шлет Вам нежный привет.

Ваш Вл. Немирович Данченко.

Не были в Париже Бокшанская (?), Коренева, Подгорный, Халютина. Почему-то их задержали в Москве. Впрочем, не подумайте, что пишу Эзоповским языком. Они благополучны, но в немилости.

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

1 октябра 1937. С невероятной грустью читал я последнее письмо Владимира Ивановича. Мне, хорошо его знающего, из каждой строки письма бросается в глаза, та ужасающая действительность, в которой принужден жить и работать этот незаурядный человек. Прежде всего, сам стиль письма ясно говорит о том, что Владимир Иванович был уверен в том, что оно, перед тем как попадет ко мне, будет прочтено соответствующим «всевидящим оком».

До какой степени Художественный театр был изолировал от общения с внешним миром, видно уже из того что Владимир Иванович не мог принять даже Геста и Леонидова. То что у него не нашлось получаса времени для этого, совершенно не правдоподобно, и так же как Гест и Леонидов не поверили этому, не верю и я. Видимо, впоследствии, Владимиру Ивановичу все же удалось доказать своим охранителям, что Гест и Леонидов нужные для Театра люди, и получить разрешение встречаться с ними.

Теперь мне совершенно ясно, почему Владимир Иванович не хотел моего приезда в Париж, видимо и меня ожидала бы судьба Геста.

Случай с Тэффи также весьма характерен. Владимир Иванович, при его утонченном воспитании, безусловно ответил бы на поклон дамы, даже не узнав ее. Может быть фразу его письма «Когда я вошел, чувствую, что меня глазами искали», следует понимать в отношении тех зорких глаз, которые держали под наблюдением каждое движение Владимира Ивановича.

И, наконец, сами спектакли. К сожалению они не удовлетворили не только «закостневших в рутине», как пишет Владимир Иванович, но именно людей театральных, среди которых можно упомянуть Добужинского. Общее мнение этих театралов сводится к тому, что если спектакли и нельзя назвать плохими, то во всяком случае это не тот Художественный театр, который мы любили и почитали. Ушедшая из него свобода творчества, не

подчиненная никаким партийным задачам и политическим давлениям, отразилась в первую очередь на художественной стороне.

Я ни минуты не сомневаюсь, что все это отлично понимает Владимир Иванович, понимает лучше чем кто-либо другой и тяжело это переживает. Это скольжение Художественного театра под уклон Владимир Иванович предвидел уже давно, но приостановить это ему не удалось, несмотря на все старания. Его усталость, о которой он пишет, именно не «мускульная», а та внутренняя боль, которая всегда бывала для него острее боли внешней.

2 марта 1938. Получил ужасное известие из Москвы: скоропостижно скончалась Екатерина Николаевна — жена Владимира Ивановича. Подробности мне неизвестны, так как все мои московские друзья почти прекратили переписку со мной из страха «связи с заграницей». Я просто не могу себе представить, как перенесет Владимир Иванович свое ужасное горе.

С Екатериной Николаевной я был связан самой тесной дружбой. Вся жизнь этой замечательной женщины «Маскотты Художественного театра» или как в шутку называл ее Станиславский «заведующей душевной частью», была посвящена деятельности ее мужа и его интересам.

Знаю, что Станиславский послал Владимиру Ивановичу очень теплое, сердечное письмо, на которое Владимир Иванович ответил таким же душевным. В нем замечательные строки: «. . . А нашей с Вами связи пошел 41-й год. И историк, этакий театральный Нестор, не лишенный юмора скажет: Вот поди ж ты! Уж как эти люди, и сами они и окружающие их, рвали эту связь, сколько старались над этим, а история все же считает ее неразрывною».

О. С. БОКШАНСКАЯ — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Москва, 31 марта 1938. Милый Сергей Львович!

На днях выслала Вам три бандероли: журналы, газеты и книгу Слонимского «Мастера балета». Что касается книг Вересаева и о Собинове, то они распроданы целиком и достать их невозможно. У нас интерес к книгам так велик, что книги не задерживаются в магазинах, их буквально расхватывают, несмотря на то, что тиражи не маленькие и книг издается множество.

Вы спрашиваете, кто у нас Фамусова играет? Репетируют двое: Тарханов и Станицын, а Василий Иванович [1]) не хочет, хотя в начале репетиций он был Фамусов.

Я знаю, что у Вас сейчас, конечно, вопрос на губах: как Владимир Иванович? Что сказать? Держится он молодцом, старается наивнимательно заниматься делами театра (пока только у себя на дому), но ему тяжело, очень тяжело, он поражен так глубоко, как мы и представить себе не можем, его чувства всегда неизмеримо глубоки, сложны и остры.

Всего хорошего. Ваша О. Бокшанская.

---

[1]) В. И. Качалов

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Берлин, 14 июля 1938. Милый Сергей Львович!

Перед самым выездом из Москвы получил Ваше письмо от 16 июня.

Не писал Вам потому, что был болен. Было так: Прямо с кладбища я уехал в санаторий «Барвиха», великолепное место для отдыхающих или выздоравливающих, учреждение совершенно замечательное. Там пробыл дней 18, один со своим огромным горем. Это километров за 40 от Москвы. А как только вернулся, заболел сначала ангиной, потом одновременно бронхит, плеврит, воспаление легких и воспаление почек. Это в 79 лет!

Но за меня хорошо принялись. Меня свезли в «Кремлевскую больницу», тоже учреждение не имеющее себе равного... Там лучшие врачи Союза. В постели 35 дней, на ногах с неделю и опять в «Барвиху», уже в качестве выздоравливающего, под непрерывным контролем врачей. Тут еще полтора месяца, пока разрешили переехать в Москву. Режим всюду был очень строгий. Визиты близких допускались только два раза в шестидневку на полтора — два часа. А все остальное время снова одиночество.

И в Москве я еще не смел считать себе выздоровевшим. Да и сейчас на молочно-растительной диете.

В конце концов меня прекрасно вычистили, вылощили и в курортном лечении я уже не нуждаюсь. Но отдых еще требуется. Мне предложили Кисловодск.

30 июля 1938. Evian les bains. Извините меня, дорогой Сергей Львович, за то, что я, чтоб не повторять, заканчиваю письмо начатое две недели назад в Берлине.

Итак меня устраивали в Кисловодск, я долго колебался... «Заграница» потеряла для меня интерес. В Германию ехать противно и противно оставлять немцам валюту. Карлсбад кишит политическими интригами, да и не нужен мне. К тому же у меня недоброе чувство к тамошнему врачу из-за Катерины Николаевны... Все же я в конце концов предпочел «заграницу», но Францию. В Берлине пробыл три дня, потом был четыре в Париже и приехел в Evian. Так как Правительство снабдило меня крупной суммой, да и поездка моя накоротке, я имею возможность с Мишей жить очень комфортабельно, т. е. хорошо отдыхать. Здоровье мое и силы восстанавливаются, но не жду, чтоб стали опять такими, как были до нашей катастрофы. В сущности жизнь моя для меня кончилась. Остается поумнее, полезнее для страны использовать последние силы. Такого потрясения, какое я испытал, у меня никогда не было. Вот прошло 5 месяцев, а едва ли бывает в дне четверть часа, чтоб я не думал о Катерине Николаевне. Она проболела (воспаление легких) две недели. Смерть для всех явилась неожиданной, ее считали бессмертной. Смерть и похороны были поразительны по красоте. Гроб ночь (после спектакля) и утро стоял в фойе Художественного театра в цветах и венках от всех театров. Пели певцы, играли оркестры (6-ю

симфонию Чайковского, Реквием Моцарта). Кремация. Новодевичий. Сейчас лучший наш скульптор работает над памятником.

Я должен рано вернуться, т. к. из-за катастрофы прервал работу в Художественном театре, а надо к сроку — 28 октября 40-летие Театра. Я готовлю «Горе от ума» (Фамусов-Качалов, Чацкий-Ливанов, Софья-Степанова, Лиза-Андровская и юбиляры: Москвин-Загорецкий, Книппер-Хлестова и т. д. (Вы мне напишете уже в Москву. Сильно думаю о прекращении режиссерской работы, т.к. она больше всего отнимает сил. И отдаться книжной, т. е. продолжению «Из прошлого», книге о моем искусстве и книге о Музыкальном театре. В Театре же только советы и руководство из кабинета домашнего . . .

Последняя моя работа «Прекрасная Елена» имела и имеет успех огромный, и по настроению в зале и по критике и по сборам — непрерывные аншлаги.

Вообразите что получилось: Ромео и Джульета Оффенбаха. Так молодо и свежо. Два года работал с Заком над текстом. Получился очень вкусный. И умно и остро и весело. Комическая опера. Мне удалось вскрыть Оффенбаха не канканного, а легко-лирического. Превосходно играется и поется. Вот передо мной кипа телеграмм. В Москве артистический мир попросил дать им «общественный просмотр» (я не давал совсем). «Спектакль прошел при непрерывном энтузиазме переполненного зала». Но знаете что? Вот не верьте . . . Премьера в Москве была 13-го числа. И Катерина Николаевна заболела и не была на ней!

Миша здоров, шлет Вам сердечный привет.

После «Горе от ума» займусь «Гамлетом» и оперой молодого очень талантливого композитора Хренникова (ему 25 лет). Я много помогал в работе над либретто. Пишу письмо на балконе в отеле. Подо мной парк и дальше Женевское озеро. На том берегу Лозанна и Морж, где мы с Катериной Николаевной проводили обыкновенно август.

Будьте здоровы. Пишите и не сетуйте, что я пишу . . . раз в год!

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

В Москве меняем квартиру. Пишите на Художественный театр.

В Париже видел Геста. За что он не взлюбил Рейнгардта? Сам все такой же . . .

ИЗ ДНЕВНИКА С. Л. БЕРТЕНСОНА

14 августа 1938. Несчастный год для Художественного театра! Несчастный год для искусства вообще: 7-го августа скончался Константин Сергеевич Станиславский.

Несмотря на его продолжительную болезнь, никто как-то не осознавал того, что роковой конец должен скоро наступить, и потому смерть его представилась всем как бы неожиданной.

Какая громадная и может быть сейчас еще не вполне ясно понимаемая потеря для искусства!

С Константином Сергеевичем у меня были очень хорошие отношения. Именно он и пригласил меня на работу в Художественный театр.

Холодок в его отношении ко мне я почувствовал во время заграничных гастролей Художественного тоатра. Мне показалось, что вдруг Константин Сергеевич начал относиться ко мне менее дружелюбно нежели обычно. Тогда, перегруженный множеством текущих дел, я не достаточно вникал в причины этого, тем более, что внешне в своем отношении ко мне он не изменился. Однако, по возвращении в Москву, я спросил Лилину, не знает ли она причины охлаждения ко мне Константина Сергеевича. С обычным для нее простодушием Мария Петровна ответила: «Да разве Костя не говорил Вам? Он обижен на Вас за то, что во время гастролей вы в программах помещали его имя после имени Владимира Ивановича.»

Меня это крайне удивило, ведь совершенно ясно, что при составлении программы я помещал имена руководителей Театра в алфавитном порядке. К этому еще обязывало отсутсвие в поездке Владимира Ивановича, который, кстати сказать, при прощании просил меня за границей «не забывать его интересов».

Впрочем, это маленькое недоразумение вскоре было забыто и отношения наши полностью восстановились.

Вторичное охлаждение Константина Сергеевича ко мне проявилось при моем отъезде за границу с Владимиром Ивановичем и его Музыкальной студией. Станиславский всегда очень ревниво относившийся ко всему, что касалось Художественного театра не приминул намекнуть мне, что мой отъезд он считает изменой Театру. Я же со своей стороны считал (так же как и Владимир Иванович), что в поездке я гораздо более нужен нежели в Москве. Тем не менее простились мы с ним очень тепло, равно как и встретились по возвращении нашем с Владимиром Ивановичем в Москву. Между прочим, у меня сохранился текст речи К. С. Станиславского, сказанной им на завтраке в Клубе Американской Прессы в Вашингтоне в 1923 году. Речь эта, которую я переводил на английский язык, имела у американских журналистов громадный успех:

> «Лучший язык для взаимного понимания народов — это язык искусства. К сожалению им недостаточно широко пользуются. В этой области особенно ответственная миссия лежит на драматическом искусстве, ибо в то время как музыка выражает одни лишь чувства, драма наряду с чувствами несет также и самую мысль, выраженную словами. А целый репертуар, составленный из классических пьес страны, несет и самую душу народа. Но мы не должны забывать, что драматическое искусство творится не только на сцене, но и в зрительном зале. Если мы на сцене даем хороший спектакль, а в зрительном зале в это время не будет настоящей спектакльной атмосферы, то как бы ни были хороши актеры, — основная цель представления не будет достигнута.

Писатели и журналисты выражают настроение зрительного зала и в своих статьях они говорят с целой страной. Хороший журналист является лучшим другом и сотрудником театра.

Я очень счастлив отметить, какую большую роль сыграла в нашем успехе американская пресса, и особенно счастлив заявить об этом именно здесь в Вашингтоне, среди тех людей, которые представляют всю американскую прессу.

Говоря об этом вам в столице страны, я могу быть уверен, что в вашем лице обращаюсь ко всей читающей Америке. Я выражаю вам здесь глубокую благодарность за ваше понимание нашего языка искусства не только от себя лично, но и от всей нашей труппы и в особенности от моего друга и товариша по созданию Художественного театра Владимира Немировича-Данченко, который в настоящее время находится в Москве и который начал свою карьеру с деятельности журналиста. Благодарность эту разделяет также Моррис Гест, который привез нас сюда и который первый поверил в то, что язык нашего искусства — международный.

До какой степени может дойти международность языка нашего искусства убедил меня один маленький факт, свидетелем которого я был у кассы театра Шанз Элизэ в Париже минувшей осенью: один американец подошел к кассе и спросил: «Что это тот самый Театр, который был в Америке?» — «Да» — ответила кассирша. — «Так значит, это н а ш Театр» — сказал американец с чувством полного удовлетворения.»

Владимир Иванович узнал о смерти Станиславского в дороге, возвращаясь после заграничного отпуска в Москву. Не трудно представить себе какое впечатление произвела на него, еще не оправившегося от первого потрясения, эта вторая смерть. Встретившим его журналистам он сказал:

«На коротком протяжении времени — меньше полугода — я потерял двух самых близких мне людей: жену, которая пятьдесят лет была для меня самым близким человеком, и Станиславского. Несмотря на рознь в художественных воззрениях, всем достаточно известную и хорошо известную самому Станиславскому, причем он даже находил, что эта рознь, эти два течения — богатство театра — это был для меня самый близкий человек во всем мире после жены. С ним меня связывали самые лучшие дела моей жизни. Эта связь охватывала не только деловую сторону, а деловая сторона была настолько богата внутренним содержением, что она заливала и самую личную жизнь.»

С вокзала Владимир Иванович направился прямо на похороны и встретил процессию у ворот Ново-Девичьего монастыря.

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО — С. Л. БЕРТЕНСОНУ

Барвиха, 24 августа 1939. Дорогой Сергей Львович!

Я ношу с собой сложенный в длину лист, на котором записано, что мне надо делать. Этот лист меняется, в новый вносятся невыполненные задания и т. д. Вот так из одного листа в другой переносилось «Бертенсону». Чуть ли не год. И один такой лист съездил со мной в Париж, в Evian, опять в Париж, вернулся в Москву и даже заехал сюда, в санаторий на Барвиху, куда я поехал доотдохнуть. Из Парижа я поспешил, т. к. призывали экстренные вопросы по театрам, особенно по Художественному. Итак после тяжеловатого и несчастливого юбилейного (40 лет МХАТ) года с полуудачным возобновлением «Горе от ума», с непрекращающейся тоской по ушедшей Екатерине Николаевне, с равнодушием к жизни вообще, рассеявшемся только в концу мая, когда я показывал черновую генеральную оперы молодого, очень талантливого композитора Хренникова «В бурю» — я с Мишей, как и в прошлом году, поехали в Париж, там пробыли две недели для покупок и заказов, оттуда опять на Женевское озеро, там три недели и назад. Ездим мы, как тоже в прошлом году, не скупо. У каждого по купэ 1-го класса и в Париже в хорошом отеле, а здесь в дорогом пансионе-отеле наверху в парке вполне здоровые, Миша бодрый, я вялый. Лечиться мне не надо было, предписывался только отдых.

Сейчас я «в хорошей форме». 27-го будет «встреча», — первый день съезда в Художественном театре. Ближайшей моей работой будет «Три сестры» (Андрей-Станицын, Ольга-Еланская, Маша-Тарасова, Ирина-Степанова, Наташа-Георгиевская) новость!, (Чебутыкин-Москвин, Вершинин-Качалов, Тузенбах-Хмелев, Соленый-Ливанов, — весь цвет МХАТ'а).

Париж настроен истерически и крутит им наиковарнейший Лондон.

Леонидов вертится как белка в колесе и рвется в Москву. В общем мне было скучно. Развлекали меня только наш полпред с женой. А в половине одиннадцатого я всегда был уже в постели. Геста не было. По словам Леонидова он неудачно работает в Нью Йорке. Скэнка тоже не было.

Кстати, в конце апреля Скэнк прислал мне телеграмму, что ставит «Синюю птицу» и просит прислать ему от нашей постановки все фотографии, полную оркестровую партитуру музыки (Саца) и прочее и прочее. Я телеграфировал, что т. к. театр государственный, я должен просить разрешения. Потом я это разрешение получил и известил, что весь расход будет, с уплатой наследникам Саца, около 4-х тысяч долларов. На это я уже не получил никакого ответа!

В телеграмме Скэнка, услуга о которой он меня просил, квалифицировалась как «дружеская». Он может быть рассчитывал получить все бесплатно? Этого я не мог сделать, как бы не хотел.

Замечательно, что Сейлер ничего мне так и не пишет. Так как в деньгах я не нуждаюсь (даже в долларах!), то меня интересует только вопрос — что же сталось с книгой? Ведь она выпу-

щена и в Лондоне, а я оттуда не получил ни строчки, ни даже законных авторских экземпляров. Теперь прошу нашего полпреда добраться до Сейлера. Значит все такие повадки остаются попрежнему!

Судя по Вашему последному письму от 28-го июля (к моим именинам), Вы работаете и жизнь у Вас матерьяльно идет не плохо. Очень рад и от души желаю Вам какого-нибудь еще ударного шанса. Все равно он придет! Еще порадуетесь!

Будьте здоровы. Обнимаю Вас.

Ваш Вл. Немирович-Данченко.

Есть книжка «Одноэтажная Америка» Ильфа и Петрова (один умер). Там есть, повидимому, про Тамирова.

*

Разразилась ужаснейшая мировая война. В условиях ее о настоящем, чистом искусстве не могло быть и речи ни по ту, ни по эту сторону железного занавеса. В эти страшные дни 1943 года радио коротко сообщило:

25-го апреля скончался народный артист республики, основатель Художественного театра Владимир Иванович Немирович-Данченко.

Больно почувствовалась эта смерть всеми теми, кому близко и дорого искусство Театра. Не хотелось верить, что ушел навсегда великий художник в течение полувека волновавший сердца людей, создававший на сцене картины полные красоты и жизненной правды . . .

Для Художественного театра это была незаменимая утрата. Владимир Иванович был той сдерживающей силой, которая сопротивлялась полному подчинению Театра партией, внедрению в него плакатной агитации. Он старался сохранить традиции и заветы старого Художественного театра. Теперь больше нет этой силы. Со смертью Станиславского и Немировича-Данченко из Театра ушла его душа. Тот Художественный театр, всегда молодой, здоровый, правдивый, театр чистого искусства, любимый нежной любовью, кончил свое существование. Остался театр с тем же названием, но с совершенно иным содержанием. И этот новый МХАТ горько розочаровал зрителей во время европейских гастролей в 1958 году . . .

Один за другим ушли из жизни создатели блестящей эпохи расцвета Русского театра, но они не умерли для будущего. Глубокий и неизгладимый след оставили они в искусстве и большое наследство завещали потомству. Вспоминая об их мастерстве, о жизни целиком отданной театру, можно сказать словами поэта:

Не говори с тоской: их нет,
Но с благодарностию — были! . .

ПЕРЕЧЕНЬ ИМЕН

Д

Е

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С